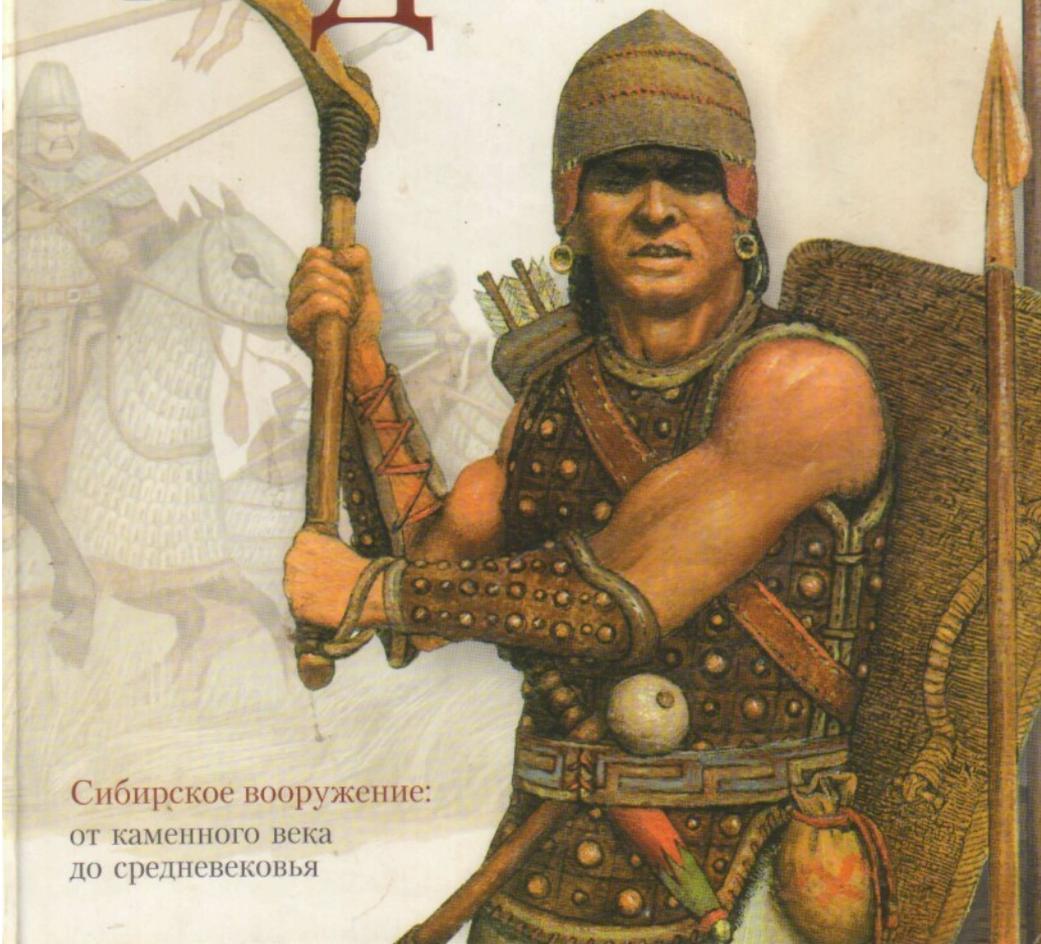

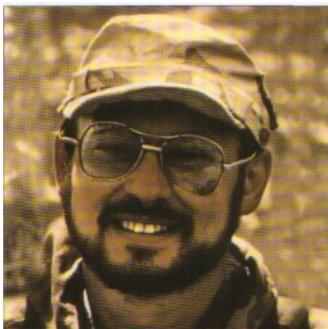
А. И. Соловьев

Оружие и Доспехи

Сибирское вооружение:
от каменного века
до средневековья

Моим родителям

Александр Соловьев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Автор и соавтор свыше пятидесяти научных статей и восьми монографий, в область научных интересов входит изучение традиционных представлений коренного населения Западной Сибири: верований, искусства, культовой и погребальной практики, этно- и культурогенеза. Александр Соловьев около 20 лет занимался археологическими исследованиями древних памятников на Алтае, в степях Минусинской котловины, в западно-сибирской тайге и лесостепи. Работы Л. Соловьева отличает стремление к комплексному подходу в решении научных проблем, когда археологические материалы сочетаются с этнографическими наблюдениями, дополняются фольклорными источниками и данными естественных наук.

Научный редактор академик В. И. Молодин

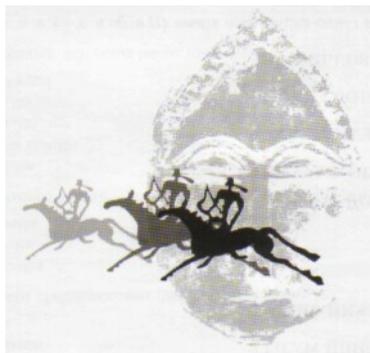
Федеральная программа книгоиздания России

А. И. Соловьев

Оружие и ДОСПЕХИ

Сибирское вооружение:
от каменного века
до средневековья

Художник М. А. Лобырев

Оглавление

	СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ	8
Глава 1	ОТ КАМЕННОГО ВЕКА К ЭПОХЕ БРОНЗЫ	12
	Неолит и переходное к бронзовому веку время (<i>VII - III тыс. до н. э.</i>)	16
Глава 2	В ЭПОХУ ЗВОНКОГО МЕТАЛЛА	22
	Сейминско-турбинские копейщики (<i>эпоха развитой бронзы</i>)	27
	Древние андроновцы (<i>эпоха развитой бронзы</i>)	42
	Ирменская и карасукская культуры (<i>эпоха поздней бронзы</i>)	44
	Культура оленных камней (<i>переходное время к эпохе раннего железа</i>)	48
Глава 3	ПАЗЫРЫКЦЫ, ТАГАРЦЫ И ДРУГИЕ	52
	Пазырыкская культура (<i>эпоха раннего железного века</i>)	52
	Большереченская культура (<i>эпоха раннего железного века</i>)	66
	Тагарская культура (<i>эпоха раннего железного века</i>)	72
	Саргатская культура (<i>эпоха раннего железного века</i>)	85
	Кулайская культура (<i>эпоха раннего железного века</i>)	89
Глава 4	ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ	96
	Таштыкская культура (<i>II в. до н. э. — V в. н. э.</i>)	106
	Кулайская культура в гунно-сарматское время (<i>II в. до н. э. — V в. н. э.</i>)	112
Глава 5	ПОТОМКИ СЕРОЙ ВОЛЧИЦЫ	124
Глава 6	ВСАДНИКИ С БЕРЕГОВ ЕНИСЕЯ	144
Глава 7	И СЫПАЛИСЬ СРЕЛЫ ДОЖДЕМ...	156
Глава 8	«ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОЛКИ» С ТАЕЖНЫХ ПРОТОК	176
	Князя и дружина (<i>VIII-XII вв.</i>)	106
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	208
	ПРИМЕЧАНИЯ	210
	БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	218
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	222
	МУЗЕЕВ	222

КАМЕННЫЙ ВЕК

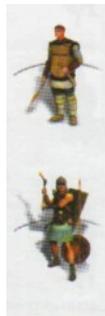
Палеолит		2,6 млн - 14 тыс. лет назад
Мезолит	XII-VII	тыс до н. э.
Неолит и переходное к бронзовому веку время	VII-II	тыс до н. э.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Эпоха ранней бронзы Афанасьевская культура	III-II	тыс до н. э.
Эпоха развитой бронзы Сейминско-турбинская культура Окуневская культура Кротовская культура Андроновская культура	XVI-XI	вв. до н. э.
Эпоха поздней бронзы и переходное к раннему железному веку время Карасукская культура Ирменская культура Культура оленных камней	X-VIII	вв. до н. э.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Ранний железный век (эпоха ранних кочевников) Пазырыкская культура Тагарская культура Саргатская культура Большереченская культура Кулайская культура	VII-II	вв. до н. э.
Гунно-сарматское время Саргатская культура Кулайская культура Таштыкская культура		II в. до н. э. - V в. н. э.
Эпоха раннего средневековья (древнетюркское время) Древние тюрки Енисейские кыргызы Релкинская культура Усть-ишимская культура	VI-XII	вв.
Эпоха развитого средневековья (монгольское время)	XIII-XV	вв.
Эпоха позднего средневековья (новое время)	XVI-XVII	вв.

Каменный век

Сейминско-турбинская культура

Кротовская культура

Андроновская культура

Карасукская культура

Пазырыкская культура

Тагарская культура

Саргатская культура

Большереченская культура

Кулайская культура

Таштыкская культура

Древние турки

Кыргызы

Релкинская культура

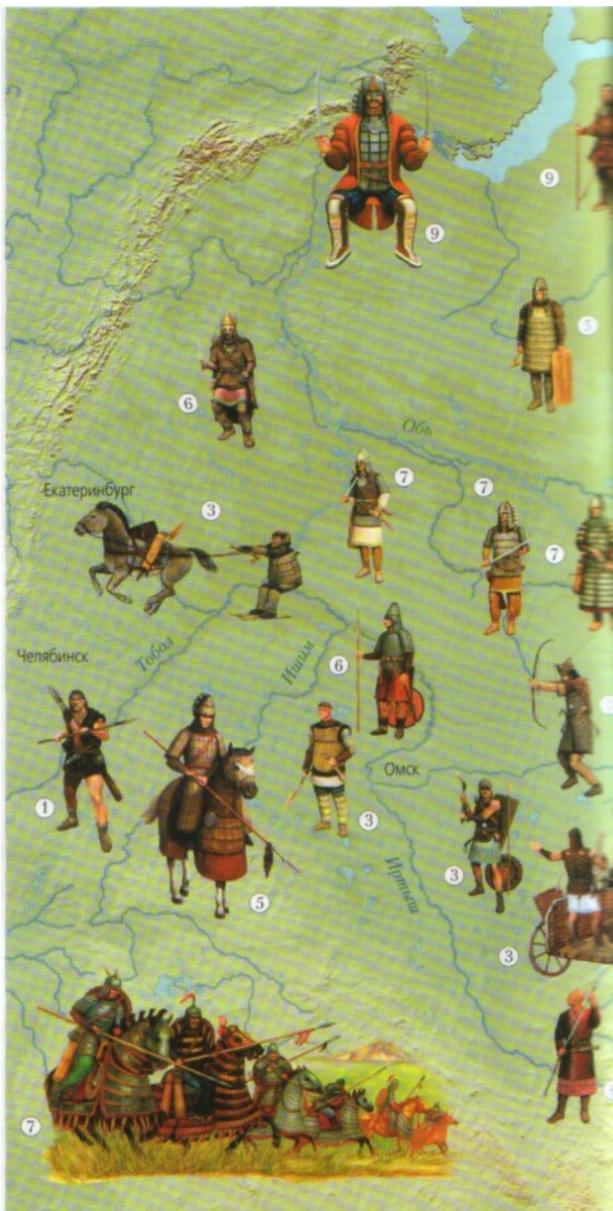
Усть-Ишимская культура

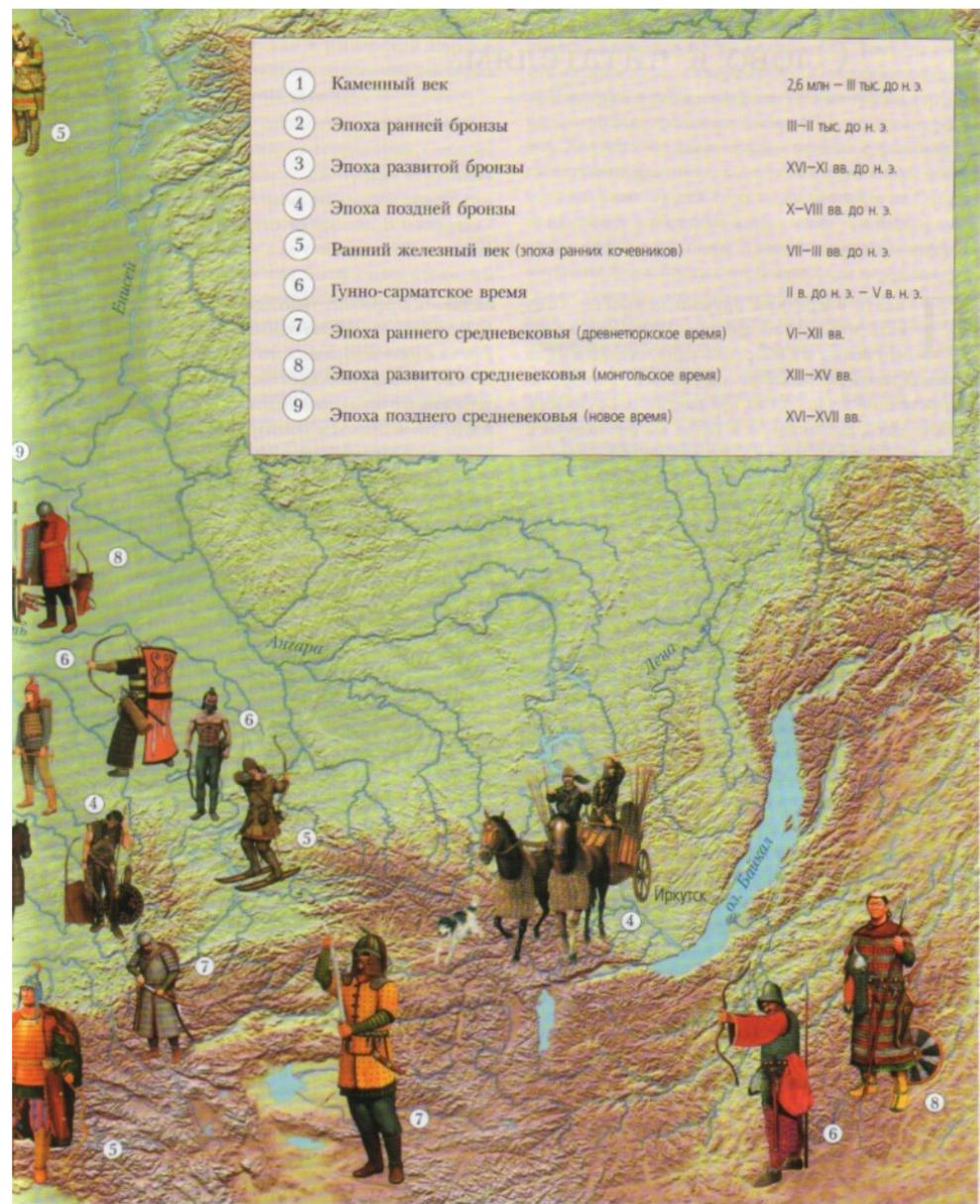
Монголы

Остяцкие княжества

1	Каменный век	2,6 млн – III тыс. до н. э.
2	Эпоха ранней бронзы	III–II тыс. до н. э.
3	Эпоха развитой бронзы	XVI–XI вв. до н. э.
4	Эпоха поздней бронзы	X–VIII вв. до н. э.
5	Ранний железный век (эпоха ранних кочевников)	VII–III вв. до н. э.
6	Гунно-сарматское время	II в. до н. э. – V в. н. э.
7	Эпоха раннего средневековья (древнетюркское время)	VI–XII вв.
8	Эпоха развитого средневековья (монгольское время)	XIII–XV вв.
9	Эпоха позднего средневековья (новое время)	XVI–XVII вв.

Слово к читателям

Писать о древнем оружии непросто. Тому есть множество причин. Несмотря на то, что войны в Сибирской тайге, степях и горах бушевали почти непрерывно, сохранилось лишь весьма ограниченное количество предметов вооружения. Оружие здесь, как, впрочем, и везде, высоко ценилось. Оно было желанным трофеем, лучшие его образцы передавались из поколения в поколение, и, хотя оно должно было сопровождать своих хозяев в жизни и в смерти, настоящие средства ведения боя, за исключением лука и стрел, нечасто помещались под курганы воителей эпохи бронзы и железа. Довольно рано вместо реальных боевых образов в погребения стали опускать различной рода модели, отлитые из бронзы или даже выструганные из дерева. Многие предметы вооружения, по представлениям древних, были "живыми" и обладали способностью самостоятельно находить себе хозяина, а, следовательно, не могли быть захоронены. Свою роль сыграл также пространенный вплоть до эпохи позднего средневековья принцип «*pars pro toto*» (часть вместо целого), который позволял обходиться в подобных случаях лишь некоторыми элементами или частями оружия — например, отдельными панцирными пластинами вместо целых лат. Немало затруднений исследователям доставила и «курганная лихорадка» — тотальное разграбление погребальных памятников в поисках могильного золота, — с особой силой вспыхнувшая в XVIII в. В это время бесследно исчезла, надо полагать, не одна тысяча единиц разнообразного оружия.

Почти каждый древний предмет вооружения являлся штучным изделием, кроме, пожалуй, наконечников стрел, которые быстро приобретали стандартные, характерные для каждой исторической эпохи формы. Существует немалый соблазн ограничиться работой с несколькими наиболее яркими образцами, позволяющими судить об эпохе. Можно, конечно, пойти проверенным путем —

составить подробные типологические схемы, определить хронологию, эволюцию основных видов оружия и найти для каждого исторического периода ведущие формы. Можно проанализировать погребальный обряд и попытаться на его основании выделить дружинную прослойку и т. д. Такой подход к анализу археологического материала нашел отражение в целой серии тематических монографий и сборников статей. Они, безусловно, представляют интерес для специалистов, но вряд ли будут интересны широкому кругу читателей. Тем более что за строгой логикой научного исследования остаются без ответа сотни вопросов, которых специалисты не в состоянии пока разрешить, не вступив на скользкий путь домыслов.

Но можно также, опираясь на факты, основываясь на археологическом материале, разбросанном по Северо-, Центрально- и Среднеазиатской ойкумене, попытаться собрать некое целое, дорисовывая недостающие части так, чтобы из фрагментов исторической действительности получилась картина, хронологически непротиворечивая и при этом отражающая колорит времени. Она, следует добавить, будет неполной без реконструкции облика древнего воина, то есть того, кто непосредственно влиял на создание истории.

Нашего современника не меньше, чем само оружие и особенности его применения, интересуют те, кто его носил. Для стран с развитой изобразительной и письменной традицией вопрос воссоздания образа древнего воина решается довольно просто. Тут достаточно взглянуть на барельефы Месопотамии или фрески Египта, росписи на сосудах античной Греции или фигурки на триумфальных арках Древнего Рима. Но как быть с регионом, где таких материалов нет? Конечно, среди вышеупомянутых изображений есть и фигурки варваров, но варваров, если так можно выразиться, местных, обитавших слишком далеко от просторов Сибири. Не может помочь

исследователю и конструкция доспехов, которая у сибирских солдат не образует, как в рыцарской Европе, цельной металлической оболочки, определяющей облик витязя. Иные традиции, иные культуры.

Разумеется, нельзя отрицать существования изобразительной традиции на территории Сибири. Но, к сожалению, она дошла до нас только на «вечных материалах» — в виде наскальных рисунков и редких стилизованных фигурок, отлитых из бронзы. В таких изображениях многие важные для современного ученого детали отсутствуют, ведь они были столь очевидны для той эпохи, что подразумевались сами собой. Часто на петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века мы только по оружию в руках можем распознать воинов среди многих силуэтных изображений обнаженных фигур с выделенными признаками пола. Сложно представить, что бойцы были снабжены лишь копьями и щитами и воевали голыми меж отрогов Саяно-Алтая и в глубинах западно-сибирской тайги. Жарким летом такая картина еще имела право на существование, по как быть с ранней весной или поздней осенью? Тем не менее, согласно древним силуэтным рисункам, лучники на лыжах тоже часто лишены одежды. И если здесь можно допустить наличие плотно облегающего костюма, то на прекрасно выполненной из бронзы фигурке мужчины с навершия ножа, обнаруженного близ Омска у с. Ростовка, кроме круглой шапочки и лыж никакие признаки иного одевания не просматриваются. Головной убор (либо замысловатая прическа) и оружие — основные элементы, на которых акцентировали внимание художники той эпохи. В древних изображениях не было ничего случайного. Головной убор и оружие были символичны, более важны для понимания образа, чем одежда. Именно по ним узнавался персонаж. По для нас эти рисунки остаются во многом загадочными и, порой, фантастическими. Что, например, представляют собой так называемые "грибообразные" головные уборы, столь часто встречаемые среди петроглифов эпохи бронзы Горного Алтая, Тывы, Монголии? Быть может, это плетеные шляпы с огромными обвислыми полями или сжатые с боков, уплощенные головные уборы наподобие тех, что украшали головы офицеров европейских армий времени наполеоновских войн? Силуэтная техника рисунка не дает ответа на этот вопрос. И, конечно же, интерпретируя древние изображения, мы невольно допускаем ряд условностей и субъективных трактовок.

Однако, ситуация не столь безнадежна, как это может показаться на первый взгляд. Гигантская страна, которая

лежит за Уральскими горами и зовется ныне Сибирью, никогда не была культурным изолятом. Здесь, на необъятных просторах Северной Азии, скакали по степи, пробирались в тайге, стояли на горных кручах столь же прекрасно экипированные воины, что и в соседних регионах. Ход истории здесь можно сравнить с колебаниями гигантского маятника. Следуя его движению, потоки вооруженных людей то шли на восток — в Сибирь, то двигались в обратном направлении — в Европу. Медленно брели в глубины Азии со стадами и семьями мигранты эпохи бронзы, отступали сюда перед македонскими копытами отряды кочевников раннего железного века. На рубеже эр в Европу катились неисчислимые полчища гуннского союза, а вслед за ними, столетия спустя, — воинственные племена тюркоязычных кочевников эпохи раннего средневековья. И, наконец, в XIII в. этим путем прошли закаленные в боях тумены Чингизидов. В создании военного потенциала каждый народ проявлял недюжинную изобретательность, не только создавая новые виды вооружения, но и заимствуя наиболее совершенные и удачные у соседних племен. Поэтому неудивительно, что на огромных территориях оружие имеет целый ряд поразительно сходных черт. Так, бронзовые наконечники стрел с музейных стенов городов Сибири оказываются «родными братьями» скифских, летевших в воинов Александра Великого или мелькавших над степями урартской крепости Тешейбани.

Рынок оружия сложился очень давно. В процессе мирных и немирных контактов предметы вооружения совершали поистине «всемирную одиссею», попадая в весьма отдаленные от места своего производства регионы. А вместе с оружием распространялись способы его ношения и приемы владения им. Многие виды вооружения становились, таким образом, «интернациональными». Они в равной степени свидетельствуют о военном потенциале народа, который их создал, и народом, который их использовал. Примером этому служит почти повсеместное распространение лука так называемого «скифского», а потом и «хуннского» типа, коротких мечей-акинаков, палашей, сабель, различного вида наборных панцирей. Проследив направления культурных связей, можно с определенной степенью достоверности восполнить недостатки знания о местном оружии за счет данных о нем со смежных земель.

Территория Сибири в исторической перспективе всегда отличалась значительным пестротцевьем археологических культур. Многие из них, будучи в росте, образовывали довольно обширные историко-культурные об-

щности с единым мировоззрением и очень близкими хозяйственными структурами. Такие общности, как правило, занимали одну и ту же природную зону. Последняя, с военной точки зрения, — не что иное, как театр военных действий, ландшафт которого определяет особенности ведения войн и арсенал применяемого оружия. И если в рамках отдельно взятой археологической культуры набор вооружения может быть и не столь уж представительным, то в масштабах большой историко-культурной общности он выглядит вполне репрезентативно.

С ландшафтных позиций территория Сибири имеет выраженную зональность, которая варьирует от тундры, лесотундры, тайги на севере до лесостепи, степи и горных массивов на юге. Население каждого такого обширного природно-географического ареала создавало свой собственный мир, с единой экономикой, идеологией, материальной культурой. Со своими средствами и способами вооруженной борьбы. В соответствии с этими экологическими зонами мы и пытались рассмотреть, если так можно выразиться, «культуру войны». К сожалению, многие из интересующих нас территорий до сих пор остаются слабо изученными в археологическом отношении провинциями. Таковы, например, многие районы Забайкалья, восточно-сибирская тайга и предтаежье, тундра и лесотундра Западной и Восточной Сибири. Находки предметов вооружения на этих территориях, как правило, случайны и пока не позволяют воссоздать более или менее целостной исторической картины. По этой причине мы исключили их из нашего обзора.

Предлагаемая читателю работа во многом строится на реконструкциях. Проще всего их было делать на таежных материалах. Именно здесь на протяжении очень долгого времени как минимум, от раннего железного века до самого средневековья — сохранялись старые формы материальной культуры, бытового уклада и верований. Поэтому можно возместить пробелы в источниках за счет данных этнографии и фольклора. Воссоздавая облик воинов распространенной здесь в эпоху раннего железного века кулайской историко-культурной общности, мы использовали этнографические материалы, касающиеся кроя одежды, обуви, фасона причесок аборигенного населения Нижнего Приобья. Декор одежды и воинской экипировки из органических материалов был восстановлен при помощи орнаментов с глиняной посуды, составленных кулайским населением. Рисунки на щитах южно-сибирских воинов эпохи бронзы были воссозданы аналогичным образом и представляют собой развертки орнаментальных поясов сосудов.

Конечно, невозможно ни доказать, ни опровергнуть что щиты в этот период были именно круглыми. Но, реконструируя облик воинов, мы прежде всего хотели передать дух времени. Поэтому мы использовали подлинные орнаменты с характерной для дани периода и народа семантикой. Учитывалось также и то, что сакральное значение круга для памятников эпох развитой и поздней бронзы у специалистов практически не вызывает сомнения. Разумеется, щиты могли быть иной — например, прямоугольной или пятиугольной — формы. Такие изображения мы также можем найти на некоторых оленных камнях и тоже представляем их на реконструкциях. Что касается цветовой гаммы, то для ее воссоздания, за отсутствием дополнительных данных, мы использовали только те оттенки, которые человек мог получить из природных материалов.

Облик горно-алтайского вождя эпохи раннего железного века был воспроизведен с помощью данных «царских» курганов пазырькской культуры. Хотя штаны и головные уборы, судя по находкам, сделанным в мерзлотных курганах плато Укок, у местного населения были красного цвета, на нашей реконструкции они синие. Этому есть свои причины. Синий цвет ассоциировался у назырькцев с небом и считался принадлежностью высшей знати. Погребенные на плато Укок пазырькцы, по всей видимости, являлись представителями знати среднего звена. В их одежде синий цвет представлен лишь небольшими фрагментами, как знак родства с главными домом. Разумеется, это лишь предположения, но мы можем найти множество аналогичных случаев использования цвета как символа статуса в древнем мире, — например, в не столь уж отдаленном Китае.

Для реконструкции воинской одежды эпохи великой переселения народов мы обратились к покрою одежд, найденных в глубоких штольнях могильника Ноин-Ула в Северной Монголии. Китайские ткани, судя по находкам на Алтае и в Западной Сибири, имели здесь хождение вплоть до позднего Средневековья.

В основе всех предложенных реконструкций лежат подлинные археологические материалы, которые имеют одну и ту же культурную и хронологическую принадлежность. В тех случаях, когда имелись выполненные антропологами портреты людей интересующих нас исторических эпох, мы использовали их для воссоздания облика воинов.

Обращаясь к оружию, мы должны помнить, что боевое и охотничье оружие в Северной, Центральной и Юго-Западной Азии не всегда можно различить. Зверовая

охота здесь всегда была школой войны. На иранских миниатюрах XVI в. можно увидеть, что охотники использовали даже такое сугубо боевое оружие, как сабля, а в Бурятии еще в начале XIX в. выходили на загонную охоту в латах. Можно сказать, что история всею оружия начинается в каменном веке, когда охота на крупных животных составляла основное занятие племени.

Появление этой книги было бы невозможно, если бы не труды коллег-археологов, этнографов, оружейников. Низкий поклон всем известным и безымянным ученым, краеведам и подвижникам — тем, кто столетие назад начал воздвигать здание современной исторической науки.

Особые слова признательности хотелось бы сказать своему бессменному научному руководителю академику В. И. Молодину. Его добрые советы и рекомендации помогали мне в работе еще со студенческих лет. Собранный им археологический материал оказал мне неоценимую помощь.

В работе над образами воинов мы пользовались консультациями и дружеской поддержкой антропологов ИАЭТ СО РАН к. б. н. Т. А. Чикишевой и Д. В. Позднякова. Искренняя им благодарность. Хотелось бы также выразить Д. В. Позднякову особую признательность за критические замечания и тонкие наблюдения, высказанные при обсуждении спорных вопросов, касающихся устройства защитного вооружения.

Слова глубокой благодарности хочу сказать директору МА ИАЭТ СО РАН к. и. н. А. П. Бородинскому за целый ряд очень полезных советов и консультаций относительно модельных реконструкций, а также за разрешение использовать в книге его авторские наработки.

Постоянную поддержку и дружеское внимание в процессе работы над позднесредневековыми материалами этой книги я ощущал со стороны этнографов ИАЭТ СО РАН д. и. п. И. П. Гемуева, д. и. н. А. В. Бауло и профессора ТПУ д. и. н. А. М. Сагалаева — талантливого ученого и прекрасного мастера научного слона, к сожалению, слишком рано ушедшего из жизни. Долгие беседы с этими выдающимися специалистами помогли мне

почувствовать пульс и обаяние культуры коренных народов Сибири.

Глубокую признательность мне хотелось бы высказать д. и. н. В. И. Матюшенко, д. и. н. Н. В. Полосьмак, д. и. н. Т. П. Троицкой, д. и. п. Л. А. Чиндиной, д. и. н. Н. В. Дроздову и к. и. н. Б. А. Конинову, чьи материалы с их любезного разрешения были использованы к работе.

Работая над книгой, я не раз пользовался подробными консультациями моих друзей и коллег — востоковедов к. и. н. А. В. Варенова и С. В. Комисарова. Большое им спасибо.

Данное издание едва ли могло быть иллюстрировано должным образом без содействия директора Томского краеведческого музея к. и. п. Черняка и хранителя коллекций, прекрасного археолога и специалиста по культовому литью Я. А. Яковлева. Огромную помощь также оказали директор старейшего и богатейшего в Западной Сибири Музея археологии и этнографии Томского университета Ю. И. Ожередов и хранители отдела археологии Н. В. Ходакова и И. В. Сальникова,

Нельзя не сказать о художниках, чей труд во многом определил книги. Искреннюю признательность хотелось бы выразить М. А. Лобыреву, которого можно назвать соавтором этого издания. Его мастерство помогло увидеть воочию древних воинов, а жизненный оптимизм — преодолеть неизбежные в работе трудности. Следует отметить также вклад, внесенный в дело В. П. Мочаловым, который изобразил батальные сцены, целый ряд археологических предметов и реконструкций. Процесс работы над иллюстрациями можно назвать полноценным научным исследованием, поскольку, являясь методом графической реконструкции, он не только помогал разрешить многие неясные вопросы, но и позволял ставить новые.

В книге использованы фотоиллюстрации, предоставленные А. В. Бауло, А. П. Бородовским, А. В. Вареновым, К. Инуком, В. Курносовым, А. М. Павловым, А. М. Сагалаевым. Без них работа многое бы потеряла. Хотелось бы особо поблагодарить их.

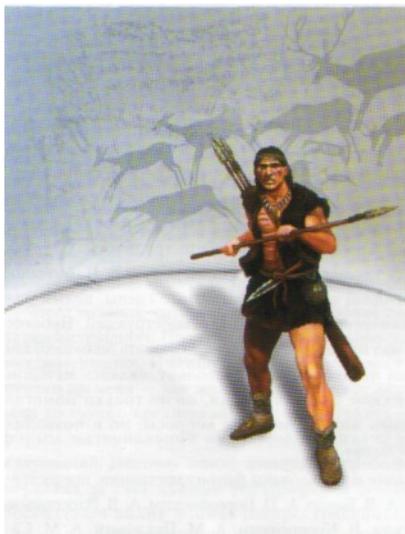
Глава 1

От каменного века к эпохе бронзы

Орудие и оружие. И то, и другое сопровождают человека на всем его историческом пути. Хотя и близки эти слова по звучанию, но далеки по смыслу. Одно — почти всегда созидание, другое — уничтожение. Впрочем, грань между этими понятиями зачастую, особенно на самых ранних ступенях человеческой истории, была зыбкая и неустойчива. В руках первобытного обитателя планеты одно быстро превращалось в другое.

Большие возможности представляли камни с острой режущей кромкой, которая изготовлялась специальными сколами. Удар таким камнем наносил открытую рану. Если же его удавалось надежно закрепить на деревянной рукояти, то поражающий эффект мог быть поистине сокрушительным. Кстати, эффективность каменного орудия, даже просто зажатого в руке, была весьма высока. Например, одностороннее рубило (чоппер) весом в полкилограмма позволяло свалить дерево диаметром ствола в 4–5 сантиметров за 5–7 минут; более совершенные и, соответственно, более поздние двусторонние рубила (чоппинги) срубали за это же время уже девятисантиметровый ствол (каменное же лезвие, закрепленное на рукояти, то есть топор, выполняло эту работу за минуту). Каменным рубилом можно было достаточно быстро изготовить и другие, еще более грозные, виды оружия древности, фактически весь комплекс вооружения этого времени — дальнего (дротики, рогатины) и ближнего (топоры, палицы) боя. Палица делалась из комля березы за 35 минут. За это время перерубали корни, отсекали верхнюю часть ствола, обтесывали комель и обрабатывали рукоять. Деревянное копье затачивалось за 15 минут.

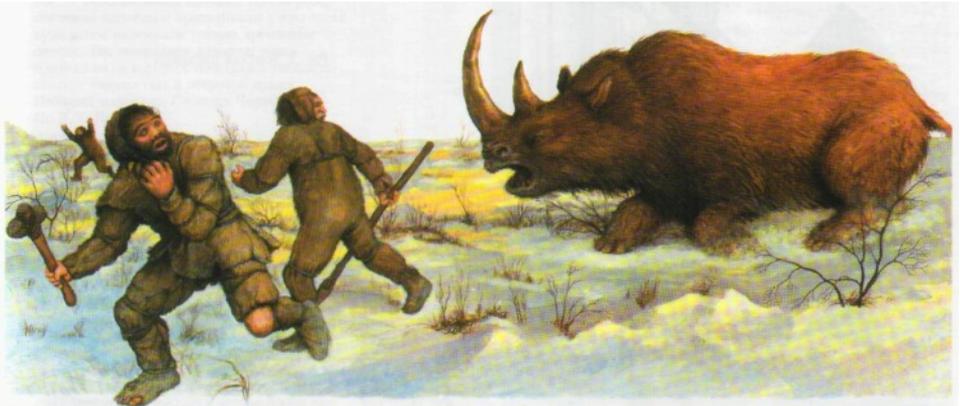
При всей простоте конструкции такое копье было самым страшным оружием древнекаменного века. Снабженное кремневыми, а впоследствии и металлическими наконечниками, оно оставалось таковым на протяжении долгой человеческой истории. В момент удара на его острие концентрируется энергия в несколько сотен килограммов, на которую влияют масса оружия, сила руки и движения тела. Даже

1

Рис. 1. Удивительные по выразительности скопления рисунков животных, людей и птиц, оставленные людьми каменного, бронзового и железного веков, встречаются на прибрежных скалах р. Томи. Основную часть изображений составляют динамичные фигуры идущих или плывущих лосей. Специалисты связывают появление таких картинных галерей вдоль берегов рек с древнейшей охотничьей магией. Существует мнение, что подобные писаницы могли располагаться близ путей сезонных миграций животных, где их ждали охотничьи засады. Тутальская писаница

2

Рис. 2. Эти небольшие фигурки, вырезанные из бивня, - древнейшие скульптурные изображения, найденные на территории Сибири. Пятна красной и черной краски, сохранившиеся на боках фигурки мамонта, — свидетельство магических действий древнего человека, сказанных с представлениями о смерти и жизненных силах. 22 тыс. лет назад. Верхний палеолит. Стоянка Усть-Кова, бассейн р. Ангары, Восточная Сибирь. Раскопки Н. И. Дроздова. МА ИАЭТ СО РАН

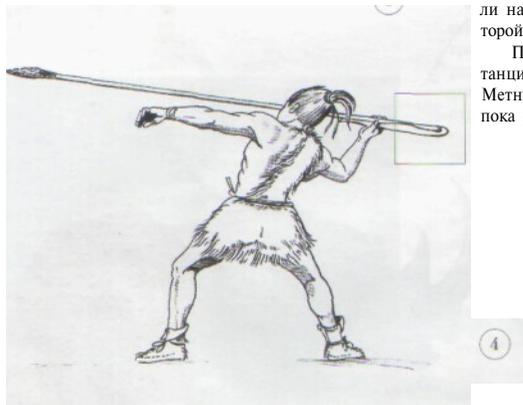
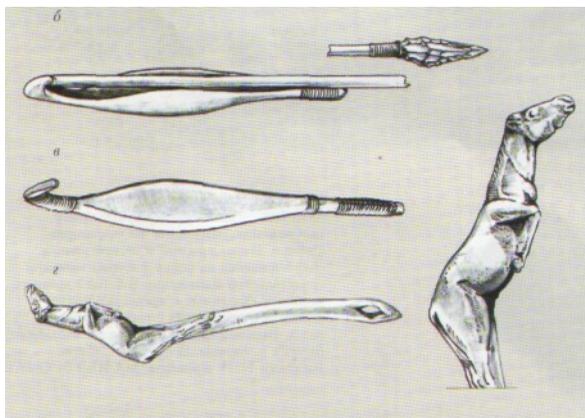

Рис. 3. Томская писаница

простая с силой брошенная березовая или буковая жердь с заточенным и обожженным острием может, согласно экспериментам, пробить насквозь доску, покрытую в три слоя кожей оленя. Такие рогатины тоже фактически были копьями, только с широкими, массивными наконечниками. Они использовались для прямого удара и не выпускались из рук.

Слабым местом любого оружия являются места соединения его частей. Охотники каменного века искали и, по всей видимости, к эпохе позднего палеолита² нашли надежное средство скрепления в одном изделии разнородных материалов — древка и наконечника из камня, рога или кости. Наконечники вставлялись в пазы, приклеивались смолами, обвязывались ремнями, сухожилиями или растительными волокнами. Узлы соединения, закрепленные горячей смесью из равных частей битума и кварцевого песка и усиленные обвязкой, выдерживали нагрузку на растяжение до 70 килограммом, при которой лопался сам наконечник копья.

При всех своих достоинствах копье как оружие дистанционного боя имело один существенный недостаток. Метнув его, человек оказывался безоружным до тех пор, пока не удавалось поднять брошенный снаряд.

Рис. 4. а - з. Копьеметалки. Эти несложные приспособления увеличивали зону эффективного поражения копьем до 80 метров. Они хорошо известны по этнографическим материалам. Американские индейцы называли их атлатлами, австралийские аборигены - воммарами. Они представляли собой палки или дощечки с крючком на одном конце (в), в который упирался тыльный опрел копья или дротика (б), в то время как другой оставался в ладони (а). В момент броска копьеметалка как бы увеличивала длину руки (т. е. рычага). Соответственно, возрастали и резкость, и мощь удара. В эпоху палеолита копьеметалки, по всей видимости были распространены практически повсеместно. Некоторые из них были настоящими произведениями искусства. В то время оружие украшали не только простым геометрическим орнаментом, но и искусно вырезанными фигурками птиц и животных, чьи свойства по повериям магически передавались самому изделию. У оружия, найденного на стоянке Абри Монстаэрюк на территории современной Франции и сделанного из рога оленя около 12 тысяч лет назад, упомянутый крючок выполнен в виде фигурки прыгающей лошади (з)

Поэтому древний «конструктор» оружия пытался добиться того, чтобы копье летело все быстрее и дальше — и метко разило врага. Важным шагом в этом направлении стало изобретение копьеметалка.

Однако в те времена оружие еще редко направлялось на человека. Племена были немногочисленны. По некоторым данным, плотность населения в эпоху позднего палеолита составляла 1 человек на 20 квадратных километров. Человеческие коллективы того времени достигали в среднем 40 человек, и вообще, людей на земном шаре было совсем не много. В 1960 году американский исследователь Э. Дивей высказал мнение, что на всей планете в раннем палеолите обитало всего полмиллиона человек.

К эпохе позднего палеолита население земли увеличилось до трех миллионов человек. Но даже если допустить, что людей насчитывалось в несколько раз больше, до борьбы за «жизненное пространство» все равно было еще далеко. Естественно, в древности происходили вооруженные конфликты, но войны станут приметой более поздних исторических эпох. Вот тогда-то и появится настоящее боевое оружие — специальный инструмент для поражения неприятеля и для защиты от него.

Рис. 5. Вкладышевый кинжал. Вдоль ребер костяной заготовки протачивали узкие пазы, куда затем вклеивали тонкие кремневые лезвия. Так появились длинные ножи и кинжалы, в которых сочеталась гибкость кости с твердостью и остротой камня. Поздний палеолит. Стоянка Чернозере. По В. Т. Петрину

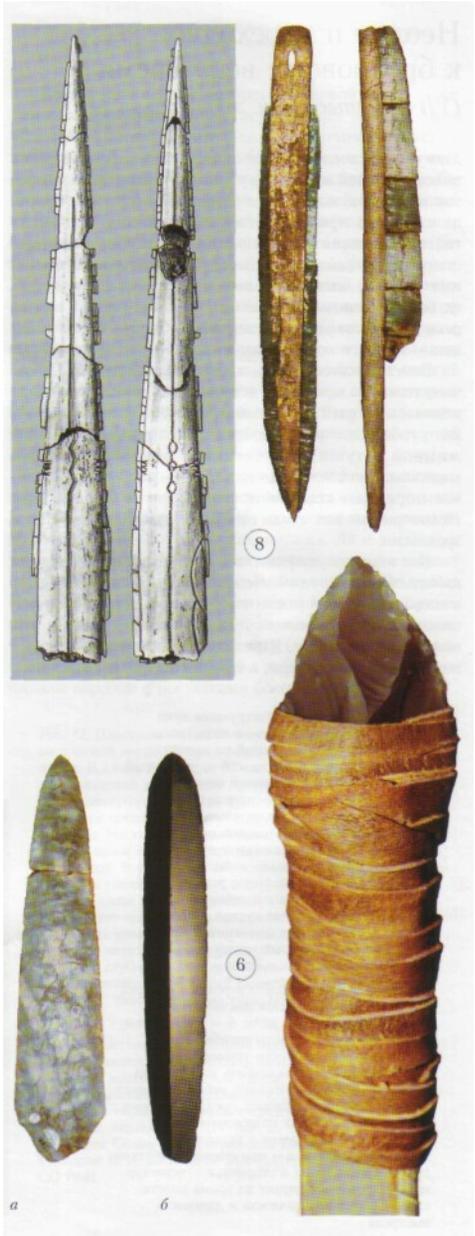
5

Рис. 6. Дротик - легкое метательное копье. Дерево, кремь, кожа.
Экспериментальный образец

Рис. 7, а, б. Каменные наконечники оружия эпохи неолита. Эти изделия, мало уступающие по размеру современным кинжалам, демонстрируют возможность разных техник обработки камня. Практическое использование столь крупных изделий, выполненных в отжимной технике (а), ограничивалось хрупкостью материала, из которого оно изготовлено. Этим грозным на вид лезвием следовало наносить лишь прямые колющие удары, в противном случае оно могло лопнуть, что и случилось с данным экземпляром. Техника шлифования позволила придать изделию (б) правильное ромбическое сечение и сделать это оружие очень массивным и надежным. Теперь размеры наконечника не снижают его прочности. На исходе каменной эры именно такому оружию отдавали предпочтение охотники, а находка у п. Ногилики на о. Сахалине. Длина 30,5 см, ширина у основания 8 см; б находка близ г. Атем. Приморье. Длина 30 см. МА ИАЭТ СО РАН

7

Рис. 8. Вкладышное оружие. IV—III вв. до н. э. Серовская культура. Прибайкалье. Раскопки А. П. Окладникова. МЛ ИАЭТ СО РАН

Неолит и переходное к бронзовому веку время (VII-III тыс. до н. э.)

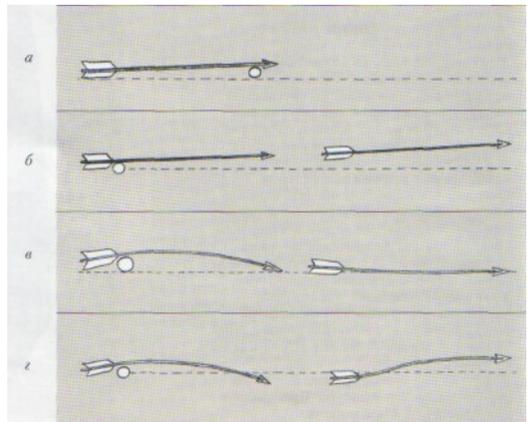
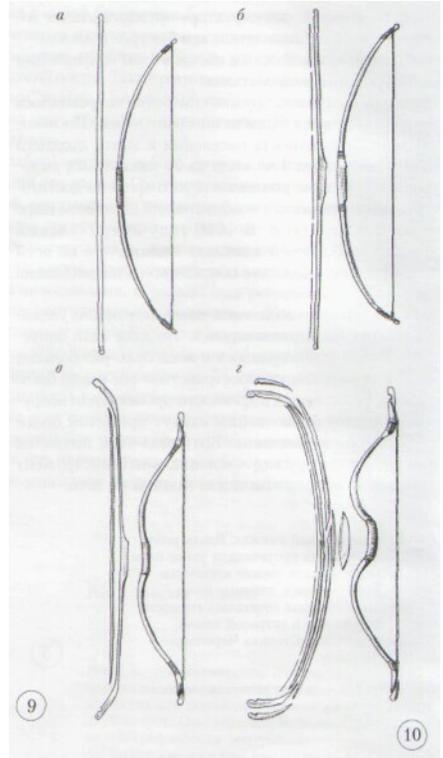
Минули тысячелетия, закончился ледниковый период, вместе с вечной мерзлотой ушли в прошлое стада мамонтов и бизонов, вымерли шерстистые носороги, и природа в Сибири приобрела современный вид. Зашумела тайга. Задыхалась теплым ветром степь. Бесчисленные стаи птиц гнездились на озерах. Медведь и лось, как самые крупные млекопитающие, определили колорит тайги, быстرونogie козули паслись в речных поймах, а сами реки кипели от многочисленной рыбы. Наступил голоцен — время, в котором мы живем.

Заметно изменилась и жизнь древних людей. На начало голоцена пришлось историческая эпоха, названная неолитом (новый каменный век). В это время высочайшего уровня достигли уже известные приемы скола и отжимной ретуши⁴. Наконечники стрел и дротиков, кинжалы, изготовленные тогдашними умельцами, и сейчас поражают совершенством форм и изяществом. Некоторые из них столь тонки, что кажутся почти прозрачными.

Постепенно усложнилась и техника изготовления вкладышевых орудий. Человек научился шлифовать и сверлить камень, после чего стал работать с более вязкими и твердыми каменными породами — такими, как нефрит или диорит. В результате появились орудия незнакомых ранее форм, а следовательно, и свойств.

Рис. 9, а-г. По своей конструкции луки условно можно разделить на пять типов: а - простой, изготовленный из одного сплошного куска древесины; б - усиленный, упругие свойства деревянной основы которого умножались расположенными по всей её длине либо в отдельных местах роговыми пластинами-накладками или деревянными плашками и пучками сухожилий; в - сложный, кибить которого склеена из нескольких полос разносортной древесины; г - составной, собиравшийся из нескольких коротких кусков. Сложносоставной лук дополнительно усиливался в некоторых местах роговыми или деревянными накладками

Рис. 10, а-г. Схема полета стрелы: а — перед пуском стрелы находится под небольшим углом к направлению цели; б - удар тетивы заставляет древко стрелы изгибаться вследствие инерционного торможения наконечника и как бы обгибать кибить лука. При правильно подобранной гибкости древка, которое стремится принять прежнюю форму, стрела, совершив ряд колебательных движений, возвращается к заданной траектории полета; в — при слишком жестком древке стрела летит в сторону; г — чересчур гибкое древко вибрирует по время полета стрелы, уменьшая точность и дальность выстрела

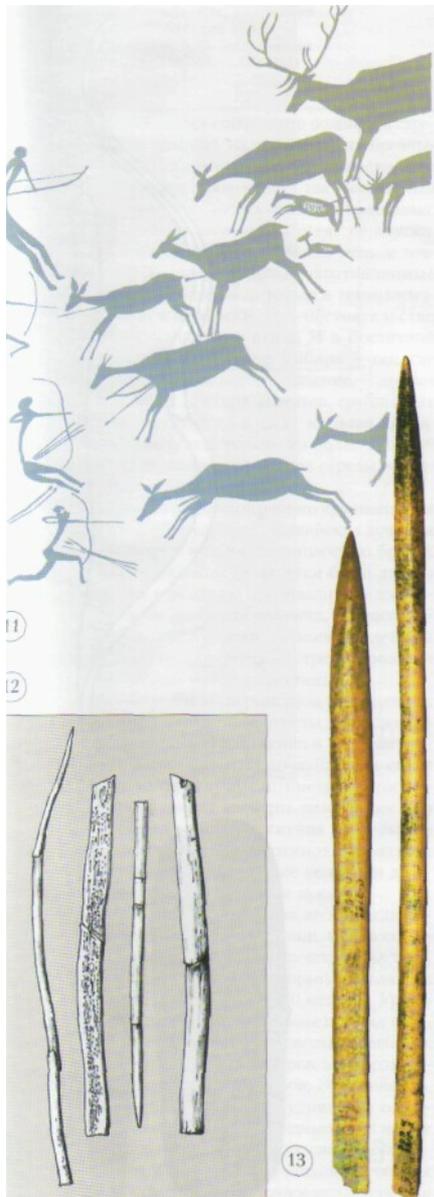

Рис. 11. Охота на оленей. Рисунок на стене горного ущелья в Восточной Испании. Мезолит

Другое крупнейшее изобретение новой эпохи — керамика. Свойство глины твердеть при обжиге было использовано для изготовления различных емкостей, применявшихся в процессе варки. Варка изменила весь образ жизни древнего человека, что сказалось и на его боевом оснащении. Знаменитый рыбий клей, вываренный из рыбных костей и внутренностей, позволил надежно скреплять между собой различные сорта древесины и рога и создавать таким образом прочные и упругие луки. Это были уже не те согнутые и, вероятно, ошкуренные ветки с тетивой, которые появились в переходную эпоху мезолита⁶, а достаточно совершенное и мощное оружие, состоящее из деревянной основы и хорошо пригнанных друг к другу роговых пластин, расположенных по всей ее длине. Вообще, соединение в одном изделии разнородных материалов, взаимно дополняющих и усиливающих свойства друг друга, кажется весьма характерной чертой той далекой эпохи.

Лук и стрелы с момента своего появления и на протяжении нескольких тысяч лет оставались самым дальнобойным оружием в руках человека — вплоть до изобретения огнестрельного оружия. Да и тогда этот проверенный временем механизм еще долго на равных конкурировал с «громобойными палками». Во время Крымской войны 1853—1856 годов лук с успехом применяли инородческие формирования русской армии. С луком нередко ходили на охоту (например, в западно-сибирской тайге) еще в 40—50-х годах XX века, когда возникали перебои с поставками боеприпасов.

Рис. 12. Пластины серовского лука. Сделаны из плотной верхней корки рогов благородного оленя. Их длину достигали 87 см. Двух-трех таких изделий хватало для производства одного полуметрового лука. Роговые пластины соединялись друг с другом внахлест. Их концы были взаимно скошены продольными срезами и заходили один под другой. В результате обе пластины плотно и прочно соединялись друг с другом, образуя словно единое целое. Серовский лук занимал совершенно особое место среди всех остальных известных нам древнейших образцов метательного оружия. Он появился на свет в глубинах Северной Азии и представляет собой самый ранний из ныне известных типов сложного лука. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 13. Костяные шиловидные наконечники стрел. Применялись жителями Западной Сибири в эпоху неолита для охоты наводоплавающуююдь. Впрочем, идля копытных такие наконечники представляют серьезную опасность. V—IV тыс. до н. А. Памятник Сопка-2 в Центральной Барабе. Раскопки В. И. Молодина, МА ИАЭТ СО РАН

Форма лука с натянутой тетивой во многом зависит от его конструкции. Она менялась на протяжении истории от простой дуги до сложной кривой, напоминающей букву «м». Изготовление даже простого лука — достаточно трудоемкий и долгий процесс, требующий немалого опыта и навыка. Некоторые племена особенно славились своими луками и выпускали их на обмен. Так, во время освоения русскими Сибири селькупские луки шли в государеву казну в качестве ясака наравне с пушшиной.

Как показывают этнографические материалы, для изготовления кибиты лука необходимо специально подобранное дерево. За таким сырьем снаряжались даже экспедиции. Лук, к сожалению, недолговечное оружие, ни один охотник не упускал возможности запастись подходящей древесиной. В течение полугода она сушилась в тени, вдали от сквозняков, и пропитывалась смолами. И только затем из нее тщательно выстругивалась кибить. От того, насколько равномерно и плавно выгибались ее плечи (гнувшиеся части лука между рукоятью и местом крепления тетивы), во многом зависели и долговечность, и эффективность оружия. Важно было, подбирая профиль сечения, добиться, с одной стороны, наибольшей гибкости, с другой, — приемлемой жесткости, чтобы лук не получился излишне слабым и ломким.

Изготовление тетивы было не менее сложной процедурой. В дело шли хорошо просушенные и сплетенные волокна сухожилий со спины добытой зверя. Позже стали использоваться растительные волокна — например, крапины. На тетиву годилась и сыромятная кожа со спины животного (с участка, расположенного вдоль позвоночника). Но самой лучшей (в частности, у бурят) считалась кожа с живота тощей коровы. Сыромятину обезжиривали, растягивали и скручивали. Такая тетива не вытигивалась и не давала усадки.

Лук не являлся серийным оружием, и каждый его экземпляр обладал только ему присущими свойствами.

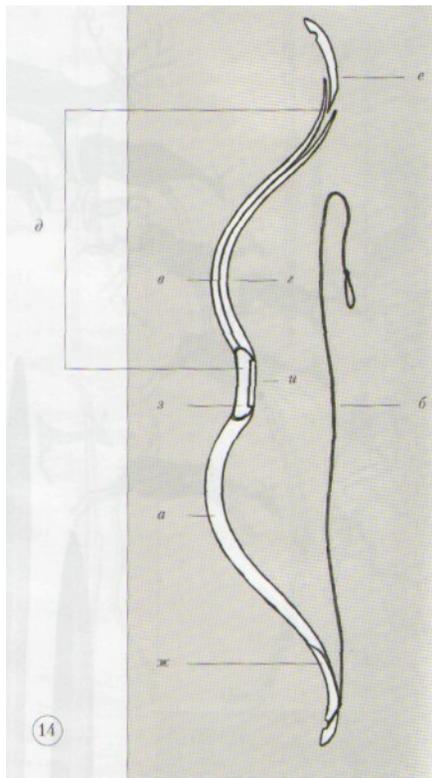

Рис. 14. Наименование деталей лука:
а - кибить; б - тетива; в - спинка (внешняя сторона); г - внутренняя сторона; д - плечо;
е - врзной конец; ж - концевая накладдка;
з - срединная боковая накладдка;
и - срединная фронтальная накладдка

Рис. 15. Защитные роговые щитки.
Надевались на левое запястье, т. к. тетива некоторых мощных луков при выстреле могла травмировать руку. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 16. Каменный наконечник, застрявший в лопатке ребенка. Шаманский Мыс. Прибайкалье. Раскопки А. П. Окладникова и А. К. Конопацкого. МА ИАЭТ СО РАН

К каждому луку требовалось специально подбирать стрелы. Самые хорошие делались из просушенных бревнышек определенного вида. Дело в том, что существенное влияние на полет стрелы оказывает ее так называемый «прогиб», то есть свойство дровца «гасить» колебания, возникающие от толчка тетивы в момент ее спуска. Чем больше начальная вибрация стрелы, тем меньше точность попадания. Поэтому стрелы, изготовленные из длинных тонких прутиков, выигрывая в технологичности, проигрывали в меткости. Это обстоятельство издавна заметили лучники всех стран. И в Восточной Европе, и на Арабском Востоке, и в Сибири — там, где лучной стрельбе придавалось особое значение, — дровки выстругивали из старых жестких деревьев, срубленных осенью, когда их волокна содержат меньше влаги. При этом наконечник всегда резали из более плотной комлевой части. Довершало оформление стрелы оперение, на которое шли птичьи перья.

Стрельба из правильно изготовленного крупного лука давала фантастические результаты. Английские лучники в пределах сотни метров пробивали рыцарскую броню. Североамериканские индейцы (а их луки были далеко не самыми мощными в истории) пробивали стрелой бизона насквозь, при этом доставали человека, бегущего рядом. В эпоху завоевания Америки, но многочисленным свидетельством очевидцев, индейские стрелы пронзили щиты испанцев и их пластинчатые доспехи.

Впечатляют результаты экспериментов, проведенных в наши дни. Стальной наконечник стрелы, выпущенной из современного лука с силой натяжения в 35 килограммов с 75 метров, пробил кольчугу из дамасской стали и проник манекен на глубину 20 сантиметров. С расстояния 60 метров такой снаряд насмерть разил взрослого медведя. Для сравнения — сила натяжения монгольских луков обычно бывает свыше 60 килограммов. Уже из этих примеров видно, какое грозное оружие получили древние воины и охотники с изобретением лука.

Теперь они легко поражали цель на весьма отдаленном и безопасном для стрелка расстоянии. Согласно дошедшим до нас сведениям, античный лучник Анаксагор, сын Димагора (Северное Причерноморье), стрелял из сложного лука на 282 оргия (свыше 520 метров). Урартский царь Руса, сын Аргишти (Закавказье), метал стрелы на отметку 476 метров, выстрелы тяжелых индейских луков покрывали расстояние в 450 метров, а рекорды турецких лучников достигали 900 метров. Это, конечно, выдающиеся выстрелы, вызывавшие удивление современников. Столь дальние выстрелы, видимо, и не имели особого практического смысла, ибо, как свидетельствует опыт европейских и восточных лучников, уверенная дистанция стрельбы, сверх которой точное попадание уже невозможно, — 300 локтей (154 -156 метров).

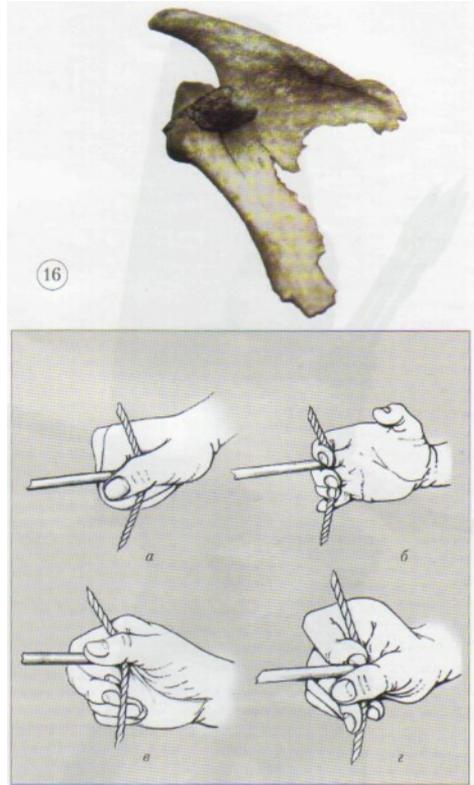
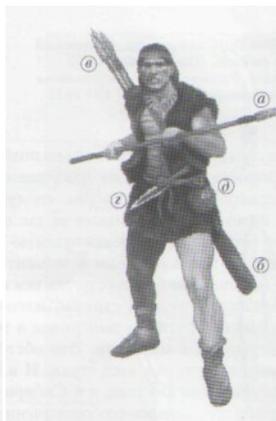

Рис. 17, а з. Способы натягивания тетивы: а — «первобытный», самый простой и всем знакомый прием. Используя его, средней силы человек мог стрелять только из довольно слабого лука; б — «средиземноморский», более удобный и распространенный прием, позволяет согнуть кибит достаточно сильного лука; большой палец правой руки оказывается не занят, а тетива при натяжении слегка закручивается вправо; в — такое положение пальцев на тетиве логично назвать «промежуточным»; г — «монгольский» способ, считается наиболее совершенным. Вариантов взаимного расположения пальцев руки при стрельбе в такой манере было немало, неизменным оставалось лишь одно — тетива цеплялась большим пальцем, которым и производилась основная работа. Для успешной стрельбы из сильного и упругого лука желательно было иметь специальное кольцо, предохранявшее внутреннюю сторону большого пальца от травм

Рис. 18. Первообытный охотник. Он вооружен массивным копьем (а), за спиной у него в специальном кожаном чехле (б) помещалось несколько легких дротиков (в) для добычи зверя на самой дальней дистанции.

За поясом - длинный вкладываемый костяной кинжал (с) с каменными остриями, Хотя кинжал изображен с обнаженным лезвием, в действительности охотники, чтобы не пораниться и не повредить само оружие, носили его в специальных чехлах. С левой стороны к поясу подвязана сумочка (д) с инструментами - резцами и скребками для разделки туши добытого зверя и запасом каменных лезвий

У лука было еще одно неоценимое свойство сравнительно по всеми другими метательными орудиями - высокая скорострельность. Средневековые лучники, например, могли выпустать от 8 до 12 стрел в минуту. Очевидно, не меньшим мастерством обладали и их далекие предшественники эпохи бронзы и раннего железа. Если цель представляла собой большую малоподвижную группу (будь то стадо животных или плотный ряд воинов, то на точности стрельбы спешка практически не сказывалась⁵.

Удивительная и яркая находка остатков неолитического метательного оружия была сделана в середине прошлого века в Прибайкалье - на берегах Ангары и Лены. Здесь Л. П. Окладников⁴ обнаружил роговые детали 16 сложных луков, положенных в погребения не только мужчин и женщин, но и детей. Но имени археологической культуры, к которой они принадлежали, такие луки называют серовскими.

Их детали представляли собой длинные, узкие и довольно тонкие пластины, отделенные по всей длине от ствола рога. Их размягчали в воде, срезали внутреннюю губчатую сердцевину и на внешней стороне полностью сглаживали все наружные бугры. Эти усиливающие части приклеивались с внешней стороны оружия. Без те-

тivity кибити такого лука имела вид прямого, суженного к концам, стержня. С закрепленной тетивой серовский лук выгибался и приобретал дугообразную форму. Тетива для такого оружия плелась, скорее всего, из сухожилий животных, снятых с оспины при разделке туши (обыкновенно оленя). После просушки они разделялись пальцами тонкие, как шелк, волокна, которые затем сплетались тетиву. Точные аналоги такого оружия не известны, однако, судя по близким этнографическим параллелям Полинезии и Африки, вся поверхность подобных сложных луков плотно покрывалась наружной оплеткой, которая повышала упругость изделия и защищала его от влаги. Судя по сопутствующим находкам, древние жители Ангары украшали свое оружие бусинами и подвесками из клыков марала, которые гроздьями свисали с его кибити. Важнейшее отличие серовских луков от всех неолитических аналогов и современных архаичных этнографических образцов состояло в том, что в его конструкции впервые одновременно были использованы и кость, и дерево.

Итак, в руках людей появилось очень совершенное оружие. Что же касается военных действий, то они, конечно, случались, но, вероятно, угроза военного вторжения для жителей неолитических поселков оставалась еще неслишком высокой.

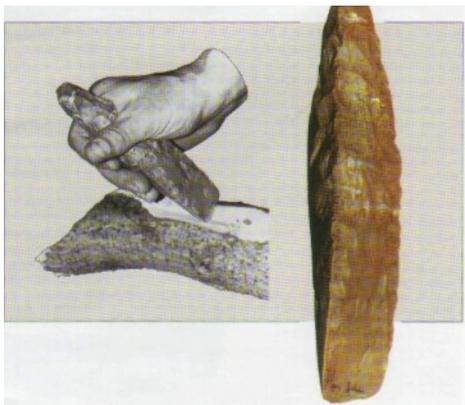
Этнографические материалы свидетельствуют, что конфликты на ранних этапах человеческой истории предпочитали улаживать миром. Если же мира достичь не удавалось, силовое противостояние чаще ограничивали единоборством предводителей или специально выбранных для этого бойцов. В других случаях договаривались вести бой до первой крови, заранее улаживались о максимальном числе убитых, по достижении которого следовало мириться, и т. д. Поединки проводились по определенным правилам и чем-то напоминали дуэль. Например, у австралийских аборигенов метавший копье воин должен был гордо стоять ждать под бодрящие вопли сородичей ответного броска противника. Практиковался и другой способ разрешения споров, записанный этнографом и путешественником Д. Эттенборо. Этот способ требовал от соперников удивительного мужества и железной выдержки. Неприятели садились, скрестив ноги, друг против друга, один наклонялся и наносил ножом рану сопернику. За тем наступал черед другого. Так продолжалось дотех пор, пока один из «дуэлянтов» не сдавался или не терял сознания от боли и потери крови.

В целом, воин эпохи неолита не очень отличался от охотника, каковым, как правило, они являлись. Впрочем, лучший охотник — всегда хороший воин.

Рис. 19. Шлифованный каменный топор. Форма его полированного лезвия уже близка к современному. Выточенное из сланца выпуклое острие по мере надобности подправлялось небольшим абразивом. Эффективность такого орудия возрастала за счет полукруглой формы его рабочей кромки. Тесла имели аналогичную форму и отличались от топоров лишь сечением бойка и принципом расположения его относительно оси рукояти. Новосибирское Приобье. НГКМ

Рис. 20. Каменное долото. Новые орудия — топор, тесло, долото — резко расширили возможности обработки дерева. С их помощью люди стали делать лодки. а с появлением этого транспортного средства произошли и первые вооруженные схватки на воде. Новосибирское Приобье. НГКМ

Глава 2

В эпоху звонкого металла

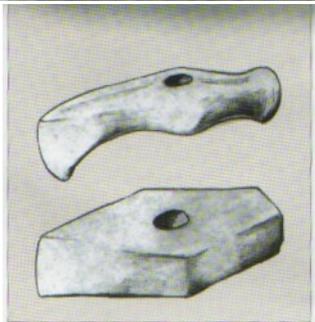
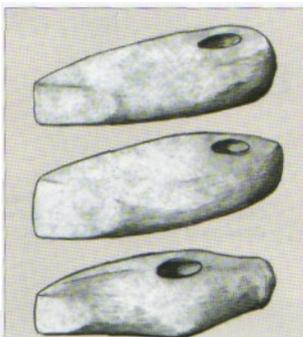
Середина II-го тысячелетия до н. э. Пылает костер, в горячих тиглях дрожат золотистые лужицы металла, вскоре он окажется в разогретых полостях, оттиснутых в глине или вырезанных в мягком тальке. Остыв, металл сохранит их формы и превратится в отсвечивающие желтым предметы, издающие при ударе чудесный звон. 4000 лет прошло с тех пор, как умельцы неолитического поселения Чайеню впервые попробовали плавить самородную медь, и в привычном шуме древних селищ стал ясно слышаться этот мелодичный звон.

Для людей той эпохи плавка металлов явилась лишь одним из целого ряда изобретений. Нарастающая лавина последствий, вызванных открытием металлургии, имела огромное значение в истории человечества. Оно вступило в бронзовый век. Это было время победы пастушеского и земледельческого хозяйств, время демографических всплесков и широких миграций, появления колесного транспорта и новых технологий, позволивших быстро и точно копировать самые совершенные орудия труда и оружие, создавать украшения невиданных прежде форм. Ремесленники выделяются в особый «клан», бдительно хранящий от чужих глаз тайны своего мастерства. Изменяется духовная культура, появляются новые божества и их служители. Возрастает значение организационной деятельности предводителя, усложняются общественные отношения, создаются первые государства. В бронзовом веке тесались камни Великих пирамид, возводились стены «священной» Трои, слагались гимны Ригведы, под мостами Вавилона плавно катились волы Евфрата, утреннее солнце освещало ворота Мардука и кровли храмов Эсагилы, царственная Семирамида вступала в проладу своих висячих садов. А где-то на полях сражений вздымались пыль колесницы древних Ариев и свирепых гиксосов, скакали по крепкому насту коренастые лошади, а следом за ними в снежных вихрях пыли скользили, схватившись за упряжь, сибирские лыжники...

Рис. 1. Навершие бронзового ножа. Середина 2-го тыс. до н. э., Могильник Ростовка, Омское Прииртышье. Западная Сибирь. Раскопки В. П. Матюшенко. МАЭС ТГУ

Распространение скотоводства позволило древним коллективам время от времени поправлять свое благосостояние за счет угона скота, грабежей и военного насилия. Все взрослые мужчины из охотников и пастухов при малейшей необходимости теперь превращаются в воинов — защитников своих и грабителей чужих. Военные походы уже настолько выгодное дело, что общества все чаще организовываются на военный лад, война является непременным условием их существования. Оружие, еще вчера охотничье, сегодня становится боевым. Изменяются и требования к нему. В боевом оружии, от степени совершенства которого зависит жизнь его владельца, всегда воплощались новейшие технологические достижения эпохи. Так, в век бронзы основное

Рис. 2. Сверленный каменный топор. Подобные изделия были грозным оружием в руках пастухов афанасьевской культуры (середина 3-го тыс. до н. ж). Исследования механических свойств ударных орудий, проведенные в 1925-31 гг. учеными Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН), показали неожиданно высокую эффективность удара такими топорами. Коэффициент их полезного действия колебался в пределах 82-90. Эпоха ранней бронзы, Могильник Пещерки Лог, Горный Алтай. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 3. Основные типы «боевых топоров», встречающихся в Южном Сибири

Рис. 4. а-к. Наконечники стрел из камня (а-д) и кости (е-и). Каменные наконечники стрел по-прежнему преобладают в колчанах лучников эпохи бронзы. Имея при малых размерах достаточно большой вес и острые пильчатые края, они обладали высокой пробивной силой. Такие наконечники делали очень тщательно, в отличие от сланцевых дротиков (к), небрежность изготовления которых сразу бросается в глаза. Костяные наконечники стрел немногим уступали по проникающей способности каменным. Они (судя по результатам экспериментальных стрельб) наносили более глубокие травмы, чем бронзовые, и часто были даже опаснее, ибо вызывали заражение раны протертым костным жиром. Снабженные небольшим острым жальцем (и), они довольно легко отделялись от древка и оставались в ране, (а-и) — Кротовская культура. Середина 2-го тыс. до н. э. Могильник Сопка-2. Западная Сибирь. Раскопки Н. П. Молодина; (к) - Афанасьевская культура. Середина 3-го тыс. до н. э. Окрестности Денисовой Пещеры. Горный Алтай. МА ИАЭТ СО РАН

количество металлоемких изделий — это предметы вооружения, а не средства трудовой деятельности.

И все же появление металла на полях сражений на первых порах не давало серьезных преимуществ воюющим сторонам. Оружие, сделанное из нового материала оставалось еще слишком несовершенным. И долгое время его типы и способы владения им были почти такими же, как и в неолите. По-прежнему арсенал племени состоял из лука, усиленного роговыми накладками; стрел с острыми каменными и костяными наконечниками; легких метательных дротиков; копий, тяжелых дубин и палиц, которые вместе со шлифованными топорами, обоюдоострыми кинжалами и костяными ножами помогали сокрушить врага в ближнем бою.

Первые бронзовые ножи и наконечники копий были небольшими, а форма их во многом повторяла листовидные очертания каменных изделий. Крепились металлические острия к несущей части также испытанными способами — зажимались в расщеп древка, забивались и торцы роговых рукояток, вставлялись и вклеивались в полости трубчатых костей. Тонкие расплюснутые металлические

пластинки, из которых все чаще делались лезвия и наконечники копий, нередко гнулись от сильного удара и довольно быстро тупились. Они не могли составить серьезную конкуренцию каменным остриям, еще долго мелькавшим на полях сражений.

Правда, само каменное оружие уже было совсем иным, так как отбор сырья и технология его обработки существенно изменились. Почти не встречались теперь копья и дротики с тонко ретушированными изящными наконечниками. На смену твердому и хрупкому кремню пришли мягкие сланцевые и шиферные породы. Ненужной стала ювелирная обработка камня. Достаточно было быстро и довольно грубо несколькими сколами придать подобранной заготовке задуманный контур и отточить неровности острия. Сырьем в виде подходящих сланцевых пластинок природа щедро делилась с человеком. Наконечники стрел, как и прежде, изготавливались струйчатой ретушью из кремневых и яшмовых пород камня и вырезались из свежей кости. Проверенные временем неолитические технологии оказались здесь востребованными.

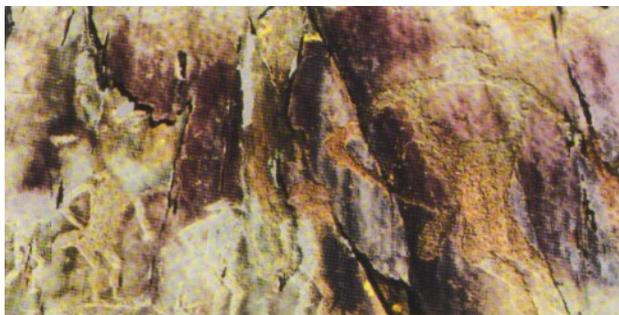

Рис. 5. Наскальные рисунки эпохи бронзы. Колбак-Таш, Горный Алтай. Ортаа-Саргол. Респ. Тыва

В ближнем бою на полях сражения 3-го — начала 2-го тысячелетия до н. э. господствуют сверленные так называемые «боевые топоры». Встречаются такие изделия на большей части Европы, являясь своеобразным маркером некоторых археологических культур, которые так и называются «культурами боевых топоров». В немалом числе подобные предметы найдены и в Западной Сибири на обширной территории от таежного Васюганья на севере и до гор среднего Алтая на юге. При всех различиях в форме и размерах «боевые топоры» изготовлены по одной технологической схеме, включавшей три последовательные операции — формовку, шлифовку, сверление. С подходящего по форме и размерам камня сильными ударами снимали лишний материал и придавали заготовке вид клина. У топоров сложных форм, с выточенным в виде молоточка обухом и лезвием в форме небольшой лопасти, на этой стадии применялось еще и отпиливание кусков, которые нельзя было удалить се-

рией сколов. Затем вся поверхность изделия подвергалась равномерной шлифовке, окончательно оформившей лезвие. И наконец, трубчатой костью с песком свердилось отверстие.

Впрочем, несмотря на название, далеко не все исследователи считают эти топоры именно оружием. Одни относят их к рабочим орудиям горных выработок (потому что одно из таких изделий было найдено в заброшенной горной выработке Алтая), другие — к ритуальным предметам. Тем не менее столь выразительное название неслучайно, как неслучайно то, что позднейшие металлические боевые топоры похожи на своих далеких каменных предшественников.

Судя по оружию эпохи ранней бронзы, можно предположить, что открытые бои включали в себя первоначальную перестрелку из луков на дальней дистанции, затем быстрое сближение с противником и поражение его в непосредственном контакте колющим (копьями, кинжалами) и ударно-дробящим (топор, дубины) оружием ближнего боя. Сражались воины тех лет в основном в рассыпном строю, используя то оружие, которым лучше всего владели. Во всяком случае, предполагать какое-либо особое боевое построение оснований пока нет. Очень высока вероятность применения в ближнем бою оружия типа кистеня — оно представляло собой округлый камень, обернутый кусочком кожи и привязанный к длинному ремню или веревке. Среди археологических материалов выявить детали такого рода оружия крайне трудно. Кожа в земле не сохраняется, а все камни похожи друг на друга. Столь же тщетно ожидать и находки деревянных дубин в поселенческих или погребальных комплексах. Но и то, и другое оружие можно рассмотреть на наскальных рисунках.

Сейминско-турбинские копейщики (середина II тыс. до н. э.)

Изменения в технике ведения боя произошли лишь с появлением новых моделей оружия. Их создание было связано с распространением оловянистых бронз, изменением качества металла и открытием техники тонкостенного литья, позволившей делать для наконечников копий и топоров полые втулки (иногда их называют слепыми), тем самым добываясь простого и надежного скрепления их с рукоятью. Эти знаменательные открытия относятся к середине 2-го тысячелетия до н.э. — вскоре на огромных территориях Северной Евразии (от границ современного Китая на востоке до территории Финляндии и Молдавии на западе) появляются очень сходные типы великопленного бронзового оружия. Немалая заслуга в его создании и распространении принадлежит загадочным племенам литейщиков и воинов, за которыми в археологии закрепилось название *сейминско-турбинских*.

Как считают специалисты по древней металлургии, эти таинственные племена вышли откуда-то из районов Рудного Алтая и совершили беспримерный по своим масштабам поход на Запад, оказав огромное влияние судьбы народов Северной Евразии. Их путь, отмеченный для нас редкими могильниками и случайными находками великопленного бронзового оружия, лежал колком и озер лесостепной Сибири, сквозь сумрачные дрибы дремучей тайги, через горные хребты Урала

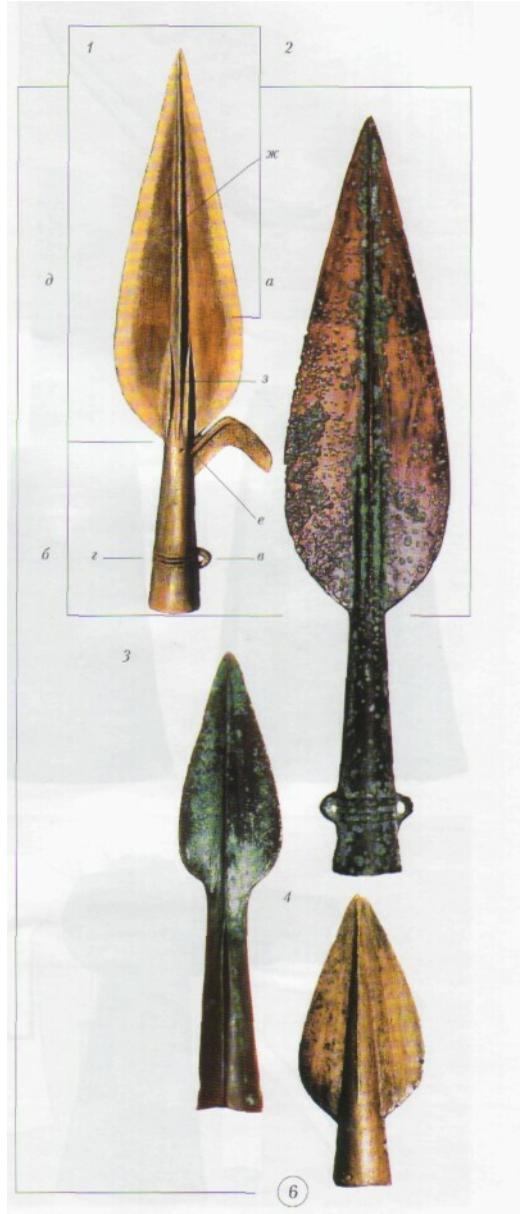
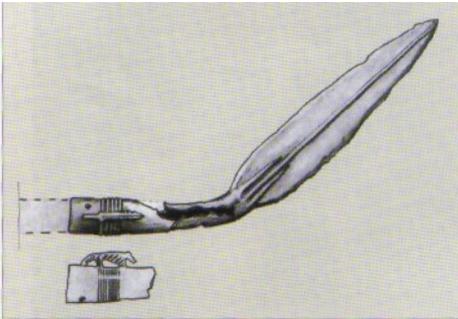

Рис. 6. Бронзовые наконечники копий. Образцы литья сейминско-турбинского облика (1, 2). Их прямые стороны (а) тщательно заострены аккуратной отпилькой кромок на наковальне и заточены абразивом. У основания их втулок (б) располагаются округлые уши (в). В данном случае эта деталь (как и бронзовые рудные валики (?) у основания втулок, имитирующие обмотку веревочкой) — дань традиции, ибо отверстия в ушках часто уже нет, но есть отверстие для штыря, сквозь которое он забивался в дрекво. Некоторые наконечники копий имели под пером (д) дополнительно кривое лезвие в форме плоского крюка (е), как будто приостренного с внутренней, обращенной к дреквоу стороны. Отличительная черта копий сейминско-турбинского типа — ребро жесткости (ж), приобретающее у основания форму вилки (з). Призматические, довольно широкие наконечники (3, 4) представляют собой иную технологическую традицию — традицию ковки. Их толстые большеразные втулки имеют узкую продольную шейку, поэтому изделия с подобным устройством несущей части иногда называют наконечниками с несомкнутой втулкой. Перох оставалось приостренным только с одного дальнего конца. Боковые стороны тупы. Надеты на весьма толстое и, очевидно, длинное дрекво, эти наконечники делали оружие исключительно колющим. Середина 2-го тыс. до н. э. Могильник нка. Омское Прииртышье. Западная Сибирь. итки В. И. Мапошенко. МАЭС ТГУ

к лесным равнинам Восточной Европы. Отличало этих воинов-странников оружие ближнего боя, в котором со всем блеском проявились новые технологии бронзолитейного дела.

Прежде всего, впечатляют наконечники копий и их размеры. Длина некоторых достигает 44 сантиметров. В случае укороченного до разумных пределов древка мы имеем дело с прекрасным фехтовальным оружием - предтечей меча. Если отлить полностью из бронзы меч аналогичной длины, он окажется либо слишком тяжелым, либо (в облегченном варианте) чересчур хрупким оружием. Бронзовые клинки длинных мечей и кинжалов, обнаруженные на территории Сибири, как правило, оказываются сломанными. Сочетание же разнородных материалов (гениальное изобретение предшествующей эпохи) - легкой прочной деревянной и хорошо сбалансированной металлической частей - делало такое короткое «рубильное копьё» весьма действенным оружием. Применялось оно преимущественно против не защищенного доспехами противника.

Рис. 7. Согнутое бронзовое копьё - доказывает, что бронза была не очень удобным материалом для создания мощного рубящего оружия. Острые кромки лезвий зазубривались, а тонкие тулки копий гнулись и разрушались при сильном рубящем ударе. Случайная находка близ Омска. Развитый бронзовый век. ОКМ

Рис. 5. Бронзовые втульчатые наконечники топоров-кельтов. В зависимости от того, как располагалось лезвие относительно оси рукояти - воль или поперек, получались топоры или тесла. Боковые стороны бронзовых кельтов украшались геометрическим орнаментом и фигурками животных. Середина 2-го тыс. до н.э. Могильник Ростовка. Омское Прииртышье. Западная Сибирь. Раскопки В. И. Матюшенко. МАЭС ТГУ

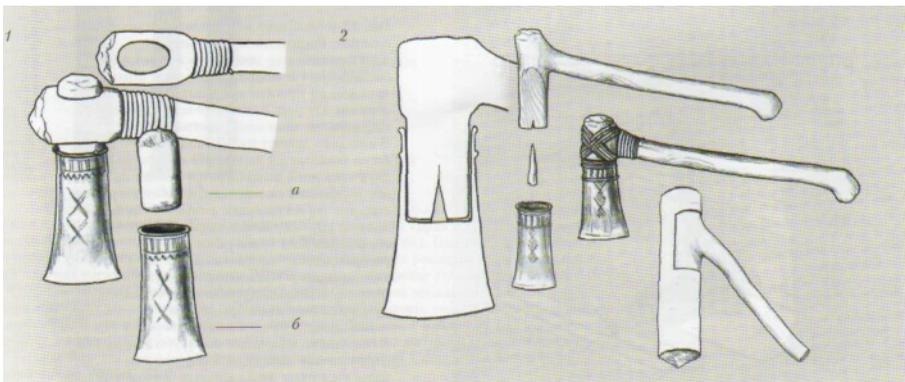
Рис. 9. Реконструкция крепления втульчатого бронзового шпора к деревянной рукояти. В торец вкладыша топорика забивались деревянные клинышки, которые, упираясь в дно втулки, распелляли рукоять и прочно заклинивали ее в бойке. В процессе работы рукоять зажималась во втулке все прочнее

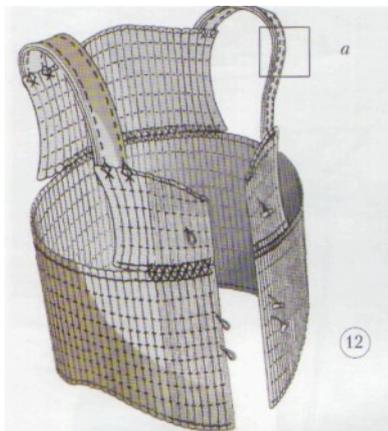
Набор оружия ближнего боя дополнялся богато орнаментированными втульчатыми топорами-кельтами, двулезвийными кинжалами и кривыми ножами с выгнутой спинкой и отведенным вверх острием. Рукоятки таких клинков с обеих сторон украшались литым орнаментом, а на их навершиях помещались фигурки животных, преимущественно, лошадей.

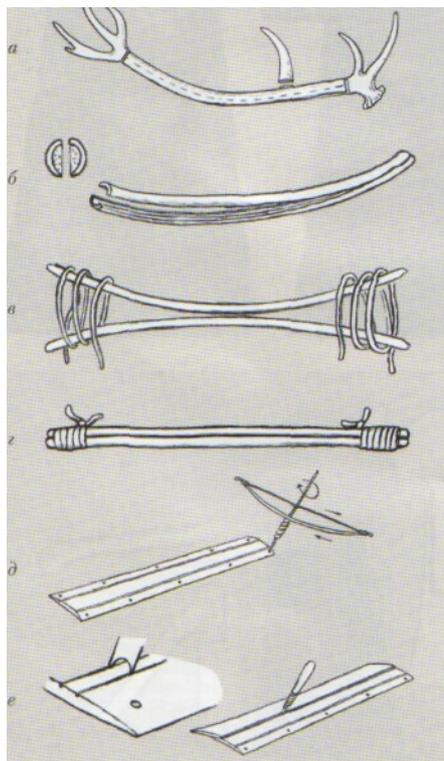
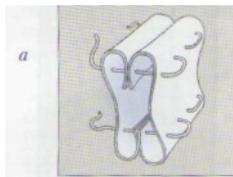
Рис. 10. а-г. Каменная литейная форма для изготовления втульчатого топора-кельта: а - внешняя сторона; б и в - внутренние стороны; г - схема совмещения створок литейной формы. Орнамент на внутренних сторонах створок разный: одна половинка будущего оружия украшена богаче - вероятнее всего, она считалась лицевой. Обе половинки литейной формы совмещались и скреплялись между собой обмоткой. Между ними вставлялся заранее заготовленный клинышек так, чтобы между ним и стенками створок оставался одинаковый промежуток, в который заливался расплавленный металл. Середина 2-го тыс. до н. э. Могильник Ростовка. Омское Прииртышье. Западная Сибирь. Раскопки В. И. Матушенко. МАЭС ТГУ

Рис. 11. Устройство рукоятей втульчатых топоров было различным. Одни (составные - 1) продолжали традиции каменного века, только теперь вместо шлифованного каменного бойка в рукоять вставлялся деревянный посредник (а) с бронзовым острием (б). Другие (2) были цельными и вырубались из развилки дерева или части ствола с сучком

Одним из первых средств защиты, придуманных древнейшими конструкторами, был щит. Вероятно, сначала это были легкие плетеные изделия, действенные в эпоху холодного оружия. Стальное лезвие, с силой посланное поперек прутьев, упруго отскакивает от них, а направленное вдоль прутьев — застревает между ними. Щит, сплетенный из тщательно подобранных прямослойных веток даже самым простым способом — крест-накрест, защищал вполне надежно. Если же такой щит еще обтягивали толстой сырой кожей, то пробить его даже копьем было весьма трудно.

Рис. 12. Древнейший тип ламеллярного панциря. Собирался из двух разных по ширине лент, набранных из роговых пластин. Доспехи имели равный покроя: у панциря могли быть «полы», захватывающиеся на груди и тем самым образующие двойной слон защиты; в другом варианте нагрудник и наспинник представляли собой отдельные части, связанные наглухо между собой ремнями, а — схема шитья плечевых ремней, скрепляющих составные части доспеха. Реконструкция по материалам могильника Ростовка. Середина 2-го тыс. до н. э. Омское Прииртышье. Западная Сибирь. Раскопки В. И. Матюшенко. МАЭС ТГУ

Рис. 13, а-е. Схема изготовления панцирных пластин. Ростовкинские резчики использовали еще неолитические техники расщепления и выпрямления рога. Этот трудоемкий процесс выглядит следующим образом. От рога оленя отрезают длинный стержень, не имеющий ответвлений (*а*). Вдоль него делают надрезы, после чего рог легко разделяется надвое (*б*) и в течение двух-трех дней вымачивается в воде. Затем обе половинки складывают изгибами в разные стороны (*в*) и стягивают ремнем в единый прямой прут (*с*). После высыхания его развязывают и получают две распрямленные заготовки. Далее их надпиливают и обламывают до нужного размера. В этом полуфабрикате, вероятно, лучковым сверлом проделывают отверстия (*д*). Поверхность пластинок полируется, и на ней специальным двузубым инструментом наносятся ряды параллельных бороздок (*е*)

Наверное, тогда же родились и плетеные доспехи, как некая замена щиту. Ведь у лучника по время боя заняты обе руки, и он остается открытым для стрел врага. Так же открыт и воин, вынужденный держать в одной руке копье, а в другой топор. Плетеная из гибких веток, боевая одежда хорошо известна по этнографическим материалам Нового Света и Юго-Восточной Азии. Неплохой защитой могли служить и плотные косматые шкуры животных, которые, скорее всего, и были самыми первыми доспехами. Рубящий удар, нанесенный коротким клинковым оружием сверху вниз вдоль шерсти, соскальзывал с неё. Толстые, особенно на шее, и плотные шкуры крупных копытных, отформованные в сыром виде и потом загубевшие, становились непреодолимой преградой для большинства разновидностей оружия тех лет. Они представляли собой прекрасный материал для создания самых различных защитных приспособлений — нагрудников, курток, щитов, наручей и т. д.

Рис. 14. Роговые пластинки с отверстиями по краям. Закрывали грудь и спину "воина-литейщика" одного из сейминско-турбинских племен. Такие длинные пластины были не очень удобны, так как ограничивали движение корпуса и, как это видно на снимке, ломались. Середина 2-го тыс. до н. л., Могильник Ростовка, Омское Прииртышье. Западная Сибирь. Раскопки В. И. Матюшенко. МАЭС ТГУ

Рис. 15. Тяжелооруженный сейминско-турбинский воин. Грудь и спину его защищает ламелярный жилет из длинных гибких роговых пластинок (а). Под него надета толстая поддевка (б), смягчающая удар. Плечи закрыты широкими ремнями (в), скрепляющими панцирный нагрудник и наспинник. Шею защищает ожерелье (г) с массивными подвесками. Наручи из толстой кожи (д) предохраняют руки от ударов вражеского кинжала. Голову закрывает круглая шапочка (е) из толстой загубевшей кожи, надетая поверх мягкой подкладки. В руках воина — короткое копье (ж). Дополняет набор оружия рукопашной схватки изогнутый бронзовый нож (з). Реконструкция по материалам могильника Ростовка. Середина 2-го тыс. до н. э. Омское Прииртышье. Западная Сибирь. Раскопки В. И. Матюшенко. МАЭС ТГУ

Конструкторы эпохи бронзы не прошли мимо давно знакомого сырья - кости и рога⁷. Детали древнейших лат из рога в виде длинных (до 15 сантиметров) и узких (2,5-3 сантиметра) пластин, снабженных вдоль продольных сторон отверстиями и иногда украшенных бороздками, найдены в 1965 ишу в могильнике эпохи бронзы у села Ростовка близ Омска. Пластины панцирей подобного типа, получивших впоследствии название *ламеллярных*, скреплялись между собой при помощи ремней, шнуров или тесемок, пропущенных сквозь отвсчтия по всему периметру, и располагались на теле воина вертикально.

При таком способе плетения удавалось обходиться без матерчатой или кожаной основы. Эти панцири можно было с успехом использовать для изготовления наручей и «бронирования» щитов.

Неуязвимость «бронированного щита» привела к необходимости совместных действий. Так родилась «сибирская фаланга», как назвал ее известный специалист в области сибирских древностей П. М. Кожин. По его мнению, она включала в себя не менее трех одновременно наступающих линий, каждая из которых выполняла на поле брани свою собственную боевую задачу. Воины первого ряда копьями с крюками цепляли доспехи и распарывали швы костяных и кожаных лат, второй ряд фехтовальными копьями наносил удары, третий своими пиками, «разделяя движущиеся друг за другом шеренги противника», сдерживал напор вооруженной вражеской толпы.

Но действительно ли древние сибиряки использовали такую схему боя? Согласия среди специалистов нет.

Под фалангой обычно понимаем боевой порядок, состоящий из нескольких следующих друг за другом шеренг. Это не совсем так. В бою основной удар принимали на себя воины первой линии. И когда один из них падал, его место занимал идущий следом. Поэтому настоящая фаланга состояла не из сомкнутых шеренг, а из множества коротких колонн, где люди стояли друг за другом. Эти колонны выстраивались в длинную фронтальную цепь. Каждое и;» таких подразделений было самостоятельной военной единицей с определенным числом воинов и своим собственным командиром. Глубина построения фаланги определялась количеством людей, ее составляющих. Именно такое устройство позволяло древним армиям из походного положения (как правило, маршевой колонны) быстро разворачиваться в боевое. Для этого все подразделения, начиная со второго, делали "ход конем", как бы обтекая передние отряды. Это движение было хорошо отрететировано. Поскольку же подразделения по численности были одинаковыми, то создавалось впечатление, что наступают плотно сомкнутые шеренги, следующие одна за другой.

Рис. 16, а, б. Цельнометаллические рукояти ножей, несмотря на то, что нередко украшались геометрическим орнаментом едва ли использовались в том виде, в котором выходили из рук мастера. Несущие части древнейшего оружия обрачивались кожей, закрывались деревянными накладками и обматывались нитью. Середина 2-го тыс. до н. э. а - Елунинский могильник, Западная Сибирь. Раскопки Ю. Ф. Кириюшина. АМ АГУ, б - могильник Росшка, Омское Прииртышье, Западная Сибирь. Раскопки В. И. Матушенко. МАЭС ТГУ

Рис. 17, а, б. Панцирная пластина (а) и способ сборки доспехов (б). Из подобных деталей собирались латы для воинов кротовской культуры. Они отличаются от уже знакомых нам панцирей из Ростовки не только формой звеньев, но и иным принципом сборки «бронированного» покрытия корпуса. Роговые пластины нашивались на мягкую тканую или кожаную основу. Крепились они по принципу рыбьей чешуи, рядами. Такие доспехи так и намываются чешуйчатыми. Чтобы звенья собранных лат не топорщились и не разбегались в стороны, в приотстренной части каждой чешуйки сверлилось отверстие, которое совмещалось с дырочкой на пластинке нижнего ряда. Через них пропускалась нить, притягивавшая все чешуйки к мягкой основе. Четный ряд скреплялся с четным, нечетный, соответственно, с нечетным. Середина 2-го тыс. до н. э. Могильник Сопка-2, Западная Сибирь. Раскопки В. П. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

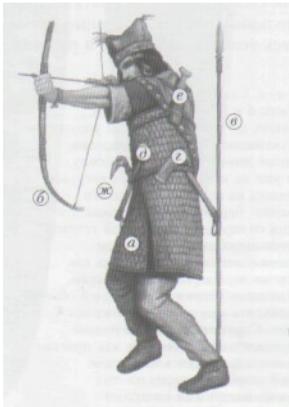
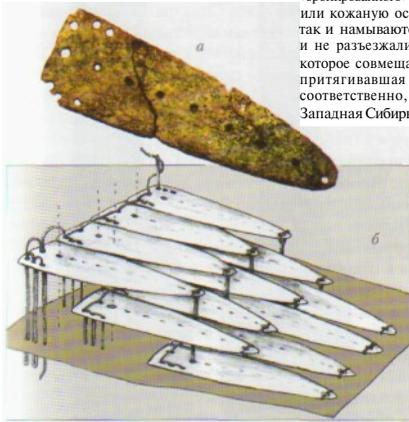
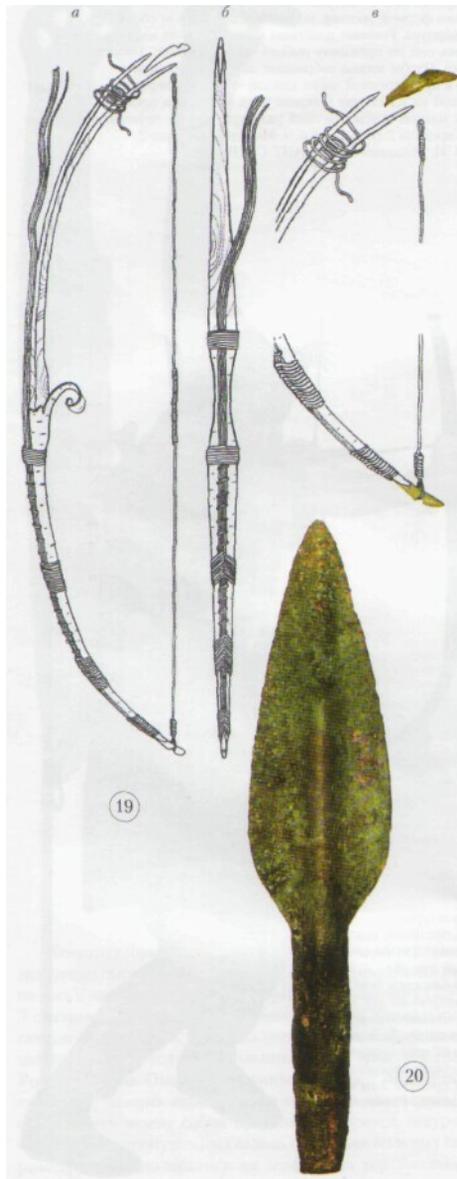

Рис. 18. Таким видится облик тяжелооруженного воина кротовской культуры. От вражеских ударов он защищен роговым чешуйчатым доспехом (а), ближайший аналог которому можно найти на штандартах Ура и стелах Аккада в Месопотамии. Для поражения противника на дальней дистанции кротовскому латнику служит сложный лук (б) со стрелами, оснащенными кремневыми и костяными наконечниками. В ближнем бою воин действует копьем с острым бронзовым наконечником (г) и булава с каменным навершием (д) позволяют сокрушить недруга в рукопашной схватке. Массивный бронзовый кинжал (к) переброшен на специальном ремне за спину. За поясом — жезл с навершием в виде головы длинноклювой птицы (ж). Это не только знак социального ранга, но и оружие: вырезанное из прочного отростка лосиного рога навершие способно нанести серьезную травму. Вероятно, это был один из первых клевцов. Середина 2-го тыс. до н. э. Реконструкция по материалам могильника Сопка-2, Западная Сибирь. Раскопки В. П. Молодина.

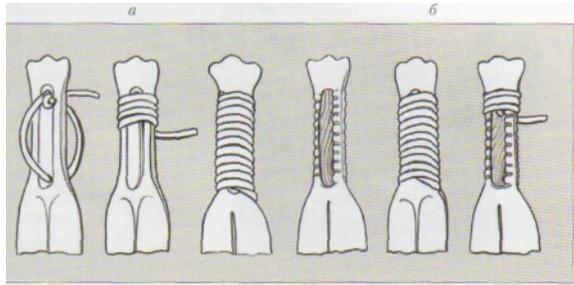
Такова классическая древнегреческая фаланга. Она отличалась большой дисциплинированностью и выучкой, умением держать строй, мгновенно перестраиваться и разворачиваться в ту или иную сторону. Сила фаланги заключалась не в особых бойцовых качествах отдельных воинов, а в согласованных и сплоченных действиях всех ее членов. Пока фаланга выступала как единое целое, она была почти неуязвима. Но стоило ей прийти в беспорядок, начинался разгром.

Этот строй имел значительную протяженность и по фронту, и в глубину, а значит, был достаточно многочисленным, в противном случае его легко можно было обойти и окружить. Кроме того, следовало хорошо защищать его фланги, особенно правый, где бок воинов не закрывался щитами. Фаланга всегда проигрывала отрядам легковооруженных воинов, действующих тактикой засад и нападения врасплох, а в открытом сражении с безопасного расстояния мечущих дротики и стрелы⁸.

Фаланга также оказывалась бесполезной на сильно пересеченной местности. Ландшафт во многом диктует выбор способа ведения боевых действий. Ясно, что в лесу кавалерия и боевая колесница теряют свою мощь, в степи же, наоборот, всадник имеет все преимущества перед пешим. Едва ли в Сибири копыеносцы с тяжелыми щитами в пешем строю были способны преследовать подвижных лучников, умело использовавших естественные укрытия. Охотничьи народы здесь успешно сражались в рассыпном строю.

Рис. 19, а—в. Схема лука кротовского типа: а — кибить; б и в — концевые части. Несомненно, он обладал большой упругостью. На это указывают костяные вкладыши, призванные заменить собой древесину, которая уже не могла выдержать нагрузок, возникающих на концах лука при его натягивании. Вероятно, что в спокойном состоянии со спущенной и снятой тетивой такие луки выгибались в обратном направлении, а их кибить клеилась как минимум из двух деревянных пластин. Для повышения упругости последней обычно использовались эластичные сухожилия обычно копытных. Скрученные и заплетенные в прочную косу или натянутые как простые нити, они накладывались на оружие с внешней стороны, а затем плотно стягивались плетеными кольцами.

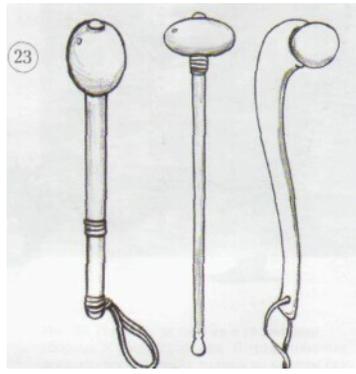
Рис. 20. Бронзовый наконечник дротика. Кротовская культура. Середина 2-го тыс. до н.э. Могильник Сопка-2. Западная Сибирь. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

21

Рис. 21, а, б. Бронзовые кинжалы. Чтобы рукояти не скользили в ладони, они обматывались кожаным ремешком. а, б — схемы обмотки рукояти кинжала. Середина 2-го тыс. до н. э. Кротовская культура. Могильник Сопка-2. Западная Сибирь. Раскопки В. П. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 22. Мраморная булава. Постепенно именно грозная булава становится символом мужской силы, а потом военной, магической и гражданской власти. Ее изображение можно встретить в руках древних владык — реальных и сакральных: египетских фараонов, божеств Месопотамии, среди петроглифов Алтая и Гаян. В качестве атрибута власти булава дожила почти до наших дней (вспомним булавы в руках украинских гетманов). Представленный на фотографии экземпляр, скорее всего, из этого ряда. Слишком малый диаметр втулки, высверленной под рукоять, свидетельствует о том, что эта булава вряд ли предназначалась для боя. Кротовская культура. Середина 2-го тыс. до н. э. Могильник Сопка-2. Западная Сибирь. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

22

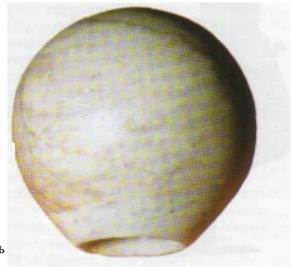
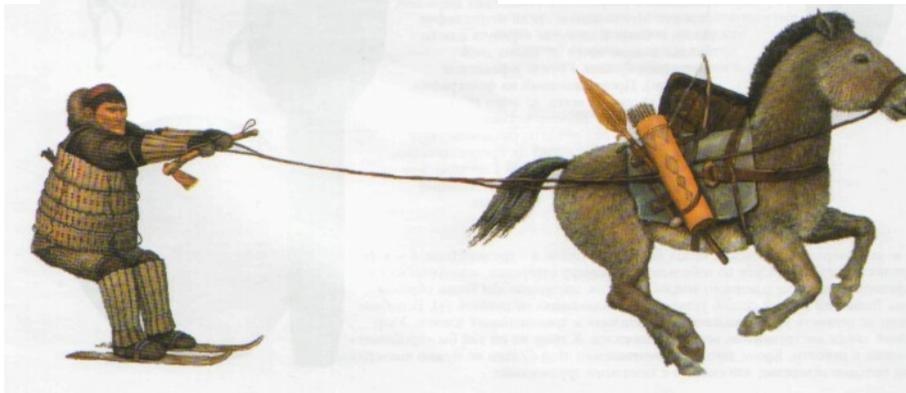

Рис. 23. а-б Навершие кротовских булавы были двух типов: а — грушевидные; б — в форме слегка сплюснутого шара. Судя по небольшому диаметру отверстия, некоторые из них могли крепиться на конце плетеного кожаного ремня, превращая его таким образом в кистень. Возможен иной способ установки киндала — на рукоять (а). Подобное устройство нередкость у так называемых «отсталых» и традиционных племен. Удар, нанесенный таким инструментом, всегда очень силен. К тому же он как бы «прибивает» набалдашник к рукояти. Кроме того, при изготовлении этой булавы не нужно высверливать слишком большое отверстие, что связано с малыми трудностями

Рис. 24. Лошадь - довольно популярный персонаж среди украшений, характерных для бронзовых боевых ножей. Коренная лошадка с густой гривой, крупной головой и чутко настороженными ушами застыла на наверху кривого ножа. Невысокий человек крепко ухватился за поводья и скользит на широко расставленных лыжах. Эта, ставшая уже знаменитой, скульптурная группа из могильника Ростовка указывает на один из древнейших способов передвижения человека на буксире велед за быстро скачущим животным

24

25

Наконец, сам принцип фаланги предполагает более, или менее высокую организацию общества, применяющего ее. Оно должно кормить и содержать значительное количество людей, не занятых и производственной деятельностью (в данном случае, несущих регулярную воинскую службу). Для родо-племенных объединений эпохи развитого бронзового века содержать даже небольшие регулярные воинские отряды представлялось делом непосильным. Все, что они могли, - быстро создать милиционное⁹ ополчение при угрозе нападения.

Рис. 25. Сейминско-турбинский латник на лыжах. В походах лошадь навьючивали. Необходимой поклажей, включавшей предметы вооружения — плетеный щит (а), копье¹ (б), лук со стрелами (в, г), булаву (д), а также запас пищи и минимум походной утвари. Сам воин передвигался с оружием (е) в руках. Длинной пластин доспехов (ж) определяется количество лент, ярусно соединенных между собой и охватывающих корпус воина. Диаметр кольца каждой нижней ленты несколько больше, чем у верхней. Кольца входят друг в друга, изнутри между их стенками оставлен небольшой зазор. Это позволяет панцирю складываться, а воину свободно двигаться и даже мчаться на лыжах. Длинные роговые пластины прикрывают руки и ноги латника (з). XVI- XIII вв. до н.э. Реконструкция по материалам могильника Ростовка

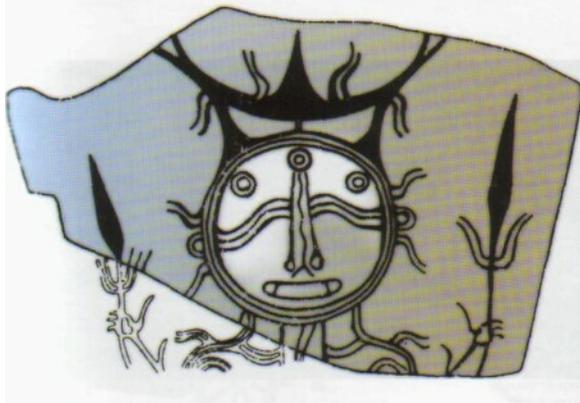

Рис. 26. Изображение божества войны — личина на песчаной плите из погребального сооружения. Этот воинственный персонаж с боевой раскраской на лице, в «короне», с копьями в руках доносит до нас облик военного предводителя далекой эпохи. XVIII—XII вв. до н.э. Окуневская культура. Р. Черновая, левый приток Енисея. Минусинская котловина, Хакасия

И все же у сибирских воителей существовало определенное боевое построение, судя по разнообразию предметных вооружения. Оно применялось в Сибири вплоть до XVII века. Представление об этом строе дает устная традиция: «У одного только человека была кольчуга. Его с малых лет учат стрелы отбивать. Сперва тихонько пускают стрелы, потом больше, больше. Когда он совершеннолетний станет, он уже полностью все знает... Этот человек впереди встает. Остальные за его спиной стоят. Выглядывают и стреляют». Расположение воинов стаками "живыми щитами" впереди хорошо известно по селкупским материалам. Если несколько таких колонн составить вместе, то получится построение, которое можно условно назвать «селкупской фалангой». Надо полагать, вид панцирных воинов, показывающих чудеса ловкости, из-за спин которых во всех направлениях летели меткие стрелы и торчали острые копья устрашающе действовали на неприятеля¹¹.

26

Рис. 27. Создавая эту личину в урочище Хурачах-хол, древний мастер умело использовал отверстие в скале, превратив его в открытый рот, в который по сей день местные жители помещают кусочки жертвенной пищи. Эпоха развитой бронзы. Окуневская культура. Хакасия

27

Рис. 28. Личины на камнях с головными уборами и раскраской лиц. В традиционных представлениях смена облика во многом есть и смена сущности. Раскраска защищала от злых духов, внушала ужас врагу, спасала в бою от вредоносной магии противника. Она была нередко родовым знаком, позволявшим отличить своих от чужих. В качестве красителей обычно использовались смешанные с жиром белая глина, красная, оранжевая охра, черная сажа, пыльца растений. Раскраска также защищала от холода, снега, укусов насекомых и даже, как показывают этнографические материалы, обладала лечебными свойствами. Окрашенные участки на черепаках погребенных, совпадающие в общих чертах с теми зонами, что видны на наскальных рисунках, подтверждают это. Погребения Саяно-Алтая и степей Минусы. По М. Л. Давлет, В. Д. Кубареву и Л. П. Окладникову

28

Рис. 32. «Вислобушный» топор и реконструкции рукояток. Случайная находка в Звонском районе Новосибирской области. Западная Сибирь. МА ИАЭТ СО РАН

К сожалению, учеными не найдены луки сейминско-турбинского типа. Составить о них представление позволяет экземпляр из могильника Сопка-2. Могильник расположен в Центральной части Барабинской лесостепи у слияния рек — Оми и Тартаса. Он включает в себя многочисленные погребения бронзового века, оставленные людьми *кротовской культуры* (XVI - XIII вв. до н. э.). Ее название объясняется тем, что один из наиболее характерных ее памятников обнаружен у села Кротово в Новосибирской области. Кротовские племена были вооружены очень основательно. Кроме топоров-кельтов и бронзовых ножей, они имели в своем распоряжении великолепные бронзовые кинжалы, сложные луки, легкие металлические дротики с бронзовыми наконечниками, мощные булавы, увенчанные каменными набалдашниками. В одном из погребений ученые нашли захоронение литейщика с типичным инвентарем сейминско-турбинского облика. Меж бронзовых изделий и каменных форм для их отливки лежали костяные накладки сложного лука. Очень похожие детали металлического оружия встречены и среди собственно кротовских материалов. Эта находка дает нам представление о луках, применявшихся сейминско-турбинскими воинами.

С натянутой тетивой такой лук имел форму полуовала. Роговые вкладыши, на вырезы которых наклидывалась тетива, помещались в специальные клиновидные прорезы с обоих концов кибиты (в наши дни подобный принцип скрепления деталей иногда называется «ласточкин хвост»). Позже все это стало отличительной чертой луков восточно-сибирского типа.

Стремительное проникновение сейминско-турбинских племен в западном направлении по междуречью Оби и Иртыша было связано не только с превосходством оружия ближнего боя и военной организации. Достигнутый успех связан с появлением нового транспортного средства — лошади. Она позволяла очень быстро преодолевать огромные расстояния.

Рис. 33. Бронзовая створка литейной формы вислобушного топора. Применение металлических форм в производстве оружия было прогрессивным шагом не только потому, что их можно было использовать многократно. Отливки, полученные в таких створках, отличались более плотным, твердым и прочным металлом. Случайная находка. Западная Сибирь. МАЭС ТГУ

Можно предположить, что появление лошади на полях сражений в эпоху бронзы было существенным моральным фактором успеха. Психологический шок, который вызывали эти животные, влекущие за собой грозных воинов, позволял немногочисленным летучим отрядам быстро одерживать победы над численно превосходящим врагом.

В сознании людей древности победа зависела от благоволения высших сил. К эпохе развитой бронзы складываются особые религиозные представления, связанные с культом войны, и местные божества разбросанных по территории Сибири племен приобретают весьма воинственный облик, их изображения, дополненные предметами вооружения, прославляют воинскую силу и boldость. Магические действия против неприятеля — живого или мертвого — становятся общераспространенными.

Рис. 34. Голову этого тяжеловооруженного воина-колесничего андроновской культуры защищает островерхая кожаная шапочка с небольшими наушниками (а). Тело покрыто плотным панцирем, отформованным из сырой кожи (б) и усиленным крупными бронзовыми бляшками-пуговицами (а). Подобные панцири состояли из сплошного прямоугольного полотна с отверстием для головы и полукруглыми вырезами для рук. Наброшенные на плечи доспехи стягивались с боков ремешками (з). Латы могли состоять из отдельных нагрудника и наспинника, так же связываемых друг с другом на боках. За поясом у воина листовидный бронзовый кинжал (д) и булава с каменным наворачием (е). У левого бока — мешочек с походными принадлежностями и запасными наконечниками стрел (ж). За плечами висит цилиндрический колчан со стрелами (з). Здесь же плетеный прямоугольный щит, закрывающий колесничему спину (и). Такими же щитами перед боем защищали вход в кузов. Легкий круглый щит (к) использовался в пеших рукопашных схватках. Копье с бронзовым наконечником (л) и бронзовый топор (м) дополняют вооружение воина. Оценить возможности воинов-колесничих позволяет высказывание Гая Юлия Цезаря, с восхищением писавшего о воинах, которые могли в бою пробегать по дышлу повозки и вставать на ярмо лошадей. Середина 2-го тыс. до н. э. Реконструкция по материалам Андроновской культуры Южной Сибири и Северного Казахстана

Древние андроновцы (эпоха развитой бронзы)

В третьей четверти бурного 2-ю тысячелетия до н. э. почти одновременно (по археологическим меркам) с походами воинов-литейщиков на запад, начинается массовое перемещение европеоидного населения в восточном направлении. Оно происходит несколько южнее - по открытым степным и лесостепным пространствам Сибири - и связывается с появлением на исторической арене скотоводческих племен андроновской культуры. Это название они получили по месту нахождения оставленных ими на этой территории памятников — у села Андроново Ужурского района (Красноярский край). Андроновцев, представлявших собой союз многочисленных родственных европеоидных племен, можно определить как культурно-историческую общность. Они умели разводить породистых белоногих овец, быков-тяжелозовов и прекрасных коней — стремительных и выносливых. Пришельцев принято связывать с древними ариями, часть которых вторглась в Индию и заложила там основы новой цивилизации. Веды зафиксировали их древнейшие гимны и заговоры.

Андроновские племена пришли в Сибирь из Зауралья и, продвигаясь несколькими потоками, стали расселяться, занимая лесостепь, частично проникая в предтаежную зону и даже в глубь тайги. На юге пришельцы осваивали территории нынешнего Казахстана, а когда и здесь стало тесно, отправились дальше на восход солнца н, миновав горы Саяно-Алтая, добрались до Минусинском котловины.

Рис. 35, а, б. Схема нового приема изготовления лука. Роговые вставки (а, б) защемлялись между пластинами кибити. Судя по находкам аналогичных роговых деталей, такие луки, появившись в самом конце эпохи развитой бронзы (позднее андроновское время), просуществовали очень длительный срок. К примеру, в западно-сибирской тайге они применялись и в эпоху раннего железа, то есть как минимум 600 лет спустя, а - *Еловское поселение*. Томское Приобье. По М. Ф. Косареву; б - Чудская Гора, Нижнее Тоболо-Иртышье. По М. Ф. Косареву

Рис. 36, а-в. Черешковый наконечник дротика. Небольшой валик (а) у основания наконечника отделял черешок (б) от плоскости пера (в) и служил упором, мешавшим накопелнику слишком глубоко входить в древесину и расщеплять её при сильном ударе. Чуть ниже наконечника древко обматываюьсь узкими полосками сыромятной кожи, которые, высыхая, туго и прочно стягивали его. Преображенка-3, Барабинская лесостепь. Раскопки В. И. Молодина

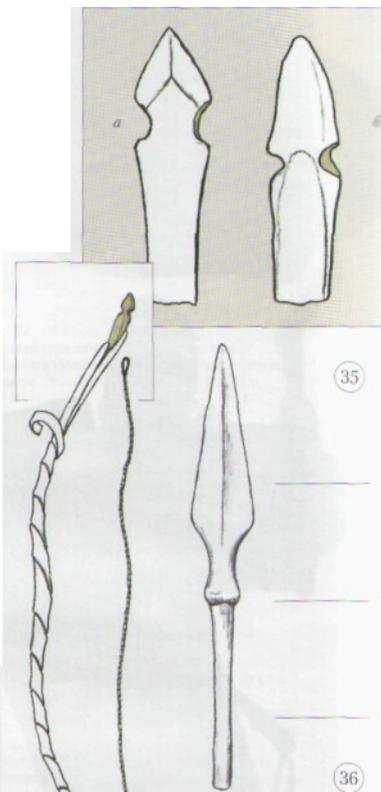

Рис. 37. Втульчатый прорезной наконечник позднего бронзового века. При всем сходстве с листовидными наконечниками эпохи развитой бронзы, обращая на себя внимание значительно меньшие размеры изделий и отверстия в плоскости пера. Подобные формы прорезных наконечников пережили эпохи поздней бронзы и в последующее время неизвестны. Можно предположить, что такие наконечники произошли от зажимных, которые насаживались на остро заточенный конец древка, а потом приматывались, защемляя его. Надо полагать, этот прием обеспечивал значительную экономию металла. Чтобы легче было стянуть концы таких проникающих с древком, в плоскости пера стали делать полукруглые вырезы. С переходом к технологии тонкостенного литья, когда часть древка, обратившись во втулку, стала отливаться заодно с пером, отверстия потеряли свое функциональное значение и остались как дань традиции. НГКМ

Причины, вызвавшие столь мощную миграцию, до конца не ясны, но большинство исследователей склоняется к мысли, что покинуть обжитые места в поисках новых благодатных земель людей заставили резкие изменения климата. Бескрайние евразийские степи были охвачены длительной засухой. Обмелевшие водоёмы, растрескавшаяся от зноя земля, выгоревшие пастбища — все это грозило самым основам скотоводческого хозяйства. И люди двинулись в путь на восток.

Стремительному продвижению древних Ариев, их военным успехам и немалой степени способствовала новая боевая техника — колесницы. Сконструированные первоначально для степной охоты, для управления многотысячными стадами, они стали древнейшими, если даже не первыми, военными «машинами». Существует мнение (в частности, авторитетного археолога, исследователя восточных древностей Г. Чайлда), что по своему тактическому применению колесницы сопоставимы с современными танками.

Лошадей в колесницы запрягали, по большей части, парой: левая, управляемая возничим, — коренная, правая — пристяжная. Практиковались и тройки — только в отличие от знаменитых почтовых здесь две лошади находились под ярмом, а третья была пристяжной. Встречались и четверки — квадриги.

Благодаря появлению боевых колесниц скорость передвижения войска возросла более чем в 10 раз. Однако колесница представляла опасность только в движении. Боевым повозкам нельзя было останавливаться в бою, ибо они были весьма уязвимы для вражеских стрел и копий. Стоило ранить даже одну лошадь, и весь экипаж превращался в беззащитную мишень.

Небольшие отряды сибирских охотничьих племен, вооруженных в основном еще каменным оружием, даже будучи прекрасными стрелками из лука, неизменно проигрывали пришельцам, использовавшим колесницы. Как показывает боевая практика народов, имевших сходный хозяйственно-культурный тип развития, они, оставаясь неплохими бойцами, не и состоянии были применять в сражении плотные построения и прибегали к тактике рассыпного строя. Справиться с ними колесницам на открытой местности не составляло большого труда.

Рис. 38. Листовидный кинжал с прямым перекрестием. Карасукская культура. Эпоха поздней бронзы. Мог. Укулаан на р. Алдан, Якутия. По А. П. Окладникову

Рис. 39. Кинжал карасукского типа. X—IX вв. до н.э.. Найден близ оз. Котокель, Западное Забайкалье. По Н. Л. Членовой

Рис. 40. Бронзовый меч. Длина рукояти 74 сантиметра. Голова барана была украшена рогами, от которых сохранились лишь небольшие выступы. Эпоха поздней бронзы. Раскопки в Забайкалье (Читинская область) близ пос. Кузьмино. По Ю. С. Гришину

Ирменская и карасукская культуры

(эпоха поздней бронзы)

Минули годы, затих гул сражений, к пеплу родных кострищ постепенно возвращались из глухих лесных крепей, степных оврагов и прибрежных плаиней рассеянные грозными пришельцами аборигены. Налаживалась мирная жизнь. И тем, и другим приходилось учиться жить вместе. Эпоха кровавых побоищ сменилась эпохой своеобразного обмена опытом. К началу 1-го тысячелетия до н. э. на просторах Сибири сложились новые самобытные культуры. Однако они были похожи друг на друга во многих проявлениях, обусловленных историческим родством сандроновским племенами. Наступил поздний бронзовый век.

Одна из таких культур, выявленная ранее других (в начале XX века) в Минусинской котловине, получила название *карасукской* (по раскопкам могильника на речке Кара-сук). Но мере исследования археологических памятников на сопредельных территориях (с похожими глиняными сосудами и бронзовыми изделиями) ее наименование первое время распространялось и на них. Но вскоре выяснилось, что варианты карасукской культуры являются самостоятельными образованиями: в Западной Сибири, например, такая культура получила название *ирменской* (по раскопкам памятника близ одноименного села на Оби). Тем не менее для характерных предметов бронзолитейного производства и, в первую очередь, для разнообразного вооружения конца 2-го — начала 1-го тысячелетия до н. э., распространенного на огромных территориях Южной, Западной и Восточной Сибири, Казахстана, Монголии, Ордоса, Северного Китая, нередко используется общее собирательное название - карасукские. И хотя отлитое из золотистой бронзы оружие в каждом из этих районов имеет свой местный колорит, все же оно во многом остается транскультурным феноменом.

Рис. 41. Боевой нож. Колечко на рукояти под шляпкой навершия предназначалось для крепления темляка - специальной петли из кожи, в которую продевалась рука. Это свидетельствует о боевом назначении бронзового ножа, так как темляки всегда были принадлежностью оружия, а не бытовых предметов. Карасукская культура. Эпоха поздней бронзы. Случайная находка у пос. Арголик. Тыва. По Л. Р. Кызласову

Рис. 42. Обломок бронзовой рукояти меча с полым грибовидным навершием. Обе стороны рукояти орнаментированы. Карасукская культура. Эпоха поздней бронзы. ТО КМ

Рис. 43. Бронзовый меч карасукского типа. Как это нередко бывает с длиннолезвийным оружием, лезвие и рукоять повреждены. Стороны рукояти украшены орнаментом, основу которого составляет зигзаг. Найден при раскопках в Лагерном саду г. Томска.

ТОКМ

Сложные луки эпохи поздней бронзы, как и тысячу лет назад, собирались из нескольких слоев древесины и снабжались роговыми концевыми вставками. Правда, к этому времени в их устройстве произошли некоторые изменения. Появляются луки, у которых концевые вставки имеют вырезы под тетиву не на одном ребре, как это было раньше у кротовцев, а на обоих. И вклеиваются эти роговые детали между внутренней и внешней планками кибити таким образом, что их плоскости как бы продолжают друг друга. Именно этот принцип крепления станет позднее определяющим для луков западно-сибирского типа. Подобное новшество несколько изменило форму оружия, его концы перестали столь сильно загибаться внутрь, а сама кибить с натянутой тетивой приобрела форму правильного сегмента. Такой лук был мощнее и надежнее. Стрелы же остались практически неизменными - они снабжались теми же наконечниками, что в андроновское и доандроновское времена. Это неудивительно. Простые в изготовлении и вместе с тем эффективные в бою, костяные наконечники просуществовали необычайно долго. Они были на вооружении практически у всех великих и малых завоевателей древности и средневековья, а на охоте применялись вплоть до XIX века.

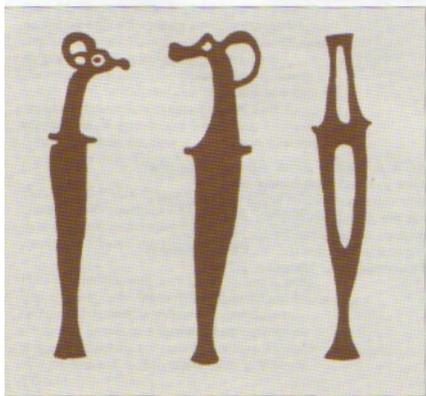
В эпоху поздней бронзы широко распространяются легкие метательные дротики. По способу крепления наконечника с древком они разделяются на две группы: втульчатые и черешковые. Первые насаживались на древко с помощью уже знакомой нам круглой втулки, вторые имели для этой цели заостренный плоский черешок, который загонялся глубоко в древесину несущей части. Втульчатые наконечники были крупнее черешковых, а конструкция их пера (округлой листовидной формы) продолжала традиции оружейного дела эпохи развитой бронзы. С обеих сторон втулки в плоскостях пера были симметрично «прорезаны» полукруглые отверстия, назначение которых до сих пор неясно.

Копья отличались от дротиков лишь более крупными размерами и тем, что полукруглые отверстия в их пере снабжались по всему краю небольшими валиками — своеобразными ребрами жесткости.

44

Рис. 44. а, б. Боевые ножи. Кривизна лезвия и наклон рукояти бронзовых пожен карасукского типа более всего напоминают устройство длинного рубяще-колющего клинкового оружия эпохи средневековья.
а — Западное Забайкалье, по Ю. С. Гришину;
б — Новосибирское Приобье. НГКМ

Фехтовальные копья эпохи развитой брошсы с листовидным, длинным, остро отточенным наконечником и коротким древком претерпели существенные изменения. Теперь они стали целиком отливаться из бронзы и превратились в кинжалы оригинальной формы: древко, как таковое, исчезло, превратившись в бронзовый стержень, снабженный удобной рукоятью с прямым перекрестием, которое защищало руку от удара.

Совершенство простые обоюдоострые кинжалы, древние мастера удлиняли клинки: некоторые из них достигают 50 сантиметров в длину, приближаясь к коротким мечам. Потребности боевой практики привели к тому, что у кинжалов появляется перекрестие вначале в виде небольших шипов, а впоследствии — специальных выступов, способных удерживать вражеский клинок. Такое перекрестие еще долго остается плоским и не возвышается над плоскостями лезвия. Рукояти кинжалов делаются цельнолитыми с навершиями, напоминающими шляпку молодого белого гриба или исполненными в форме простого кольца. Нередко навершия выполняются в виде выразительных фигурок животных. Целый ряд исследователей видит в этих фигурках истоки «звериного стиля» характерной для грядущей эпохи раннего железного века манеры украшения элементов воинской экипировки, когда для этого использовались изображения голов, фигур животных и сцен их борьбы друг с другом.

Стремление создать универсальное оружие, способное достать вооруженного кинжалом противника в ближнем бою на недоступном для него расстоянии, привело к еще большему удлинению клинков. Это оружие было одинаково удобным и для всадника, и для пешего. Длиннолезвийное клинковое оружие позволяло применять многие фехтовальные приемы. Все подобные изделия имели примерно одинаковое обоюдоострое лезвие с продольным ребром по оси симметрии (нервюрой). Рукояти мечей и кинжалов остаются цельнолитыми и, хотя поверхность их нередко покрыта орнаментом или литой имитацией веревочной обмотки закрываются деревянными обкладками и обшиваются кожей. В сечении они имеют форму скругленного бруска и удобно лежат в руке. Нередко у длинных обоюдоострых мечей, как и у кинжалов, рукояти несколько наклонены к одной из сторон, что делает их очень удобными для нанесения рубящих ударов. Острия почти всех подобных изделий, найденных при раскопках, обломаны.

Рис. 45. Головка лошади на рукояти бронзового кинжала. Эпоха поздней бронзы. Северные окраины Маньчжурии. Музей художественного университета Токио

Рис. 46. Кинжалы с кольцевым или зооморфным (в виде головы козла) навершием. Хранились в ножнах с трапециевидным расширением снизу, порой украшались свисающей кистью. Рисунок на оленем камне

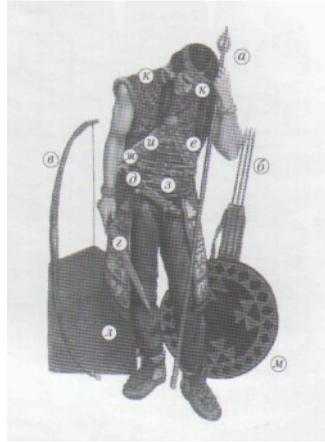

Рис. 47. Воин карасукской эпохи вооружен коротким копьем с бронзовым прорезным наконечником (а), набором легких металлических дротиков (б), сложным луком (в) со стрелами, бронзовым колющим мечом (г) и кривым коленчатым ножом (д). Тело воина закрывает многослойный кожаный панцирь, бронированный бронзовыми круглыми бляшками разных размеров (е). Живот его дополнительно защищает плотный кожаный пояс (ж). К поясу прикреплена коромыслообразная пряжка колесничего (з), приспособленная для заправки поволодьев. Грудь ратника крест-накрест охватывают ремни (и), армированные бронзовыми пластинами, шею закрывает ожерелье с подвесками (к). Разная величина металлических нашивков позволяла довольно плотно покрывать ими одежду, образуя характерные узоры. Завершает набор вооружения щит (л). Он имел прямоугольную форму и приотстранный верх и вырезался из дерева или набирался из отдельных жердочек, стянутых между собой кожей. Круглые щиты (м) выкраивались из толстой загубшей шкуры копытных и обшивались снаружи куском мягкой кожи. Реконструкция выполнена по археологическим и этнографическим материалам карасукских памятников Минусинской котловины. Рисунки на поверхности щита, мотивы вышивки на поясе, нагрудных ремнях, одежде и налобной повязке восприняты по орнаментальным композициям на сосудах

48

Рис. 48. Олений камень из урочища Ушкийн-Увэрв Монголии. Он уникален тем, что на нем изображено человеческое лицо. Изамунидии хорошо различим заштрихованный косой сеткой пояс. С правого бока к нему подвешены узколезвийный топор и еще некое рубящее орудие, вроде небольшой косы с коротким лезвием, с левого - кинжал в расширяющихся книзу ножнах. Спереди кремню прикреплены свисающая пряжка с двумя крючками и оселок. На спине можно усмотреть заштрихованный в елочку шит. По В. В. Волкову и У. Л. Новгородовой

Культура оленных камней (переходное время к эпохе раннего железа)

Путешествуя по долинам Горного Алтая и Тывы, вы обязательно заметите многочисленные насыпи (то высокие и монументальные, то оплывшие и еле заметные), затянутые травой квадраты и кольца оградок, выложенных из камня, удлиненные стелы. Некоторые из стел покосились, другие под тяжестью лет давно упали и вросли в землю. Эти покрытые лишайниками, изъеденные ветрами камни свидетели жизни исчезнувших народов.

А если вы взглянете вниз со склона ближайшей горы, то при удаче можете обнаружить насыпь, обнесенную каменным кольцом, от которого тянутся к центру вымощенные дорожки-перемычки. Она похожа на огромное тележное колесо, исполненной силой занесенное в эту уютную долину. О подобных сооружениях еще в конце XIX века сообщали путешественники, побывавшие в Монголии и Забайкалье. Тогда же были сделаны первые попытки их изучения. Однако раскопки не принесли яркого археологического материала. Под насыпями или обнаруживали безыскусные одиночные и коллективные погребения, или вовсе наткнулись на нетронутый грунт. В ученом мире за подобными конструкциями закрепилось название *херкурсы*. А местное население зовет их «кыргызскими гнездами» — «хяргас-Ур». Точная датировка этих загадочных сооружений все еще вызывает разногласия, но, в свете новых открытий, все более убедительным выглядит отнесение их к эпохе поздней бронзы.

Гораздо больший интерес представляют уже упомянутые каменные стелы. Их можно встретить среди горных долин и степного раздолья Алтая, Тывы, Забайкалья, Монголии. Нередко на них различимы рисунки животных, оружия и украшений. Фигуры животных — как правило, оленей — выполнены в одной стилистической манере. Они весьма похожи друг на друга и различаются лишь размерами. Туловища зверей резко очерчены, их ноги подогнуты или обозначены треугольными выступами, клювообразные морды вытянуты вперед, а длинные ветвистые рога заброшены за спину и почти достигают крупа. Изображения оленей и дали этим стелам название *оленных камней*.

Оленные камни распространены достаточно широко. Кроме уже упомянутых территорий Алтая, Тывы, Забайкалья, Монголии, они встречаются также в Киргизии, Казахстане. Приуралье, на Северном Кавказе. Отдельные сведения позволяют судить о том, что они обнаружены на Балканах, в Иране и Центральной Европе. Хотя этим монументам посвящена на редкость обширная и основательная литература, их культурная и хронологическая принадлежность разными исследователями определяется неоднозначно. Фигуры оленей выполнены в стилистиче-

ких традициях эпохи раннего железного века, а оружие и украшения относятся к эталонным образцам эпохи поздней бронзы — карасукского круга.

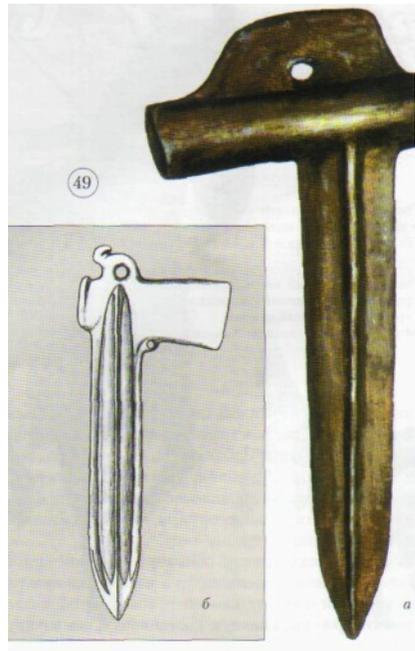
Еще некоторое время назад эти монументы интерпретировались по-разному, в том числе и как скульптуры фантастических рыб, но теперь — с легкой руки признанного специалиста по археологии Сибири Н. Л. Членовой — общепризнано, что оленные камни есть не что иное, как изображения воинов. Однако воспроизведение человеческого лица на них — редкое исключение. Вместо него оставлено пустое место, на котором нередко нанесены косые линии, как бы зачеркивающие и без того отсутствующее лицо¹⁰. Линии эти обычно трактуются как татуировка, которая, как ни странно, оказывается для неизвестного скульптора более важной, чем само лицо. Но зато все прочие детали экипировки — оружие, боевые пояса, ожерелья, серьги, зеркала даны очень подробно и вполне соответствуют пропорциям реально человеческого тела. По указанной экипировке ученые относят стелу к категории оленных камней, даже если на ней отсутствуют фигуры животных.

Облик конкретной личности не столь важен для скульптора. Он меркнет и растворяется в образе воина, сохраняя свою индивидуальность лишь в деталях воинского снаряжения. Пожалуй, для современника этого было вполне достаточно, чтобы узнать, кто в данном случае изображен. Но что же значат фигуры животных? Чаще всего говорят о том, что перед нами простое воспроизведение татуировки¹¹, которая вместе с оружием, боевым поясом и головным убором была общепризнанным знаком социального статуса. Она магически охраняла человека и наделяла его особыми свойствами тех животных, чей образ передавала, продолжая исполнять эту роль и в загробном мире. Ритмическая повторяемость фигур на камнях, на телах воинов должна была способствовать многократному усилению «наведенной» магической силы. Кроме того, лица на оленных камнях неизменно обращены на «священный» восток. Образ оленя, его легкий стремительный бег, яростная мощь в битвах были близки сердцу каждого воина, и неслучайно олень становится излюбленным украшением самых различных воинских предметов.

Немало оленных камней уничтожено, разрушено или намеренно перемещено на другое место еще в древности. Уничтожить изображение духа-предка — значит нанести непоправимый вред ему самому и его потомкам. Оленные камни использовали в качестве простого строительного материала уже в середине 1-го тысячелетия до н. э., в эпоху раннего железа, когда память о тех, кто тесал эти камни, и их собственных духах, давно канула в Лету.

В последнее время опубликованы материалы, связывающие херексуры и оленные камни в единый культурный феномен, где первые были погребальными, а вторые — поминальными памятниками. Эта археологическая культура (называемая пока культурой херексуров

Рис. 49, а, б. Этот бронзовый чекан (а) представляет собой круглую трубку-тулку с прикрепленным сбоку плоским, длинным, как у кинжала, листовидным лезвием, укрепленным ребрами жесткости. На рисунке хорошо заметен небольшой наклон тулки и лезвия. Это связано с необходимостью, как и у топора, создать некоторый угол между осями рукояти и лезвия, чтобы центр удара приходился на черенок и отдача сводилась к минимуму. Насколько можно судить по выбитым на камнях изображениям такого оружия, иногда эта проблема решалась простым изгибом самой деревянной рукояти. Позже, с распространением железа, ударную часть чекана стали делать (в соответствии с траекторией удара) слегка изогнутой, дуговидной формы, напоминающей клюв птицы, а обух оружия снабжать специальным молоточком, которым также можно было наносить удары. Такое оружие называлось клевком (б). Носились чеканы на поясе с правого бока. Эпоха поздней бронзы. а — с Усинское, Южные Саяны, Тыва, по Л. Р. Кызласову; б — р. Джидла, Забайкалье, по Ю. С. Гришину

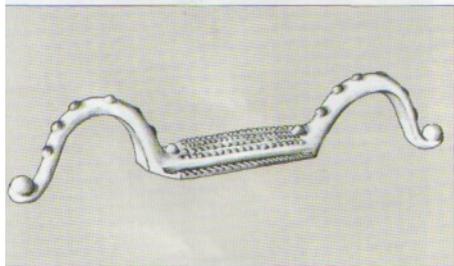
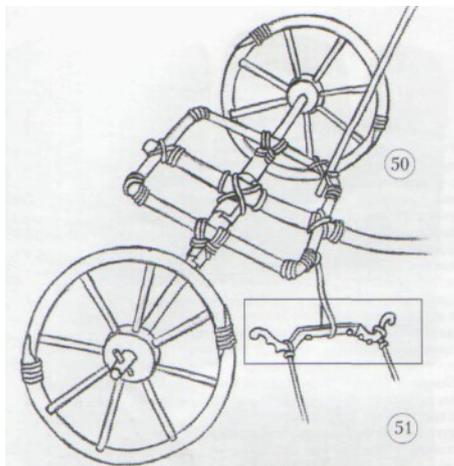

Рис. 50. Использование " модели ярма"
в качестве валька колесного экипажа.
По У. Л. Новгородовой и М. В. Горелику

Рис. 51. Бронзовый корымсылообразный
предмет. Изображения похожих изделий
нередки на оленных камнях.
Миунусинская котловина, Хакасия

и оленных камней) сложилась где-то в районах Западной Монголии, а затем распространила свое влияние на территории Алтая, Тывы, Забайкалья, Восточного Туркестана, Восточной Монголии. Именно с ее военной активностью связывается появление здесь сходных форм оружия, причем того самого оружия, что относится исследователями к карасукскому типу.

Так как в эпоху бронзы основной ударной силой в войске оставались колесницы, то и памятники культуры херексуров и оленных камней — совершенно логично — имеют ярко выраженную колесничную символику:

одни выполнены в форме тележного колеса, на других отчетливо видны элементы экипировки воина-возницы — загадочные корымсылообразные предметы, или, как их еще называют, «модели ярма».

Бронзовые аналоги этим предметам хорошо известны по материалам карасукской культуры и археологическим находкам в так называемых «че-ма кэнах» ямах с колесницами и погребениями лошадей позднего иньского и раннего чжоусского Китая (X—VIII вв. до н. э.). Они представляют собой бронзовую пластину, каждый конец которой оформлен в виде полукруглого крючка. В целом изделие напоминает сложный лук с очень длинной рукоятью и короткими, как бы сжатыми рогами плеч. Видимо, это очевидное сходство с метательным оружием позволило китайскому ученому Ши Чжанжу отождествить бронзовые «модели ярма» со срединными накладками лука.

Существует предположение, что «модели ярма» напрямую связаны с вальками колесных повозок (вальком называется толстая палка у передка повозки, к которой прикрепляются постромки пристяжной лошади).

Наиболее убедительное решение загадки «модели ярма» заключается в том, что эти двоянные крючки служили особого рода пряжками, за которые возница цеплял поводья, чтобы освободить себе руки для лучной стрельбы и не потерять при этом управления. Подобные пряжки могли крепиться к деревянному шитку, прикрепившему живот воина. Правда, положение ездока, как отмечает исследователь, становилось при этом крайне неустойчивым.

Судя по изображениям на оленных камнях, воины носили свои сравнительно небольшие луки в специальных футлярах, располагавшихся с правой стороны. Они представляли собой прямоугольные или, но большей части, плавно расширяющиеся кверху чехлы, примерно в половину длины оружия. У многих луков концы плеч круто загнуты вперед. Это уже новый тип оружия, принципиально отличающийся от предшествовавшего, — пик его распространения придется на следующую историческую эпоху — эпоху раннего железа. Ученые его называют луком «скифского типа». С внешней стороны налучья пришивался специальный карман, в котором помещался набор стрел. Это предвосхищение горитов, специально придуманных для совместного ношения лука и стрел.

Защищали колесничих от копий, камней и стрел шиты прямоугольной формы с приотстранным верхом. Они собирались из тонко оструганных палочек и оплетались кожаными ремешками. Такая форма была весьма удобной, воин мог обороняться, поднимая шит достаточно высоко, и одновременно наблюдать за неприятелем, ибо приотстранный конец шита не закрывал глаз. В центре шита, ближе к его верхней части, располагался металлический *умбон* — выпуклый диск, которым отражали удары рубящего оружия. По аналогии с устройством подобных приспособлений на реальных шитах Ближнего Востока и античного мира, с обратной стороны умбона размещалась рукоять-поперечина.

Между тем время колесниц неуклонно катилось к своему закату. В конце эпохи бронзы из среды скотоводческого населения стали выделяться кочевые племена. Освоение верховой езды привело к радикальным переменам на полях сражений. Теперь здесь безраздельно господствовал конный стрелок, вооруженный луком и стрелами. Колесницы ушли в прошлое. Новое время рождало новых героев, образ всадника вскоре вытеснил из народной памяти нарядных возниц...

Рис. 52. Судить об облике колесничих переходного — от эпохи бронзы к раннему железу - времени можно по каменным стелам — оленним камням. Покрытые татуировками оленей, козлов и крупных хищников, облаченные в одежды с аппликациями силуэтов этих животных, воины стояли на платформах своих повозок. мистически преображаясь в зверей, чьи образы украшали их тела. О том, как украшали они упряжь боевых коней, мы можем только догадываться. Некоторую подсказку нам могут дать материалы раннего железного века и, прежде всего, пазырыкской культуры. Для полноты звериного образа, который обретали возницы, требовалось соответствующим образом преобразить и лошадей - придать им новый облик, который волшебным образом менял животное; сохраняя мощь коня, давал ему стремительность оленя, неутомимость круторогого тура. В представлениях людей тех лет совмещение образом нескольких животных было равнозначно полному слиянию в новом существе всех свойств их «прародителей». Вероятно, что и на спине упряжных коней набрасывались шкуры оленей, так как в эпоху раннего железного века образ оленя был связан с воинской символикой

Глава 3

Пазырыкцы, тагарцы и другие

Пазырыкская культура (эпоха раннего железного века)

В середине 1-го тысячелетия до и. э. на огромных территориях, от Карпат и почти до Тихого океана. складываются новые формы хозяйственной деятельности — кочевое и полукочевое скотоводство. Появляется и находит повсеместное применение новый материал — железо. Начинается *ранний железный век* или, по-другому, *эпоха ранних кочевников*.

С тех пор как лошадь была приучена носить всадника, протяженные степные ландшафты перестали разобщать людей. Большие расстояния словно сжались. Вчера еще разрозненные и чуждые племена все чаще вступают в добровольные, а то и вынужденные отношения друг с другом, обмениваются идеями и технологиями.

Но всему поясу степей Евразии устанавливается новый кочевой стиль жизни¹. От самых глубин Азии до Северного Причерноморья формируются разнообразные, и вместе с тем сходные во многих проявлениях, культуры. Ареал их распространения получил название *скифский мир* — по имени кочевников, ставших знаменитыми благодаря историческим трудам Геродота и сенсационным находкам в причерноморских курганах. Поскольку большая часть этого мира находится за Уральскими горами (Рифейскими, по Геродоту), то целый ряд здешних культур называют ещё *скифо-сибирскими*.

Общность этих культур, основанная на близости хозяйственного уклада и родстве идеологий, проявляется в сходстве трех элементов — это предметы вооружения, конская упряжь и, наконец, "звериный стиль" в искусстве. Название последнего говорит само за себя.

Следует отметить, что границы древних культур не всегда точно совпадают с ландшафтными, однако они все же соответствуют ареалам Верхнего и Таежного Приобья, западно-сибирской лесостепи, Алтайских и Саянских гор, Минусинской котловины, верховьев Енисея.

Что же это за культуры? Начнем с Горного Алтая того времени. Его благодатные долины и альпийские луга у самых вершин занимало население *пазырыкской* культуры, названной так по расколкам погребальных сооружений

Рис. 1. Навершие головного убора пазырыкского вождя. Яркий образец "звериного стиля". Представляет собой голову хищного фантастического существа - грифона, держащего в клюве голову оленя. Дерево, кожа. 21x18 см. V—IV вв. до н. э. Урочище Пазырык, Горный Алтай. Раскопки С. И. Руденко

в одноименном урочище. Благодаря редкому стечению обстоятельств, которые дарит нам порой природа, под каменными насыпями курганов на высокогорных плато образовались линзы вечной мерзлоты, и эти природные холодильники сохранили то, о чем могли только мечтать археологи, — одежду, ткани, ковры, деревянную утварь и забальзамированные тела жителей той далекой эпохи.

Пазырыкцы — смешанное кочевое население, и их внешнем европеоидном облике порой проступали черты монголоидной расы. Со своими многочисленными стадами пазырыкцы кочевали, перегоняя зимой скот и высокогорья, где меньше снега, а летом — к богатому разнотравью долин. Знали они и земледелие. Перемалывая зерно на тяжелых каменных жерновах, хранили его зимой в глубоких, высланных берестой, ямах и пекли из него пресные лепешки. Жили в домах, срубленных из массивных лиственничных бревен. Из таких же бревен устраивали подкурганные склепы для своих умерших. Непременными атрибутами их жизни были конь, оружие и вера в помощь предков и небесных покровителей.

Пазырыкское общество возглавляли вожди, которым после смерти воздвигали гигантские курганы в самых живописных урочищах и долинах рек. Немало сокровищ было скрыто под их насыпями. К сожалению, по большей части курганы были разграблены еще в древности алчными современниками. Но и того, что попало в руки археологам, вполне хватило, чтобы поразить воображение любителей древности и украсить экспозиции самых лучших музеев мира.

Основу воинской силы пазырыкцев составляли отряды всадников, вооруженных луками и стрелами. Луки алтайского образца склеивались из четырех слоев дерева. Для лучшего сцепления места склейки покрывались косыми насечками. Затем готовое изделие обматывалось сухожилиями и оклеивалось берестой. Судя по найденным

фрагментам, луки пазырыкцев достигали в длину 110 сантиметров.

Кроме больших сложных луков, воины использовали и маленькие — так называемого «скифского типа» — о них мы уже упоминали в предыдущей главе. Такой лук имел достаточно длинную, плавно выгнутую рукоять почти прямые плечи кибити и небольшие загнутые концы. Форма его часто была асимметричной — с плечами разной длины и, соответственно, разного изгиба. Как свидетельствуют многочисленные изображения, воин брал при стрельбе лук не за центр кибити, а за выгиб плеча вблизи рукояти. Частота, с которой древние художники подчеркивают эту деталь, позволяет говорить о такой манере скорее как о правиле, а не как об исключении.

Стрелы помещали в кожаные колчаны, скроенные из двух кусков кожи: первый представлял собой прямоугольник длиной около двух третей длины стрелы, который сворачивался в трубку, второй выкраивался в форме полусферы и крепился к нижнему краю этой трубки, образуя дно колчана. Для жесткости в продольный шов вставлялась гладкая каркасная дощечка, окрашенная, как правило, в красный цвет. Иногда такие ребра жесткости покрывались резным растительным орнаментом или рельефными изображениями хищников. К колчану подшивался широкий чехол — нулчье, куда помещался лук. Так получался горит — футляр для одновременного ношения лука и стрел. Гориты чаще носились слева у пояса, а стрелы располагались в них наконечниками вниз. Впрочем, оружие могло быть подвешено и справа — древние лучники свободно стреляли с любой руки.

В ближнем бою пазырыкцы использовали железные и бронзовые чеканы. Это были граненые или кинжаловидные, слегка изогнутые острия, насаженные на длинные деревянные рукояти. Чекан являлся высокоэффективным оружием в руках всадников и пехотинцев. Его называют также клевцом. Клевец отличается тем, что его ударная часть в соответствии с траекторией

удара имеет дуговидную форму. Впрочем, на этот счет среди оружейников существуют и другие мнения. Во избежание путаницы мы будем далее называть чеканом оружие с прямым, колющим или рубящим носиком, клевцом — с изогнутым. Оружие ближнего боя были и знаменитые акинаки железные и бронзовые кинжалы с характерным перекрестием в форме прямого бруска или развернутых крыльев бабочки. Реже перекрестие выполнялось в виде голов хищных фантастических птиц и зверей. Окончания рукояти акинаков часто украшались навершиями в виде парных головок грифонов, направленных клювами друг к другу. По, по большей части, здесь помещался поперечный брусочек-противовес или простое кольцо.

Основным защитным вооружением пазырыкцам служили наборные щиты двух типов. К первому относятся щиты прямоугольной формы (высотой от 10 до 80 см), ко второму — щиты, верхний край которых был полукруглым. Собирались щиты из гладких, оструганных прутьев диаметром чуть больше сантиметра, стянутых между собою кожей и окрашенных. Путьев обыкновенно было около сорока. Посередине тыльной стороны располагалась широкая кожаная петля-рукоять. При изготовлении щитов использовалась сырая кожа, которая, высохнув, сжималась и стягивала между собой деревянные части. Эти щиты при всех своих достоинствах — легкости, упругости, слабой проницаемости для удари стрелы — были весьма чувствительны к дождю и влажности и могли применяться не при всякой погоде, так как отсыревшая кожа растягивалась, и щит терял свою надежность. Для защиты от влаги щиты хранились в специальных чехлах, снимаемых непосредственно перед боем.

В погребениях пазырыкцев найдены и маленькие (до 40 см в высоту) целюдеревянные щиты прямоугольной формы. Желобки на них имитировали фактуру наборных щитов. Они предназначались, скорее всего, для ритуальных целей, так как не могли защитить

Рис. 2. Так выглядят сегодня насыпи "царских" Пазырыкских курганов в цепочке погребальных сооружений могильника Шибе. Конец 3-й четверти 1-го тыс. до н.э. Горный Алтай

Рис. 3. Конный лучник. На первый взгляд, его оружие менее всего напоминает лук. Но если присмотреться, становится ясно, что вогнутая середина М-образного или сигмовидного, как его часто называют, лука просто расположена выше кисти воина. Столетия спустя эта середина станет усиливаться жесткими роговыми накладками. Такое совершенствование оружия изменит саму манеру стрельбы из лука, и все кочевые народы от хунну до монголом будут пускать стрелы из лука, удерживая его за середину. V–IV вв. до н. я. Золотая фигурка из собрания Г. Ф. Миллера, Эрмитаж. Санкт-Петербург

тогда чеканом. Впрочем, кинжал их не пробивал, в рукопашной схватке небольшие размеры подобных изделий не **вплоть** себя оправдывали. Такие маленькие круглые щиты в XIV веке появились на вооружении европейских армий и хорошо проявили себя в сноте рукопашных схваток. Еще совсем недавно они были распространены и на Кавказе среди вайнахов – признанных мастеров фехтовального искусства.

Головы воинов прикрывались высокими войлочными шапками с нащечниками и назатыльником, а толстые стеганные двойные шубы свободного покроя защищали от стрел или чекана, если его удар оказывался скользящим. Защитный эффект свободновисающей плотной ткани был хорошо известен в древнем мире. Так, древнегреческие гоплиты защищали ноги, подвешивая к нижнему краю щита куски кожи, в которых вязли стрелы.

Шуба прекрасно предохраняла тело и от удара плетью. Плеть у древних кочевников тоже была своего рода оружием. Ею в поединке сбивали с лошади, оглушившего. Существовал и другой способ – стегнув вражеского коня, заставить его сбросить наездника.

Плети по сей день используются конными пастухами при охоте на волков — одного умелого удара ею хватает, чтобы убить зверя. Еще в начале XX века среди конно-спортивных состязаний кочевых пародов (например, киргизов) встречались своеобразные «дуэли» на нагайках. На эти поединки отваживались только самые выносливые и храбрые люди. Чтобы парализовать действия соперника, они стремились ударить его в самое уязвимое место — руку выше локтя, запястье, шейное сухожилие, колленную чашечку, шиколотку. Точный удар практически означал победу.

Особенности боевой тактики пазырыкцев диктовал сам горный ландшафт. По-видимому, они **действовали** небольшими отрядами легковооруженных конных стрелков. Скорее всего, пазырыкцы использовали тактику засад, внезапных — может быть, даже ночных — нападений на стойбища и быстрого отхода с военными трофеями, самыми ценными из которых был скот, особенно породистые лошади. Интересно, что набор вооружения пазырыкских воинов напоминает арсенал боевых средств североамериканских индейцев со Скалистых Гор.

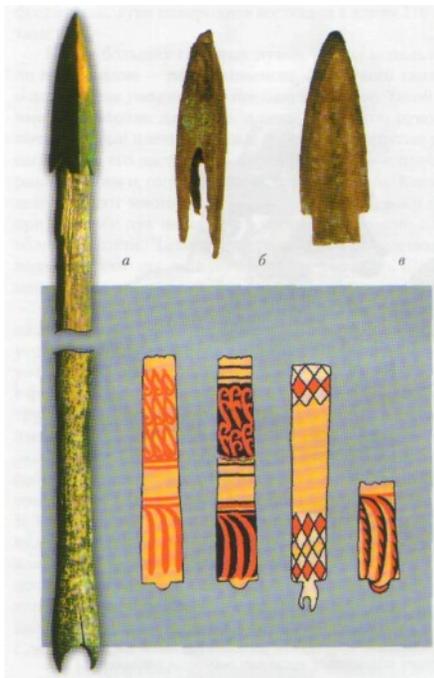

Рис. 4. а - в. Наконечники для стрел делались из кости (а) или бронзы (б, в). В сечении они были, как правило, трех-, реже четырехгранными. Малые размеры бронзовых прокилателей (длина 2,5–1 см, диаметр втулки — 5 мм) указывают на небольшую величину древков стрел и самого лука, который, тем не менее, обладал достаточной мощностью, чтобы острие бронзового наконечника выпущенной из него стрелы сплющилось при попадании в цель, а — V - IV вв. до н. э. Плато Укок. Могильник Верх-Кальджин-2. Горный Алтай. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН; б, в - Денисова Пещера. Горный Алтай. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 5. Древки стрел расписывались черной или красной краской. Эта роспись являлась знаком собственности, означала принадлежность их хозяина к тому или иному роду. Такими рисунками помечали древки своих стрел воины, погребенные в Пазырыкских и Тузгунских курганах. V—III нн. до н. э. Горный Алтай. Развертки рисунков по С. И. Руденко

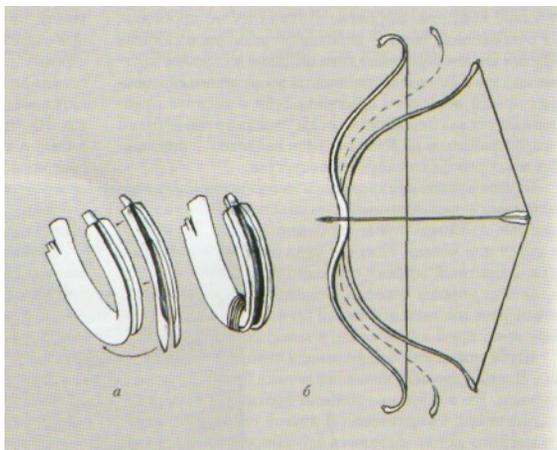
4

5

6

Рис. 6. а, б. Особенностью устройства луков скифского типа были круто выгнутые наружу окончания оружия. Этот элемент позволял использовать при выстреле не только силу упругости древесины, но и энергию сокращения тетивы. Когда такой лук натягивался, тетива выходила из специальной канавки, прорезанной в изгибах, и рабочая длина её, таким образом, несколько увеличивалась. В момент выстрела все части оружия резко возвращались в исходное состояние. Тетива, как бы вновь наматываясь на крутые дуги окончаний, сокращалась, и стрела получала дополнительное ускорение (И). На выгнутые концы лука, чтобы сделать их более прочными и упругими, наклеивались роговые накладки (а). V–IV вв. до н. э. Могильник Верх-Кальджин-2. Плато Укок. Горный Алтай. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 7. Железный чекан, обнаруженный в одном из «замерзших» курганов у снежных вершин Горного Алтая. Он имеет граненую ударную часть и небольшой топорик на обухе. т. е. подходит как для колющих, так и для рубящих ударов. V- IV вв. до н. э. Могильник Верх-Кальджин-2, Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

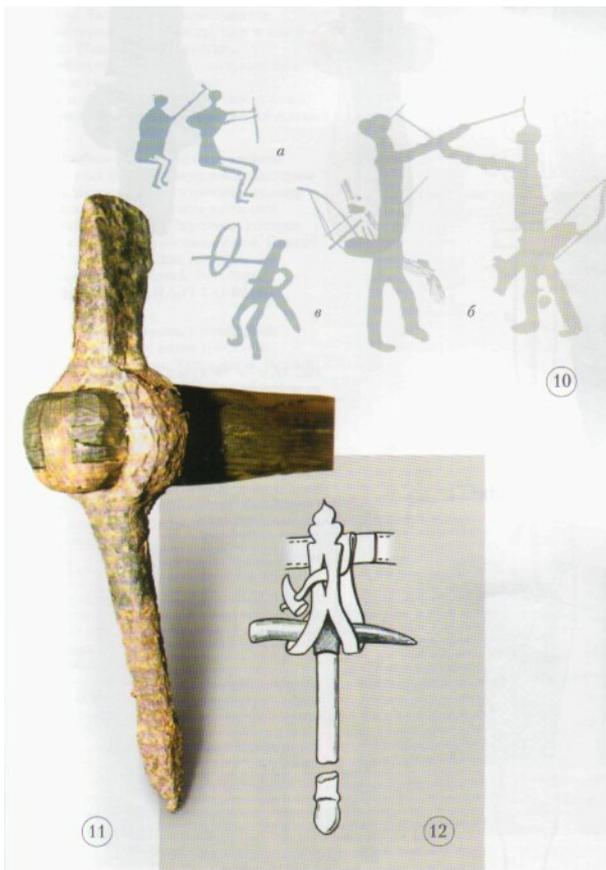
Рис. 8. Лезвие этого оружия плоское. По сути, перед нами акинак на рукояти. Предназначался он для борьбы с не защищенным латами неприятелем. Прямой удар им наносил проникающие колотые раны, скользящий же мог причинять и резаные повреждения. IV в. до н. э. Могильник Ташанта-1, Горный Алтай. Раскопки В. Д. Губарева, МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 9. Ни обуви чеканов располагался противовес, усиливающий удар. Мастера превращали его к дополнительный поражающий элемент в виде молоточка или топорика. Иногда эта деталь выполнялась в виде фигурки животного. IV в. до н. и. Могильник Уландрык-3. Горный Алтай. Раскопки В. Д. Кубарева. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 10, а—в. Батальные сцены раннего железного века, выбитые на скалах в урочище Сагыр в Восточном Казахстане (а) и Шанип-шад в Монгольском Алтае (б), с фотографической точностью воспроизводят способы использования чеканов в бою. На петроглифе из урочища Елангаш в Горном Алтае (в) воин держит лук занижнюю треть. Считается, что в этой позиции стрелку удается расположить стрелу, размещенную поверх кулака, ближе к оси оружия, т. е. его стрельба становится наиболее меткой

Рис. 11. Техническая сметка и ловкость пазырыкских мастеров блестяще проявилась в системе крепления бойка к рукояти. Чтобы он не слетал, деревянные клинья в торце рукояти чекана размещались крест-накрест, распирая древесину во всех направлениях

Рис. 12. Посредством свернутых в петлю ремней с двумя продольными разрезами чекан крепился к поясу. Вместо застежки нередко использовались медвежьи или кабаньи клыки, исполнявшие роль амулета. Реконструкция по материалам раскопок В. И. Молодина и Н. В. Полосьмак на плато Укок

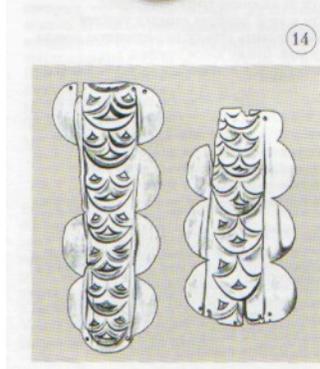
a

б

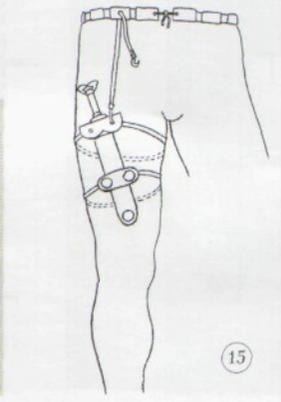

13

Рис. 13. а–в. Ножи для акинаков вырезались из цельного куска дерева (а) и окрашивались в красный цвет. С тыльной их стороны выбирался неглубокий паз под лезвие (б). Он закрывался куском толстой кожи, выкроенной по форме деревянной части (в). а, б – V–IV вв. до н. э. Могильник Верх-Кальджин-2. Плато Укок. Горный Алтай. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН; в – V–III вв. до н. э. Могильник Ак-Алаха-1. Плато Укок. Горный Алтай. Раскопки П. В. Полосмак. МА ИЛЭТ СО РАН

14

15

Рис. 14. Прорисовка деревянных поножей, которые закрывали в сражениях ног витязя из Первого Туэктинского кургана. Они состояли из двух частей: более широкая и короткая (31 сантиметр) прикрывала бедро, а узкая и длинная (39 сантиметров) – голень. Обе детали, по-видимому, соединялись между собой широкой кожаной лопастью, дополнительно закрывавшей колено. К ноге это приспособление подвязывалось ремнями у шиколотки, под коленом и вокруг бедра. Эти поножи указывают на возможность изготовления доспехов из кедровых дощечек. Чтобы древесину нельзя было расколоть, пластины таких панцирей плотно обматывались тонкой жилавой нитью. У–IV вв. до н. э. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 15. Носились кинжалы на правом бедре воина. Для этого в лопастях ножен свердлись отверстия, через которые пропускались ремни, охватывавшие бедро. Одна из лопастей дополнительным ремнем скреплялась с поясом. По В. Д. Кубареву

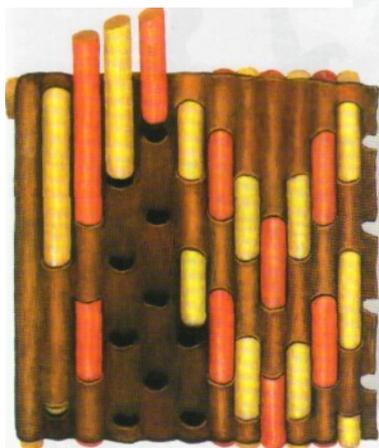
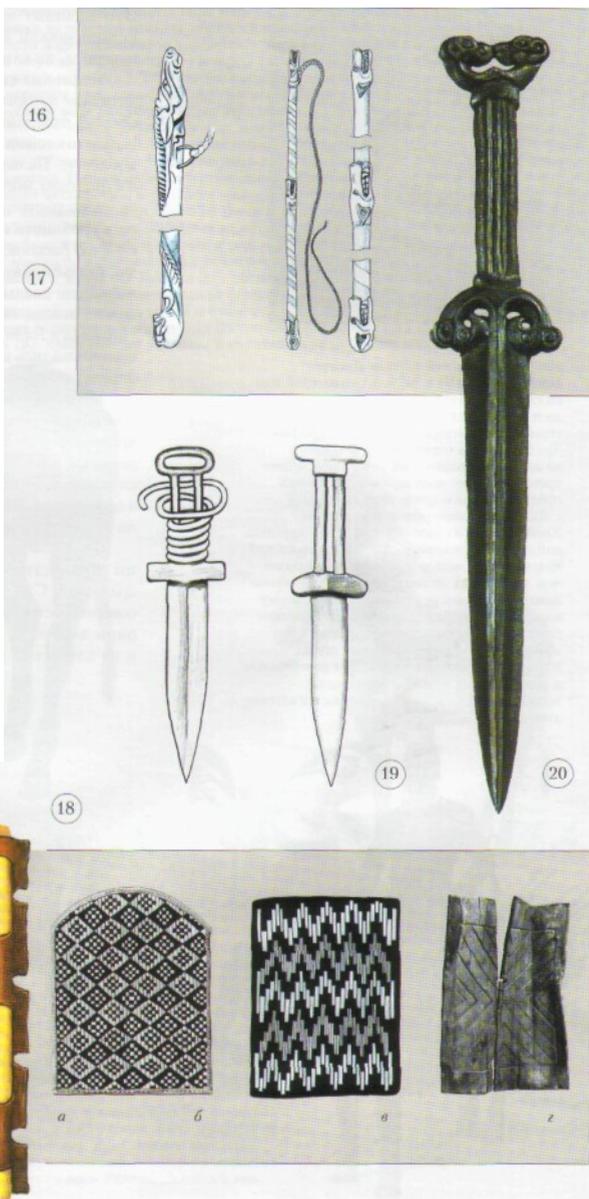
Рис. 16. Рукоять плети, вырезанная в виде фигуры лошади. Ранний железный век. Второй Пазырыкский курган. Горный Алтай. Эрмитаж. Санкт-Петербург

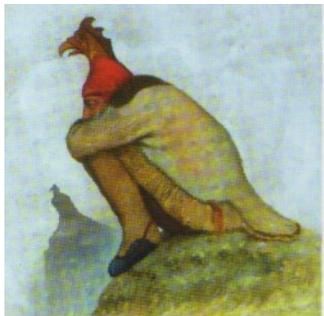
Рис. 17. Деревянный черенок нагайки обязательного атрибута древних кочевников³. Ее перевитая золотой лентой рукоять украшена тремя головами волков. Наличие в погребениях подобных предметов говорит о развитии выездки верховых копей. Ранний железный век. Второй Башадарский курган. Горный Алтай. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 18. а-г. Типы пазырыкских щитов. а — реконструкция щита из прутьев и кожи 1-й Первого Пазырыкского кургана; б — цельнодеревянный щит с полукруглым верхом из могильника Ак-Алаха; в — схема плетения щита из прутьев и кожи; г — Деревянный щит из могильника Ак-Алаха-1

Рис. 19. Наиболее типичные для раннего железного века формы кинжалов характерны для самых ранних археологических культур. Обычно в прорезные рукояти кинжалов помещались деревянные брусочки, которые обматывались затем полосками кожи. Ранний железный век. Могильник Ак-Алаха-1. Плато Укок. Горный Алтай. Раскопки Н. В. Полосьмак. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 20. Бронзовый акинак с навершием и перекрестием в виде голов грифонов. IV в. до н. э. Могильник Уландрык-3. Горный Алтай. Раскопки В. Д. Кубарева. МА ИАЭТ СО РАН

21

Рис. 21. По древней легенде Аристея Прокнесского (VI в. до н.э.), известной нам со слов путешественника-публициста IV в. до н.э. Геродота, далеко за Рифейскими горами жили "стерегущие золото грифы". Трудно сказать, определено, о каком из древних народов идет речь. В последнее время все более популярным становится предположение о связи этой легенды с носителями пазырыкской культуры. Хотя изделий из золота в алтайских курганах найдено пока немного, самих месторождений драгоценного металла в Горном Алтае более чем достаточно: рудные залежи и россыпное золото в долинах рек встречаются по всему горному краю. Надо полагать, что всадники заставы, стерегушей узкие проходы на перевалах, в своих косматых шубах и гладких войлочных колпаках с наверхими в виде птичьих голов, вполне могли восприниматься издали как некие гигантские хищные птицы

Это наводит на мысль, что в сражениях те и другие использовали похожие приемы. Да и военные обычаи, наверное, не слишком различались.

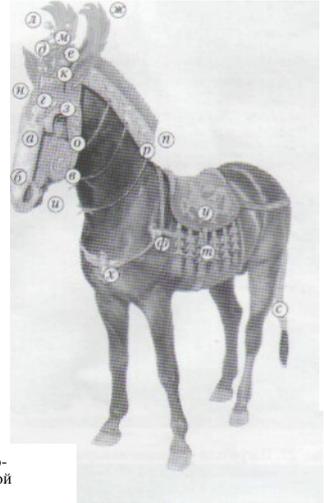
У древних скотоводческих племен, как свидетельствуют античные авторы и китайские хроники, существовал военный обычай отделения голов поверженных в сражении врагов и изготовления из них особых чаш — знаков воинской доблести. Пазырыкцы не были исключением. Например, в курганном могильнике Уландрык рядом с воином покоится череп убитого им врага. Подтверждая сообщения «первого журналиста и этнографа» Геродота о причерноморских скифах, раскопки изазырыкских курганов доказали, что обычай скальпирования характерен не только для американских индейцев: следы скальпирования хорошо видны на голове мумии вождя, обнаруженной в одном из курганов урочища Пазырык в Горном Алтае. Скальпы, по сообщениям Геродота, привязывались к узде коня количеством таких «подвесок» определялась мера воинских умений их владельца.

Археологические данные говорят о том, что в те времена кочевники отсекали и кисти рук врагов — возможно, их прикрепляли на конскую упряжь, как и нанизанные на кожаный ремешок верхние челюсти поверженного врага. И объясняется это вовсе не особой жестокостью и извращенной психикой, а особыми религиозными верованиями, которые оправдывали и заставляли творить этот «варварский» ритуал.

Согласно преданиям, амазонки — женщины-воительницы древности — сеяли ужас и смерть на античных полях сражений. Сам Геракл, величайший герой Древней Греции, совершил свой девятый подвиг, добыв пояс Ипполиты, царицы амазонок. Раскопки древних погребений, в том числе и на алтайском плато Укок, показали, что в древних мифах

Рис. 22. Реконструкция внешнего вида коня из Первого Пазырыкского кургана.

На нем маска из толстого войлока, обшитого кожей (а). Маска представляет собой спену борьбы тигра и фантастического чудовища — тигриного грифона (б). Этот мифический небесный зверь имеет туловище (в) и морду тигра (г), рога антилопы (д), гриву коня (е), перья и крылья птицы (ж). Тигр как бы вздыбился — его голова располагается на лбу лошади, передние лапы помещены над глазами (з). а задние проходят по верхней губе и под ноздрями коня (и). Изображение выложено листовым золотом с прорисованными поверх него черными полосками. Грифон занимает верхнюю часть маски и ее нащечные лопасти. Его голова и шея, покрытая пестрыми птичьими перьями (к), объемно выполнены из толстого войлока и размещены меж ушей коня. Шетинистая грива сделана из красного конского волоса. Рога увенчаны поволооченными шариками (л) и украшены колечками драгоценного металла (м). К лопаткам монстра прикреплены поднятые вверх крылья. Туловище диковинного зверя шито из цветной кожи со вставками листового золота полова. Передними лапами (и) чудовище обхватило шею тигра, который вцепился, в свою очередь, зубами и его грудь и когтями в корпус чуть ниже лопаток. Нижняя часть тела грифона завернута, в соответствии с канонами «звериного стиля», в кольцо так, что лапы его упираются в живот (о). Грива коня с обеих сторон обшита пластинами войлока, превратившись в плотную, вертикально стоящую стенку, на которую надевался награвник в виде чехла (п), обтянутого кожей и отороченного бахромой из красного конского волоса. На боковых поверхностях награвника расположены четыре петуха с позолоченными головами (р). Хвост лошади упакован в кожаный, в виде трубки, прорезной чехол (с).

Седло по бокам украшено свисающими фигурами рыб (м). Они вырезаны из толстой кожи и к их плавникам привязаны кусочки бахромы из красного конского волоса. На войлочной подушке седла помещены кожаные аппликации тигра, терзающего лося (у). Ремни нагрудника и узлы украшены на перекрестях позолоченными скульптурными фигурами горного козла, выполненными из трехслойной кожи (б). На груди коня красуется изображение орлиного грифона с раскинутыми вдоль ремней крыльями (в). Не ясно, был ли этот убор лошади исключительно церемониальным и шитым для победных походов, или все же скакали на горным пастбищам нарядные всадники паукрашенных подобным образом животных. Некоторые маски на головах породистых тонконогих пазырыкских какунов были снабжены огромными, шитыми в натуральную величину из толстой кожи, рогами оленя с пучками крашеного конского волоса на отростках, либо вырезанными из дерева и покрытыми золотой фольгой [югами горного козла]. В древности в воинской среде целесообразность часто приносилась в жертву магическому символу и колдовской магии амулета. И личная воинская магия касалась не только человека. Хорошо известно, например, что боевая раскраска наносилась и на воинов, и на их коней. Быть может, и этот фантастический наряд, который волшебным образом изменял животных, имел особое, принятое и понятное в воинской среде, магическое значение, оккультный смысл которого восходил еще к убранству упряжек лошадей колесничих бронзового века. Ранний железный век. Первый Пазырыкский курган. Горный Алтай

истины гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Прекрасная половина пазырыкского населения имела в своем распоряжении тот же арсенал, что и мужчины: лук со стрелами, кинжал и даже чекан. Одежда у алтайских амазонок была мужская, хотя само оружие, как и следовало ожидать, было изящнее. Кроме того, оно богаче украшено яркой воинственной символикой «звериного стиля». Женщины всегда остаются женщинами. Даже на поле боя.

Археологи, исследуя алтайские курганы, неоднократно находили детские погребальные камеры, причем размеры их насыпей порой не уступали «взрослым». В детских погребениях было обнаружено оружие малых размеров: луки, стрелы, чеканы, кинжалы.

В те незапамятные времена, когда по извилистым тропам Алтая пробирались пазырыкские воины, в сибир-

ской тайге проживали угры и самодийцы - предки здравствующих хантов, манси, селькупов. На южных опушках великого леса на поросших колками просторах лесостепи встречались они с кочевниками, испытывая на себе мощное духовное влияние кочевого мира. Отражалось это влияние и в традиционных верованиях. Несомненно, что именно здесь хранятся ключи ко многим тайнам ушедших времен.

Представители этих народов до недавнего времени были убеждены в том, что с каждым новорожденным возвращается в мир душа кого-либо из умерших. После специального ритуала, призванного определить, кто же из предков вернулся, младенцу присваивали имя покойного с возложением на него всех прав, а со временем и обязанностей некогда ушедшего. Даже дети умершего считались теперь детьми новорожденного. Задача

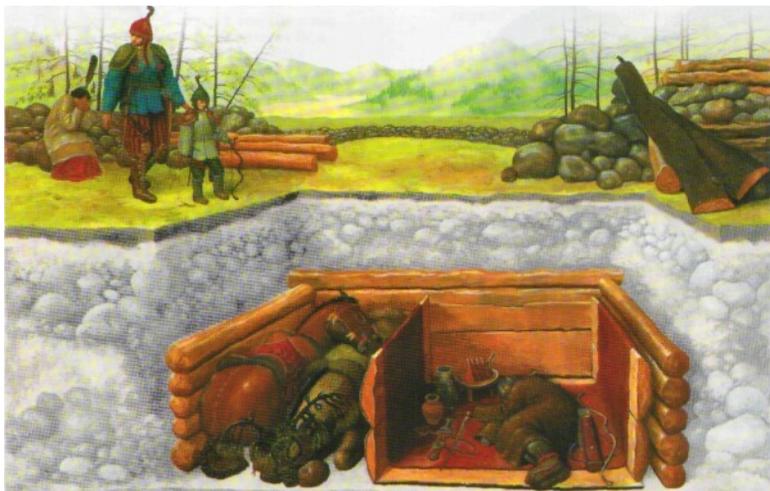

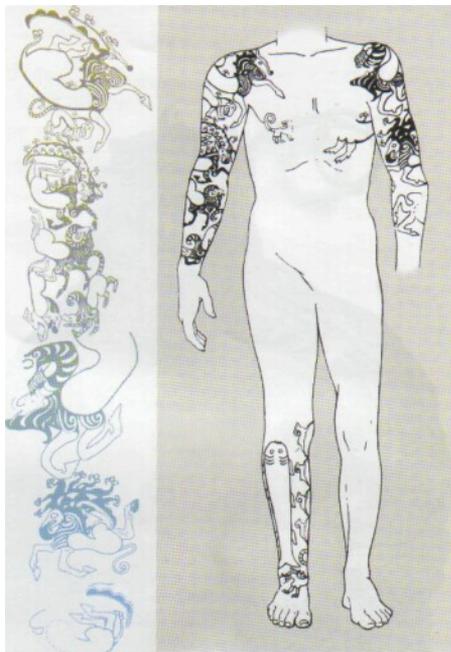
Рис. 23. Погребали умерших пазырыкцы в глубоких ямах, на дно которых ставился деревянный сруб — споего рода дом почишего. Отдавая ушедшему частичку привычной для него земной обители, строители нередко использовали при его возведении венцы бревен настоящих жилищ. Внутри сруба воссоздавался привычный интерьер жилища или, во всяком случае, его подобие. Пол и стены склепа застилались войлоком или, если хоронили знатного воина, дорогими коврами. Умершего, одетого в войлочные сапоги-чулки с кожаными галошами, шубу и войлочный копалак, укладывали на правый бок в позе спящего. За его спиной помещали лук и стрелы, у пояса — чекан и кинжал. На шею наделивали покрытую золотой фольгой гривну. В рядовых погребениях и погребениях средней знати в головы ставилось походное деревянное блюдо-столчик с короткими ножками, на нем лежал кусок мяса с воткнутым в него ножом. Тут же стояло несколько сосудов — деревянный, глиняный и роговой. Вероятно, этот непрменный набор был связан с мифологическим сценарием загробного странствия, когда умершему, чтобы достичь конечной цели, требуются емкости из разных материалов. Впрочем, мы никогда достоверно не узнаем сути всех предполагавшихся посмертных приключений. За перегородкой, будто у стенки настоящего дома, лежали мертвые кони, число которых в могилах знатных воинов и вождей могло достигать нескольких десятков. Рядовым же воинам полагалось лишь по одной-две лошади. Сруб закрывался бревнами и засыпался камнями и щебнем. У знатных пазырыкцев таких перекрытий могло быть несколько, а в яму, кроме лошадей, иногда укладывались каркасы переносных разборных жилищ и даже повозки. Сверху над могилой возводилось каменное сооружение, которое с течением времени превращалось в обычную насыпь

окружающих состояла в том, чтобы помочь новорожденному вспомнить свое прошлое. Поэтому с самого раннего возраста детям готовили комплект такой же, как у взрослых, одежды и снабжали снаряжением, положенным взрослым охотникам и воинам, но в уменьшенной копии.

Может быть, и юные пазырыкцы точно так же получали свои чеканы, акинаки, боевые пояса и луки со стрелами? И если умирали и младенчестве, то уходили в загробную жизнь в сопровождении того же ритуального набора вещей, что и их взрослые соплеменники. Конечно, это всего лишь предположение. Определенно же можно сказать, одно кочевники воспитывали подрастающее поколение в духе силы, воинской доблести и готовности к борьбе за жизнь, семью и родные горы.

Когда наступало время зрелости, юноши должны были с оружием в руках показать свою силу. Проходя через ряд жесточайших обрядовых испытаний, введших их в мир духовных ценностей коллектива, они переживали магическое перерождение, в корне менявшее их психологическую сущность. — в этих испытаниях они получали доступ к знаниям и техникам, позволявшим преодолевать страх, входить в состояние боевого иступления и вести себя в сражении так же, как ведет себя хищный зверь на охоте — агрессивно, азартно, жестоко и неукротимо, не чувствуя ни боли, ни усталости. Магическим знаком этого превращения служили татуировки фантастических животных на теле. И подобно тому, как фигурки хищных зверей наделяли смертоносной силой оружие, татуировки давали бойцу звериную мощь и яростный пыл в сражении. Вероятно, небольшое число акинаков и чеканов, украшенных в "зверином стиле", связано не только с трудностями их изготовления и имущественным рангом владельца. Не каждый мог достичь такого боевого транса, в который входили, например, легендарные скандинавские берсерки¹ — знаменитые «безумцы» средневековых побоищ. Особое оружие полагалось только тем, кто мог с ним совладать и надлежащим образом направить его магическую мощь. Берсерки не пользовались доспехами. Думается, что и многие пазырыкские воины не скрывали от глаз врага некоторые свои рисунки на теле, которые были знаками сверхъестественной силы.

Вероятно, первые татуировки наносились, когда юноша выдерживал экзамен на зрелость. Это был знак родовой принадлежности, магический оберег. В дальнейшем количество татуировок увеличивалось. Они, как награды за боевые заслуги, покрывали руки и плечи воителей. Возможно, что рисунки на коже имели еще и прикладное значение: известно, например, что многие народы Сибири наносили на тело надрезы и рисунки, чтобы исцелиться от недугов — как бы призывая в помощь небесные силы. Это приносило иногда положительный результат, чему есть и современное объяснение. Подобные надрезы и рисунки-татуировки есть не что иное, как воздействие на вполне определенные нервные окончания, своеобразное иглоукалывание.

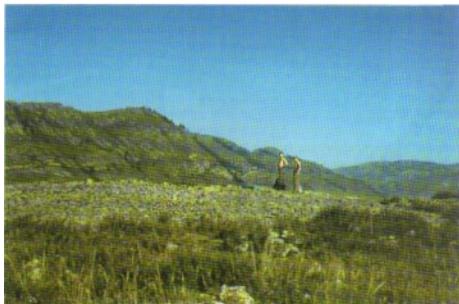

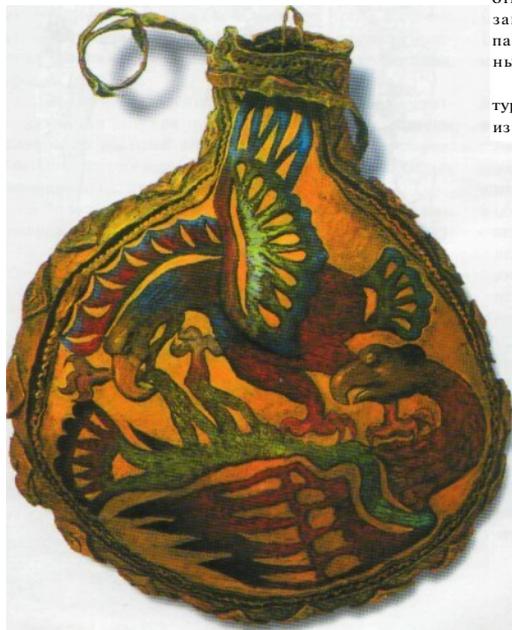
24

Рис. 21. Такими татуированными рисунками было покрыто тело пазырыкского вождя. По С. И. Руденко

Рис. 25. Могильник Туэкта. Остатки насыпи «царского» кургана. Пазырыкская культура

25

26

Рис. 26. Фляжка, сшитая из двух лоскутов кожи. На ее плоской поверхности с двух сторон нашиты фигуры грифонов, схвативших когтями тетеревов. По окружности прикреплены кожаные ромбы. В этой фляге хранились черна конопли. Согласно сведениям Геродота, скифы кидали зерна конопли на раскаленные камни, вдыхали наркотический дым и «громко ликовали». Ранний железный век. Второй Пазырыкский курган. Горный Алтай. Реконструкция по материалам раскопок С.И. Руденко

Пазырыкцы успешно противостояли вторжениям больших отрядов противника, рассеивая их, но они оказались бессильны перед постепенным, настойчивым внедрением в горы Алтая групп переселенцев, вышедших откуда-то из глубин Центральной Азии. Пришельцы занимали горные долины медленно, но верно, вытесняя пазырыкских всадников в высокогорье — к самым небесным кручам.

И хотя по историческим меркам пазырыкская культура просуществовала недолго, она осталась одной из самых ярких культур раннего железного века.

Рис. 27. Так мог выглядеть один из военных предводителей пазырыкской культуры. Он облачен в головной убор (а), украшенный аппликацией листового золота (б), вырезанными из дерева позолоченными фигурками животных (а) и увенчанный головой орлиного грифона (г), который держит и клюпе голову копытного. Корпус защищен латами¹, которые представляют собой кирасу (и), собранную из прямоугольных медных пластин, связанных между собой ремешками в уголках и по принципу, хорошо известному в китайской оружейной традиции. Руки до локтей закрыты наборными оплечьями (е), которые видны под матерчатыми лопастями с аппликациями в зверином стиле из золотой фольги (ж). На плечи наброшена шуба (з). Вооружение воина состоит из лука скифского типа (и), горита со стрелами (к), кинжала с головками грифонов (а) в окрашенных ножнах (и), прикрепленных к поясу, чекана (н) у пояса, большого квадратного щита (о), собранного из раскрашенных жердочек, стянутых между собой кожей. Шею закрывает массивная позолоченная гривна (п), выполненная в зверином стиле, на талии — широкий боевой пояс (р), составленный из накладок с изображением зверей. Эти предметы являются не только магическим, но и вполне реальным защитным средством. Вместе с головным убором они являются знаком высокого социального ранга. V — III вв. до н. э. Реконструкция по материалам археологических раскопок в урочищах Пазырык, Уландрык, долине р. Ак-Алаха²

Большереченская культура (Эпоха раннего железного века)

Человек всегда стремился к воде. Недаром все первые и великие цивилизации древности возникали по берегам рек.

От снежных хребтов Алтая несут свои воды реки Бия и Катунь. Сливаясь на равнине, они дают начало Оби, основной водной артерии Западной Сибири и одной из самых крупных рек Евразии. В верховьях она течет в широкой (до 10 километров) пойме по слабозвышенной равнине с глубокими долинами притоков, пересекает лесостепь и далее, в среднем и нижнем течении, прорезает тайгу, завершая свой бег в студёных волнах Карского моря. Вдоль русла Оби от основного массива тайги далеко на юг отходят извилистыми языками сосновые леса. Их так и называют - ленточные боры. Они тянутся внушительной полосой преимущественно по правобережью. Эти привольные места влекли к себе представителей самых различных племен и пародов. Здесь рождались яркие самобытные археологические культуры.

Территорию Верхнего Приобья от степных предгорий Алтая фактически до разреженной полосы южной тайги в эпоху раннего железного века занимало население так называемой *большереченской культуры*. Она получила свое название по результатам раскопок М. П. Грязнова у села Большая Речка. Им же выделены и основные этапы истории этого культурного образования.

Географическое положение во многом определило круг культурных контактов населения Верхнего Приобья: во-первых, это было соседство с кочевниками Саяно-Алтая на юге и юго-востоке, во-вторых, со всадниками степей современного Казахстана и воителейы Барабинской лесостепи на западе и юго-западе и, наконец, в-третьих, с таежниками на севере. Каждый из соседей внес свою лепту в арсенал верхнеприобского населения. С запада пришел длинный железный меч, с севера — короткое пехотное копьё, юг дал чекан и характерное снаряжение легкого всадника-лучника.

Несмотря на кажущуюся разреженность и распыленность населения, древний мир был заселен достаточно плотно, и, конечно же, наиболее благоприятные участки были давно обжиты, освоены и закреплены за различными племенами. Ни одно сколько-нибудь значительное событие в ойкумене не проходило бесследно. Кочевой мир с его активным и энергичным населением можно сравнить с жидкостью, которая, будучи сжатой в одном месте, выплескивается и другом.

Понятия гуманитарных катастроф древний мир не знал, но при этом хорошо был знаком с неизбежным в случае войн явлением «вынужденных мигрантов». В последней трети IV века до н. э. фаланги Александра Македонского потеснили на восток сакские племена. И вскоре усталые кони кочевников уже топтали приалтайские степи, а воины смывали кровь и пыль в водах Большой реки.

Рис. 28. Золотая скульптурка козла высотой около пяти с половиной сантиметров — выразительный образец "звериного стиля" населения Верхнего Приобья. Очень похожие фигурки лошадей, оленей, горных козлов, вырезанных из дерева и обернутых золотой фольгой, венчали колпаки всадников пазырыкской культуры. V-III вв. до н.э. Новотроицкий могильник. Верхнее Приобье. Раскопки А. П. Уманского. Барнаул. АГПУ

Севернотаежные соседи, поднимаясь вверх по течению Оби, тоже стремились при первой же возможности освоить эти благодатные места, столь похожие на родные таежные срепы. В III—II веках до н.э. эти поначалу редкие «посещения» превратились в основательную миграцию, со строительством городищ и дальними рейдами на юг таежного войска.

Все это не могло не сказаться на комплексе вооружения местного населения. Правда, оружие, сверкавшее в руках приобских воинов, различалось в зависимости от того, в какой из природных зон происходили сражения.

К сожалению, в Верхнем Приобье и приалтайских степях археологам не встречались древние луки. Но составить подставление о них помогают наконечники стрелизображения луков. Похоже, местное население хорошо знало и широко использовало классические

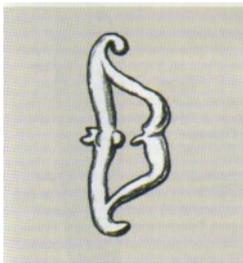
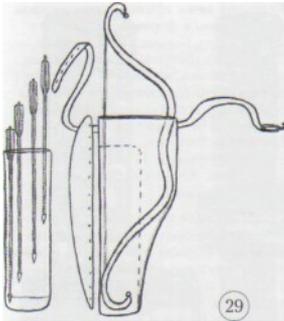

Рис. 29. Устройство горита

Рис. 30, а—г. Кроме небольших «облеченных» наконечников стрел (а, б) в распоряжении приобских лучников имелись массивные втульчатые и черешковые проникатели из бронзы с выделенным граненым острием и несравненно более высоким пробивной способностью (в, г). Насаживались они уже на настоящее дерево и предназначались для прицельных выстрелов и поражения бронированных целей

Рис. 31. Бронзовая поясная бляшка, выполненная в форме лука скифского типа, показывает, каким оружием пользовались оставшие этот памятник люди. V IV вв. до н. э. Могильник Староалейка-2. Барнаульское Приобье. По Г. Е. Иванову

Рис. 32. Типовое разнообразие костяных наконечников стрел было весьма значительным. Форма боевой части некоторых из них явно имитировала бронзовые проникатели. Однако, независимо от устройства, использовались они в большинстве своем для поражения легковооруженного противника на средней дистанции

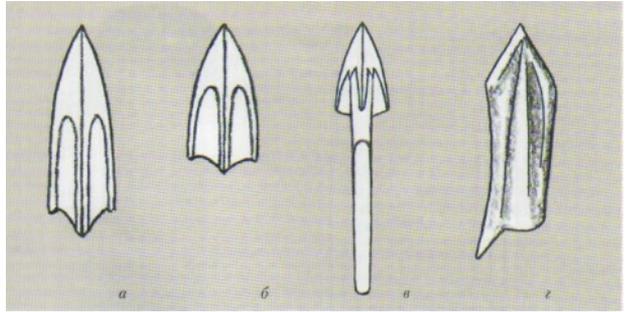
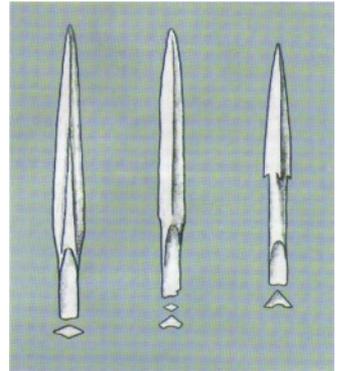

Рис. 33. Бронзовый крючок-застежка. Подобные изделия часто называют колчанными крючками. Такие крюки играли роль пряжки и прикреплялись к ремню, подшитому у самого устья колчана. На другом конце ремня через равные промежутки пробивали отверстия, и, надевая горит, острие крючка пропускали в одно из них, застегивая ремень. Ремень можно было и перекидывать через плечо, и оборачивать как пояс вокруг талии. Отверстия позволяли регулировать высоту подвески колчана. Благодаря этой системе воины без труда меняли футляры со стрелами — сбрасывали пустые и надевали заполненные. При этом не надо было делать лишних движений и терять столь дорогое время — с помощью крючка ремень застегивался буквально одним движением

образцы лука скифского типа. На это, в частности, указывает целая серия мелких втульчатых наконечников стрел характерной, трехгранной в сечении, формы. Дело в том, что существует определенное оптимальное соотношение между весом наконечника и размерами древка. Как правило, весовое соотношение элементов выглядит как 1:5 или 1:7. Центр тяжести стрелы должен приходиться приблизительно на ее середину, допустимо лишь небольшое его смещение в верхнюю треть. При нарушении этого соотношения стрела либо виляет в полете, либо взмывает и отклоняется в сторону — прицельная стрельба становится невозможной. А вес стрелы и мощность лука — величины взаимозависимые.

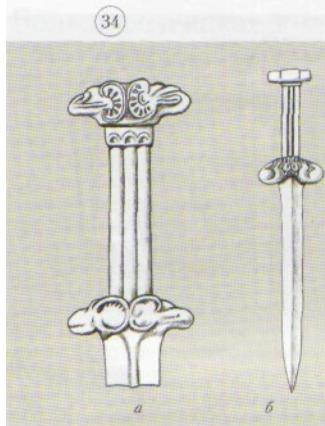

Рис. 34, а, б. Железный кинжал (а) — яркий образец «звериного стиля». Он оригинален, так как образ круглобокого барана редко украшает клинковое оружие. Оружие имеет ребро жесткости на лезвии и три валика вдоль рукояти, характерные для кинжалов Алтая, Тывы и Минусы. Железный кинжал-акинак (б) длиной около 40 см выполнен в традициях оружейного ремесла Алтая и Минусинской котловины, что указывает на юго-восточное направление контактов.

На бабочковидном перекрестии выбиты фигурки волков, рукоять снабжена массивным брусковидным перекрестием, а — V—IV вв. до н.э. Случайная находка у станции Укладочная близ Барнаула. По Г. Е. Иванову; б — VI—V вв. до н.э. Находка у с. Кочки, Алтайский край

Рис. 35. Бронзовый кинжал. Лезвие оружия — шестигранное в сечении, с широким плоским ребром. Считается, что кинжалы подобного типа отражают самые дальние юго-западные связи с Северным Кавказом, откуда они проникли в Западную Сибирь через районы Волго-Камья и Урала и далее, через Прииртышье, в Приобье и на Алтай. VI — начало V вв. до н.э. Устье р. Малая Киргизка. Томская область. Раскопки Л. М. Плетневой

Рис. 36. Железный меч. В длину достигает 106 см, имеет перекрестие в форме почки и навершие в виде овального бруска. На рукояти заметны следы инкрустации золотой нитью. Судя по тому, что изделие было сильно изогнуто, железо, на которого оно было отковано, оставалось еще мягким и некачественным. Скорее всего, перед нами продукция сакского кузнеца, экспортированная из Казахстанского Прииртышья. VI—V вв. до н.э. Находка у дер. Новообинка, Алтайский край, левобережье Оби. По В. А. Могильникову

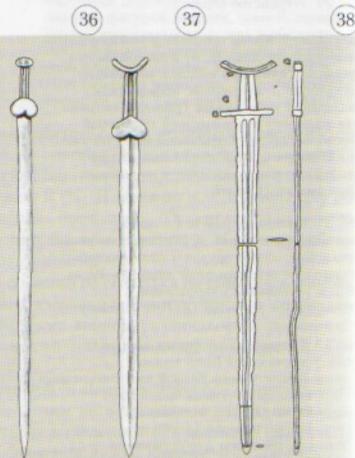
Рис. 37. Этот железный 80-сантиметровый меч является компромиссом между сакской и сарматской оружейной традициями. В верхней части его рукояти имеется отверстие для темляка. VI—V вв. до н.э. Находка у пос. Горьковский. Алтайский край. По Ю. Ф. Киришину Г. Е. Иванову. В. Б. Боролаеву

Рис. 38. Железный меч с прямым перекрестием. Навершие выполнено в форме перевернутого серпа. Его длина чуть больше 80 см. Клинок меча снабжен двумя продольными желобками, которые проковывались, чтобы сделать лезвие легче и увеличить его сопротивление на излом. Прямое перекрестие и серповидное навершие очень характерны для оружия сарматских племен Приуралья. Вероятно, откуда меч и попал в Верхнее Приобье. IV—III вв. до н.э. Находки у г. Ключи, Алтайский край. Раскопки Л. П. Уманского

Рис. 39, а, б. Бронзовый чекан (а) украшен на противовесе фигурками «понура» стоящих медведей, а между втулкой и лезвием — головой хищной птицы. Его плоская, как у кинжала, ударная часть, усиленная ребрами жесткости, напоминает оружие пазырыкцев. Такие чеканы просуществовали в Верхнем Приобье не слишком долго: они исчезли примерно к III в. до н.э., уступив место чеканам с округлым в сечении либо граненым бойком. Отливалось это оружие в глиняных формах, о чем свидетельствует бронзовая матрица (б), найденная в Новосибирском Приобье. Этот предмет отличается от настоящего чекана лишь отсутствием отверстия во втулке. Оттискивая его в глине, мастер готовил новые литейные формы, когда старые приходили в негодность. а — V—III вв. до н.э. Могильник Новый Шаран. Новосибирское Приобье Раскопки Т. Н. Троишковой; б — АМ НГПУ

Рис. 40, а, б. Железный кинжал с кольцевым навершием и слабоизогнутым перекрестием (а) характерен для сарматской традиции. Длина около 29 см. Форма бронзового кинжала (б) была наиболее распространенной в скифском мире, а — IV—III вв. до н.э. Находка ус. Новообинцево, Алтайский край; б — V—IV вв. до н.э. Могильник Старолейка-2. Верхнее Приобье. По Г. Е. Иванову

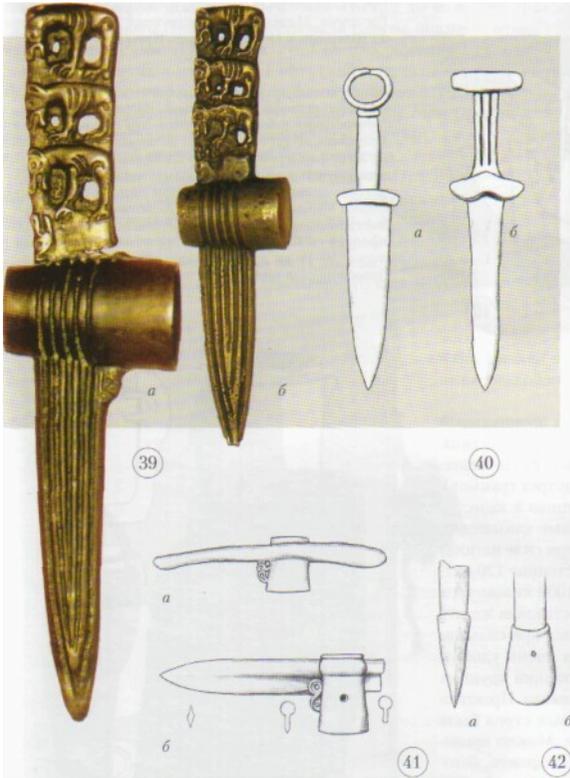
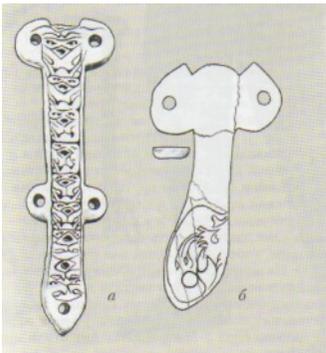

Рис. 41. а, б. Бронзовый чекан со стержневым бойком (а). Между втулкой и ударной частью помещено стилизованное изображение головы хищной птицы, выполненное в традициях искусства Горного Алтая. Похожие чеканы известны среди оружия, найденного в Персеполе и относящегося к V в. до н. э.. Встречаются подобные изделия и среди древностей Минусинской котловины. Вероятно, в лесостепной Алтай прототипы этого оружия попали вместе с кочевыми сакскими племенами. Во втором бронзовом изделии (б) ромбическое у самого острья сечение по мере приближения к втулке приобретает форму «замочной скважины». Между втулкой и лезвием помещена стилизованная голова птицы, а — V в. до н.э. Находка в Бñйске. Алтайский край; б - Ранний железный век. Находка у с. Новослободка, Алтайский край. По Г. К. Иванову

Рис. 42. а, б. Металлические колпачки-втуки на рукоятях боевых клеивов. Эта деталь предполагает наличие сложных фехтовальных приемов владения клеивом. Ранний железный век. а — могильник Бñйск-1. Алтайский край. Но В. А. Могильникову; б — могильник Новоторшское-1. Алтайский край. По В. А. Могильникову

Рис. 43. а, б. Костяные облицовки ножен очень напоминают изазырыкские. Отличие лишь в материале: пазырыкцы использовали дерево. Ранний железный век. а - могильник Усть-Иштовка. Барнаульское Приобье. По А. П. Уманскому; б — могильник Рогозиха-1. Барнаульское Приобье. По М. Т. Абдулганееву

Рис. 44. Бронзовая поясная бляха, с'читалось, что пояс обладает особыми защитными свойствами. Магические свойства поясов усиливались тем, что к ним крепились особо сильные обереги и предметы личной магии, которые защищали владельца и наделяли его своей силой. V IV вв. до н. э. Могильник Почта-3. Новосибирское Приобье. Раскопки Т. Н. Троицкой. АМ НГПУ

чатого набора, которые, как считается, входили в ареал распространения «сакских» доспехов, отличаясь от них лишь материалом пластин. Дополнял оружие ближнего боя железный кинжал, выполненный в традициях уже известных нам акинаков. Как и у пазырыкцев, кинжалы носили справа, на бедре, в ножнах с выпуклами-лопастями, мечи же крепились слева, к портупейному ремню, переброшенному через плечо.

Иногда вместо меча в бою применялся чекан, семидесятисантиметровая рукоять которого делала его равно удобным и для пешего, и для конного. Нижняя её часть снабжалась специальным металлическим колпачком-вторком. Кроме чеканов, и арсенале воинов мы найдем и уже знакомые нам топоры-кельты и булавы.

Появление новых видов вооружения связано с извечным стремлением создать «идеальное» оружие, пригодное для боя с любым противником. Пробивная сила чекана с острым граненым бойком была очень высокой, в то время он фактически не имел себе равных. Редкий доспех мог спасти от него. Но это оружие имело и целый ряд недостатков, которые примерно к III—II векам до н. э. свели его в разряд вспомогательного вооружения. Так, чекан с большим трудом извлекался из тела, не говоря уж о щитах. Воин с чеканом при не совсем точном ударе оказывался в сложной ситуации. Другой ахиллесовой пятой чеканов была малая площадь поражения. Наскальные рисунки эпохи раннего железа, обнаруженные на территориях Саяно-Алтая, содержат немало батальных сцен, в которых противники вооружены разного рода чеканами. При всей условной, силуэтной манере изображения они с удивительным постоянством показывают, что этим оружием стремились поразить противника в голову — самую уязвимую часть тела. Об этом говорят следы травм на черепах погребенных из приобских курганов.

В конце концов, чекан проиграл длинному железному мечу, которым можно было не только рубить, но и колоть. Проиграл он и длинному всадническому копыю, принесенному в Верхнее Приобье сарматами. К III веку до н. э. вооружение сарматского типа постепенно вытесняет в Западной Сибири образцы скифо-сакских средств вооружения.

49

Рис. 49. Каменная ограда Большого Салабыкского кургана. Когда-то здесь возвышалась огромная земляная насыпь самого большого погребального сооружения тагарской культуры. В нем было похоронено всего два человека в сопровождении двух слуг. Считается, что это был глава союза племен. К сожалению, курган был ограблен, и о большой роскоши сопроводительного инвентаря мы можем только догадываться. V—IV вв. до н. э. Минусинская котловина. Хакасия

Тагарская культура (эпоха раннего железного века)

Еще в XVIII веке, со времени первых сибирских экспедиций тогда еще молодой Российской академии наук, ученый мир столкнулся с целой серией удивительных изделий, привезенных из глухой, по европейским понятиям тех лет, Минусинской степи. Вещи эти, преимущественно бронзовые, были или случайно найдены, или доставлялись «бугровщиками» («буграми» назывались курганы). Путешественники в те далекие годы бывали немало изумлены бесконечными курганными полями, мимо которых им доводилось проезжать. Рукотворные холмы (от совсем небольших до гигантских) буквально усеивали пространства вдоль течения среднего Енисея. И даже в наши дни, когда многие сотни, а то и тысячи этих памятников просто исчезли с лица земли, а остальные с огромными воронками в центре изувеченных насыпей хранят следы «золотой лихорадки» XVIII века, они представляют внушительное, почти мистическое зрелище. Поэтому нет ничего странного в том, что горячий интерес к древним курганным тайнам побудил еще в 1722 году Д. Г. Мессершмидта провести здесь первые научные раскопки.

В 20-е годы XX века один из отцов сибирской археологии С. А. Теплоухов на основании всех накопленных к тому времени материалов пришел к выводу о существовании на берегах Среднего Енисея особой археологической культуры, названной им *минусинской курганной*. Впоследствии по раскопкам у Тагарского острова на Енисее, ныне находящегося на территории города Минусинска, её переименовали в *тагарскую*.

Современники и близкие соседи пазырыкцев, тагарцы расселились на степной и лесостепной территории на юге современного Красноярского края в Минусинской котловине — и в северо-восточной части ныне шем Кермовской области. Здесь они занимались пастушеским скотоводством и земледелием: разводили коров, породистых верховых коней, а также низкорослых лошадок, наподобие современных «монголок», рыли каналы

Рис. 50. Одно из тысяч рядовых погребальных сооружений тагарской культуры в степях Хакасии. Оно обнесено каменной оградой из стоящих на ребре плит с высокими столбовыми стелами в углубах и в середине каждой стены. IV- III вв. до н. э.

50

для орошения полей. Среди важнейших занятий было и горное дело. В добыче и обработке цветных металлов тагарцы достигли такого совершенства, что продолжали делать оружие из бронзы даже тогда, когда соседи стали переходить на более распространенное и доступное железо. За истекшие почти три столетия с начала раскопок тагарских памятником в музеях накоплен огромный материал, но многие вопросы воинской истории обитателей степей Южной Сибири остаются все еще открытыми.

Основным оружием дальнего боя татарских воинов были лук и стрелы. Наши знания об этом оружии, увы, основываются опять-таки на его изображениях, выбитых на скалах, и на редких бронзовых бляшках в виде «моделей» этого оружия. Ранний железный век отличался редким сходством основных типов вооружения на огромных территориях, входящих в круг «скифо-сибирских» культур. Среди оружия, изображенного на тагарских петроглифах, легко заметить знакомые нам небольшие луки скифского типа характерных, несколько асимметричных очертаний (в виде буквы «М»).

Носили эти луки в горитах с характерным плоским, как будто обрезанным, дном. Такие горнты с луками отчетливо различимы на наскальных рисунках и на бронзовых подвесках.

Для ношения стрел использовались также цилиндрические колчаны, крепившиеся почти параллельно поясу посредством бронзовых крючков. Шили их из бересты и кожи, а стрелы помещали в них наконечниками вниз. Для самого лука выкраивался отдельный специальный чехол, в который он помещался со спущенной тетивой. Её снимали, чтобы не держать постоянно напряженным лук, тервший в этом случае спую упругость. Такие чехлы-налучья использовались в дальних походах. Непосредственно перед сражением лук приводился в боевую готовность и вешался на плечо.

Стреляли тагарцы, натягивая тетиву «монгольским» способом, то есть накладывая её на внутреннюю сторону согнутого большого пальца правой руки. Для этого на большой палец надевался специальный бронзовый наперсток. При выстреле тетива легко соскальзывала по его гладкой поверхности и не задевала кожу.

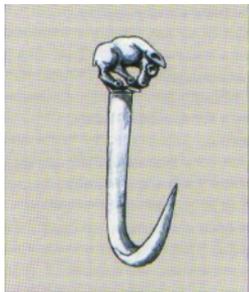
Наконечники стрел у воинов Минусинской котловины были бронзовые и костяные. Большинство из них принадлежит к тем же «общескифским» типам, как можно встретить на стоянках всего коченого мира.

К древкам стрел в месте присоединения наконечника тагарские мастера порой приматывали шипы из колючек боярышника. Такая стрела намертво застревала в теле противника. Впрочем, несмотря на развитое бронзолитейное производство, металлических наконечников стрел на территории распространения тагарской культуры

51

Рис. 51. По поводу этого образца долгое время велись споры. Но после раскопок в 70-х гг. XX в. кургана на берегу р. Тесь стало ясно, что такие колоколовидные навершия венчали стойки погребального дома знати. Козел, вероятно, считался важным тотемом. Он встречается также на предметах вооружения, боевых значках и поясных пряжках. V—III вв. до н. э. Эрмитаж. Санкт-Петербург

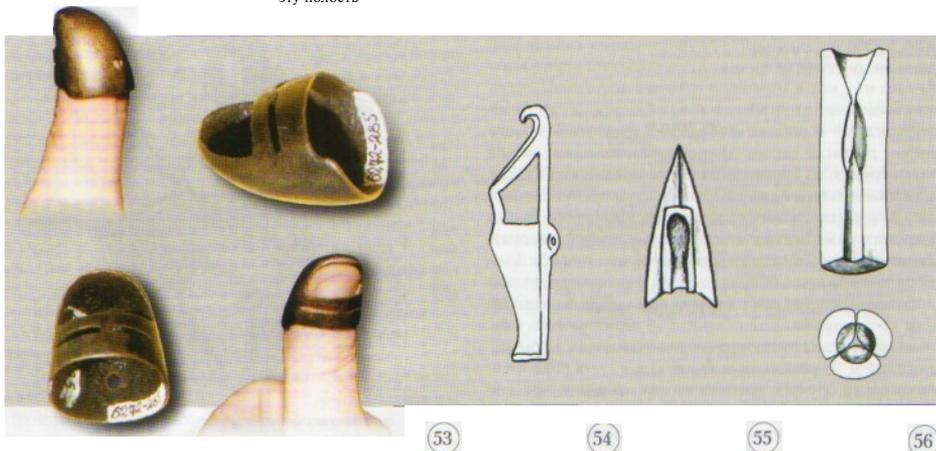
52

Рис. 52. Бронзовый крючок-застежка колчанного набора украшен фигуркой кошачьего хищника. Такая поза спокойно стоящего животного с низко опущенной головой очень характерна для тагарского искусства. За несколько унылый вид подобные изображения называют «понурами». V—IIII вв. до н. э. Минусинская котловина, Хакасия. МКМ

Рис. 53. Бронзовые наперстки. Через небольшое отверстие, заметное у основания наперстка, протягивалась веревочка, которой он привязывался к руке, чтобы при выстреле его не сорвало с пальца тетивой. Минусинская котловина, Хакасия. МИКНСТТУ

Рис. 54. Бронзовая подвеска в форме тагарского чехла для ношения лука скифского типа. Хотя карман для стрел не изображен, вероятно, мы имеем дело с горитом. Носили их на боку в наклонном положении

Рис. 55. Разрез втулки бронзового наконечника. У таких наконечников есть существенный недостаток — ненадежное крепление древка. Однако в 30-х годах XX века в московском институте истории материальной культуры наконечники скифского типа были подвергнуты тщательному изучению, что позволило узнать немало секретов древних мастеров. Крепление древка во втулке оказалось неожиданно надежным. Стрелу можно было доставать из горита, не опасаясь потерять наконечник, даже если он цеплялся жальцами о стенку футляра или другие древки. Дело в том, что дальний конец втулки наконечника изнутри имел округлое расширение. Приостренный конец древка доходил до упора и сминался, целиком наполняя эту полость

53

54

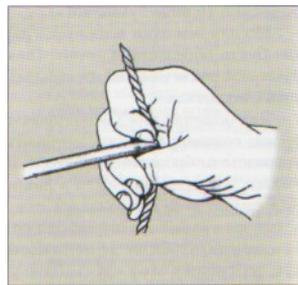
55

56

Рис. 56. Формы для отливки наконечников. Отливались трехлопастные наконечники в составной форме, каждая из створок которой имела в сечении вид сегмента. Когда все три доли литой формы совмещались, получался длинный цилиндр с воронкой сверху, куда заливался расплавленный металл. Снизу в специально оставленное отверстие помещался длинный заостренный стержень, образовывавший внутреннюю полость втулки. На конце стержня было небольшое расширение в виде шарика, формировавшее ту часть, где заклинивалось древко. Производство бронзовых наконечников было технологически очень простым и быстрым. Оно не требовало сложного инструмента и оснащения. Именно поэтому в кочевом мире бронзовыми наконечниками оснащались стрелы даже тогда, когда все остальное оружие копалось из железа. Находка на озерах Исегит. Западная Сибирь. По Б. Н. Гракову

Рис. 57. Один из вариантов положения пальцев руки при стрельбе н.ч. лука «монгольским» способом

Рис. 58, а, б. По характерным признакам в оружии воинов (а) легко распознается лук скифского типа, который стрелки держат точно так же, как маленькая золотая фигурка всадника из коллекции Г. Ф. Миллера (рис. 3, гл. 3), — за нижнее плечо, в широко распространенной в скифском мире манере. К поясу тагарского стрелка прикреплен прямоугольный колчан, форма которого резко отличается от знакомого нам по пазырыкским и большереченским материалам горита. а - петроглифы горы Суханихи. Красноярский край. Южная Сибирь; б - прорисовка петроглифа

57

Рис. 59, а, б. Этот стрелок, выбитый на скале рукой древнего мастера, вооружен небольшим луком в виде плавной дуги со слегка выгнутыми и направленными выстрела концами (а). Оружие подобного типа, только более крупных размеров, хорошо известно в древнем мире. Его можно видеть на барельефах Двуречья и Малой Азии (б). Судя по фигуре стражника, изображенного в Персепеле на стене царского дворца примерно в то же время, что и лучники на скалах Среднего Енисея, подобные луки могли носить на плече отдельно от колчана со стрелами

Рис. 60, а—в. Свое оружие лучники всего мира встречались сохранить от вредного воздействия природных осадков. Тагарские воины верхнюю часть лука, которая выступала над карманом горита, закрывали от непогоды специальными, по всей видимости, войлочными или кожаными, колпаками, плотно натягивая их на оружие до самого обреза чехла (а). Точно так же предохраняли свои луки пазырыкские (б), сакские, персидские воины (в). V III вв. до н. э. а — рисунок на камнях горы Куни. Средний Енисей; б — аппликация с ковра Пятого пазырыкского кургана. Горный Алтай; в — барельеф дворца Дария в Персепеле, Иран

обнаружено сравнительно мало. Общее число всех найденных тагарских проникателей, сделанных из металла, меньше, чем в горах 3—4 конных стрелков из Северного Причерноморья или Приуралья.

Гораздо больше в курганах встречено костяных наколочников стрел, часто являющихся простой имитацией бронзовых. Они имели небольшую втулку, куда и вклеивалось древко — ведь кость с древесиной соединяется крепче, чем металл.

Тагарские воины не знали оружия с длинным клинком. Минусинские степи были царством клева и кинжала. По количеству и разнообразию бронзового оружия ближнего боя татарская культура в Минусинской котловине и Ачинско-Марининской лесостепи не знает себе равных среди культур Сибири середины и конца 1-го ты-

сячения до н. э. Именно здесь чаще всего встречаются изделия, выполненные в «зверином стиле». Гибкие пантеры и оскаленные волки, угрюмые шетинистые кабаны и круторогие козлы, горбоносые сайгаки и трепетные куланы вместе с фантастическими животными стоят, лежат, крадутся, скачут на боковинах перекрестий и на верхних тагарских кинжалов. Сказочные грифоны, вполне земные хищники и стремительные копытные составляют в сибирском раннем железном веке, пожалуй, самый полный bestiарий, дарящий оружием могущество и силу.

По устройству гарды¹¹ кинжалы подразделяются на большие группы, каждая из которых имеет свою историю.

Кинжалы первой группы иногда называется красноярскими (по месту самых частых находок) или «выемчатоэфесовыми» (по виду рукоятки). Для них характерны легкость форм и фактическое отсутствие перекрестия. Впрочем, считать, что его совсем нет, нельзя. Выступы между рукоятью и лезвием, конечно, присутствуют, но они столь незначительны, что едва ли в состоянии защитить руку. Такие кинжалы существовали в VI—IV веках до н. э.

Рис. 61. Попытки усилить пробивную способность этого кинжала привели к чрезмерной массивности его лезвия. Оружие длиной 32 см уравновешивается тяжелым навершием, имитирующим головы горных козлов. Перекрестие отковано из двух пластин, на которых отчеканены перевернутые фигуры волков. V в. до н. э. Раскопки близ Минусинска. Коллекция И. А. Лопатина. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 62. Форма этого кинжала с VI по III вв. до н. э. повсеместно распространяется на огромных просторах евразийских степей. Эфес кинжала, отлитый в виде распахнутых крыльев бабочки, так и называют — бабочковидным. Исследователи считают, что он является дальнейшим развитием более круглых и компактных сердцевидных перекрестий. Со временем округлые окончания гарды простираются, разгибаются в сторону, защищая пальцы, крышки все больше вытягиваются от клинка и становятся похожими на птичьи крылья. В науке такие гарды называются крыловидными. Эти перекрестия хорошо защищали руку по ребрам их закругленных и разведенных в стороны концов легко соскальзывал встречный удар. Минусинская котловина, Хакасия. Минусинский музей им. П. М. Мартянова

Рис. 63. Бронзовый кинжал с прямым перекрестием и кольцевым навершием. Предполагается, что такие изделия связаны с сарматской оружейной традицией. Около I-II вв. до н. э. сарматские воины вооружаются похожими железными кинжалами, правда, с более узким перекрестием. Впрочем, и кольцо на навершии, и треугольный клинок могут рассматриваться на минусинском оружии как отзвуки карасуких традиций. Минусинский музей им. Н. М. Мартянова

Рис. 64. Этот боевой кинжал длиной около 30 см с головками грифонов на навершии и перекрестии выполнен в характерном для оружия Центральной Азии стиле. Его гарда была способна не только удерживать оружие противника, попавшее в узкое пространство между ней и лезвием, но и позволяла закругленным внешним краем грифоневого клюва отводить в сторону скользящий клинок врага. V век до н. э. Коллекция И. А. Лопатина. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 65. Бронзовая бляшка - знак принадлежности к воинскому сословию. Образ оленя обладал особой притягательной силой для воинов в самых разных уголках Евразии — от Причерноморья до Минусы. Как правило, животное находится в одной и той же позе, трактуемой в литературе по-разному. Одни видят здесь отдыхающего оленя, другие определяют эту позу как «летающий галоп». V-IV вв. до н. э. Минусинская котловина. Коллекция В. В. Радлова. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Другая группа кинжалов оснащена рельефным пластинчатым перекрестием. Среди кинжалов с «бабочковидным» эфесом чаще всего встречаются изделия, выполненные в «зверином стиле». Мастера для создания своих «зверинных» композиций прекрасно использовали все возможности, предоставляемые им абрисом навершия и перекрестия оружия.

Форма лезвия кинжалов тоже не оставалась неизменной. Чтобы увеличить прочность клинка, лезвие стали делать в форме вытянутого треугольника. Такие кинжалы оснащались прямыми перекрестиями и навершиями в виде кольца. Оружие с подобным массивным треугольным клинком, будь то кинжал или меч, рассчитано прежде всего на мощный колющий удар. Его появление на полях сражения связано с распространением доспехов, против которых рубящее и режущее воздействие малоэффективно.

В отличие от широко распространенного иранского способа ношения кинжалов в ножнах, прикрепленных к бедру, которым пользовались пазырыкцы и большебереченцы, минусинские воины подвешивали свое оружие к поясу в свободном состоянии. Многие ножи кинжалов, сшитые из кожи, имели с внешней стороны еще одно отделение — для ножа. Такие комбинированные «гориты» для клинкового оружия» украшались вышивкой — например, в виде составленных рядами латинских букв «S».

Но хотя кинжалы имели большое хождение в тагарской среде, все же наиболее грозным оружием ближнего боя в степях Минусы было древковое рубящее оружие ударного действия — проушные топоры, секирки и чеканы. Прообразы боевых топоров тагарской культуры можно найти в эпохе поздней бронзы. Конечно, со временем облик бронзовых бойков изменился, но при этом они сохранили округлую бронзовую втулку для древка, отлитую вместе с массивным лезвием. Само лезвие стало шире и короче. Такое оружие приспособлено уже больше для раскалывающего удара. Его эффективность была

достаточно высока - коэффициент полезного действия колебался в пределах 75-88 процентов. Носили это оружие, как и в прежние времена, принизанным к поясу через небольшие отверстия в гребне на обухе.

Самым популярным оружием ближнего боя среди вышеперечисленных его видов были чеканы. Это своеобразный «паспорт» тагарской культуры. По устройству боевой части они, как и у воинов Горного Алтая, разделялись на плосколезвийные чеканы и чеканы с граненой

Рис. 66, а, б. «Красноярские» или «выемчатоефесовые» кинжалы. Считается, что происхождение таких кинжалов может быть связано с традициями андроновского оружейного ремесла эпохи развитой бронзы. IV—III вв. до н. э. Красноярский округ. а - Эрмитаж, Санкт-Петербург; б - КKM, по А. М. Кулемзину

Рис. 67. Ранняя форма бронзового кинжала с соллярным навершием - наследие карасукской культуры. Гарда рельефно не выделена и оформлена треугольными выемками у основания лезвия, представляя собой, по сути, еще шипы. VI—V вв. до н. э. Красноярский край. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 68. Бронзовый кинжал имеет полую ручку и почти прямое перекрестие со слегка скругленными нижними краями. В полость по рукояти помещается шило, украшенное фигуркой «понуруго» барана. Ранняя форма. VII в. до н. э. Случайная находка. Собрание Строгановых. Эрмитаж. Санкт-Петербург

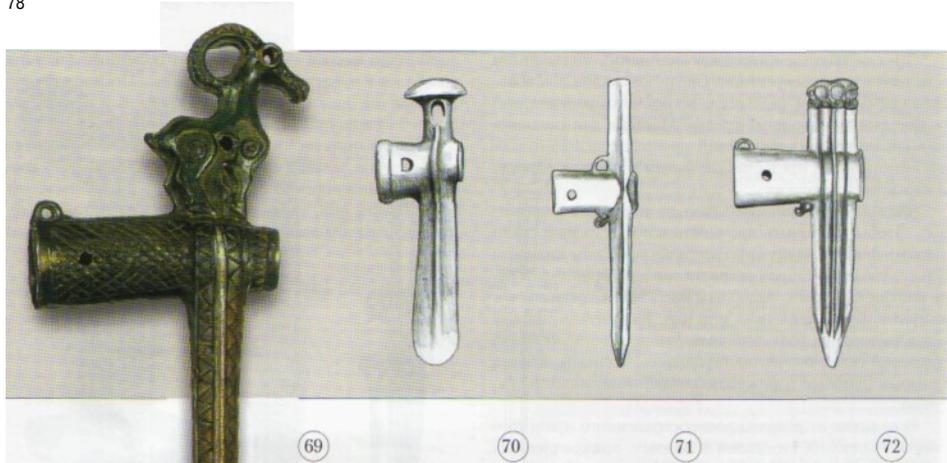

Рис. 69. Бронзовый чекан с фигуркой стоящего козла. VII в. до н. э. Раскопки близ Красноярска. Коллекция И. А. Лопатина

Рис. 70. Бронзовая секирка с «кнопкой» на обухе отражает тенденцию к увеличению пробивной мощи рубящего удара и может считаться предтечей позднейших узколезвийных шпеньковых топоров. VII—VI вв. до н. э. Находка у с. Тесь. Минусинская котловина. Хакасия. По Н. Л. Членовой

Рис. 71. Бронзовый чекан с граненым бойком. Самые ранние чеканы этого типа имели круглые или многогранные бойки. Впоследствии количество граней на ударной части сокращается до четырех. VI в. до н. э. Раскопки близ с. Новоселова под Красноярском. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 72. Плосколезвийный бронзовый чекан. VII—VI вв. до н. э. Минусинская котловина. Коллекция И. А. Лопатина. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 73. Бронзовый втульчатый топор-кельт. V—III вв. до н. э. Красноярский край. НГКМ

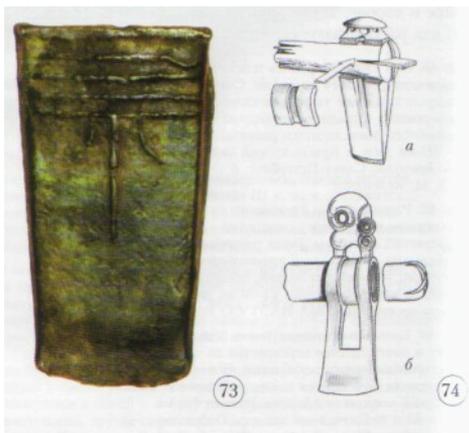
Рис. 74, а, б. Бронзовый топор с противовесом в виде головы грифона (б). Клюв хищника снабжен отверстием, за которое наверняка цеплялись какие-нибудь подвески и амулеты.

В целях облегчения довольно тяжелых бойков топоров мастера делают выемки между втулкой и лезвием, хорошо заметные у этого образца. Носили это оружие привязанным к поясу через небольшое отверстие в гребне на обухе. Чтобы надежнее закрепить длинную прямую рукоять в теле бойка, мастера делали внутреннюю поверхность втулки конической.

Это позволяло основательно расклинить древесину. Кроме, того, для прочности скрепления забивали клинышки в отверстия, оставленные в боковинах при литье (а).

а — схема изготовления топора;
б — бронзовый топор, V—III вв. до н. э. Южная Сибирь. Москва. ГИМ

ударной частью. В VII—V веках до н. э. это оружие было самым крупным и тяжелым. В последующие века распространились облегченные модели. Среди специалистов нет единого мнения по поводу их реальных боевых возможностей. Некоторые считают такое оружие ритуальным. На заключительном этапе существования тагарского общества подобные изделия уменьшились до такой

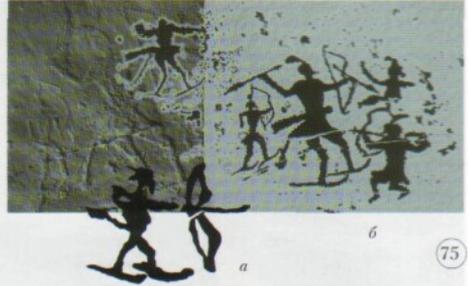

степени, что вопрос о практическом их использовании исключается. Другие исследователи связывают появление облегченных бойков с распространением конницы для которой облегченное оружие, насаженное на длинную рукоять, предпочтительнее.

Рис. 75. а, б. В литературе население тагарской культуры нередко отождествляется с *диллианами* — летописным европейским населением Центральной Азии. О них говорится, как о людях, у которых «от колен вверх тело человеческое, а книзу растет лошадиная шерсть и лошадиные копыта; они не ездят верхом, а бегают со скоростью лошади». По одной из гипотез, за этим фантастическим образом скрывается пеший стрелок на подбитых камусом¹² лыжах. Образы таких (в данном случае, борзатых) лыжников запечатлены в наскальных рисунках. Конец III — начало II вв. до н. э. а — Шелаболинские скалы, правобережье Р. Тубы (правый приток Енисея). Красноярский край; б - петроглифы горы Четвертый Сундук на реке Белый Июс. Хакасия. По В. Е. Ларичеву

Рис. 76. Тагарский лыжник. Зимой, когда устанавливался глубокий снежный покров, главной ударной единицей тагарского поиска становились отряды лыжников, использовавшие тактику рассыпного строя. В движении они поражали противника стрелами и, если атака не приносила быстрого успеха, исчезали, спасаясь от погои. Основной набор оружия зимой оставался тем же, что и летом. Чтобы надежнее защитить голову от удара, на шапку нашивались металлические бляшки (а). Лыжи этого воина подбиты камусом (б), в его руках лук скифского типа (в), к стреле которого привязаны острые колючки (г). Цилиндрический колчан со стрелами заброшен за спину - так он меньше мешает ходьбе (д). Бронзовый кинжал (е) в ножнах со специальным отделением для ножа (ж) висит у пояса. К поясу рядом с чеканом (з) приторочен мешочек с запасной тетивой и походными принадлежностями (и). Реконструкция по материалам петроглифов и археологических находок из погребальных комплексов Минусинской котловины

Рис. 85. Тяжеловооруженный воин тагарской культуры. Его туловище защищено ламинарными доспехами, составленными из многослойных толстых кожаных лент (*a*). Голову закрывает островерхий шлем, сшитый из столь же плотных полос кожи (*b*) и украшенный пучками конских волос. Руки до локтей прикрывают кожаные налокотники (*a*), а ноги охватывают поножи, собранные из гладко оструганных и стянутых ремнями жердочек (*c*). Вооружение таких воинов составляли короткое копье с бронзовым наконечником (*d*), клевец (*e*), кинжал (*ж*), нож (*з*), также сделанные из бронзы. Шит (*и*), несмотря на его вмяте, судя по наскальным рисункам, использовался тагарским войском, не был еще обязательной принадлежностью экипировки латников. V-IV вв. до н. э. Реконструкция по изобразительным материалам Среднего Енисея

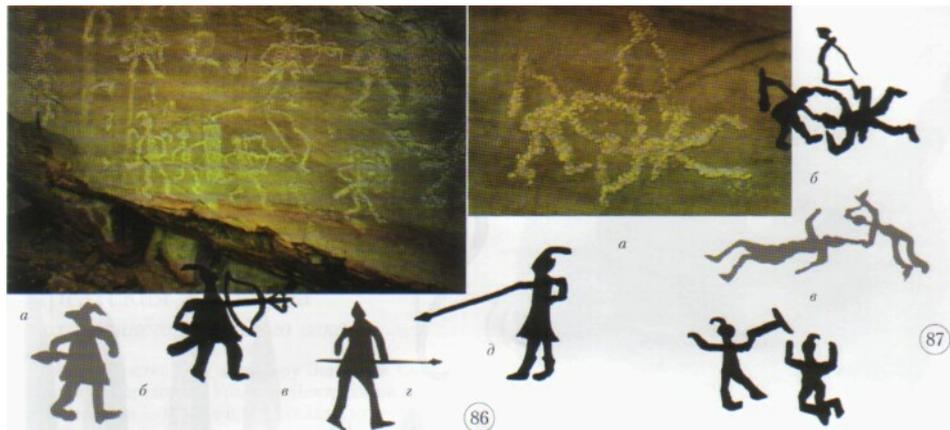
Рис. 86, а - д. Воины в доспехах. Нетрудно узнать в этих колоколовидных балахонах силуэт ламинарных доспехов. На головах латников можно увидеть также конические шлемы, а в руках копья, взятые наперевес, *a* — петроглифы горы Суханихи, Красноярский край. Южная Сибирь: *b, в, г, д* — прорисовка петроглифов

Рис. 87, а-г. Батальные сцены эпохи раннего железного века. V III вв. до н. э. *a* — петроглиф горы Куни. Средний Книсей; *b, г* — прорисовки петроглифов горы Куни. Средний Книсей; *в* — прорисовка петроглифов горы Суханихи, Красноярский край. Южная Сибирь

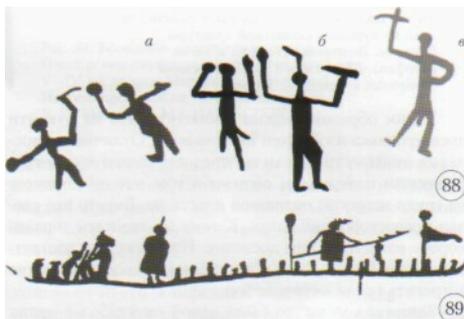
Рис. 88, а в. Среди наскальных рисунков можно увидеть такие средства ведения боя, которые пока еще не обнаружены археологами. Это копья (*рис. 86, г, д*), булавы (*a, б*) и клевцы (*a, в*). Впрочем, фигуры стоящих воинов с оружием в обеих руках, возможно, не связаны с непосредственным изображением батальных сцен. Они могут представлять персонажей высокого ранга. Антропоморфный образ с оружием в обеих руках, который исследователи считают изображением божества, известен еще с эпохи бронзы. А в последующее время рисунки человеческих фигур с оружием в правой и левой руке станут буквально стандартом для изображения военных предводителей таежного средневековья, и будут разными исследователями устойчиво связываться с военными плясками. Ранний железный век. *a* — петроглифы г. Суханихи, Красноярский край. Южная Сибирь; *б* — петроглифы г. Куни, Средний Енисей; *в* - петроглифы г. Тепсей, Минусинская котловина, Хакасия

Рис. 89. В военных акциях широко использовались речные флотилии, позволявшие быстро перебрасывать войско к месту побоища. Вдоль бортов лодок, чтобы помешать неприятельской атаке на abordаж, закрепляли вертикально горящие прутья. Основным оружием речных сражений оставались лук и стрелы, а при сближении с речными силами противника — копье и чекан. Ранний железный век. Петроглифы Шелаболинских скал. Минусинская котловина

Для искусства ранних кочевников было характерно совмещение двух зеркальных образов по оси симметрии. Правда, сама эта ось всегда хорошо выделена и не прерывается сверху донизу на протяжении всего рисунка. В нашем же случае линия совмещения туловищ рыб обрывается у затылка, и голова рыбы напоминает улыбающееся человеческое лицо. Удивительно похожие личины сердцевидной формы часто встречаются в изобразительной традиции весьма широкого хронологического и территориального диапазона. Круглоглазые печальные образы оставило нам древнее население Приамурья, их можно встретить на скалах знаменитой Томской писаницы и среди бронзовых культовых поделок, отлитых аборигенами Приуралья и Западной Сибири. Последние всегда представлены в различных головных уборах. Возникает логичный вопрос — не ошиблись ли мы с идентификацией фигуры на тагарском ноже, как рыбы? Уж не человек ли перед нами, на голову которого глубоко надвинута коническая шапка? Подтверждает эту мысль одна случайная находка. На Дальнем Востоке обнаружена скульптурная голова человека, вытесанная из крупнозернистого камня, в таком же или практически таком же древнем головном уборе.

Ниже личины отчетливо видны два треугольника и ряды поперечных полос. Даже при самом беглом взгляде вырисовываются очертания фигуры стоящего человека, одетого в полосатый халат с запахом справа. Эта одежда очень напоминает доспехи некоторых народов Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока, выставленные в экспозициях многих крупнейших музеев. Такие латы представляли собой некое подобие расклепанного к низу халата, состоящего из полос грубо выделанной кожи, которые кольцами огибали тело воина от середины бедер до самых подмышек. Все эти кольца были примерно одинаковой ширины, но разного диаметра. Меньшие располагались выше пояса, плотно

охватывая корпус, — ниже они становились все шире и шире, отчего панцирь приобретал форму колокола. Подобное устройство было неслучайным. Ширина подола не мешала шагу, а кольца соединялись ремнями между собой только в нескольких точках и легко складывались, позволяя воину даже садиться. Грудь воина прикрывала, как правило, широкая квадратная пластина. От ее наружных углов на спину перебрасывались лямки и соединялись с подолом. Иногда «панцирный колокол» крепился и к верхней части, сделанной в виде короткого жилета из толстой, как и на пластинах, грубой кожи. Продольный разрез, с помощью которого воин надевал эти латы, мог находиться на спине, но мог быть и сбоку — как у халата. Идея подобного собирающегося подола оказалась очень продуктивной, и впоследствии вместо широких кожаных полос стали использовать гибкие металлические ламелярные ленты. В одном доспехе могли чередовать набортные металлические и сплошные кожаные полосы.

Рис. 91. Этот лук скифского типа ассиметричен. Длина 86,2 см. Пропорции «рогов» 1:1,2. Его круто загнутые концы имеют такое же устройство, как у фрагмента лука из курганов саргатской культуры близ пос. Венгерovo. Находка в Yardu (Турфан). Автономный р-н Внутренняя Монголия в Северном Китае

Таким образом, можно заключить, что на рукояти древнего ножа изображен именно воин. Отличие его доспехов от известных нам но средневековым и этнографическим материалам состоит в том, что он не имеет на груди широкой сплошной пластины. Вместо нее сделан правосторонний запах. К тому же его латы гораздо короче известных нам доспехов. Изображения, соответствующие именно такому типу защитной одежды, можно встретить среди петроглифов.

Тагарская культура была одной из наиболее ярких в истории Южной Сибири. При всем сходстве предметов вооружения тагарцев с оснащением кочевников Саяно-Алтая, Средней и Центральной Азии, облик тагарских воинов существенно отличается от соседей. Более всего он похож на облик воинов древнейших оседло-земледельческих цивилизаций, основу которых составляли пешие армии, поддерживаемые кавалерией. Основную массу тагарского войска составляли ополченцы, которые имели на вооружении лук и стрелы, в качестве вспомогательного оружия ближнего боя они использовали палицу, кинжал, нож. Для защиты от вражеских ударов тагарская пехота использовала щиты.

Ударной силой татарского войска могли быть отряды панцирных латников, способных выстоять под градом стрел и разгромить противника в ближнем бою. Скорее всего, они использовали сомкнутый строй, против которого атаки небольших отрядов легкокооруженных кочевых всадников были малоэффективны. С появлением таких латников вырабатываются особые символы принадлежности к воинскому сословию. К ним относились

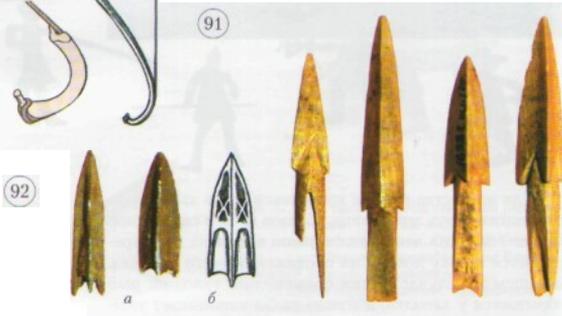

Рис. 92, а, б. Отлитые из бронзы наконечники стрел (а), типичные для эпохи раннего железа, снабжались иногда специальными метками — клеем мастера (б). Ранний железный век. а — поселение Усть-Ивесь-1 Новосибирская область. МА ИАЭТ СО РАН; б — Рафайловское городище. Тюменская область. По Н. П. Матвеевой

Рис. 93. Костяные наконечники по-прежнему были популярны и исправно служили на охоте и в сражениях воинам саргатской культуры. Появившиеся ниже пера выступы свидетельствуют о том, что наконечники использовались и как боевые стрелы. Устная традиция коренных народов Сибири свидетельствует, что стрелами с шипами стреляли, прежде всего, по врагу. V—III вв. до н. э. Западная Сибирь. НГКМ

бронзовые литые фигурки оленей, пекторали, коромыслообразные украшения поясов. Последние были далеки от потомками массивных «рогатых» пряжек эпохи поздней бронзы. Сохранившиеся наскальные рисунки позволяют предполагать, что существовала даже особая воинская прическа, представлявшая собой связанные на темени в пучок волосы. По мере развития тагарского общества профессиональных воинов становилось все больше. KIV—III векам до н. э., когда кочевые соседи уже постоянно тревожили жизнь тагарцев военными нападениями, воевало 90 процентов мужского населения.

Рис. 90, а—а. Эта уникальная находка (а) дает представление об устройстве знаменитого лука скифского типа. Врезной деревянный конец вкливался между двумя деревянными планками киböти (б), а на его выступающий шпене набрасывалась петля тетивы. Сама тетива при этом проходила вдоль глубокой канавки, прорезанной с обратной его стороны (в). V—III вв. до н. э. Курган саргатской культуры близ пос. Венгерovo. Новосибирская область. Раскопки Н. В. Полосымак и Д. Г. Савинова. МА ИАЭТ СО РАН

Уровень общественного развития тагарских племен, пожалуй, был выше, чем у соседей, и может рассматриваться как позднепотестарный — фактически перешедший в стадию создания цивилизации и ранней государственности. Тагарцы дольше всех сдерживали проникновение воинственных племен хуннского союза из глубин центральной Азии. Тактика военного противостояния лавине кочевой кавалерии, выработанная тагарскими пехотинцами, всадниками и лыжниками, получила дальнейшее развитие в военном деле таштыкской культуры, сменившей татарскую на берегах Среднего Енисея и всем ареале ее распространения.

Саргатская культура (эпоха раннего железного века)

По всему лесостепному коридору Западной Сибири, от восточных предгорий Урала до Центральной Барабы, в VI веке до н. э. — IV веке н. э. расселились племена *сарматской культуры* (свое научное название они получили по материалам раскопок у села Саргатка близ города Омска). На севере им принадлежали земли вдоль Иртыша до самого устья Тобола, а на юге их владения простирались вплоть до жаркой ковыльной степи. Побольше всего влекли сарматцев благодатные пойменные луга вдоль рек. Здесь и располагались их многочисленные поселения и укрепленные форпосты-городища, которые возвышались на крутых и труднодоступных мысах, далеко врезавшихся в пойму. Эти естественные укрепления со всех сторон обносились тыном¹³, а в самом уязвимом месте — там, где площадка городища плавно переходила в берег, — поперек мыса выкапывался глубокий ров и насыпался вал. Иногда поселения возникали и на пологих берегах рек, где защититься в случае опасности было сложнее. Тогда рвы окаймляли жилую площадку уже с трех сторон, и городища приобретали округлую форму.

Как правило, укрепления городищ были однорядными, то есть состояли из одной линии сооружений, однако встречались городища, где ров располагался между двумя рядами валов, например, как это было на Иртыше (Горная Бития). И когда враги, пробив переднюю стену, попадали в этот тесный и узкий коридор, они оказывались в западне. Дно и стенки рва иногда укреплялись горбылами. Возможно, склоны валов, как это практиковалось и позже, в средневековье, в зимнее время поливались водой.

Излюбленным оружием саргатских воинов поначалу был лук скифского типа. Бронзовые втульчатые наконечники стрел также имели уже знакомые нам формы, а вот железные проникатели сарматцев постепенно приобрели солидные лопасти и черешок, отковать который было легче, чем привычную втулку. Такие наконечники указывают на то, что постепенно появляется новый лук, более мощный и крупный. Как и во всем «скифском мире», луками оснащалась легкая кавалерия — основная

94

Рис. 94. Бронзовое изображение пантеры. Некогда оно украшало пояс саргатского воина. V—IV вв. до н. э. Могильник Абрамово-4, Новосибирская область. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

масса саргатского войска. Иногда конные стрелки вооружались короткими кинжалами-акинаками и боевыми ножами. Им удобно было пользоваться, только спешившись, когда бой вступал в свою заключительную, рукопашную стадию.

«Летучие отряды» таких всадников обыкновенно занимали место в переднем эшелоне и действовали, внезапно нападая на врага и столь же быстро отступая в случае неудачи. В мирное время эти бойцы были, очевидно, рядовыми общинниками, разводившими скот, ходившими на охоту и обрабатывавшими землю.

Военное дело племен саранской культуры испытывало на себе сильное влияние сарматского¹⁴ населения Приуралья. Это отразилось прежде всего на оружии ближнего боя. С V—IV веков до н. э. здесь распространяются длинные железные мечи.

Длинный железный меч, при всей его кажущейся простоте, появился далеко не сразу. Ведь легкая кавалерия, господствовавшая на полях сражений в эпоху раннего железного века, засыпала противника стрелами, ускользя от ответного удара. Приблизиться к атакующему неприятелю было чрезвычайно сложно, поэтому и потребность в длинных мечах отсутствовала. Но с широким распространением средств защиты бронзовые стрелы потеряли свою былую эффективность. Отряды, без больших потерь выдержав шквальный обстрел, шли в атаку.

С другой стороны, пока не была освоена кузнечнаяковка разносортных полос металла, вряд ли могла серь-

езно идти речь о создании длинного клинкового оружия. Именно эта технология позволила отковывать клинок с твердым и одновременно пластичным лезвием. К сожалению, мы пока не знаем, где и когда в Сибири впервые была освоена такая технология, но немногочисленные клинки, найденные в воинских погребениях саргатской культуры, уже имеют слоистую структуру лезвия.

Основным наступательным оружием катафрактариев являлось длинное копье, которое при атаке воин удерживал двумя руками. Правда, таранные возможности такого боя в те времена ограничивались отсутствием стремя и седла с жестким каркасом. Всадник держался на лошади за счет силы ног и умелой балансировки корпусом. При сильном ударе копьем он мог слететь с подушки. Чтобы избежать этого, атакующий воин разворачивался левым плечом вперед, слегка склонялся к гриве лошади и, охватив правой рукой древко за самый его конец, а левой ближе к середине, крепко прижимал копье к бедру.

Такой прием позволял наносить удар всей массой коня и всадника. В момент атаки поводья отпускались, и приученная лошадь под крики седока сама неслась вперед. «Когда наступает время битвы, то, ослабив поводья и горяча коня боевым криком, он мчится на противника, подобный какому-то железному человеку или движущейся кованой статуе», — писал о персидских катафрактариях Гелиодор, античный автор III века до н. э. Он же говорит еще об одном оригинальном приеме использования этого оружия: «Острие копья сильно выдается вперед, само копье ремнем прикреплено к шее коня; ни жни и его конец при помощи петли держится на крупе коня, в схватках копье... само напрягается и твердо упирается, нанося сильное ранение, и в своем стремительном натиске колет его ни пополам, одним ударом часто пронзая двоих». Впрочем, подобная манера делала катафрактариев фактически беззащитными при нападении противника сбоку, ибо поворачивалось привязанное копье

Рис. 95. Ударную часть саргатского войска составляла тяжеловооруженная, закованная в латы конница — «катафрактарии» (от греч. *катафрактис* — всаднические доспехи). Слово «закованная» следует пояснить.

Панцири раннего — «скифского» — этапа этой культуры собирались, как и в эпоху бронзы, из связанных между собой роговых и костяных пластин. И лишь много позже, со II в. до н. э. в качестве материала стало использоваться железо. Роговые пластины саргатских доспехов стягивались между собой ремнями. Доспехи целиком закрывали корпус и даже ноги воина (а). Руки до самых локтей защищали лопасти плечей (б), а ниже пояса монолитные латы разделялись на две подвижные половины, которые состояли из ярусами связанных между собой лент, набранных из отдельных пластин (в). Это устройство позволяло воину самостоятельно садиться верхом на лошадь. Вооружение латника включало в себя мощное копье (с) и длинный меч, привязанный к поясу за специальную скобу у устья ножен (б). Такие клинки и носить стали по-другому — в вертикальном положении. V—III вв. до н. э. Реконструкция по материалам саргатских могильников Прииртышья, Западная Сибирь

Рис. 98. а - в. Роговая портупейная пряжка (в) выполнена в виде фигурок двух стоящих хищников. Такой сюжет с животными, замершими в «геральдических» позах, очень характерен для бронзовой пластики населения тайги. Среди мелкой пластики сибирской древности представлены разные звери, стоящие на задних лапах и обращенные мордами друг к другу: и бобры, и волки, и соболи. Через два отверстия в нижней части пряжки крепились к портупейному ремню, другой конец ремня либо пристегивался с помощью крючка (а), либо крепился кожаным шнурком, продетым в отверстие, расположенное между животными (б). Эта пряжка располагалась на груди воина и соединяла концы портупейного ремня, на который подвешивалось оружие. У-IV вв. до н. э. Могильник Абрамово-1, Новосибирская область. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 96. Лезвие этого железного меча отковано из двух сваренных друг с другом полос железа. Пока раскаленный металл остывал, мастер проковывал изделие, обрабатывая его поверхность. После этого меч еще раз разогревался, а затем охлаждался на «быстром воздухе». Возможно, в данном случае мы имеем дело с тем полугендарным методом закалки, при котором клинок передавался в руки всаднику, а тот маляся на коне, подставляя горячий металл под струи ветра. Навершие этого меча янусовидное, выполнено в виде двух голов тельцов, обращенных мордами в разные стороны. Если меч обратить лезвием вверх, то на глазах происходит знаменитое «скифское» извращение образов тельцы преобразуются в грифонов, сомкнувшихся клювами. Появляется еще и третья птичья голова. Сакральная сила, заключенная в образах, удваивается. V—III вв. до н. э. Раскопки близ с. Новотроицкое, Новосибирская область. Краеведческий музей школы № 10 г. Куйбышева Новосибирской области. Находка Н. И. Мартынова

Рис. 97. Этот саргатский железный меч с кольцевым навершием намеренно сломали, чтобы положить поперек ног погребенного воина. Его рукоять, отлитая из бронзы, вместе с кольцом навершия была плотно обмотана полосками кожи. Вероятно, это не совсем обычный клинок. Многие исследователи считают саргатскую культуру угорской, а у угров бронза и течение многих столетий считалась сакральным металлом, обладающим священной силой. Она была символом непобедимости. Поэтому требовалось старательно маскировать бронзовую рукоять. Противник не должен был догадаться об особых свойствах оружия. VI - V вв. до н.э. Могильник Сопка. Венгеровский район. Новосибирская область. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

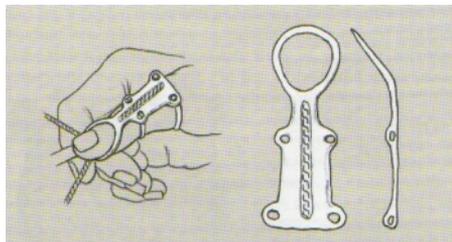

Рис. 99. Этот щиток закрывал запястье левой руки от удара тетивой. Он отличался от других подобных изделий лишь отверстием под большой палец. Однако, именно эта деталь допускает иное применение щитка: когда он надет на правую руку, его кольцо позволяет удобно цеплять тетиву лука. Сама форма его внешнего края очень напоминает металлические, нефритовые и агатовые кольца для стрельбы из лука "монгольским" способом. Коллекция П. С. Проскурякова. Айдашинская пещера в бассейне р. Чулым, близ Ачинска. Москва. ГИМ

99

только вместе с лошастью, а сделать это быстро, не изувечив соседа и не развалив при этом строя, возможности не было.

Удар этих профессиональных воинов — пусть даже немногочисленных — представлял наибольшую опасность при тесно сомкнутом построении, но особенно страшной была их внезапная атака, когда неприятель, разгоряченный преследованием конных лучников, сам напарывался на острия копий. Иногда именно это решало исход боя. При этом с большой вероятностью воины лишались своих копий, не успевая извлечь их из тел поверженных противников.

Однако, одиночные тяжеловооруженные бойцы являли собой легкую добычу для конницы. Несколько конных лучников, легко ускользя от удара страшного копья, кружились па безопасном расстоянии, обстреливая эту громоздкую мишень, и рано или поздно стрела, пущенная с близкого расстояния умелой рукой, находила брешь в доспехах. Кроме того, стоило ранить лошадь, и всадник лишался необходимой подвижности. Поэтому главная сила тяжеловооруженного воинства заключалась в мощной слаженной атаке линейного строя. Пожалуй, в этом проявляется главное отличие тяжелой кавалерии древнего мира от знаменитой рыцарской. Вопреки внешнему сходству набора вооружения, последние были индивидуальными бойцами, и средневековое сражение распалось на ряд отдельных поединков.

Рис. 100. Некоторые из основных типов кулайских бронзовых наконечников. III в. до н. э. Могильник Каменный мыс. Среднее Приобье. Раскопки Т. Н. Троицкой. НГКМ

Рис. 101, а, б. Кулайские (а) и саргатские (б) бронзовые наконечники стрел. Последние, не превышая в длину 4 см, явно проигрывают огромным 10-сантиметровым таежным проникателям. Такие отличия можно связать не столько с разной мощностью стенных и таежных луков, сколько с условиями боя на открытой и закрытой местности. III в. до н. э. а — могильник Новочекино, Южное предтаежье, Новосибирская область; б — поселение Усть-Ивес, Северная Бараба. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 102. Костяные наконечники кулайских стрел. III в. до н. э. Могильник Каменный Мыс. Среднее Приобье. Раскопки Т. Н. Троицкой. НГКМ

Кулайская культура

(эпоха раннего железного века)

Основным противником саргатских воинов на севере были таежные племена, тревожившие постоянными набегами их лесостепные поселения. Неслучайно многие из них, расположенные и предтаежной полосе, обнесены стенами и образуют цепочку форпостов вдоль границ южной тайги. Пешие враги стремительно нападали и столь же быстро исчезали. Вся мощь тяжелой панцирной конницы оказывалась бессильной перед такими набегами.

Широкая зеленая полоса на карте, что протянулась на восток от Уральских гор через всю Сибирь, почти до Тихого океана, являет на местности таинственный и укромный таежный мир. Мир безбрежных лесов и обширных болот, полноводных рек и глубоких озер, зыбучих трясин и глухих буреломов, мрачных урманов и чистых светлых кедровников. Его границы растянулись на юг от Приполярья на тысячу километров в Западной Сибири и почти на две тысячи — в Восточной. Здесь с эпохи бронзы сложился ареал присваивающей экономики, основу которой составляли охота, рыболовство, сбор ягод, орехов. Местные жители были знакомы с техническим прогрессом и проявляли недюжинную сметку, приспособляясь к природным условиям, но кормовые возможности западно-сибирской тайги были невелики и сильно ограничивали плотность населения. Шансы для развития земледелия и скотоводства сводились к нулю. Увеличивая же добычу продуктов питания за счет еще более жестокой эксплуатации угодий, местные жители сильно рисковали - можно было, нарушив природный баланс, запросто лишиться и того немногого, что они имели. Проблема продуктивных, пригодных для жилья территорий всегда была актуальной. Человек в тайге испокон веков жил щедротами природы, которая не была к нему особенно ласковой.

Усугубляли ситуацию тяжелые годы долговременных увлажнений и климатических перемен. В такие времена

расширялись зоны болот, смешались к югу границы леса, сокращались жизненные пространства, и, как следствие, появлялось избыточное население. Все это будило тягу к перемене мест у самых предприимчивых обитателей южно-таежного пограничья. Поэтому обстановка «войны всех против всех», которой впоследствии так прославилась западно-сибирская тайга, здесь очень рано стала привычной нормой жизни. Вот и возникали на высоких и сухих местах укрепленные поселения — городища — для защиты от неприятеля.

Обычно для укреплений выбирались мысы, участки между оврагами или просто высокий обрывистый берег. И хотя внутренняя площадка такого форпоста бывала невелика, укрепления вокруг нее возводились весьма солидные. Склоны подкапывались до отесного состояния. Рвы и валы вокруг жилой зоны сооружались с наименее защищенных сторон, а порой охватывали ее целиком по периметру. Так появились односторонние (поперек мыса), трехсторонние (дугообразно либо подпрямоугольно вдоль обрыва коренного берега) и кольцевые линии искусственных укреплений. Строительство подобных защитных поясов сопровождалось сложными, нередко кровавыми обрядами, призванными сохранить их не только от врага, но и от злых сил. Для защиты своего рода даже человеческая жертва в то время не казалась чрезмерной. Захватить такие укрепленные позиции прямой атакой было непросто, особенно если учесть многочисленность таежных воинств и то, что они были не в состоянии вести планомерные длительные осады. В тайге невозможно было кормить свои войска за счет грабежа местного населения. Жители ближайших поселков при малейшей угрозе, прихватив с собой орудия промысла, с которыми они редко расставались, бессленно растворялись в таежных краях. Со временем все большая часть окрестных жителей стала укрываться в укрепленных центрах, и площадь городищ, а вместе с ней и мощь оборонных систем существенно выросли.

Рис. 103. Северная Сосьва, приток Оби

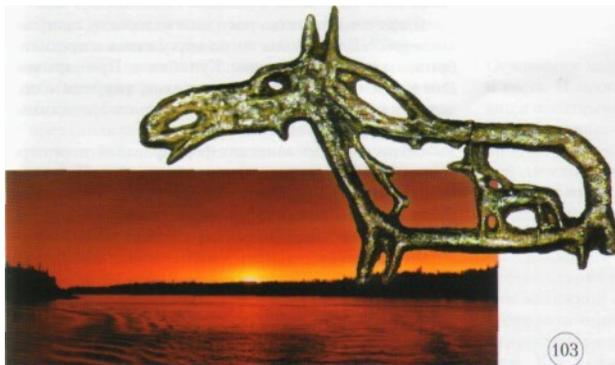

Рис. 104. Бронзовая фигурка лосихи выполнена в характерной для кулайской культуры манере литья. Иногда этот очень графичный стиль называют скелетным, так как художник передает анатомические подробности, не видимые глазу. У этой лосихи он изобразил неродившегося лосенка. Плоское литье. Ранний железный век. Кривошеинский клад. Среднее Приобье. ТОКМ

104

103

Рис. 105. Для рогового нагрудника использована расщепленная и распрямленная лопа́та лосиного рога. Вероятно, (ее в свое время размочили с последующей сушкой под прессом. Ее размеры не позволяли полностью прикрывать грудь, поэтому нагрудник был сделан составным. Вторую, утерянную, часть вырезали из другой половины рога, расщепленного на продольные плоскости по пористой сердцевине. Скорее всего, каждая из частей нагрудника крепилась на своей доле распашных доспехов, хорошо известных по этнографическим данным и изобразительным материалам эпохи средневековья. Преимущество этого покрова заключалось в том, что в такие латы воин мог облачиться сам, без посторонней помощи, III–II вв. до н. э. Городище Дубровинский Борок, Новосибирское Приобье. Раскопки Т. П. Троицкой. НГКМ

Рис. 106. Целый нагрудник, изготовленный из китового уса. С роговым нагрудником из Новосибирского Приобья его роднит характерная форма, а главное — сходство изображений, процарапанных на панцирных пластинах. В обоих случаях это персонажи в головных уборах, похожих на короны, с гривнами на шеях и с двумя короткими мечами в руках. III–II вв. до н. э. Поселение Усть-Полуй, Нижнее Приобье. Обнаружен В. П. Чернецовым

Рис. 107. Костяные чешуйки от лат. Вырезаны из поперечных спилов трубчатых костей крупных копытных. На внутренней стороне чешуек четко прослеживаются следы мозгового канала. С внешней стороны нижняя часть чешуек хорошо заполирована, верхняя — хранит следы многочисленных царапин. Чешуйки нашивались на мягкую основу, частично перекрывая друг друга. Выпуклая форма пластинок позволяла доспехам хорошо облегать тело воина. Однако, система крепления чешуек в одной точке делала эти доспехи не очень надежными: при движении корпуса они разъезжались и не спасали воина от колотошного удара. Найдены на месте старого русла реки Язевой при прокладке в 1888 г. канала, связывающего Обь с Енисеем. МАЭС ТГУ

Яркие свидетельства тому дают материалы *кулайской культуры*. Названа она так по месту находок предметов бронзового литья у горы Кулайка в Принарымье. Эти удивительные изделия — плоские, ажурные, с подчеркнутой простотой рисунка — омуделил археологический колорит данной культуры.

Облик таежных воинских формирований тоже определялся особенностями местного ландшафта. На пересеченной оврагами, реками и речками, заболоченной и поросшей лесом равнине приходит конец всевластию каналерии. Здесь царство пехоты — сравнительно небольших подвижных отрядов умелых стрелков, быстро и скрытно скользящих на лыжах зимой, а летом — на легких лодках.

Вооружение кулайских отрядов было не менее мощным и разнообразным, чем у их южных соседей. Отметим, что оно не было привозным. С тех нор, как было открыто

и практически освоено железо, болотные руды стали для мастеров важнейшим источником металла. Это позволило им избавиться от сырьевой зависимости.

Непрерывным атрибутом таежных воинов были лук и стрелы. Их наконечники, как и во всем скифском мире, отливались из бронзы и отличались от уже знакомых нам степных форм большими (8–10 сантиметров) размерами и длинными острыми шипами. Некоторые из них из-за резкого сужения посередине пера напоминают современную ракету, но не с круглым, а с трехлопастным в сечении корпусом и длинными приострелыми шипами-«стабилизаторами». Наконечники столь характерной формы получили название кулайских. Другие, тоже с длинными шипами, имеют прямые, плавносходящиеся к острию стороны, третьи снабжены втулкой, далеко выступающей за жальца шипов. Почти общепринято, что наконечники таких размеров свидетельствуют об исключительной мощи кулайского лука. Но так ли это?

Правила стрельбы в лесу и на открытом пространстве имеют свои особенности. У лучника в степи есть возможность поразить цель на дальней дистанции. К дичи бывает трудно приблизиться, противника тоже безопаснее сразить издали. В степи больше возможностей преследовать раненого зверя, повторить выстрел. И действительно, на петроглифах Саяно-Алтая, как и на барельефах Месопотамии, встречаются сцены охоты с изображением убегающих животных, буквально утыканных стрелами.

В отличие от охоты на степных просторах, где практиковались загонные, облавные способы, связанные с маневрированием на конях в зоне прямой видимости, охота в лесной зоне предполагала незаметное приближение к добыче и точную стрельбу накоротке. В пространстве с ограниченной видимостью стрельба всегда ведется на малой дистанции по быстро исчезающей цели. Иными словами, цена выстрела гораздо выше, ведь не очень серьезная рана почти всегда равнозначна потере добычи. Поэтому здесь выстрел должен был поражать большую поверхность тела и обладать повышенным останавливающим действием.

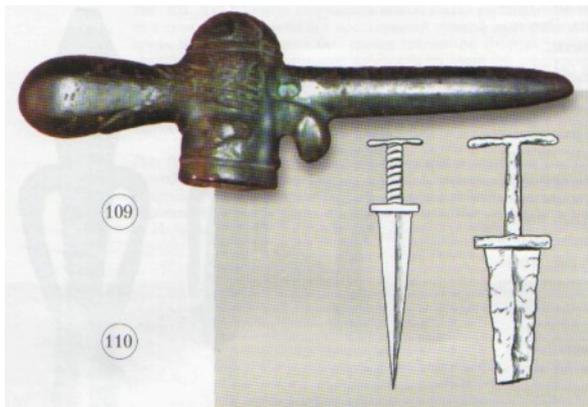
Еще сравнительно недавно, в конце XIX века, на самострелах, установленных у звериных троп, настораживались стрелы с очень крупными наконечниками, которые даже при попадании не в самое опасное место в состоянии были обескровить крупного зверя. Сам же лук такого самострела был очень простым - дистанция выстрела не предъявляла к нему каких-то особых требований. Поэтому кулайские луки едва ли были особо мощными дальнебойными, и таежные пехотинцы, оказавшись на открытых лесостепных пространствах, не могли противостоять конным стрелкам с их сложными дальнебойными луками. Зато в лесу удар кулайской стрелы сразу же обезвреживал жертву. Этим, кстати, объясняется широкое распространение здесь защитного вооружения.

Фрагменты доспехов, рассеянные по археологическим памятникам в западно-сибирской тайге, подсказывают, что в их конструкции широко применялись уже хорошо знакомые нам чешуйчатый и ламеллярный приемы.

Рис. 108. а, б. Реконструкция чешуйчатого шлема воинов становится возможной благодаря общей стилистике, свойственной многим культовым изделиям кулайской культуры: чешуйчатая поверхность нагрудников на бронзовых фигурках воинов (а), такая же фактура шлемов на личинах. Даже на хвосте бобра (б), популярного персонажа кулайского пантеона, отчетливо видны чешуйки. Реальные конструкции такого рода хорошо известны среди военных древностей причерноморской Скифии и Северо-Восточного Китая. IV - III вв. до н. э. а - Среднее Приобье. НГКМ; б - культовое место Сат-Виклы, Нижнее Приобье. Раскопки И. Н. Гемуева, А. М. Сагалаева. МА ИАЭТ СО РАН

Основными материалами для создания лат служили рог и кость, и многие секреты древних конструкций становятся понятными благодаря очевидному сходству найденных «броневых» пластин с деталями хорошо известной по этнографическим коллекциям конца XIX века защитной одежды коренных народов Северо-Восточной Сибири. Один из таких секретов заключался в том, что чаще всего прямоугольные роговые пластины при сборке лат ламеллярной структуры соединялись между собой ремнями¹⁶ длинными сторонами встык. Креплением внахлест препятствовала толщина материала, необходимая для надежной защиты от удара. Только металл мог позволить многочисленные наложения звеньев друг на друга без риска получить толстую, негибкую конструкцию. Как показывает практика, тесного смыкания

Рис. 109. Бронзовый клевец с изображением орла на втулке. Распахнутые крылья птицы опоясывают втулку, когтистые лапы расположены по её бокам, хвост занимает нижнюю часть молоточка-противовеса на тыльной стороне оружия, а низко опущенная голова, выходя за размеры чекана, занимает пространство между втулкой и лезвием. Хотя стилизованная птичья голова под лезвием появляется у чеканов в конце VI — начале V века до н. э., данное изделие уникально тем, что хищная птица впервые изображена целиком. И образная, мистическая связь между ударом чекана и образом атакующей хищной птицы, которая бьет клювом свою жертву, выражена здесь наиболее полно. Ассоциация с острым птичьим клювом существовала с момента появления такого оружия, восходя к эпохе бронзы. II—IV вв. н. э. Парабельский клад. Среднее Приобье. ТОКМ

Рис. 110. Подобно своим современникам, таежные бойцы в рукопашных схватках широко использовали клинковое оружие. Их короткие мечи в целом соответствовали техническим достижениям соседей. Они также ковались из железа и имели прямое перекрестие

боковых сторон толстых роговых звеньев добиться несравненно легче, нежели плотного прилегания друг к другу плоскостей их внешней и внутренней поверхностей. Небольшие зазоры, которые все же оставались между пластинами, защитных свойств этих доспехов не снижали. Острие, попавшее в такую щель, смещало пластины, и они фиксировались под некоторым углом друг к другу, зажимая между собой клинок. Впрочем, если позволял материал, мастера использовали и крепление внахлест.

Доспехи конструировались в виде некоего подобия халата (до колен или до середины голени) или «корсета» (до начала бедер). Для удобства надевания боевые «халаты» имели прямой сплошной разрез впереди. Правда, в отличие от одежды наших дней, они были без рукавов и надевались на плечи с помощью широких лямок из твердой кожи. Особенностью таких доспехов были составные пагрудники из двух крупных пластин, сделанных из лопат лосиного рога, — эти пластины прикрывали верхнюю треть корпуса. Панцирь с подобными «полу-

кирасами» застегивался по осевому разрезу спереди. Некоторые из этих лат имели разрез сбоку, на что определенно указывает цельная конструкция нагрудника, состоявшего из монолитной крупной панцирной пластины. В том и другом случаях полы доспеха связывались между собой кожаными ремешками. Что же касается панциря типа «корсет», то он собирался из двух створок, соединенных между собой лямками и завязками на боках. Его разновидностью были ламеллярные латы, выполненные в виде жилета с разрезом спереди; к верхней его части, как и у «халата», крепились крупные пластины роговой кирасы. Еще одной особенностью кулайских доспехов было то, что на эти крупные роговые пластины нагрудника («кирасы») наносились скаральные изображения. Владелец доспехов находился под двойной защитой — непосредственно панциря и духа-помощника. охранителя. Горло тяжелооруженного воина, не защищенное латами, прикрывалось массивной подвесной пекторалью луновидной формы.

Кроме рога и кости, таежники, как и пазырыкцы, имели в изобилии иной материал, удобный в обработке и вполне пригодный, как показывает боевой опыт жителей **Алеутских** островов и индейцев тлинкитов, для изготовления средств натальной защиты. Речь идет о древесине. Дощечки панциря, выструганные ножом из кедра и стянутые между собой сыромятными ремешками, оказываются легкими и достаточно прочными, чтобы противостоять удару кинжала, а то и клеваца. Другое преимущество — древесина обладает вязкостью и способна остановить наконечник стрелы или очень сильно ослабить его действие. Неслучайно щиты — самое распрост-

Рис. 111. Таежный Ляпин

Рис. 112. Воин натягивает сложный лук кулайского типа (а). Его кибить оклеена с помощью рыбьего клея полосками выпаренной бересты, защищающей оружие от влаги. За его спиной - коробчатый берестяной колчан (б), украшенный излюбленным орнаментом таежного населения Приобья — так намываемой "уточкой" (в). В походном положении длинный, лук носили одетым через плечо. Воин облачен в короткий панцирь типа "корсет", связанный из роговых пластин (г). На боках он стянут ременными завязками, а по талии — кожаным поясом (д). Грудь дополнительно закрывает крупная роговая пластина - священное изображение фигуры с мечами (к). Шлем (ж) сплетен из длинных пластин треугольной формы и снабжен бармицей (з), защищающей шею и щеки. Она составлена из роговых чешуек, пришитых к кожаной основе. Под шлем и панцирь одета плотная поддевка, набитая протеганной шерстью. Из-под шлема опускаются длинные полосы (и), залетненные, в соответствии с таежной модой, в косы, концы которых зажаты в специальных бронзовых трубочках-наконечниках (к). К воинскому поясу прикреплены медвежий кляк (л) и бронзовый кувесц (м) с втюком (н). Щит (о) сделан из оструганных дощечек, стянутых друг с другом сырмятным ремнем, стежки которого образуют орнамент в виде "уточек" (п). Щит пропитан смолами и раскрашен с лицевой стороны. IV—III вв. до н. э. Реконструкция по материалам Среднего и Нижнего Приобья

раненное и популярное защитное вооружение делались даже много столетий спустя из древесины. К тому же существовало немало способов увеличить прочность материала. Например, пропитать его смолами, обшить кожей или же плотно обмотать планки доспехов сухожилиями. И звенья таких лат будет крайне трудно расщепить кинжалом или расколоть стрелой, особенно если она снабжена бронзовым наконечником стандартного, уже знакомого нам, скифского типа.

Головы кулайцев закрывали шлемы. Они собирались из треугольных костяных пластин, стянутых между собой ремнями, или из костяных чешуек, нашитых поверх кожаной основы головного убора. Иногда — плелись из прутьев.

Вероятно, появление оригинальной формы наконечников кулайских стрел обусловлено задачами борьбы со столь неуязвимым «бронированным» противником.

Но самым серьезным оружием боя с ним на ближней и средней дистанции оставались копьё с массивными наконечниками. Этот вид вооружения, редкий в Верхнем Приобье и практически неизвестный в районах Саяно-Алтая, был необыкновенно популярен у таежных воинов. Кулайские мастера создали своеобразные, нигде более не встречающиеся образцы этого оружия — внушительных размеров, с длинной втулкой и узким тяжелым трехлопастным пером. Лопаста наконечника порой украшались изображениями животных, рыб, личин. В целом их конструкция, как у трехгранного штыка трехлинейной

Рис. 113- Набор древковых средств для ведения ближнего боя дополняли богато орнаментированные бронзовые топоры-кельты с шестигранной в сечении втулкой. Одним из недостатков их конструкции было ненадежное крепление ударной металлической и несущей деревянной частей. Таежные мастера нашли простое и эффективное решение. Внутри втулки они расположили поперечную перемычку, которая расклинивала рукоять в момент ее закатывания. III в. до н. э. Могильник Каменный Мыс, Сиднее Прпобье. Раскопки Т. П. Троицкой. НГКМ

Рис. 114. Наконечники кулайских копий отливались из бронзы и, повторяя форму наконечников стрел, имели по три лопасти и большие размеры (порядка 40 см и больше). На плоскости пера некоторых из них наносились сакральные изображения животных, рыб, личин в короне. Такие размеры и богатые украшения позволяют считать этот экземпляр церемониальным, возможно, знаком власти вождя. Впрочем, другие — несомненно, боевые — кулайские копья отличаются от этой случайной находки лишь отсутствием литых изображений, V - IV вв. до н. э. Таежное Прииртышье, Западная Сибирь.ООКМ

винтовки, больше рассчитана на мощный пробивающий удар, нежели на нанесение широкой колото-резаной раны, характерной для плоских наконечников копий, с которыми мы имели дело раньше. Длина древка такого копья имеет с железным наконечником равнялась расстоянию от стопы до плеча взрослого человека. Столь коротким оружием удобно было делать прямые выпады или метать его на небольшие расстояния, что, впрочем, позволяло успешно пробивать большинство панцирей того времени. В ближнем бою у подобного оружия масса преимуществ — в частности, не требуется замах,

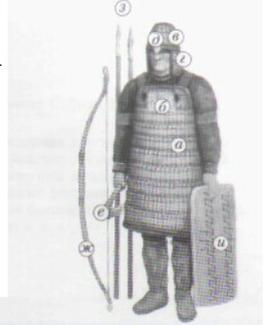
необходимый для ударного и рубящего оружия. Поэтому укол копьем опережает удар топора, кистеня, чекана или клинка.

Другим оружием, общепринятым в таежной среде, был чекан. Вначале, как и копья, чеканы отливались из бронзы в глиняных формах, но с конца II века до н. э. их стали ковать из железа. Ранние бронзовые экземпляры этого оружия имеют цилиндрическую втулку для древка рукояти, прямую ударную часть, граненую в сечении, и боек длиной до 15 сантиметров.

Городища, культовые места кулайцев, многочисленное оружие, в том числе заимствованное путем сложных обменных операций, а может, и добытое в качестве трофея у соседних племен, - все это говорит о сложной, напряженной военной обстановке, конечно, о возвышении роли военачальников. Военные столкновения имели для древних коллективов эпохи раннего железа целый ряд далекоидущих последствий.

В битвах преимущество оказывается на стороне племен, обладающих более сильной и централизованной организацией. Они чаще, чем соседи, стремятся к победоносным походам, которые, в свою очередь, еще более усиливают роль этой организации и власть военного предводителя. Войны часто вызывают мшранию населения. Подвижки человеческих масс немало способствуют ослаблению и разрыву старых родовых связей и сложению новых — территориальных. Наконец, завоевания укрепляют позиции руководящих кланов не только в престижном, но и в материальном плане. Новые источники дохода используются для привлечения новых людей. Силой оружия создаются ранее не существовавшие территориальные образования. Их границы определяются уже не столько землями одного рода или племени, сколько его военными возможностями. Вокруг удачливых вождей неизбежно скапливаются люди, жаждущие военной добычи. Появляется военная, дружинная «аристократия».

Рис. 115. Тяжеловооруженный кулайский воин. Он оплачен в длинный панцирь, составленный из колец по ламелярному принципу (а). Кольца набраны из роговых пластин, сплетенных между собой ремнями. Нижние кольца защитной одежды свободно свисают на нескольких ремнях и могут складываться, входя одно в другое, не мешая ходьбе. На груди воина — роговая «кираса» со священным воинским изображением (б). Голова защищена шлемом (в) с бармицей (г) и бронзовым наносником (д). Купол шлема смонтирован из небольших пластин по чешуйчатому принципу. Воин вооружен бронзовым втульчатым топором-кельтом (е), сложным цельнодеревянным луком западно-сибирского типа (ж) и копиями с железными наконечниками (з). Средства защиты дополняют деревянный щит (и). Такие тяжеловооруженные бойцы стояли впереди. За ними выстраивались в небольшую колонну легковооруженные копейщики и лучники, поражавшие противника на дальней дистанции. Под защитой этой «живой» брони происходило сближение с противником, и завязывался ближний рукопашный бой. IV—III вв. до н. э., Реконструкция по материалам Нижнего Приобья

Предметы вооружения в этой среде приобретают особое значение, некоторые из них теперь символизировали общественное положение владельца. Военная атрибутика становится особо почитаемой в обществе, она сакрализуется. Духи умерших предков удачливых военных лидеров из разряда «личных» переходят в разряд «территориальных» и почитаются, как небесные покровители, не только прямыми потомками, но и всеми жителями данной территории. Разумеется, при этом у каждого воина и поселенца остается свой личный дух-помощник, дух собственного умершего предка.

Деревянные фигуры таких духов-предков, богатырских покровителей устанавливались в специальных культовых местах. На их лица надевались бронзовые личины, рядом раскладывались оружие и жертвоприношения. «Небесных» защитников изображали и на нагрудных пластинах доспехов, самым прямым и непосредственным образом спавших «душу и тело» своего хозяина.

Оружие в тайге тоже было предметом культа и поклонения. Из дальних походов воины приносили на скрытые в тайге культовые места свои трофеи и оставляли их там в качестве дорогой жертвы. Отзвуки этой традиции дошли до наших дней. Некоторые персонажи божественного пантеона обских угров нередко представлены куклой, символизирующей духа — хозяина культового места. Кукла, как правило, изготовлена из какого-нибудь старинного предмета вооружения, обмотанного особыми жертвенными тряпочками-прикладами. Здесь до сих пор можно увидеть клинки конца позапрошлого — начала прошлого веков, захваченные в походах или приобретенные в обмен на меха прадедами нынешних хантов и манси.

Пока на высоких мысах среди болот и урманов предки обских угров и самодийцев совершенствовали свое оружие, далеко на востоке, за тысячи километров от Великой Реки и Таежного царства, в неизвестных глубинах Центральной Азии, копилась та сила, которой суждено было изменить ход событий и дать имя целой эпохе. Эпохе, когда ушли в небытие старые культуры и народы, еще недавно господствовавшие в степях Саяно-Алтая; когда кочевое население лесостепи, томимое «тягой к перемене мест», отправилось на запад в поисках новой родины; когда таежные воины продвинулись по обским крепям и плесам далеко на юг, а их родственники по языку, южные угры, ушли в тот путь, что закончился на берегах Голубого Дуная.

Глава 4

Великое переселение народов

В конце I-го тысячелетия до н. э. в глубинах Центральной Азии произошли события, имевшие далекоидущие последствия для судеб кочевых народов Южной Сибири и их ближайших соседей, а в дальнейшем и для кочевников всего пояса евразийских степей. Лавина порожденных ими исторических катаклизмов спустя несколько столетий докатилась до границ Римской империи. И только здесь, на Каталаунских полях близ современного французского города Шалон-сюр-Марн, летом 451 года¹ завершился великий путь пришельцев с востока, имя которых — "гуны" — долго вызывало трепет у совсем не робких римлян.

Речь идет о возвышении в конце III века до н. э. союза племен, известных по китайским летописным источникам как "хунну" (в другой транскрипции — «сюнну»), и создании ими первого крупного кочевого государственного образования. Все началось с того, что отряд телохранителей Модэ (206—174 гг. до н. э.) — сына первого в истории хунну шаньюя - Туманя, вымуштрованный постоянными охотами и приученный беспрекословно повиноваться своему хозяину, по его приказу убил его собственного отца. После этого Модэ сам стал шаньюем². При нем сформировалось первое кочевое государство. Модэ отличался небывалой завоевательной активностью и сумел расширить свои владения от Хингана на востоке до монгольского Алтая и Тянь-Шаня на западе, от Забайкалья и Саян на севере до Гоби и Ордоса на юге.

Сердцем владений хунну в то время были современные земли центральной и северной Монголии и отчасти южной Бурятии. Политическая история этого народа представляла собой непрерывную цепь войн с ханьским Китаем и соседними племенами. Вскоре (к концу III века до н. э.) хунну распространили свою власть на территории Минусы, Алтая, Восточного Туркестана. В 56 году до н. э. междоусобицы раскололи хуннскую державу на два объединения — северное и южное. Южное вскоре попало под влияние Китая, а северное, укрепляя свое положение, продолжало борьбу с ним. После крупного поражения в 93 году н. э. часть орд северных хунну из степей Центральной Азии и Восточного Туркестана через горы северо-западной Монголии, Алтая и Тянь-Шаня двинулась на запад. Долгих триста лет, вытесняя одни племена, истребляя и покоряя другие, вовлекая в свой союз третьи, кочевники шли навстречу вечернему солнцу. Их путь в неведомое лежал по степям юга Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии.

Рис. 1. Южная Сибирь. Предгорье Саян

Рис. 2. Бронзовая пластина - выразительный образец хуннского «звериного стиля». Такие парные пластины вставлялись иногда в специальные деревянные обоймы и украшали боевые пояса хуннских воинов. II-I вв. до н. э., Ордос

1

2

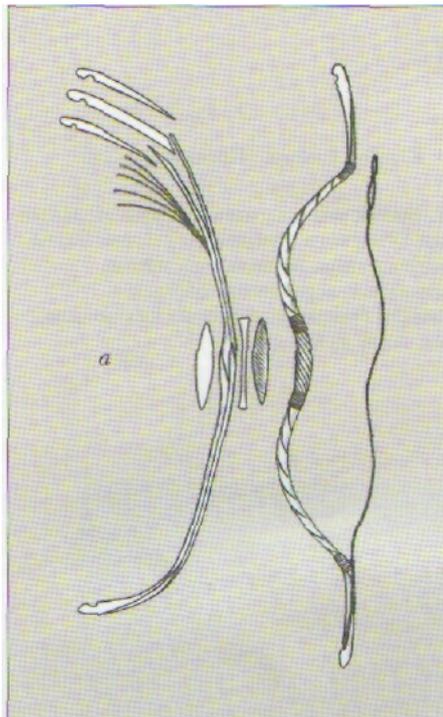
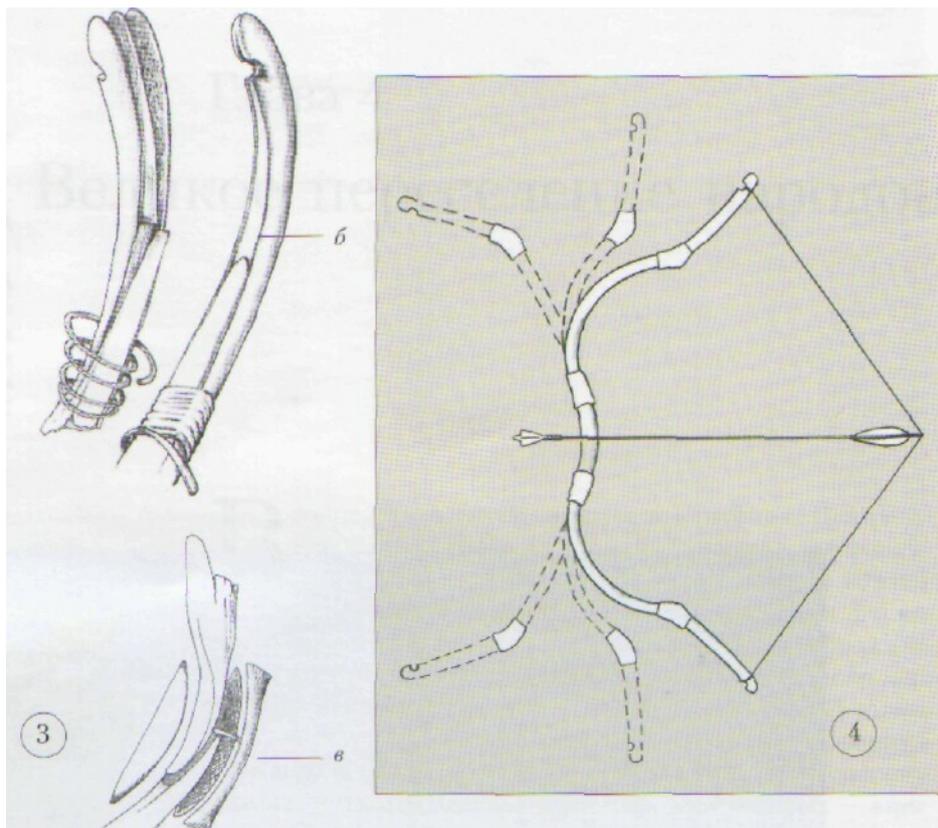

Рис. 3, а - в. Лук хуннского типа имел семь роговых усиливающих деталей: а, в - набор усиливающих деталей в центральной части; роговые накладки с обоих боков кибики в форме рассеченного вдоль оси овала, длинная узкая фронтальная накладка со стороны тетивы с несколько расширенными окончаниями; б — две длинные роговые накладки на обоих концах оружия. Центр изделия блокировался наглухо. Гибкими оставались только плечи

Рис. 4. Схема работы хуннского лука

Рис. 5. Пряжка и накладки поясного набора эпохи Великого переселения народов. IV V вв. н. э. Памятник Сопка-2. Новосибирская область. Раскопки В. И. Молодина

Началось Великое переселение народов. Хунну в ходе смешения с иноязычными союзниками быстро утратили колорит собственной культуры и её этнографическое своеобразие. Но они сохранили самоназвание и сумели возглавить тот разноплеменный кочевой союз, который, миновав степи Прикаспия и Причерноморья и рассеяв в IV-V веках войска степей и лесостепей Восточной Европы, вышел к границам Римской империи и был назван античными авторами "гуннами". Их неукротимое и быстрое продвижение на запад и сокрушительный разгром «варварских» войск восточно-европейских кочевников потрясли римское цивилизованное общество. Произведя, по словам римского историка Аммиана Марцеллина, «страшное истребление и опустошение» среди сарматских племен аланов, гунны пересекли Прикубанские степи, проникли на Таманский полуостров, преодолели в самом узком месте Керченский пролив, разгромили в Крыму готов, и, соединившись со своими основными силами, огибавшими Азовское море с севера, разбили остготов, а в битве у Днестра — и везготов. Спасаясь от смертельной опасности, остатки полуистребленных племен (остготов, везготов, сарматов, аланов) хлынули к Дунаю, ища защиты у римского императора Валента. Страх перед военной мощью пришельцев заставил Империю предложить им откуп золотом.

С приходом к власти Аттилы гуннский союз достиг высшей точки своего развития. Но, как и всякое объединение, державшееся на силе оружия, он был силен лишь в дни побед, и первое же крупное военное поражение (в «бите народов») послужило толчком к его распаду.

Промежуток времени (II в. до н. э. — V в. н. э.), на который пришлось все эти события, с легкой руки

крупного исследователя сибирских древностей С. И. Киселева называется в отечественной археологической литературе *гунно-сарматским временем*. Другое встречающееся название — «эпоха великого переселения народов».

В этот период расстановка действующих лиц на исторической арене существенно изменилась. Связано это с появлением новых мощных сил, определивших на многие столетия последующий ход событий. В Зауралье, Поволжье и Причерноморье это были сарматы, в Передней и Средней Азии — парфяне, и Центральной Азии и Сибири — хунны. Произошла постепенная смена скифских культур культурами хуннского круга, ираноязычного кочевого населения — тюркоязычными кочевниками, европеоидов — монголоидами. В оружейном ремесле железо полностью заменило бронзу. На Алтае прекратила существование уже знакомая нам пазырыкская культура. В Минусинской котловине на месте тагарской культуры в результате смешения местного и пришлого хуннского населения Центральной Азии сложилась таштыкская культура. В Верхнем Приобье аналогичным образом сформировалась верхнеобская культура. Саргатцы в конце концов перешли к исключительно кочевому укладу и отправились в поисках лучших пастбищ на запад. Где-то на берегах Дуная теряются все их следы. У кулайцев начался второй, самый боевой, этап их истории *Саровский*, тоже связанный с миграцией — на этот раз вдоль верхнего и нижнего течения Оби.

Символом эпохи стали новые типы вооружения, явившиеся на смену образцам скифского облика.

И первым среди них следует назвать лук «хуннского типа». Он отличался от скифского, прежде всего, внушительными размерами (порядка 1,6 м и больше) и иным принципом действия. Новые луки были рефлексирующими — и свободным, без тетивы, состоянии их плечи выгибались в направлении полета стрелы. Такой выгиб кибиты во многом обеспечивался приклеенными со стороны спинки сухожилиями. Мощность оружия при этом возрастала.

У лука хуннского типа зоны наибольших нагрузок усиливались роговыми накладками. Накладки помещали на концах лука и в самом центре. Центр укрепляли, с одной стороны, для того, чтобы заставить наиболее полно работать плечи оружия. С другой стороны, сложно было найти подходящие для кибиты прямослойные бруски дерева большой длины, особенно на землях, отнюдь не богатых лесом. Да и еще так подогнать друг к другу, чтобы при склеивании получилась достаточно надежная конструкция — на всей своей полутораметровой протяженности. Более простое решение — подобрать и соответствующим образом обработать короткие 40–50-ти сантиметровые палки, а затем соединить их друг с другом в шип или вмахлест и склеить. В целях повышения эффективности выстрела менялось устройство окончаний лука. Они приобрели, во-первых, новую форму и сечение, а во-вторых, получили роговые накладки.

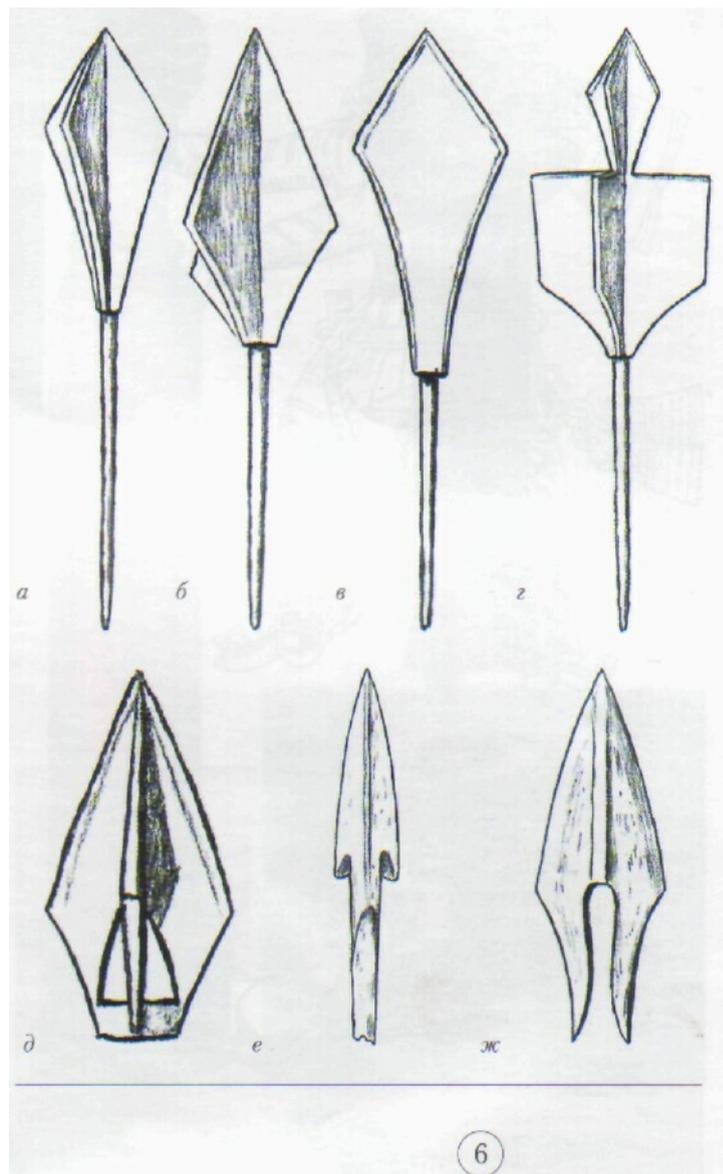

Рис. 6. а–ж. Железные наконечники хуннских стрел имели форму удлиненного и ассиметричного ромбов (а–в). Встречались и ярусные наконечники (г). Длина их пера колебалась в пределах 2–6 см. Бронзовые наконечники еще конкурировали с железными и использовались с луком скифского типа, не сразу канувшим в прошлое. Наконечники (д) отличаются рельефно выделенными лопастями, иногда с отверстиями, и ажурная **втулка**, у которой исчезли привычные стенки, а осталось лишь большое кольцо у основания наконечника. Большое количество найденных костяных наконечников (е, ж) указывает на то, что металлические или роговые доспехи еще не получили достаточного распространения

Рис. 7. Прорисовка фрагмента серебряного сасанидского блюда с изображением царя Шапура I, охотящегося на леопарда. Хорошо заметен кинжал в ножнах с лопастями, расположенный у правого бедра владыки. Эти ножны, как и ножны длинного меча, выполнены в традициях скифского времени. Но лопасти в обоих случаях служат уже, скорее, элементом декора, нежели функционально необходимой деталью. Такой способ крепления оружия будем называть иранским. III - IV вв. Москва. Музей Востока

Рис. 8. Серебряная оковка нижнего конца ножен становится характерным элементом декора рубящего клинкового оружия. Металл может покрывать почти половину лакированного, окрашенного в красный цвет чехла. IV—V вв. Памятник Сопка-2. Новосибирская область. Раскопки В.И. Молодина

У скифского метательного оружия поперечные плоскости конца и плеча кибити совпадали, у хуннского же лука концевые детали, наоборот, вклеивались в кибить таким образом, что плоскости врезного конца и плеча лука располагались перпендикулярно друг к другу. В результате концы нового лука уже не гнулись, и основную работу по метанию стрел выполняли упругие плечи. Роговые накладки на концах лука предохраняли кибить от поломки.

Хуннские луки, в отличие от скифских, позволяли метать более длинные и тяжелые стрелы с более крупными наконечниками. Если провести аналогию с огнестрельным оружием, то можно сказать, что увеличился «калибр» и поражающие возможности лука. Немалую

Рис. 9, а, б. С помощью таких нефритовых или деревянных скоб (и), размещенных, по желанию хозяина, ближе к устью или к середине ножен, можно было с удобством носить оружие. Идея такого крепления известна с VIII в. до н. э. Но лишь с повсеместным распространением длинных мечей она становится популярной. Такая конструкция позволяла подвешивать оружие вдоль ноги или закреплять его на спине так, чтобы рукоять торчала из-за плеча. Скобой с крючком можно было цеплять ножны за перевязь. При использовании простой скобы оружие снималось вместе с портупейным ремнем. Такую систему крепления оружия можно разглядеть на некоторых изображениях скифского и гунно-сарматского времени. Например, у лучника в сцене охоты на кабанов, изображенного на золотой поясной пластине из Сибирской коллекции (б)

Рис. 10. Нефритовая скоба от ножен, найденная в западно-сибирской лесостепи. Обнаружена в одном из очень редких для региона погребений IV—V вв. Могильник Сопка-2. Новосибирская область. Раскопки В. И. Молодина

роль и этом сыграл и новый материал, использовавшийся при изготовлении наконечников стрел. Железо легче бронзы. Железный наконечник — даже при равном весе — значительно превосходил по своим размерам бронзовый. Стрелы с железными наконечниками были гораздо опаснее своих бронзовых предшественников.

Трехлопастные наконечники мелькали на полях сражений больше тысячи лет и просуществовали вплоть до походов Чингисхана (XII век). Правда, в отличие от своих средневековых «собратьев», хуннские наконечники довольно невелики.

Многие стрелы снабжались небольшими роговыми шариками с круглыми отверстиями на боках. Располагались они у основания наконечника в месте, где он соединялся с древком. Воздух, попадая в такие отверстия при полете стрелы, издавал резкий звук. Летописи приписывают это изобретение самому шаньюю Модэ. Такие стрелы указывали цель¹. Изобретение оказалось столь ценным, что с тех пор неизменно эксплуатировалось во всех сибирских войсках.

Умению владеть луком со стрелами подрастающее поколение хунну обучалось с самого раннего возраста. Как сообщают китайские летописи («Шицзин»), у сюнну «мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверьков; а несколько подросши, стреляет лис и зайцев».

Огромное значение в военной подготовке имели индивидуальные и, особенно, загонные коллективные охоты¹. О грандиозных облавных охотах хунну, на которые собирались десятки тысяч вооруженных всадников, неоднократно упоминают китайские источники. Они рассказывают о том, как под видом охоты войска часто совершали внезапные налеты на соседа: «Они в нескольких десятках тысяч конницы занимались охотой близ границы, нападали на приграничные посты и уводили чиновников и народ в плен». Такие набеги могли планироваться заранее. По тем же источникам, предводители договаривались «каждому с 10 000 конницы произвести облаву подле китайской границы и, будто бы нечаянно встретившись вместе, вступить в пределы Китая». Подобный обманный маневр было сделать несложно еще и потому, что и на охоте, и на войне применялось одно и то же оружие.

Рис. 11. Рукоять палаша. Навершие состоит из полусферического набалдашника с полями, установленного на хрустальный шестигранник и круглый нефритовый диск. Полю колпачка по кругу украшены пояском зерни, а вся остальная его поверхность разбита перегородками на ячейки, заполненные цветными вставками. Навершие крепилось к концу рукояти длинным бронзовым гвоздем. В данном случае мы имеем дело с техникой перегородчатых инкрустаций полихромного стиля. IV—V вв. Реконструкция по материалам памятника Сопка-2. Раскопки В. И. Молодина. Новосибирская область. МА ИАЭТ СО РАН

12

Рис. 12. Рукоять палаша из погребения знатного воина эпохи Великого переселения народов. Ее сложное навершие состоит из полусферического колпачка с широкими полями у основания, золотой оковки с раструбами на концах и нефритовым диском-шайбой между ними. Металлические части навершия украшены в «кабашонном» варианте полихромного стиля. Поверхность колпачка разделена поясками зерни на четыре сектора. В центре каждого из них в специальном гнезде крепится овальный кабашон из цветной пасты или стекла. Золотая оковка также инкрустирована вертикальными рядами цветных овальных вставок-кабашонов. Деревянная основа рукояти палаша обтянута шелком. Ножны оружия выкрашены в красный цвет, их устье дополнительно укреплено золотой обкладкой, инкрустированной цветной пастой. IV—V вв. Реконструкция по материалам находок А. П. Уманского у с. Тузовоново на р. Чарыш. Алтайский край. Санкт-Петербург. Эрмитаж

Хуннское войско включало в себя не дееспособное мужское население. Делилось оно на два крыла — правое и левое. Сами же отряды, как считается, составлялись по десятичному принципу. Основные градации — десять, сто, тысяча и десять тысяч человек. Любопытно, что отряды в коннице шаньюя Модэ различались по масти лошадей, такое деление в чем-то ассоциируется с униформой современных родов войск. Одни имели белых, другие — серых, третьи — рыжих, четвертые — вороных.

Тактика сражений по сравнению с предшествующим временем существенных изменений не претерпела. По-прежнему в её основе лежал изматывающий обстрел неприятеля. Часто применялось притворное отступление. «При превосходных силах неприятеля они притворяются побежденными и, отступая, заманивают преследующее их войско неприятеля», — говорится в «Шицзин». Заманивают на удобное для внезапной и победоносной атаки место. Здесь в полной мере оказывался востребованным опыт маневренного охвата котлом, отработанный на коллективных охотах. Правда, судя по тем же китайским источникам, хуннские воины, жадные до трофеев, при всей своей дисциплинированности не отличались особым упорством в бою. Они, «завидев неприятеля, устремляются за корыстью, подобно стае птиц; а когда бывают разбиты, то, подобно черепице, рассыпаются, подобно облакам, рассеиваются». И еще: «При удаче идут вперед; при неудаче отступают и бегство не поставляют в стыд себе».

В боевой практике хуннских орд широко использовались разведка, глубокие рейды по тылам противника, неожиданные нападения и стремительные отступления. Военный грабёж в немалой степени воодушевлял на «подвиги» кочевых удальцов. «Где видят корысть, там ни благоприличия, ни справедливости не знают. Кто на сражении отрубил голову неприятелю, тот получает в награду кубок вина, и ему же предоставляется все полученное в добычу», — сообщает «Шицзин». Вообще, существовал целый свод правил получения добычи. «Кто убитого привезет из сражения, то получает все имущество его». А все «пленные — и мужчины, и женщины — поступают в неволю; и посему на сражении каждый воодушевляется корыстью». Среди хуннских военных обычаев был и такой — из черепов неприятельских вождей изготавливались чаши, служившие знаком воинской доблести; из них по особо торжественным случаям пили вино.

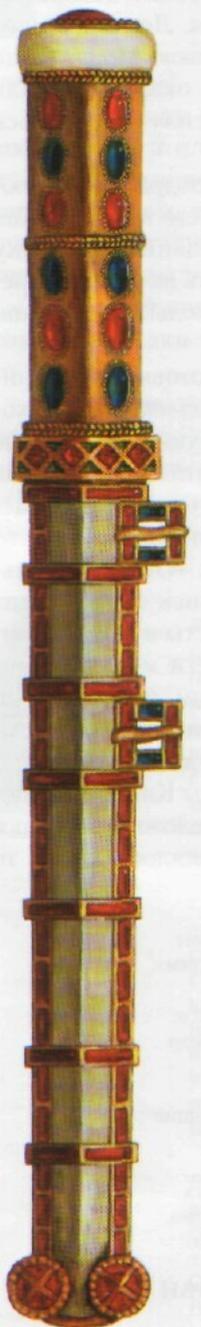
Как и у пазырыкцев, в хуннском войске среди лучников находилось место прекрасной половине кочевого населения. С луком женщины обращались столь же ловко и умело, как и мужчины. Но в ближнем бою гунно-сарматские амазонки участия не принимали. Это связано с тем, что средства его ведения немало изменились.

Короткий железный кинжал — основное оружие рукопашной схватки скифского времени — окончательно ушел в разряд вспомогательного вооружения. На первый план выдвинулись длиннолезвийные обоюдоострые мечи. Они распались на две группы: мечи с прямым перекрестием и кольцевым навершием, тип которого сформиро-

13

Рис. 13. Литая шейная гривна из золота, украшенная на концах парными головками хищного зверя. В этом образце «звериного стиля» отчетливо чувствуется наследие скифской эпохи. Подобные украшения становятся знаком престижа, социального и воинского ранга, при этом по-прежнему являясь могучими оберегами и частью защитного вооружения. IV—V вв. находка у с. Тугозвонovo на р. Чарыш. Алтайский край. Санкт-Петербург. Эрмитаж

14

Рис. 14. Кинжал в ножнах. Клинок оружия линзовидный в сечении, длиной 18 сантиметров. На торце его рукояти закреплена овальная золотая пластинка с большим сердоликовым кабошоном⁶, окруженным пояском зерни. Под ней нефритовая шайба. Дерево рукояти покрыто золотыми оковками с овальными вставками из алмадина и синего стекла. Перекрестие и ножны окованы листовым серебром и украшены в технике перегородчатых инкрустаций. Два небольших, слегка выпуклых медальона у нижнего конца ножен напоминают олопастях «пуговицами», располагавшихся в этом месте в скифское время. Золото, серебро, сердолик, алмадин, цветная паста. IV—V вв. Реконструкция по материалам находок Л. П. Уманского у с. Тугозвонovo нар. Чарыш. Алтайский край

вался в сарматском мире Поволжья и Приуралья в III-II веках до н. э., и мечи без металлического навершия. В действительности, навершие у этих мечей было, но отковывалось оно отдельно от рукояти. Время господства такого оружия начинается со II века, когда оно распространяется на огромной территории от степей Поволжья и Приуралья до районов Кореи и Китая. Рукояти клинков и без навершия нередко украшались с особой роскошью.

Рис. 15. Знатнымхуннский воин эпохи Великого переселения народов. Обращает на себя внимание вытянутый затылок. Такая форма черепа указывает на знатность рода и высокое общественное положение. Чтобы подобным образом сформировать череп, затылок и темя ребенка туго бинтовали. Высокое положение воина подчеркивается и знаками престижа - золотой гривной (*а*), богатым поясом с накладками (*б*) и серебряной инкрустированной пряжкой (*в*), роскошным оружием (*г*). Ножны палаша окрашены киноварью (*д*) и в нижней трети окованы серебром (*е*). Лук хуннского типа (*ж*) для защиты от влаги обмотан берестой и помещен в специальное налучье (*з*). С оружия снята тетива. К налучью, обтянутому изысканной тканью, пришиты два цилиндрических футляра (*и*) со стрелами — они закрыты кожаными крышками (*к*). На крышках кожаные петли для удобства открывания (*л*). В каждом из таких «магазинов» размещены стрелы строго определенного типа. Высокие сапоги из мягкой кожи подогнаны по ноге специальными ремешками с серебряными пряжками (*м*), расположенными у щиколоток. На войне халаты из китайского шелка, носить такие халаты могла позволить себе только знать. IV—V вв. Реконструкция по материалам погребения у с. Тугозново на р. Чарыш. Алтайский край⁷

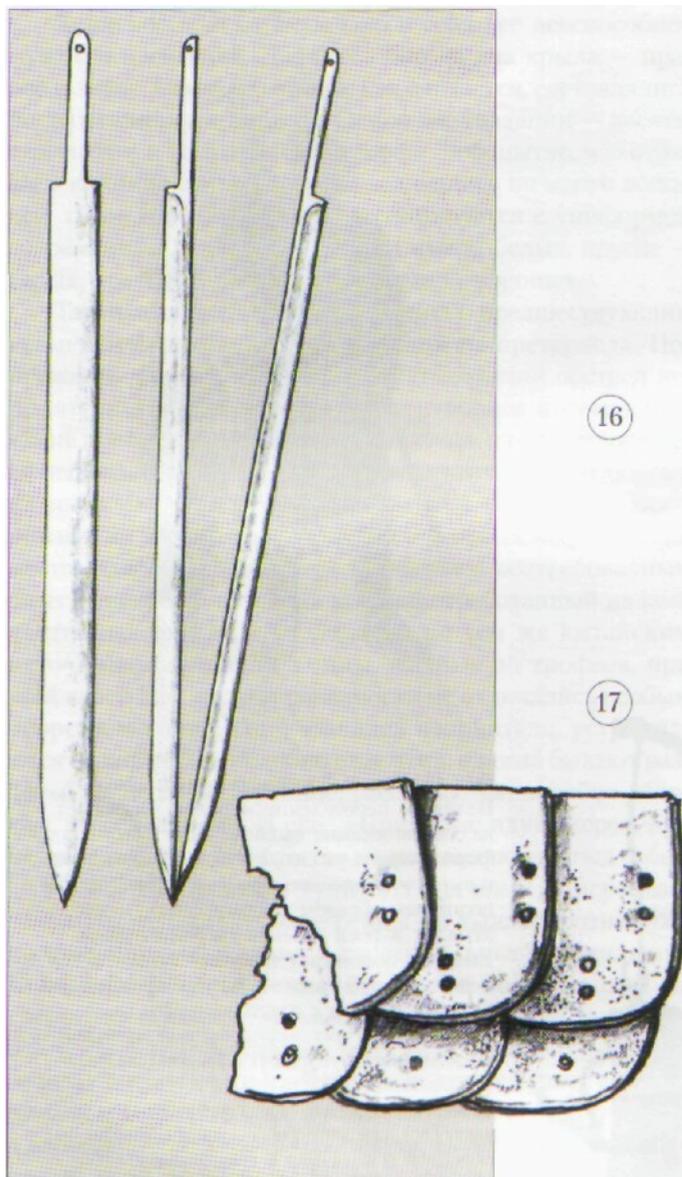

Рис. 10. Палаш можно представить, как половинку «рассеченного» вдоль продольной оси меча. Ранние формы такого оружия сохраняют все признаки двулезвийного «прародителя» и форму острия, и конструкцию перехода от рукояти к лезвию. Многие палашы унаследовали от мечей и уже проверенные временем кольцевые навершия

Рис. 17. Железные панцирные пластины хуннских лат. Их длина почти равна ширине. Они сплетались между собой конопляной бечевой так, что каждая пластина верхнего ряда закрывала стык двух пластин нижнего. Такие латы выглядели как чешуйчатые. Но расположение отверстий предполагает ламеллярное устройство панциря, т. е. без матерчатой основы. II—I вв. до н. э. Иволгинское городище. Забайкалье, По А. В. Дакыдовой

Гунно-сарматское время прославилось ювелирными изделиями с многочисленными цветными вставками из полудрагоценных камней и стекла. Подобный художественный стиль называют полихромным. Иногда такие вставки из граната, альмандина, сердолика, янтаря или цветного стекла располагались на золотом фоне изделия простыми рядами — вертикальными или горизонтальными. В других случаях его поверхность сплошь покрывалась ими, а разделялись они золотыми перегородками, образующими гнезда различных геометрических форм. Верхний полированный край этих перегородок образовывал орнаментальный узор. Обе эти манеры широко использовались в украшении оружия.

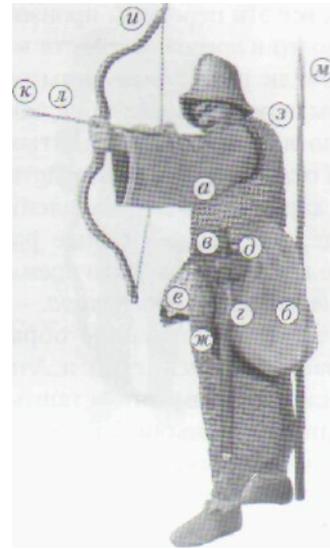
Мечи традиционно считались принадлежностью всадников. Помещались они в деревянные ножны, окрашенные в красный цвет и выстланные изнутри мягкой материей. Изредка встречаются ножны, сделанные из металла. В большинстве своем и те и другие были наследниками скифских аналогов. Там, где было сильно влияние иранского мира, они снабжались у самого устья сверху и у основания внизу парными лопастями. Но по мере удлинения мечей этот элемент оказался ненужным. Лопастки, выполненные в форме окружностей у самого основания ножен, сохранились лишь, как традиционный элемент дизайна парадного оружия.

Первоначально клинки мечей с кольцевым навершием делались из железных заготовок, твердость которым приданалась путем цементации — науглероживания лезвия. Но уже к рубежу эр в большинстве своем они стали коваться из нескольких полос разносортного высоко- и малоуглеродистого (т. е. твердого и мягкого) металла. Эти полосы сваривались друг с другом кузнечным способом так, чтобы твердый металл оказывался на острие.

В первых веках новой эры арсенал хуннов пополнился палашом — совершенно новым типом клинкового рубящего оружия. Распространение палашей на полях сражений обычно связывают с нуждами кавалерии, которой всегда требовалось легкое эффективное оружие для коротких схваток. Тяжелый двулезвийный меч был незаменим в продолжительных боях и при встрече с «бронированным» противником. Справиться с ним можно было, лишь используя мощный удар, рубящий или колющий.

Сильно изменилось у хуннов древковое ударное оружие ближнего боя. Топорами-кельтами теперь пользовались преимущественно ополченцы. Бронзовые чеканы на глазах становились достоянием прошлого. Наборные панцири, составленные из упругих железных пластин, оказались непреодолимой преградой для чеканов. Железные образцы этого оружия приобрели более крупные размеры и дуговидную, и соответствии с траекторией движения оружия при ударе, боевую часть, превратившись в мощные клевцы с массивным граненым острием, способным пробить и очень прочные доспехи. Однако и эти усовершенствования не избавили оружие от недостатков. На открытых степных просторах чеканы вообще не получили широкого распространения, в тайге же

с пешими отрядами они, наоборот, просуществовали вплоть до эпохи раннего средневековья, когда были полностью вытеснены более удобными и универсальными топорами с бойком на обушках.

Рис. 18. Знатный хуннский воин. Он одет в красный халат из китайского шелка с изображениями драконов и птиц (а). Полы его (б) заткнуты за пояс (в), украшенный чеканными золотыми бляшками. К поясу с помощью ремня, пропущенного через скобу (г) на ножнах, подвешены длинный меч (д) и железный шлем (е). Последний состоит из пластин, связанных ремешками. К тулье шлема прикреплена чешуйчатая бармица (ж). На воине короткий железный наборный панцирь (з). Числа железных пластин в таких панцирях достигало 550-600 штук, весил он 11-12 кг. Но, распределяясь равномерно по телу, вес мало ощущался. Широкие шелковые шаровары, пришитые к мягким войлочным носкам, заправлены в мягкую обувь. Голову венчает стеганный головной убор, обтянутый шелком. В руках сложный лук с роговыми накладками (и). Для стрельбы из него используются стрелы с ярусным наконечником (к) и свистункой (л). Дополняет вооружение воина копьё (м). Реконструкция выполнена по материалам находок из погребений хуннеких шаньюев в могильнике Ноин-Ула в Монголии (рубеж эр). Иволгинского городища в Забайкалье (II— I вв. до н. э.) и памятников Северного Китая (II в. до н. э. — II в. н. э.)

Таштыкская культура

(II в. до н. э.—V в. н. э.)

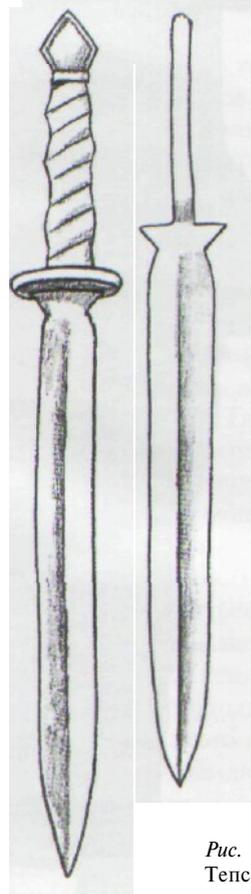
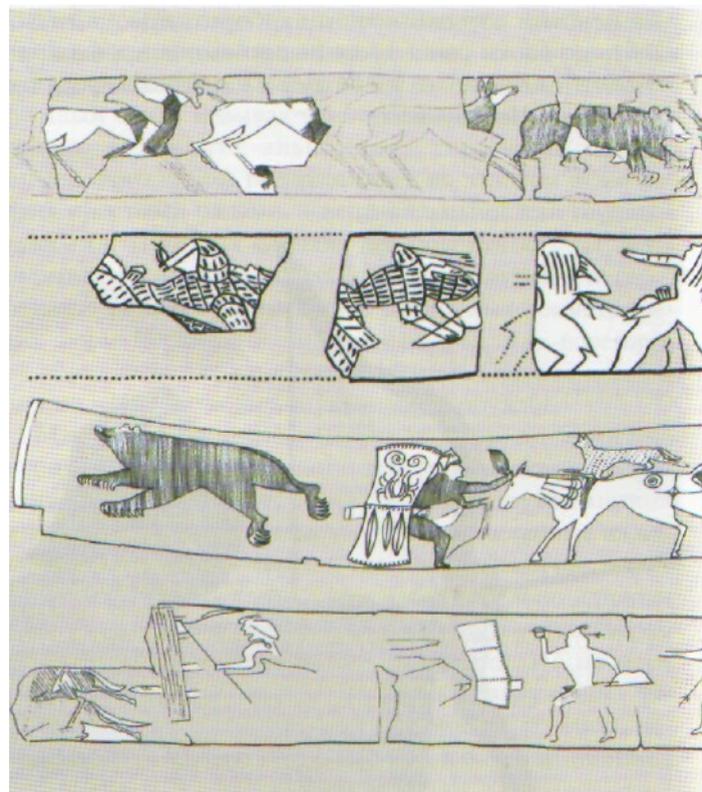
Разумеется, все эти перемены произошли не в одночасье. Довольно долго в арсенале средств вооруженной борьбы сосуществовали различные типы оружия — ушедшие эпохи как бы перекликались с будущим. Особенно заметно это было в регионах с развитым бронзолитейным ремеслом и отлаженным производством оружия. В частности, что характерно для населения степей среднего Енисея, где, испытывая самые различные влияния (и хуннское в том числе), в это время складывается оригинальная *таштыкская культура*.

Это историко-культурное образование занимало большую часть Минусинской и Ачинско-Мариинской котловин. Частично памятники таштыкского круга встречаются в Саянском каньоне Енисея. Они представлены поселениями, большими и малыми склепами, поминальниками и жертвенными местами, фазированными рисунками на скалах. Хотя первые необычные археологические материалы (гипсовые раскрашенные маски, покрывавшие черепа скелетов) были получены ещё в 1883 году А. В. Андриановым при разборке курганов на Тагарском острове, свое название эта культура получила много позже — от С. А. Теплоухова, выделившего её и названного по месту своих раскопок на реке Таштык.

Предметов вооружения таштыкской культуры, несмотря на кропотливую работу археологии, к настоящему времени обнаружено очень мало. Впору говорить о какой-то особой «миролюбивости» тамошнего населения, если бы не одно «но». Это железные наконечники, найденные в телах погребенных, и небольшие деревянные копии оружия, сопровождавшие их в последний путь. К сожалению, древесина плохо сохраняется в земле. Кроме того, пламя погребальных костров поглотило многие ценные вещи. Но если вдруг, по случайному стечению обстоятельств, во время возгорания древесины прекращается приток воздуха, то происходит обугливание предмета. Такая «обработка» на грани гибели сохраняет недолговечный материал на века. Среди обугленных предметов в сожженном таштыкском склепе у горы Тепсей под Абаканом М. П. Грязнов нашел восемь планок

Рис. 19. У обоюдоострых мечей таштыкской культуры относительно короткие лезвия (в пределах 36 см), сближающие их с длинными кинжалами. Они удобны для пешего боя в сомкнутом строю. Оружие снабжено съемными гардами, выполненными из рога или выструганными из дерева заодно с рукоятью. По Ю. С. Худякову

Рис. 20. Обугленные деревянные планки с рисунками — уникальная находка М. П. Грязнова. Бесценный источник не только для изучения военного дела, но и графической манеры таштыкских художников. Г. Тепсей под Абаканом. Минусинская котловина, Хакасия

19

20

21

Рис. 21. Фрагмент планки из могильника Тепсей. Пример анатомической раскраски лучника. Поперечная линия на его талии-ремень, к которому привязан коробчатый колчан. III—IV вв. Минусинская котловина. Хакасия

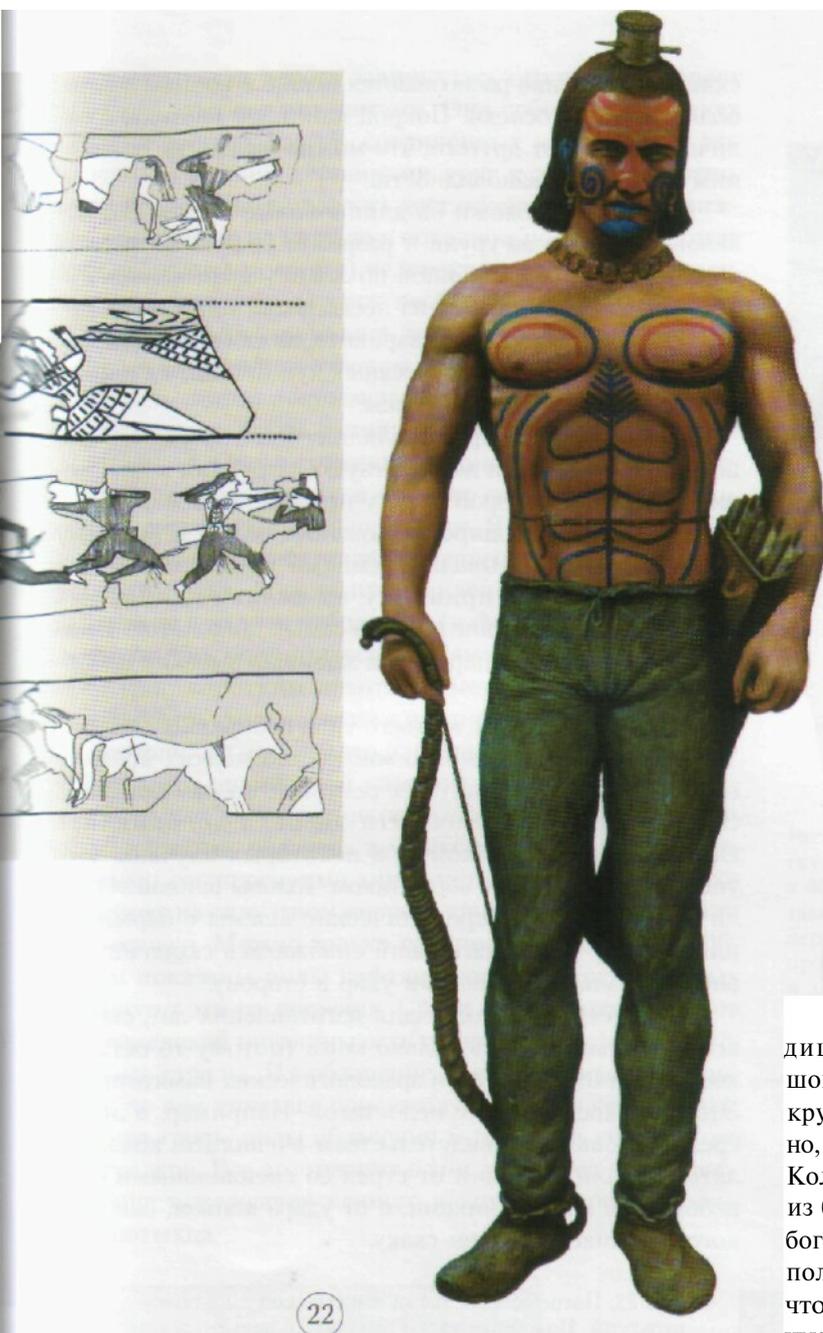

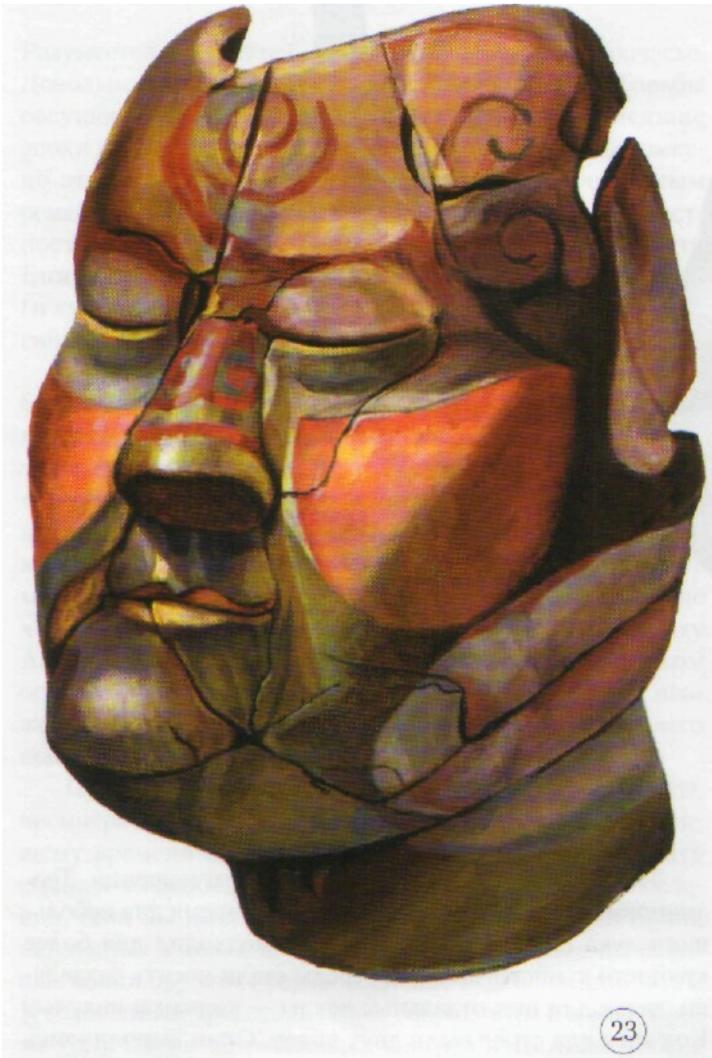
Рис. 22. Легковооруженный таштыкский лучник. Он вооружен луком скифского типа (а) и стрелами, помещенными в коробчатый колчан (б). Шею накрывает ожерелье (с). На тело нанесена анатомическая раскраска (?). Лицо также покрыто рисунком (д), перекликающимся с росписью погребальных масок. Волосы его на затылке заплетены в косичку, спрятанную в специальный чехол-накосник (е). III—V вв. Реконструкция по материалам планок из могильника Тепсей

Тип оружия определяет и манеру его ношения. Традиционный горит, изобретенный в свое время для небольшого лука скифского типа, уже не подходил для более крупного хуннского. Лук и стрелы стали носить раздельно, делая для них отдельные чехлы - колчан и налучье. Колчаны для стрел были двух видов. Одни выполнялись из бересты в форме вытянутой прямоугольной коробки, богато орнаментированной тиснением. Другие имели полукруглое дно и небольшой клапан в верхней части, чтобы защищать оперение стрел от осадков. Прямоугольные жесткие футляры привязывались к поясу почти горизонтально; мягкие кожаные колчаны размещались вертикально — параллельно бедру или вдоль спины.

Следов таштыкского защитного вооружения археологи не нашли. Исключением можно считать **небольшую** трапециевидную чешуйку с отверстием в верхней части, сделанную из папье-маше и покрытую красным лаком (ныне, к сожалению, утерянную). Ее обнаружил С. В. Киселев на памятнике Уйбатн Хакасии. По мнению автора находки, эта чешуйка соотносится с китайскими доспехами, частью которых и является. Казалось бы, все говорит о том, что таштыкские отряды состояли исключительно из легковооруженных лучников. Налицо явный парадокс. Археологическая картина совершенно не соответствует той, с которой нас знакомит изобразительная традиция таштыкской культуры. На наскальных рисунках и деревянных плашках тепсейского и ташебинского

с многофигурными композициями, нанесенными на них, скорее всего, острием ножа. Вскоре аналогичные изделия были выявлены при раскопках могильника на левом берегу реки Ташеба недалеко от Абакана. На всех этих предметах отчетливо видны многочисленные батальные и охотничьи сцены. Они дают представление об облачении, вооружении, прическах таштыкских воинов и их противников.

Таштыкские пешие и конные воины изображены стреляющими из лука. Оружие дальнего боя у них, судя по всему, было двух типов. Во-первых, это уже хорошо знакомый нам скифский лук, а во-вторых, лук, имеющий роговые усиливающие детали, то есть близкий по своему устройству к хуннскому.

склеповотчетливо распознаются пешные и конные воины, облаченные в доспехи. Покрой панцирей настолько отличается один от другого, что можно выделить, как минимум, три их разновидности.

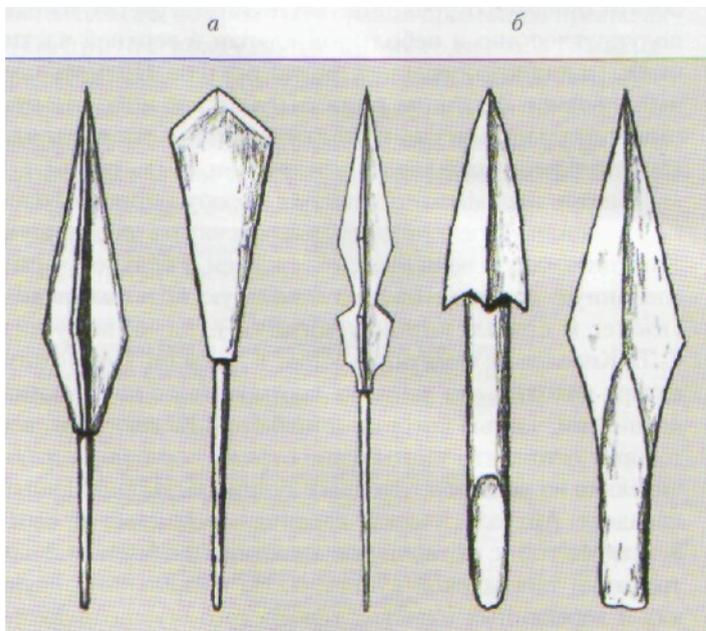
Одни были похожи на длиннопольные халаты без рукавов с запахом на груди и разрезом подола до высоты крестца сзади. Руки воинов по локоть закрывались оплечьями, составленными из нескольких конических кожаных колец или, в ином варианте, из связанных между собой широких плоских кожаных дуг, пришитых поверх рукава и облегающих бицепсы.

Другие доспехи представляли собой отформованную по размерам корпуса двухчастную (нагрудник и наспинник) кирасу, к которой сверху прикреплялись оплечья. тоже сделанные из широких кожаных полос. К нижнему краю кирасы нривязыклись ремнями лопасти, связанные по ламеллярному принципу из мелких панцирных пластин и закрывавшие ноги до самых щиколоток. Шею и затылок воина от удара сзади защищал высокий наборный воротник.

Наконец, панцири третьего типа собирались из лент. Такую ленту образовывало множество мелких прямоугольных пластин, стянутых ремнями по ламеллярной системе бронирования. Эти доспехи дополнялись юбочкой-набедренником и, в некоторых случаях, уже упомянутым стоячим воротником. Головы воинов венчали конические и сфероконические шлемы с бармицей или без нее. Часть наголовий снабжалась скошенными вмиз полями, отводившими удар в сторону.

В качестве материала для изготовления лат, скорее всего, использовалась только кожа (потому-то остатки доспехов и отсутствуют в археологических памятниках). Это ни в коей мере не недостаток. Например, в эпоху средневековья, по свидетельствам очевидцев, кожаные латы спасали воинов и от стрел со специальными бронбойными наконечниками, и от удара копьем, нанесенного всадником на всем скаку.

Рис. 23. Погребальная маска таштыкской культуры. Подобные маски делались с целью сохранения облика умерших. Все изображения индивидуальны и дают представление о смешанном типе таштыкского населения. Среди них встречаются как европеоиды, далекие потомки местного населения эпохи раннего железа, так и монголоиды, освоившие территорию Среднего Енисея в последние века 1-го тыс. до н. э. Гипс. I—II вв. Погребения Сырского чал-тага. Минусинская котловина. Хакасия. Санкт-Петербург. Эрмитаж

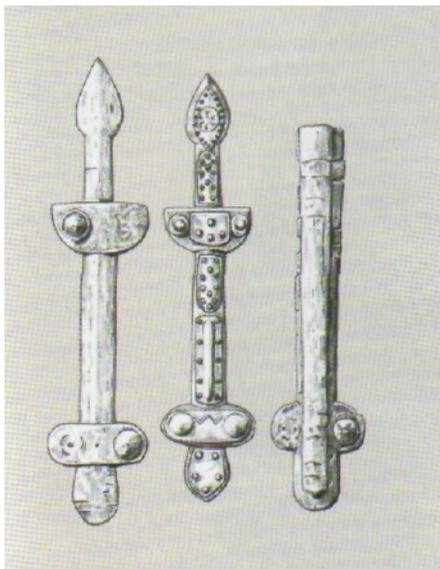

Рис. 24, а, б. Наконечники стрел, обнаруженные в таштыкских погребениях, сделаны из железа (а) и кости (б). Все они черешковые и отличаются сравнительно небольшими размерами

Таштыкская пехота защищалась огромными, в рост человека, составными щитами. Они собирались из двух трапециевидных частей, соединенных между собой поперечным ремнем вершинами друг к другу. Вероятно, такое сочленение оставалось достаточно гибким. Подвижное соединение не мешало в походном положении (когда щит заброшен за спину) человеку ходить и нагибаться. Надо полагать, что в случае необходимости эти половинки жестко фиксировались между собой распорками, которые вставлялись в специальные петли. Наружная поверхность щитов покрывалась рисунками.

Огромные щиты являлись принадлежностью элитных бойцов. Они и сражении выдвигались вперед и, установив щиты на землю в качестве своеобразной стенки, обстреливали из лука неприятеля. В ближнем бою, тесно сомкнувшись, они вставали непреодолимой преградой на пути врага. Между приставленными друг к другу щитами оставались небольшие (в форме ромба) зазоры, позволявшие ошетиниться копьями или нанести колющий удар коротким пехотным мечом. В наступлении, при лобовом столкновении с противником, щитом сбивали соперника с ног. Все это напоминает приемы боя, применявшиеся знаменитой римской пехотой.

Большая часть ратников, изображенных на тепсейских дощечках, облачена в мешковатую одежду с характерными расширениями типа «галифе» на бедрах. К сожалению, на силуэтном рисунке трудно разобрать детали экипировки. Можно только предполагать, что таким образом показаны полы кафтана, нижний край которых и образует эти расширения. Среди наскальных рисунков Подкаменской писаницы есть гравировки лучников, пускающих стрелы. Их облачение идентично вышеописанному, но при этом еще присутствует и косая сетка, штрихующая грудь, полы облачения и головной убор одного из стрелков. Все это говорит о том, что перед нами изображение тяжеловооруженного пехотинца, причем именно таштыкца.

26

25

Рис. 25. Эта глиняная голова была скульптурным портретом, прикрепленным к погребальной кукле-манекену. Создание таких изображений связывается с обрядами перехода усопших в иной мир. Эти обряды продолжались, вероятно не менее года, и для них требовалось сохранение образа умершего или какого-то его подобия. Изображения, которые замещали усопших, — «иттерма» — хорошо известны по многочисленным этнографическим материалам целой группы сибирских народов, населявших таежную, лесостепную и отчасти степную зоны, — обских угров, самодийцев, отдельных тюркоязычных групп. В течение года с ним обращались, как с настоящим родственником, кормили, советовались, укладывали спать. По истечении положенного срока после поминок «иттерма» помещали в маленькие домики, шалашики и поджигали. либо относили в лес, погребали в курганах или уничтожали каким-либо иным способом. Правда, все ныне известные куклы «иттерма» были много меньше манекенов гунно-сарматского времени, сделанных в натуральную величину, внутрь которых помещали мешочек с прахом, собранным на месте сожжения тела покойного. П—I вв. до н. э. Шестаковский могильник. Ачинско-Мариинская лесостепь. Раскопки А. И. Мартынова МА ИАЭГ СО РАН

Рис. 26. Деревянные ножны, слева и в центре — с вложенным в них кинжалом

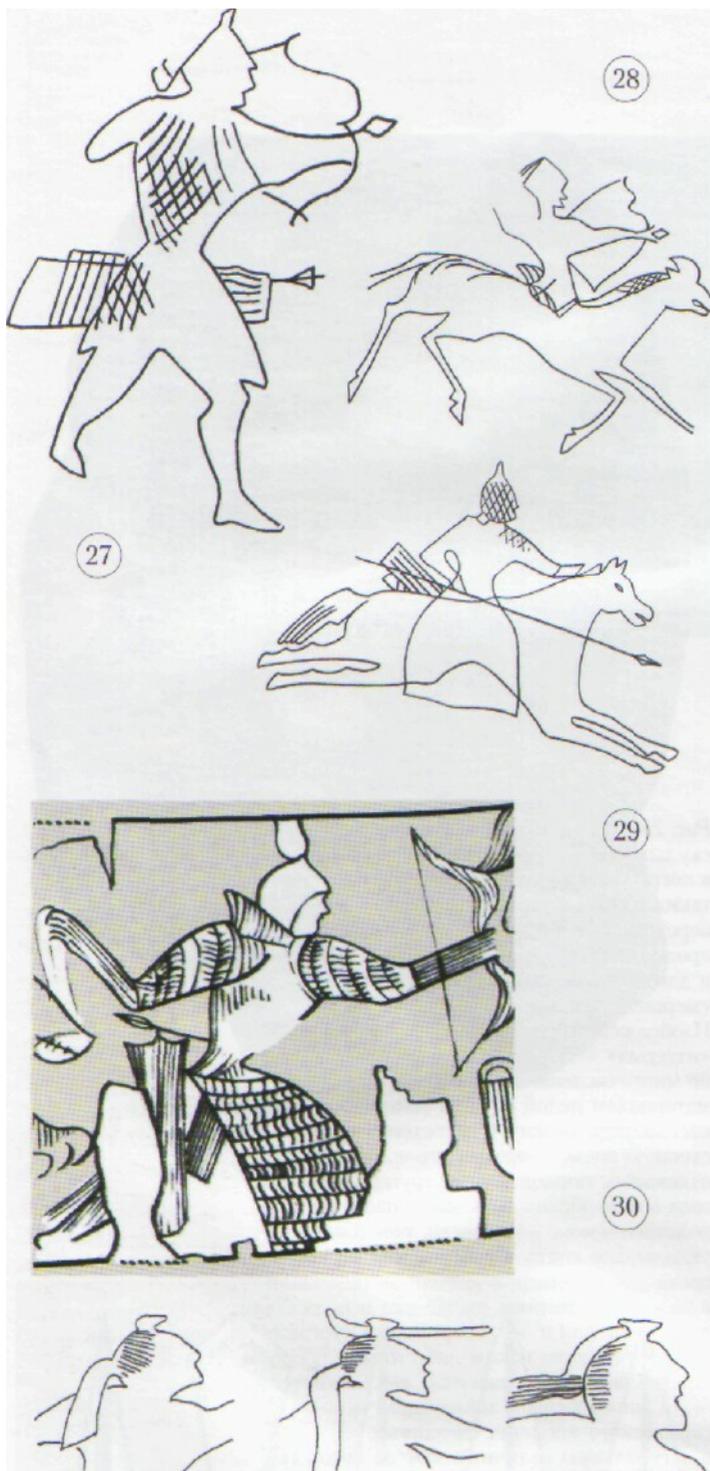

Рис. 27. Штриховка корпуса воина в косую сетку указывает на чешуйчатое строение его доспехов. Гунно-сарматское время. Подкаменная писаница. Средний Енисей

Рис. 28. Конный таштыкский стрелок в коническом шлеме с кистью держит свое оружие в характерной для стрельбы из скифского лука манере. Гунно-сарматское время. Подкаменная писаница. Средний Енисей. По Л. Р. Кызласову

На тепсейских планках есть и легковооруженные воины. Некоторые из них, раскрасив торс, вступают в бой обнаженными по пояс. Такая боевая раскраска являлась не только общеплеменным знаком, средством личной защиты от вредоносной вражеской магии, но и приемом мощного психологического воздействия на неприятеля. Несмотря на некоторые ее общие принципы, она была глубоко индивидуальна и несла максимум информации о её обладателе.

На первый взгляд, рисунки на телах воинов, воспроизведенные на тепсейских дощечках, изображают разнообразные растения. На самом же деле они повторяют строение мышц человеческого торса — груди и брюшного пресса. По-видимому, такая контурная обводка не только магически увеличивала мускульную силу, но и действовала более прозаически — подчеркивая объем мышечной массы, психологически «давила» на врага.

Подобные приемы широко применялись в те далекие времена. Так, на границах Древнего Рима «полуголые» отряды разрисованных варваров сотрясали устои империи. Да и сами римские легионеры (как и греческие гоплиты, македонские фалангисты эпохи эллинизма, этрусские, самнитские воины и многие другие) не считали зазорным лишней раз «впечатлитель» неприятеля подчеркнутой «демонстрацией» физической мощи. Для этого они использовали так называемые «анатомические» доспехи, объемно воспроизводившие рельеф развитой мускулатуры человеческого торса.

Рис. 29. Изображение воина на камне ташебинского чаа-гаса¹. Доспехи воина относятся к типу «длинного халата». Косая сетка на голове и плече всадника служит указанием на то, что эти латы были чешуйчатыми. III—V вв. Минусинская котловина. Хакасия

Рис. 30. Фрагменты планки из могильника Тепсей. Воин облачен в ламинарные доспехи, собранные из лент. III—IV вв. Минусинская котловина. Хакасия. По М. П. Грязнову

Рис. 31. Таштыкские воины часто стягивали длинные волосы в пучок на затылке. Существовали и другие прически. Иногда волосы сбрасывались на висках, коротко подстригались на затылке, а длинные пряди на темени заплетались в косу. В другом случае полосы на затылке не стриглись, а перехватывались в виде «хвоста». На темени волосы также заплетали в косичку и прятали в специальный мешочек, который завязывался ремешком у самых корней волос и прикалывался булавкой. Фрагмент планки из могильника Тепсей. По Э. Б. Вадецкой

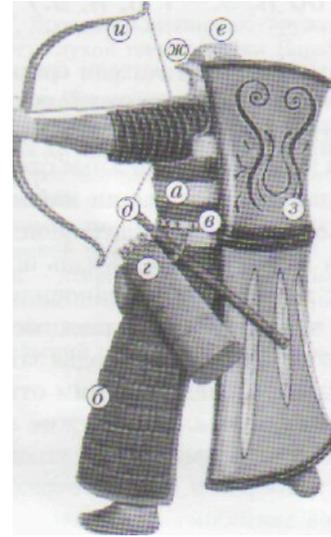

Рис. 32. Тяжеловооруженный таштыкский воин. Он одет в ламинарные доспехи (а), собранные из кожаных колец. Ноги воина закрывает длинный подол (б), связанный из панцирных пластин, у пояса с бронзовыми позолоченными накладками (в) висят колчан (г), сшитый из тисненой кожи, и длинный железный палаш (д). Голову закрывает островерхий шлем (е) с полями (ж), а спину — двучастный раскрашенный щит (з) типичных для таштыкской культуры размеров. В руках — лук скифского типа (и). III—IV вв. Реконструкция по изобразительным материалам таштыкской культуры. Тепсей, Ташеба

Кулайская культура в гунно-сарматское время

(II в. до н. э.—V в. н. э.)

Незаметно для себя жители среднего течения Оби перешли и гунно-сарматскую эпоху. Все, на первый взгляд, осталось по-прежнему. Катилла свои воды Большая река. Ходили на промысел таежные охотники и рыбаки. Кулайские удалцы совершали набеги на южных соседей, дабы потешить свое тщеславие, добыть невест, «себе чести, а князю славы». Жизнь шла своим чередом.

Вот только болота становились обширнее, лето холоднее, зима студеной, а таежные речки постепенно скудели рыбой. Охотничьи угодызатягивалисьтопью, зверь покинул их, а следом за ним отправились и охотники. Все чаще обнажалось оружие н схватках за добычу и при дележе промысловых угодий. Военная напряженность в тайге росла. Первые отряды наиболее энергичных кулайцев двинулись на юг вдоль берегов Большой реки. Начало нового этапа в жизни кулайского населения Среднего Приобья совпало с историческим рубежом гунно-сарматской эпохи. С конца III века до н. э. исход населения из Нарымского Приобья принял характер постоянной миграции. И даже новое потепление климата, наступившее в конце I-го тысячелетия до н. э., не остановило этого потока.

Некоторые исследователи образно сравнивают быстрое концентрическое распространение кулайской культуры со взрывом, волны от которого прокатились во всех направлениях. И действительно, хорошо вооруженные отряды, покинув свою историческую родину — Томско-Нарымское Приобье, — устремлялись по акваториям рек во все стороны, куда только могли проникнуть их верткие челны. Кулайцы заняли территории Нижнего Приобья, достигнув Обской Губы и низовий реки Таз, пробрались на северный Урал и распространились почти по всей таежной полосе. На юге они, оставляя после себя хорошо укрепленные городища и культовые места, по ленточным борам вдоль Оби дошли до предгорьев Алтая. Вскоре кулайцы уже обживали берега Телецкого озера.

Рис. 33, а, б. Шлемы из Истяцкого клада¹⁰.

На боковой поверхности одного из них (а) хорошо видны фигурки фантастических зверей и орнамент, выполненные накладным золотом. Кованый конический колпак и широкая лента тульи соединены коническим кольцом шириной 3 см. Поперечные швы на заклепках усилены подложенной изнутри железной полосой. У второго шлема сохранилась лицевая пластина с наносником (б). I—II вв. Тобольск. ГИАМЗ

34

Рис.34. Бронзовая личина, обнаруженная на берегу глухой таежной реки Парабель. Ее головной убор отчетливо напоминает один из шлемов Истяцкого клада. Обращают на себя внимание продольные полосы на щеках личины, словно зачеркивающие лицо. Вероятно, здесь применен прием изображения умершего (подобно рисункам на оленных камнях), сохранившийся в шаманской практике современных народов Сибири — например, у тывинцев. По другому предположению, эти линии не что иное, как боевая раскраска лица. II—IV вв. Парабельский клад. Среднее Приобье. ТОКМ

35

Рис.35. Фрагмент изображения воина со стенки серебряного сосуда из Надьсцентмиклоша. Такие шлемы, оказывается, были хорошо известны таежникам несколькими столетиями раньше. VII - IX вв. Венгрия

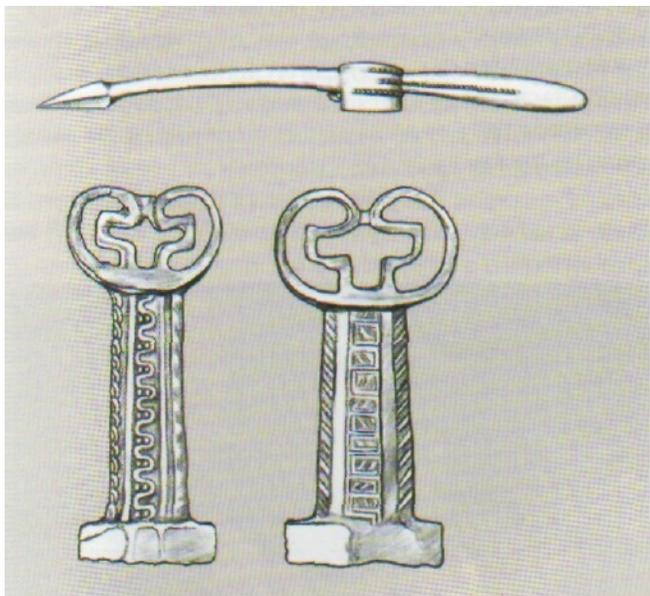
Это было достаточно мирное, постепенное заселение новых территории, залесенные участки которых не представляли сколько-нибудь большой ценности для скотоводческой хозяйства большереченцев. Внедрение в зону производящей экономики, видимо, облегчалось уже сложившимися к этому времени обменными отношениями между скотоводами и охотниками. За уступки в виде "принудительной аренды"- лесных прибрежных угодий бывшие их хозяева получали значительные выгоды при обмене. Думается, и военные союзы кулайцев и большереченцев¹¹, которые заключались в целях защиты от более грозного врага, в этой ситуации тоже были не редкость. Конечно, такие союзы особой прочностью не отличались и более напоминали зыбкое состояние полу ойны - полудружбы.

На новой территории таежные пришельцы по-прежнему продолжали возводить привычные укрепления, в былые времена предназначенные для защиты от набегов сородичей. Размеры городищ в это время существенно возросли. Если в V—II веках до н. э. площадь городищ была порядка 400- 1200 квадратных метров, то и последующие века она уже достигла 700—5500 квадратных метров. Появилась многоярусная оборонительная система, состоявшая из нескольких линий рвов и валов, усложнилась их конструкция. Зачастую в основание будущего вала помещался бревенчатый коробчатый каркас, который засыпался землей. Наружная (а иногда и внутренняя) его сторона дополнительно укреплялась от оползания деревянной обшивкой. На веру вала ставили деревянный тын. За счет этих нововведений высота подобных земляных валов увеличилась с одного до двух метров. Менялись и размеры рвов у подножья стен: глубиной они были уже больше двух метров, а шириной - до пяти метров. Вертикальные стенки некоторых рвов (Саровское городище, например), подобно валам, укреплялись деревянной опалубкой. Въезды в цитадель в ряде случаев прикрывались высокими закругленными площадками с бастиями. Круговой принцип расположения вала позволял обстреливать прилегающую ко рву местность практически во всех направлениях, крайне затрудняя атаку.

Рис. 36. Мир-сусне-хум - божественный всадник, следящий за порядком в мире, победитель зла, посредник между небом и людьми. Птица — его неизменная спутница. III -II вв. до н. э. Могильник Каменный Мыс Новосибирское Приобье. НГКМ

Рис. 37, а—в. Эта серия бронзовых кулайских изображений показывает иной тип таежного головного убора — птицы, восседающей на темени. Литые фигурки в головных уборах и сами головные уборы могут быть связаны уже с тотемной шаманской атрибутикой. а - Лозьвинский клад, Москва. ГИМ; б — случайная находка в Тюменской области, но М. Ф. Косареву; в — III—IV вв. Холмогорский клад. Сургутский художественный музей

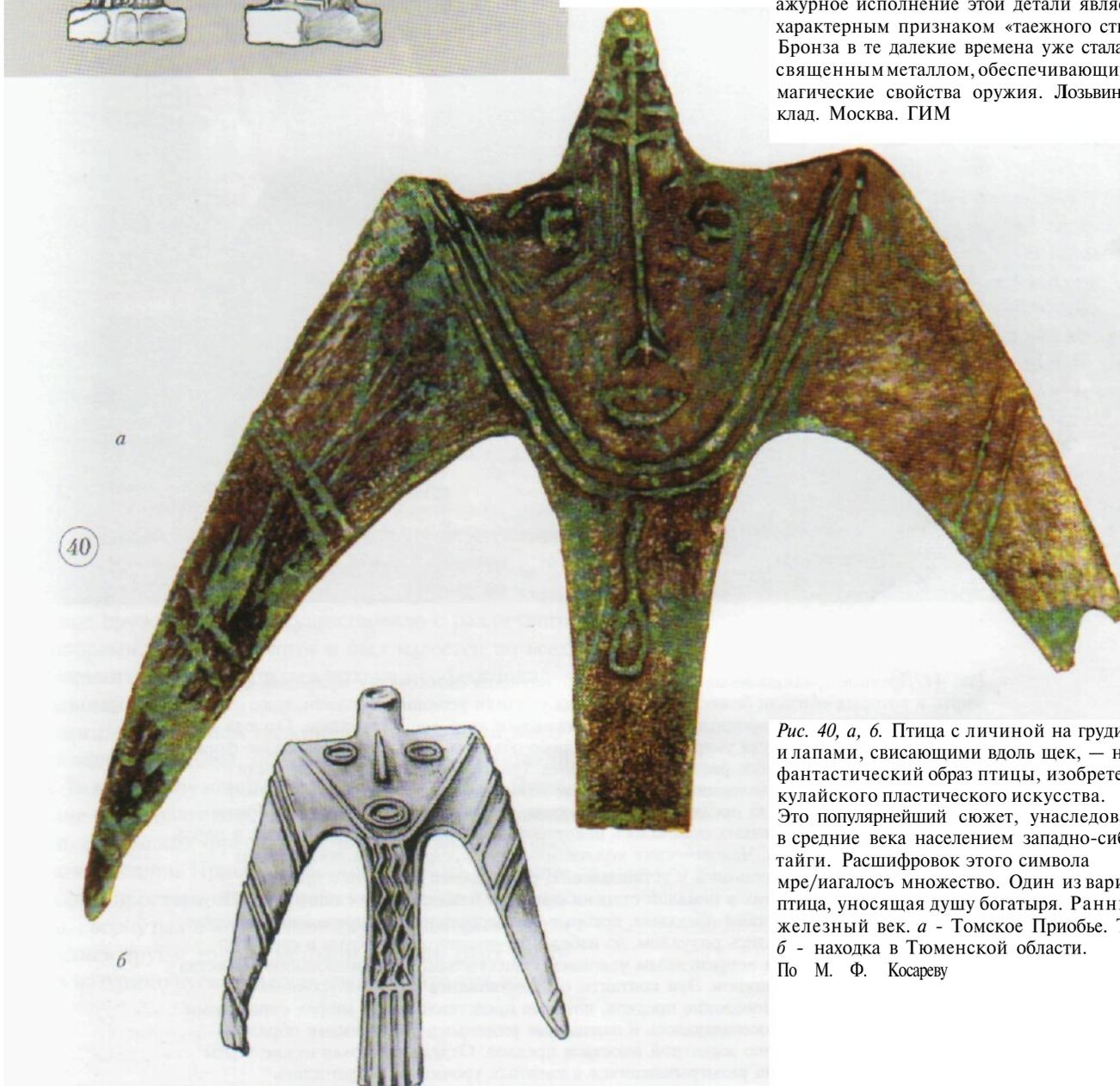

38

Рис. 38. Железные клевцы пришли на смену бронзовым, бесполезным в поединках с врагами, которые были защищены железными латами. Увеличились размеры бойков, их форма стала дуговидной. Эффективность удара возросла. Парабельский клад. ТОКМ

39

Рис. 39. Съемные рукояти, отлитые из белой бронзы. Имеют прямые перекрестия и украшены типичным кулайским орнаментом, в основе которого лежит «уточка». В контуре навершия можно увидеть силуэт популярных в сарматском мире украшений рукояти в виде дуги с поднятыми вверх и почти сомкнутыми концами. Однако ажурное исполнение этой детали является характерным признаком «таежного стиля». Бронза в те далекие времена уже стала священным металлом, обеспечивающим магические свойства оружия. Лозьвинский клад. Москва. ГИМ

40

Рис. 40, а, б. Птица с личиной на груди и лапами, свисающими вдоль щек, — новый фантастический образ птицы, изобретение кулайского пластического искусства. Это популярнейший сюжет, унаследованный в средние века населением западно-сибирской тайги. Расшифровок этого символа мре/иагалось множество. Один из вариантов — птица, уносящая душу богатыря. Ранний железный век. а - Томское Приобье. ТОКМ; б - находка в Тюменской области. По М. Ф. Косареву

Остается лишь удивляться энергии таежников, соорудивших столь внушительные крепости. А ведь одновременно им приходилось строить жилища и добывать продукты питания. Не забудем, что производилась эта огромная работа малыми силами. По современным расчетам, число обитателей кулайского городища не превышало ста человек.

41

Рис. 41. Древние традиционные общества остро ощущали спую связь с природой. Иные миры, в которых обитали божества и духи, куда уходили усопшие сородичи, тоже мыслились как миры природные, хотя и отличались от того, где жили люди. Отсюда легкость превращения духа умершего в природные объекты, а также многообразие форм их воплощений — в камнях, растениях, животных. Границы между мирами не были закрытыми, и, по представлениям обских угров, человек мог случайно попасть в мир инобытия, а ушедшие туда предки, ставшие духами, могли на время вернуться обратно. Их пребывание в мире живых отмечалось некоторой необычностью во внешности, а порой и зооморфными чертами. Человеческие коллективы всегда стремились посредством различных обрядов и церемоний к установлению ритуального контакта с предками-покровителями, ибо от них в немалой степени зависело благополучие самого рода. Поэтому регулярные встречи с духами-предками, которые осуществлялись в определенных местах и строго регламентировались ритуалом, во избежание опасного внедрения в свой мир враждебных духов, были непременным условием существования традиционного общества западно-сибирских аборигенов. Эти контакты осуществлялись в глухих урочищах — тотемических центрах. Поведение предков, которые представлялись в мифах существами зооантропоморфными, воссоздавалось в пантомиме ряжеными участниками обряда как подражание поведению животной ипостаси предков. Отдельные архаические черты таких церемоний, некогда разыгрывавшихся в таежных урочищах, сохранились в драматургии медвежьего праздника

Кстати, строительство укрепленных городищ тоже говорит в пользу того, что продвижение кулайцев менее всего напоминало хищную агрессию, ибо свидетельствует о пассивной, оборонительной тактике поэтапного проникновения на территорию сильного соседа. И проникновения лишь на земли, в которых сам сосед не слишком был заинтересован. Хотя кулайцы на своей родине в Нарымском Приобье в небольших количествах разводили лошадей, вряд ли они могли оказать серьезное сопротивление хорошо обученным всадникам традиционной скотоводческой культуры.

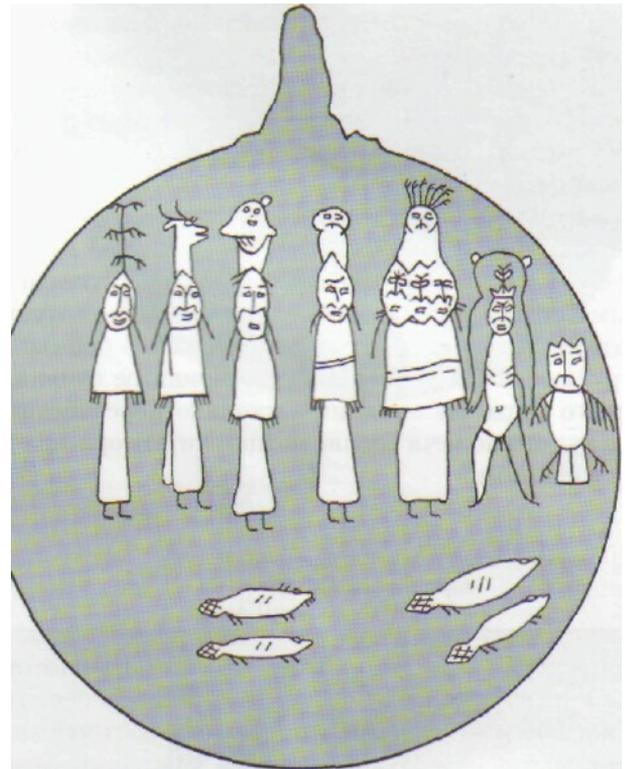
На рубеже эр из тайги покатила вторая волна кулайских переселенцев. Минувя нынешнее Новосибирское

Приобье, они все дальше продвигались на юг. Эта миграция сильно облегчалась политическими событиями в Центральной Азии и появлением в Южной Сибири и горах Саяно-Алтая конных отрядов хуннского военного союза. Больше реченцы пока не интересовались любопытными таежниками, снующими на юрких лодочках по протокам вдоль ленточных боров и возжигающих своим таинственным лесным духам костры па высоких мысах. Гораздо важнее для них было защитить от хуннов участки родовой территории, наиболее благоприятные для скотоводства.

Арсенал кулайских воинов по-прежнему включал в себя мощные бронзовые и железные втульчатые топоры, короткие копья и дротики, железные кинжалы и луки с разнообразными костяными и бронзовыми наконечниками стрел. Доспехи пока не претерпели особых изменений. Но, по мере более тесного знакомства с оружием южан, пришлось усовершенствовать и свое собственное. Развитый пушной промысел и обменные связи позволяли получать в свои руки новейшие разработки оружейников кочевых и земледельческих культур.

Еще до исхода на юг кулайцам удалось сформировать оцепьудачный комплекс вооружения, вполне соответствовавший особенностям лесных боев. Здесь так и остался невостребованным мощный лук хуннского типа, клинковое оружие всегда сосуществовало с различного рода топорами, а панцирь, хотя и был известен во всех своих вариантах, использовался только профессиональными воинами.

У саргатских воинов таежники заимствовали высокие конические шлемы, подобные тем, что защищали головы тяжеловооруженных всадников-сарматов. Представление о них дают изображения на стенах керченских склепов, сирийских фресках и... находки аналогичных шлемов в Среднем Приобье (Истяцкий клад). Их делали в форме простого конического колпака из железных пластин, свернутых в конические трубки, которые потом соединялись друг с другом методом клепки. Верх выковывался из одного куска, нижняя часть собиралась из нес-

42

Рис. 42. Бронзовая бляха с изображением зооантропоморфных духов-покровителей. Серия аналогичных изделий с процарапанными на поверхности изображениями происходит из Истяцкого клада и связывается некоторыми исследователями с защитным вооружением. II в. до н. э. - II в. н. э.

кольких частей. Вдоль нижнего края тульи пробивались отверстия для крепления бармицы. На лицевой части шлема присутствовали дугообразные вырезы для глаз, надбровья и длинный (около 9-ти сантиметров) наносник. Практически тождественную конструкцию боевого наголовья можно легко распознать на многочисленных бронзовых личинах кулайской культуры.

Постепенно панцири, связанные из длинных роговых пластин, оказались вытеснены чешуйчатыми доспехами. Собирались последние из небольших металлических частей, нашитых на мягкую основу. Такие доспехи набрасывалась на плечи воина и завязывалась на боках кожаными ремешками.

Клиновое оружие у кулайцев было очень популярно. Их короткие мечи в целом соответствовали техническим достижениям соседей и совершенствовались в соответствии с изменчивой модой степного мира. Ковались они из железа и имели прямое перекрестие. Навершия выполнялись в форме кольца, разведенных вверх и в стороны от стержня рукояти усиков или половинки дуги с поднятыми вверх концами. В качестве используемого материала, по большей части, выбиралась бронза. Конструкция мечей указывает на воспринятое влияние кочевого мира, но влияние настолько переработанное, что кулайские мечи вполне можно считать оригинальными изделиями.

Рис. 43. Рыбинская личина. Поперек тульи конического шлема идет рельефная полоса, обозначающая металлический обруч. К нему приклепаны изображения двух птиц. Такие фигурки хорошо известны среди шаманских корон Среднего Приобья у самодийского населения (селькупов¹²). Боевой шлем на голове личины соответствует рангу вождя. Следовательно, перед нами редкое по информативности изображение военного предводителя, символика головного убора которого сочетает в себе воинские и шаманские регалии. В военных обществах того времени вождь нередко обладал как светской, так и духовной властью. Вторая половина 1-го тыс. до н. э. Находка на берегу Суйги, левого притока р. Кети. МАЭС ТГУ

43

Сражения у людей описываемой эпохи происходили не только на земле. Успех военного мероприятия во многом зависел от способности вождя привлечь на свою сторону силы духов-покровителей¹³. В таежном мире быстро распространились воинственные культы, да и сами божества, по преимуществу, были так или иначе связаны с войной. Сталкиваясь на окраинах своего мира с южным воинством, таежники перенимали у них не только боевую технику, но и воинскую символику, переосмысливая ее в соответствии с собственными традициями.

Так была создана иконография основных персонажей ныне известного обско-угорского пантеона. Почти все они имеют за плечами военное прошлое.

Кулайцы носили птицевидные головные уборы. Об этом свидетельствуют как рисунки на бронзовых зеркалах, так и плоские изображения личин. Эти «шапки» выполнялись в виде цельных фигур птиц, как бы сидящих на темени. Вероятно, некоторые из них могли быть чучелами настоящих птиц, прикрепленными к металлическому обручу. Эти головные уборы имели несомненный сакральный смысл и использовались в культовых церемониях, отзвуки которых дошли до нас в театрализованной части медвежьего праздника¹⁴.

Образ птицы с личиной на груди дожил почти до наших дней. За многие сотни лет изобразительный канон сильно изменился. От схематичных плоскостных изображений Саровского этапа кулайской культуры он прошел путь к полным рельефным деталям, тщательно проработанным скульптуркам эпохи средневековья, воплотившись в XVII веке в стилизованные орнаментированные контурные фигуры. Изменился и смысл таких изображений. В конце концов, подобные птицы стали символом богатырской души. В таежной мифологии Птица — крылатый Каре (ханты), Рейтарн-уриц (манси) — является неперенным спутником Мир-сусне-хума. Это божество в одной из своих ипостасей превращается в гуся¹⁵.

Многочисленные легенды и сказания таежных народов воспевают подвиги богатырей. Могучая сила эпического обобщения этих преданий и яркое образное слово позволяют мысленно восстановить обстановку тех лет. Ощущение постоянной военной угрозы наполняло тайгу. Вечерами на высоких обских мысах горели костры. Вокруг них собирались воины — «многочисленные прозябшие мужи с режущим железом с острым концом в руках», чтобы «созвать туда духов, живущих на сотнях возвышенных мысов, чтобы созвать туда лесных духов... и просить спинную силу и... брюшную силу» (героический эпос обских угров). В бронзовых котлах кипело священное варево, а в берестяных коробах дымилась жертвенная пища — «мертвое жито и питающее жито» (там же). Здесь приносились кровавые жертвы. В глухих, сокрытых от случайного взгляда местах вытесывались из дерева воинственные кумиры. Перед кумирами «сдавались» жертвы, и «бесовские творились игральщица», в вечерних сумерках разыгрывались целые «костюмиро-

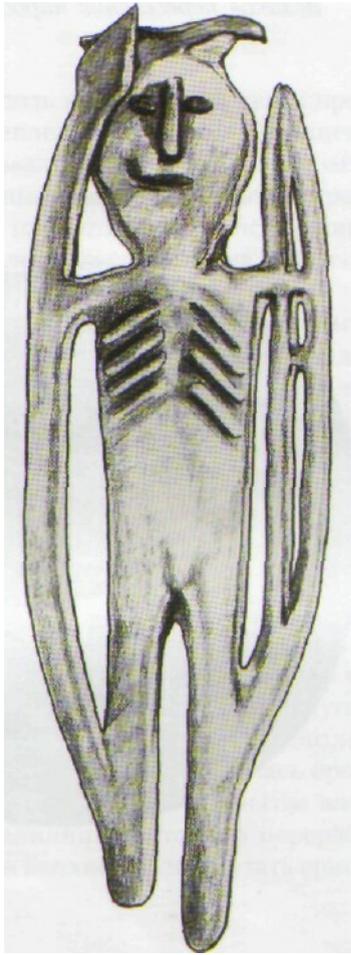

44

Рис. 44. Бронзовая бляха. Плоское литье. II—IV вв. Парабельский клад. Среднее Приобье. ТОКМ

ванные» представления с участием духов-предков, а под звон оружия исполнялись военные пляски. Сюда приносили трофеи и дорогие подарки. Из «священной» бронзы отливались фетиши. Еще совсем недавно она была обычным металлом, из которого делались оружие и доспехи. Но в бесчисленных сражениях этот цветной металл приобрел мистический ореол, превратился в залог непобедимости. Железо стремительно вытесняло бронзу из обихода, заменяя ее буквально во всех областях жизни. Однако его требовалось чем-то освятить. Век за веком, вплоть до эпохи позднего средневековья, кулайцы, готовясь к войне, старались обеспечить магическое превосходство своего — уже железного — оружия, изготавливая для него роскошные бронзовые рукояти.

Куланские воины долго были верны традициям ближнего боя, развившимся в таежных сражениях, то есть в условиях ограниченного пространства и видимости. Чтобы победить, они должны были уметь вести схватку в тесноте¹⁶, мгновенно уходить от удара, уклоняться от брошенного из засады копья, выпущенной из чащи леса стрелы. Все это самые обыкновенные сюжеты таежных преданий. Едва услышав шорох тетивы, кулаец мгновенно приседал, подпрыгивал или делал кувырок в сторону. Он обладал почти экстрасенсорными способностями.

45

Рис. 45. Эта бронзовая скульптурка позволяет судить об экипировке легковооруженных кулайских воинов. В одной руке металлического человечка большой дугообразный лук, в другой - короткое копье. На обнаженный торс нанесена анатомическая раскраска. Скелет очень часто изображался на одеяниях сибирских шаманов. Согласно древним мистическим представлениям, распространенным среди представителей охотничьих культур, жизнь живых существ концентрируется в скелете, и кости символизируют некое исходное начало животной жизни — тот каркас, на который вновь нарастает плоть. Люди мистически возрождаются к новой жизни, начиная с костей, они не «рождаются снова», а оживают, их скелеты обретают новую плоть. В данном случае скелет и ровное изображение груди означает, что персонаж перенес мистическую смерть и возрождение и не принадлежит более к миру людей. Частичное скелетирование в традиционном антропоморфном искусстве - будь то остров Пасхи, Северная Америка, Африка или Сибирь — означает присутствие в нездешнем мире, то есть указывает на смерть мистическую или реальную. В последнем случае эта деталь могла просто сообщать о принадлежности фигурки к кругу духов-предков. Обращает на себя внимание прическа воина, напоминающая аналогичные прически таштыкских воинов с тепсейских пластинок и даже... японских войной эпохи раннего средневековья

Таяжный воин был необыкновенно вынослив и быстроног. Если степняка спасал верный конь, то кулайцу оставалось надеяться только на силу своих мышц и крепость ног. Вот как в фольклоре подчеркивается скорость их бега — «когда богатырь бежит, шест, привязанный к его поясу, постепенно поднимается до горизонтального состояния и даже задирается вверх». Конечно, это поэтическая метафора, но скорость передвижения и выносливость таяжных охотников вызвали удивление путешественников еще в XIX веке.

С кулайской культурой связаны настоящие школы боевых искусств. Судя по всему, именно в кулайское время были заложены основы той бросковой и ударной техники рукопашной схватки, сведения о которой содержатся в устной традиции.

Тем не менее, на открытых лесостепных пространствах таяжникам приходилось нелегко. Здесь они, как показывают раскопки могильников, зачастую становились простой мишенью для конных лучников. Поэтому кулайцы старались избегать прямых столкновений с саргатскими воинами, предпочитая внезапные набеги и нападения из засад. Быть может, для борьбы именно с такими отрядами хорошо вооруженных и тренированных пеших воинов создавали саргатцы свою бронированную конницу. Есть основания предполагать, что летом каких-либо активных военных действий кулайские дружины в лесостепи не предпринимали. Зато позднее, когда выпадал снег и бронированная кавалерия теряла свою подвижность, для саргатского населения наступал настоящий зимний кошмар. В вихре снега появлялись одетые в латы таяжные лыжники. Летели стрелы с наконечниками невиданных размеров, от кулайских копий не было спасения. И лишь обледенелые крепостные стены да плотно сомкнутый строй катафрактариев могли остудить воинственный пыл пришельцев.

Саргатские воины, столкнувшись с таким противником, были вынуждены увеличивать мощь своих луков. С III века до н. э. некогда цельнодеревянный лук саргатских всадников усиливается роговыми накладками. К I веку до н. э. он превратился в оружие типично хуннского типа. Вместе со старым оружием вышли из употребления бронзовые втульчатые наконечники стрел. Железные проникающие видоизменились. Они приобрели солидные лопасти и стали гораздо массивнее.

Широкое распространение железа и развитие кузнечного ремесла вызвали значительный качественный скачок в оружейном производстве. Свойства этого металла в полной мере были реализованы в защитном вооружении. Громоздкие роговые панцири исчезли за ненадобностью - они сильно ограничивали свободу движения и были тяжелыми. Саргатские оружейники пытались комбинировать различные материалы, но постепенно рог был окончательно вытеснен коваными железными пластинами.

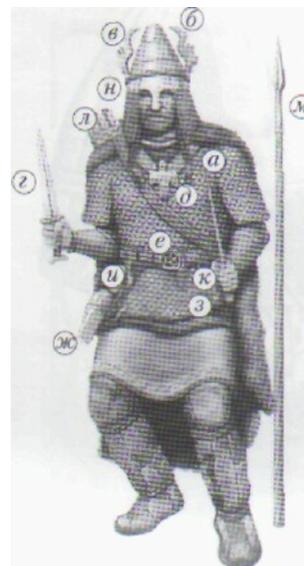

Рис. 46. Кулайский таежный вождь. Одет в «священные» бронзовые доспехи (а) и позолоченный конический шлем (б) с бармицей. Подобный головной убор уже сам по себе является знаком очень высокого социального ранга. Надетый поверх него обернутый тканью металлический обруч с изображениями птиц (в) символизирует силу его обладателя. В руках у вождя еще один атрибут светской власти — пара коротких мечей (г). Могучий воинский фетиш - трехглавая птица (д) — защищает его грудь. Пояс с нашитыми ажурными бляхами (е) (на них — образы животных) также является знаком власти и, одновременно, магическим оберегом. К нему подвешены бронзовый втульчатый топор-кельт (ж), каменный оселок (з), медвежий клык (и), сумочка с походными принадлежностями (к). Завершают вооружение закиннутый за спину колчан (л) со стрелами, короткое трехлопастное копье (м). На лице раскраска (н). Реконструкция по материалам «кладов» Нижнего Приобья

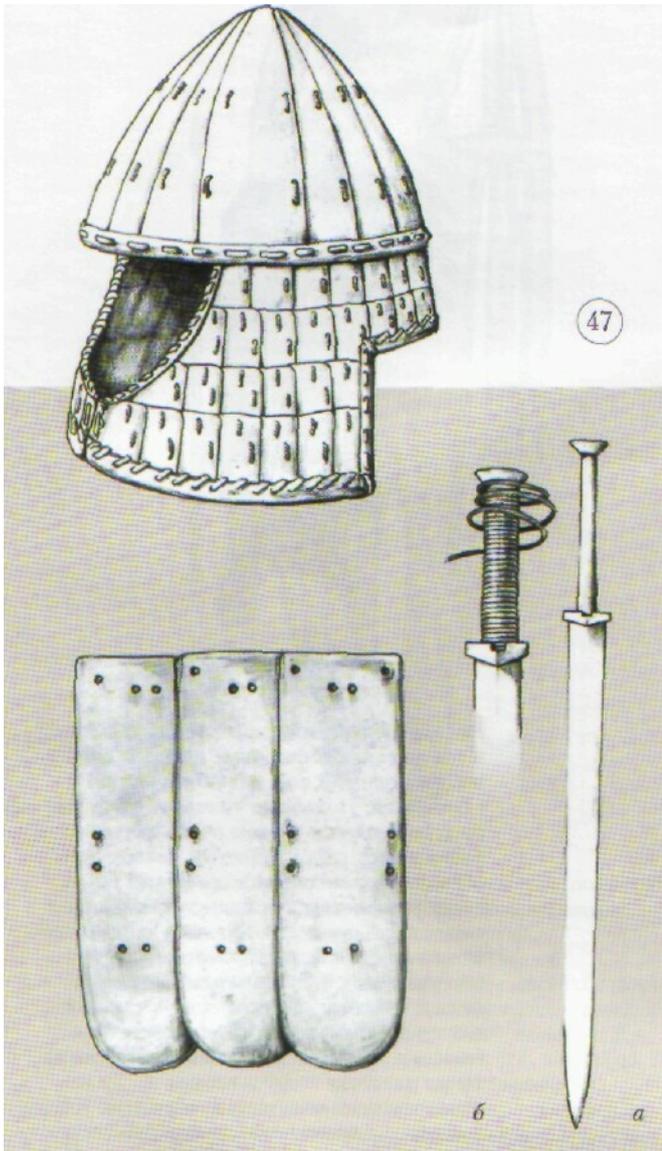

Рис. 47. Саргатский шлем, связанный из кованых стальных пластин и снабженный чешуйчатой бармицей. Такая система защиты затылка, но сравнению с предшествовавшим ей стоячим воротником, не закрывала обзор. II—IV вв. Реконструкция по материалам Исаковского могильника

Модернизировался проверенный временем принцип набора панцирей из небольших отдельных звеньев. Новый материал, позволивший ковать непривычно тонкие пластины, привел к массовому распространению железных ламеллярных доспехов и появлению различных вариантов их кроя. Чуть позже латники уже использовали доспехи, сочетавшие в себе чешуйчатый и ламеллярный принципы бронирования. Мелкие панцирные пластины их латных нагрудников еще пришивались одним конном к мягкой подкладке. Но другие их концы при этом плотно связывались между собой внизу, образуя очень прочное покрытие, недоступное для оружия скифского типа. Составленный из длинных узких железных пластин шлем, одетый на мягкий подшлемник, хорошо защищал голову от удара чеканом и даже клинком. Бронированный стоячий воротник из аналогичных пластин, прикрывавший затылок и шею воина, вскоре сменила бармица, набранная из сплетенных между собой металлических чешуек (то же самое происходило и у народов смежных культур). Ее подвязывали к нижнему краю тульи шлема. Корпус воинов охватывал широкий боевой пояс, украшенный бронзовыми или золотыми прямоугольными бляшками.

Технологам изготовления клинкового оружия значительно усовершенствовалась. Мечи теперь ковались из так называемого «пакетного металла» — то есть из нескольких (до двенадцати) слоев стали. Форма их тоже заметно изменилась, и ныне известные саргатские клинки первых веков нашей эры очень напоминают центрально-азиатские аналоги. Видимо, это оружие было просто экспортировано сюда, равно как и монеты, египетские статуэтки и римские фибулы, нередко встречающиеся археологам в саргатских памятниках.

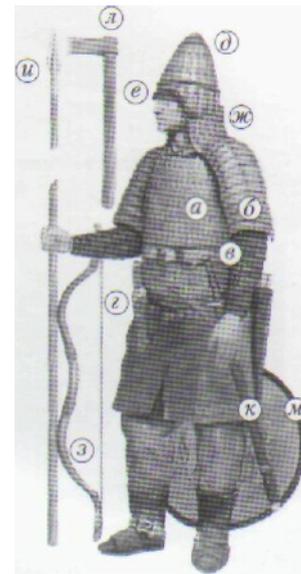
Вообще, арсенал саргатской культуры на заключительном этапе её существования все более приобретает центральноазиатские черты. Связано это с мощным хуннским влиянием. Судя по материалам раскопок, саргатцы в конце концов нашли с хунами общий язык и влились в состав ползущих на запад орд. Не пожелавшие покинуть родные места домоседы (таких было меньшинство), перемешавшись с кулайцами в брачных союзах, стали одним из тех кирпичиков, из которых собирались новые — уже средневековые — археологические культуры.

48

Рис. 48. Железные пластины саргатского панциря отличаются вытянутыми пропорциями. Они нашивались на мягкую основу через отверстия в своей уплощенной части, а потом скреплялись между собой и тканью основы через все остальные отверстия. Могильник Сидоровка. По В. И. Матюшенко

49

Рис. 49, а, б. Рукоять этого экспортного меча с бронзовым перекрестием и навершием в виде воронки (а) в спое время обматывалась плетеным шнуром (б) или акульей кожей

Рис. 50. Знатный саргатский воин. Его туловище закрыто чешуйчатым железным панцирем (а). Руки по локоть защищают набранные из кожаных и металлических пластин оплечья (б). Их звенья соединены друг с другом по принципу хитинового рачьего панциря. Латы дополнительно притянуты к корпусу широким боевым ремнем (в), покрытым ажурными золотыми пластинами. С правой стороны к поясу подвешен железный кинжал с прямым перекрестием и наверху, украшенным черной бусиной (г). Но голове воина связанный из металлических пластин шлем (д) с прикрепленным изнутри мягким подшлемником. Острые края его основания обшиты кожаной лентой (е). Еще один защитный элемент — высокий стоячий воротник (ж). Вооружены были саргатские латники большим луком хуннского типа (з), из которого они обстреливали противника на первом этапе сражения. При сближении с врагом всадники наносили мощные удары своими копьями (и). Если неприятель после этого не обращался в бегство, в дело шли меч (к) и топор (л) на длинной рукояти. Использовались саргатскими воинами и кожаный щит (м). При конном атаке с копьём наперевес он забрасывался за спину. II—IV вв. Реконструкция по материалам Сидоровского и Исаковского могильников. Омское Прииртышье

Глава 5

Потомки серой волчицы

В 552 году в Центральной Азии родилась огромная кочевая империя — Первый Тюркский каганат. Не остались в стороне от его кровавой истории и просторы Сибири — долины Алтая и Минусы, Приобское плато, глухая южная тайга вместе со всем населением. Двадцати лет тюркскому государству хватило, чтобы стать влиятельнейшей евразийской державой с границами, протянувшимися от берегов Хуанхэ на востоке до Северного Кавказа и Керченского пролива на западе. Ее правитель, каган Истеми, установил равноправные политические и торговые отношения с «владыками мира» того времени — Византией, сасанидским Ираном и северокитайскими царствами. Северное Ци и Северное Чжоу фактически превратились в данников каганата. Ядром нового законодателя мировых судеб был «*тюрк*» — народ, сложившийся в глубине алтайских гор.

Согласно легенде, древние тюрки ведут происхождение от мальчика — потомка «отдельной отрасли Дома Хунну». Когда все его сородичи оказались перебиты воинами из соседнего племени, мальчика с отрубленными руками и ногами враги бросили умирать в болото. Здесь калеку нашла и выкормила волчица. Одним из детей выросшего мальчика и волчицы был Ашина — «человек с великими способностями». Его потомок Асянь-шад переселился на Алтай. На новом месте пришельцы смешались с местным населением и образовали новый народ — тюрк, правящим родом которого стали Ашина. Потомок Асянь-шада Бумынь (в другой транскрипции, Тумынь) и основал Первый Тюркский каганат.

По другому преданию, предки тюрков происходят из племени Со, обитавшего некогда на севере от хунну. У его главы Апанбу было 70 братьев (по другой версии — 17). Самый старший из них, Нишиду (или — Ичжинишиду), родился от волчицы и обладал выдающимися способностями. Под стать ему были и жены — дочь лета и дочь зимы. Дочь лета родила ему четырех сыновей, и один из них — Нодулу-шад, принявший имя Тюрк, — правил в горах Басы-

Рис. 1. Долина р. Катунь - столбовая дорога кочевых цивилизаций

Рис. 2. Тюркская баба. Когда-то такие каменные скульптуры усатых мужчин с сосудом в руках украшали горные степи Алтая, Тывы, Монголии и Семиречья. Как правило, талии их охвачены поясами с подвешенным к ним оружием. Ставили их у небольших каменных оградок. Нередко близ них располагались цепочки вертикально врытых камней — балбалов. Считается, что эти скульптуры - изображения предков-покровителей тюркского народа. Каменные бабы, оленные камни и бронзоволищые кумиры западно-сибирской тайги имеют одну общую черту. Всем этим изображениям полагалось оружие: выбитое на камне - у степных кочевников, и настоящее - у таежников. У тюркских скульптур левая рука прижата к поясу - знак уважения, распространенный у многих народов Сибири и Центральной Азии. Скульптура как бы передает или принимает сосуд. Чем наполнен этот сосуд, пока неясно. Возможно, священным питьем, аналогичным тому, что ставилось перед изваянием. Размер 150x45x20 сантиметров. VII—IX вв. Левый берег р. Актру, Горный Алтай. МА ИАЭТ СО РАН

чусиши. У Нодулу было 10 жен, и сын Ашина - от младшей из них. После смерти отца унаследовать его власть должен был тот из сыновей, который выше всех вспрыгнет на дерево. Это удалось сделать Ашиие. Став вождем, он принял имя Асянь-шад.

Вся история каганата полна войн и междуусобиц. Его территория была слишком велика, а население чересчур разнородно, чтобы государство твердо держалось на ногах. Каганат ожидала судьба всех империй древности, созданных силой оружия и не спаянных общностью хозяйственной жизни, империй, которые, начиная с державы Александра Великого, ненадолго переживали своих создателей. В 581 году великая держава развалилась на два враждующих и неустойчивых объединения - Западный (с центром в Семиречье) и Восточный (с центром в Монголии) Тюркские каганаты. Последний быстро пришел в упадок и в 630 году пал под ударами армии китайской империи Тан, Западный Тюркский каганат еще

20 лет сохранял свое господство в Средней Азии, но в 651 году и его основные силы потерпели поражение от китайских войск. Правда, покой на границах «Поднебесной» продолжался недолго. Бесконечная череда волнений и восстаний привела через сорок лет к появлению еще одного могущественного государственного образования — Второго Тюркского каганата во главе с правителем Ильтересом все из того же рода Ашина. Вскоре каганат распространил свою власть на земли Забайкалья, Семиречья, Маньчжурии. Территории Алтая и Тывы теперь составили лишь северную его окраину.

Наивысшего расцвета государство достигло во времена правления Бильге-кагана (716–734 гг.). Тюрки разгромили сначала китайских союзников, а потом и сам Китай, который после этого был вынужден согласиться на мир с могучим победителем и выплату ему дани. Однако после смерти Бильге среди его наследников началась борьба за престол. В 744 году был убит последний

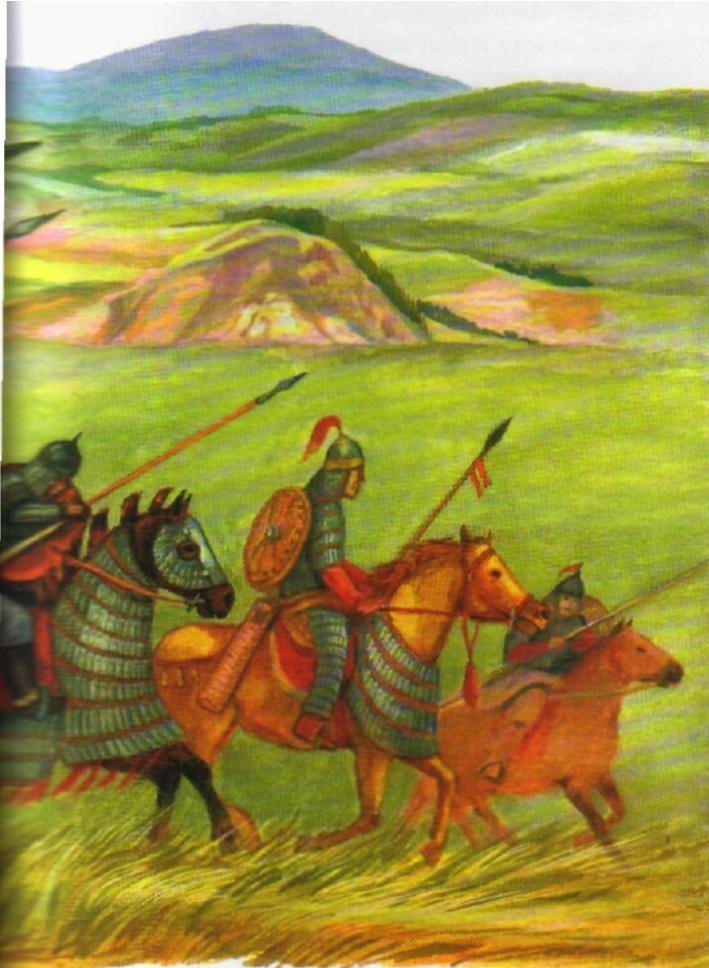
правитель каганата Озмиш, и Второй Тюркский каганат прекратил свое существование. На его месте возник Уйгурский каганат (745—840 гг.).

Но, потерпев поражение, тюрки не исчезли с исторической арены. Часть населения Горного Алтая, его степных предгорий и Центрального Казахстана откочевала на север в западно-сибирские лесостепи (Обь-Иртышское междуречье, Приобье), где внесла свою лепту в сложение *сросткинской культуры* и значительно повлияла на развитие местных *верхнеобской, релкинской, усть-ишимской культур*. Другие, вместе с енисейскими кыргызами, участвовали в изнурительной войне с уйгурами (820—840 гг.), завершившейся разрушением уйгурской столицы, города Ордубалык на реке Орхон. Новый, уже Кыргызский, каганат включил в свой состав Алтай с предгорьями и земли на западе почти до Прииртышья. В середине X века под ударами монголоязычных киданей¹ енисейские кыргызы покинули территорию Монголии, сохранив за собой владения лишь в Южной Сибири — на землях Горного Алтая, Тывы и Минусинской котловины. Примерно к этому же времени относится последнее упоминание о древних тюрках в китайских династийных хрониках.

Влияние тюрков на исторические судьбы и материальную культуру народов Сибири и Центральной Азии было столь велико, что период господства Первого и Второго Тюркских каганатов археолога зачастую называют просто «*тюркским временем*». В это время целый ряд открытий кочевой культуры распространился по землям оседлого населения от востока Азии до Европы, и, в свою очередь, немалое число достижений земледельческого населения стало достоянием кочевников. В эпоху Первого Тюркского каганата были созданы руническая письменность, появились новые виды конской упряжи, одежды, оружия.

Крупнейшим событием в истории техники, во многом определившим облик эпохи, явилось изобретение жесткого каркасного седла и стремян. Резко расширились боевые возможности всадников, и возросла ударная мощь тяжелой кавалерии. Сидя в прочных седлах с жестким каркасом и упирая ноги в подножки стремян, наездники получили необыкновенную свободу движений, что немедленно привело к созданию новых типов оружия. Это не могло не сказаться на тактике ведения боя.

Седла скифского времени представляли собой две набитые шерстью и волосом подушки, соединившиеся над хребтом лошади кожаной перемычкой. По краям, обращенным к шее и крупу лошади, они утолщались и украшались тонкими дужками и парными резными пластинами из дерева или рога. На спине животного такое седло крепилось с помощью подпруги, нагрудного и подхвостного ремней. Подобное устройство лишь незначительно снижало давление массы всадника и его амуниции на спину лошади. Кроме того, мягкое седло не давало ездоку опоры при встречном ударе.

3

Рис. 3. Все тяжеловооруженные тюркские воины имели несколько луков и колчанов со стрелами для дальнего боя, длинные копья для атаки сомкнутым строем, мечи, палаши, сабли и топоры для действий в ближнем бою, арканы, боевые ножи и тяжелые плети, служившие вспомогательным оружием. Лошади и всадники защищались разнотипными, ярко раскрашенными панцирями, связанными как из отдельных металлических или кожаных пластинок, соединенных между собой ремнями, так и из сплошных кожаных лент

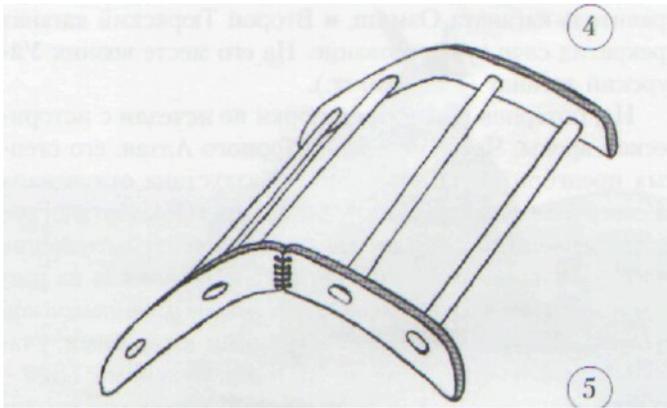

Рис. 4. Решетчатый каркас хуннского времени, предшественник жесткого седла. I в. до н. э. — I в. н. э. Могильник Ноин-Ула. Монголия

На рубеже эр (I в. до н. э.—I в. н. э.) появились жесткие каркасы, состоявшие из двух узких дуг, которые соединялись между собой несколькими рейками. Мнения специалистов, высказанные по поводу назначения данных решетчатых каркасов, отличаются. По одной версии, эта конструкция была опорной частью вьючных седел, по другой — деревянные поперечины проходили внутри кожаных подушек, образуя основу мягкого седла. Во всяком случае, такой каркас можно назвать прямым предтечей жесткого седла.

На следующем этапе его создания место подушек заняли две доски, располагавшиеся по бокам лошади. С торцов они скреплялись широкими дугообразными луками, «выросшими», как считается, из декоративных деревянных накладок скифских седел. Луки опирались на спину лошади. Чтобы не мешать ее движениям, расстояние между ними старались сделать минимальным. Такое седло буквально зажимало седока, давало ему прочную опору и даже защищало от удара копьем в пах. Подобные приспособления для всадников хорошо известны по материалам Кореи и Японии IV—VI веков, где, вероятно, они и были изобретены. Преимущества этого изобретения очевидны — во-первых, обеспечивалась высокая посадка ездока; во-вторых, сидя в таком седле, всадник мог вполне успешно действовать копьем, не опасаясь при неверном движении слететь со своего скакуна. Но садиться и такие седла-замки в длиннополной или бронированной одежде было крайне неудобно. Тогда с левой стороны седла появилась специальная подножка — прообраз будущего стремени.

В VI веке каркас еще более усовершенствовался. Продольные доски между луками увеличились по длине. Теперь луки уже просто ставились сверху на дощатую основу, которая приобрела характерную, с лопастью посередине, форму. Так вес всадника равномернее распределялся по седлу соответственно, уменьшилось его давление на хребет лошади. Выступающие края досок позволили привязывать стремяна перед передней лукой,

Рис. 5, а—в. Скифское седло (ранний железный век). Резные медальоны на торцах седла (а), деревянные дуги (б), стеганные подушки, являвшиеся основой седла (в). Подушки накрывались войлоком, украшенным аппликациями в "зверином стиле". Урочище Пазырык. Горный Алтай. Санкт-Петербург. Эрмитаж

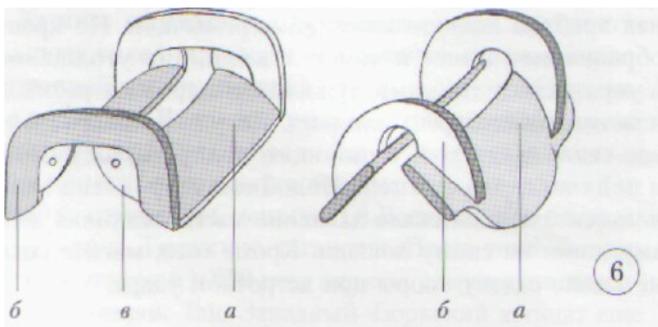
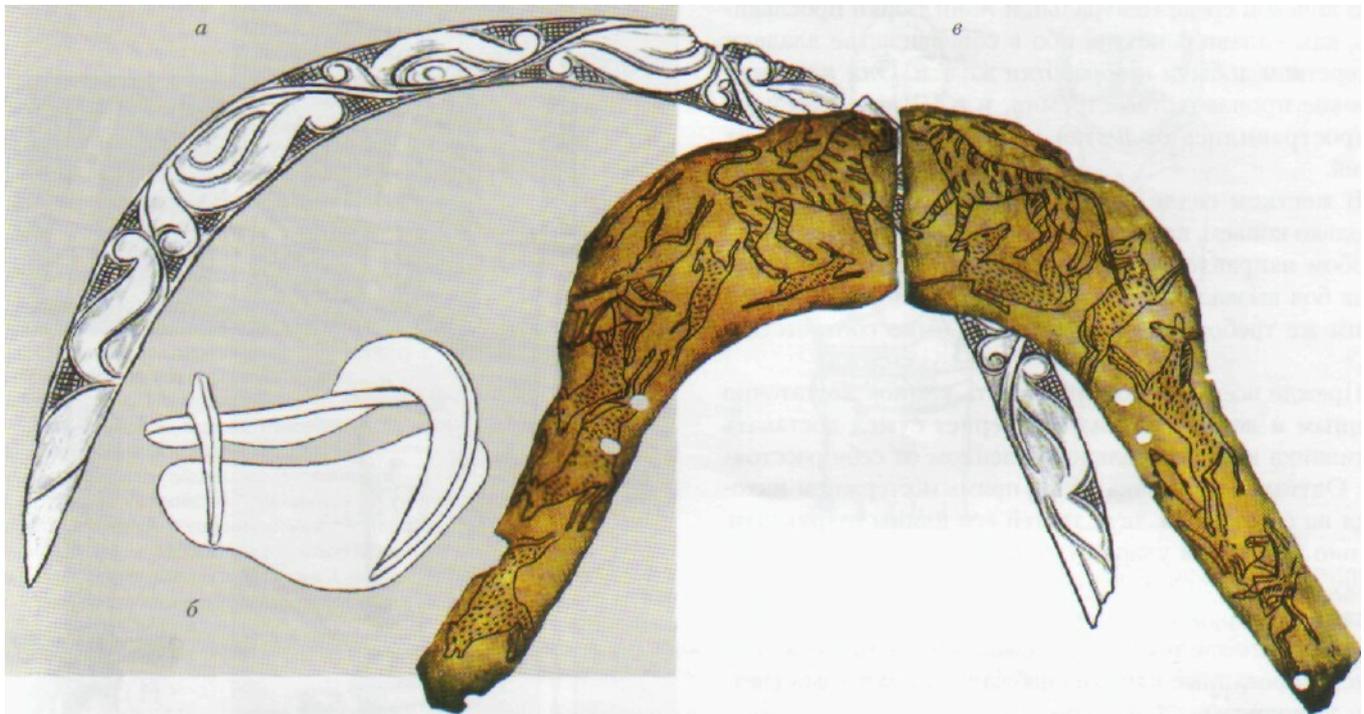

Рис. 6, а—в. Широкие плоские полки (а) лежат на боках лошади и "зажимаются" между высокими вертикальными луками (б). Под этими луками располагаются торцевые вставки (в). IV—VI вв. Реконструкция по материалам Юго-Восточной Азии

7

а не перебрасывать, как это было раньше, связывающую их веревку поперек седла. Чуть позже заднюю луку ставили уже под углом к горизонтالي и делали ее, подобно передней, цельноструганной. Всадник получил возможность отклоняться и любую сторону, откидываться назад, легко спрыгивать на землю и, как говорят, «птицей взлетать» на коня. Подвижность кавалерии значительно возросла. Описанное седло впервые появилось где-то на границе оседлого и кочевого миров, в зоне контактов скотоводческих и земледельческих культур Северного Китая. Отсюда и началось его триумфальное шествие по всему миру.

Примерно в том же районе были изобретены и стремена. Сначала парные деревянные подножки выпиливались из деревянного прута и обкладывались железом или медью. Довольно скоро выяснилось, что деревянная основа не нужна. Некоторое время стремена делались из плоских железных листов. Однако узкая пластина резала ногу, и поэтому подножка (нижняя часть стремени, на которую опирается нога) приобрела расплюснутую форму. Позднее стремена целиком отковывались из металлического прута.

Рис. 7, а—г. Задние луки седел древние тюрки делают наклонными и украшают их иногда роговыми накладками. Такие декоративные элементы могли покрывать обе луки или только одну из них: а, г - роговая составная накладка на заднюю луку седла. VII-VIII вв. Могильник Верх-Кильджин. Горный Алтай, Раскопки В. И. Молодина, МА ИАЭТ СО РАН; б - реконструкция каркаса седла по материалам памятника Верх-Кальджин. VII-VIII вв. Горный Алтай. Раскопки В. И. Молодина, МА ИАЭТ СО РАН; в - роговая накладка на переднюю луку седла со сценой охоты. VI-VII вв. Могильник Кударгэ. Горный Алтай. По А. А. Гавриловой. Санкт-Петербург. Эрмитаж

В кочевой среде Центральной Азии тюрки прославились, как «плавильщики», ибо в совершенстве владели мастерством добычи и обработки железа. Они наладили широкое производство стремян, и в VI веке стремяна распространились от Китая до восточно-европейских степей.

В жестком седле со стремянами всадник мог бить не только копьем, но и, свободно фехтуя, разить клинком в любом направлении и в любой плоскости. Новые условия боя вызвали к жизни появление и нового оружия. Каким же требованиям оно должно было соответствовать?

Прежде всего, следовало сделать клинок достаточно длинным и легким, чтобы кавалерист сумел доставать противника на максимально удаленном от себя расстоянии. Оптимальная точка удара прямым стержнем находится на расстоянии двух третей его длины от рукояти. Именно при таком ударе рука испытывает наименьшую отдачу. При неверном ударе сила отдачи настолько возрастает, что оружие вылетает из рук. Поэтому вплоть до самого последнего времени даже рационально сконструированные клинки снабжались темляками (петлями у рукояти).

Еще более эффективным оказался изогнутый клинок. Кривизна рабочей поверхности клинка позволила обе фазы удара — поражение и извлечение — проводить в один прием. Теперь даже прямой удар превращался в скользящий и захватывал большую поверхность.

Рубяще-колющее клинковое оружие, как самое совершенное средство ведения ближнего боя, стало к значительной степени показателем уровня развития военной техники. К сожалению, и памятниках древнетюркского времени такое оружие находят крайне редко, но на каменных изваяниях, так называемых «бабах», изогнутые клинки, вместе с ножами и кинжалами, — обычный атрибут воина.

В раннем средневековье на полях сражений господствовали палаши, а с VII—IX веков сабли — их изгиб возрастал. Мечи, характерные для вооружения воинов Первого Тюркского каганата, встречались все реже. При этом они становились более узкими и длинными — такая форма позволяла, кроме рубящего, наносить и колющий удар.

Рукояти палашей и сабель тюрки делали из деревянных пластин («щечек»). Навершия были довольно разнообразны: в форме кольца, металлического грибовидного колпачка, или утолщения на конце рукояти.

Ножны для клинкового оружия выдалбливались из двух деревянных половинок. Их шлифовали, а потом красили — как и в прежние времена, преимущественно, в красный цвет. Нередко ножны обтягивали выделанной тонированной кожей, что придавало им более нарядный вид. Устье и само тулово ножен стягивались металлическими оковками. Между ними помещали две фигурные скобы, от которых шли ремешки или небольшие витые цепочки — с их помощью оружие крепилось к поясу.

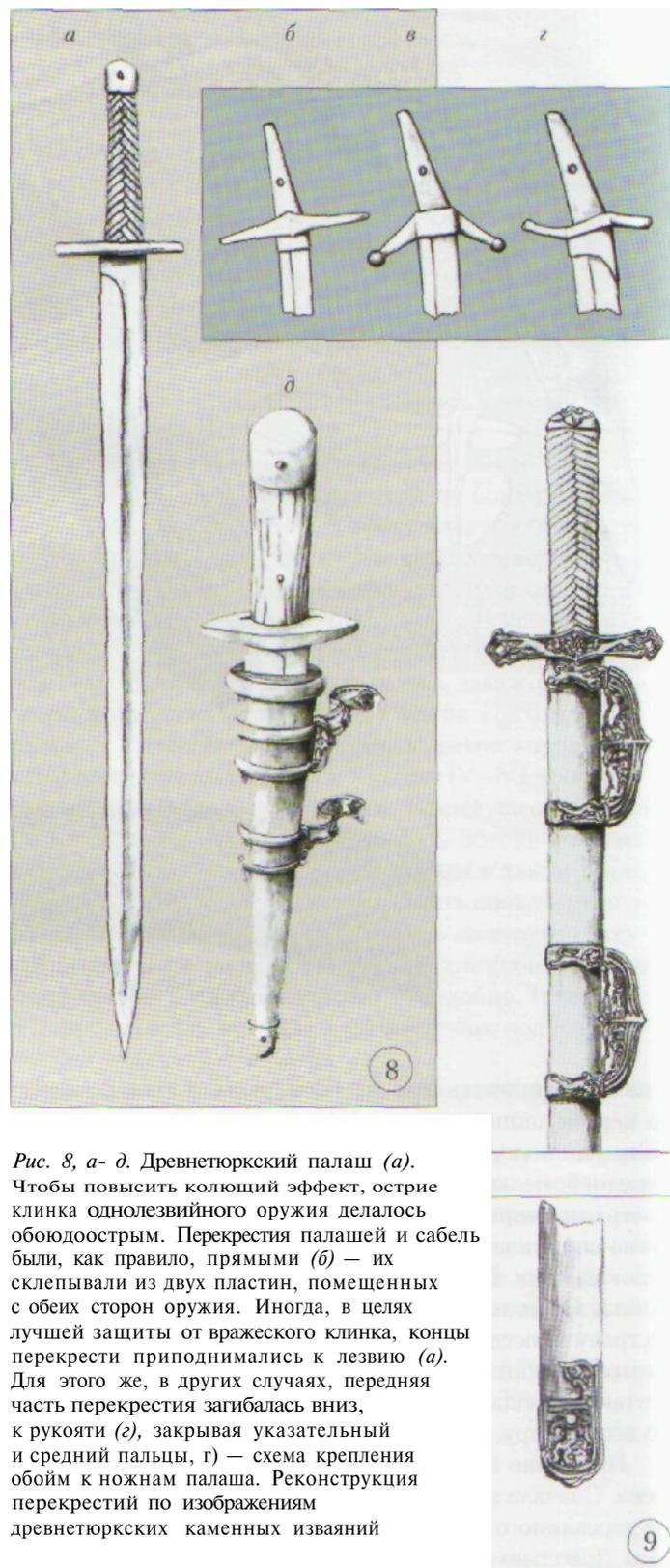

Рис. 8, а- д. Древнетюркский палаш (а). Чтобы повысить колющий эффект, острие клинка однолезвийного оружия делалось обоюдоострым. Перекрестия палашей и сабель были, как правило, прямыми (б) — их склепывали из двух пластин, помещенных с обеих сторон оружия. Иногда, в целях лучшей защиты от вражеского клинка, концы перекрестия приподнимались к лезвию (а). Для этого же, в других случаях, передняя часть перекрестия загибалась вниз, к рукояти (с), закрывая указательный и средний пальцы, г) — схема крепления обойм к ножнам палаша. Реконструкция перекрестий по изображениям древнетюркских каменных изваяний

Рис. 9. Парадный палаш в ножнах с перекрестием и портупейными скобами, украшенными фигурками животных и растительным орнаментом. Рукоять такого палаша, как правило, оплеталась кожей. IX- X вв. Реконструкция по материалам могильника Сростки, Горный Алтай

Рис. 10. а, б. На этих древнетюркских скульптурах из урочищ Тото (а) и Кыпчыл (б) Горного Алтая изображены воинские атрибуты - пояса и оружие

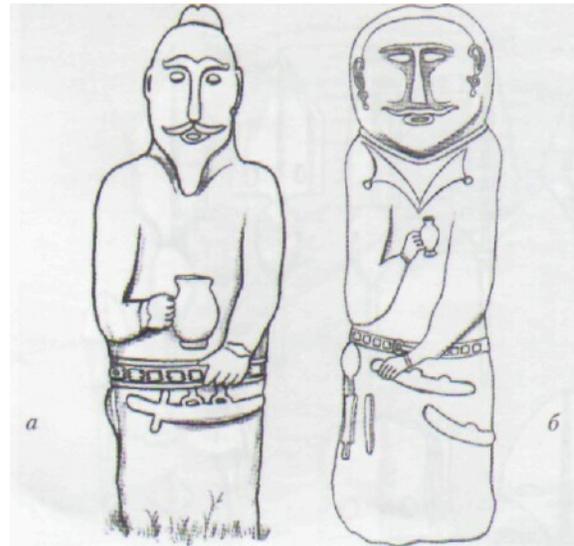
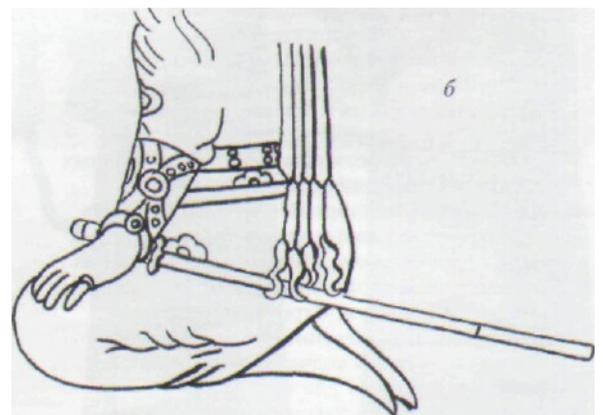
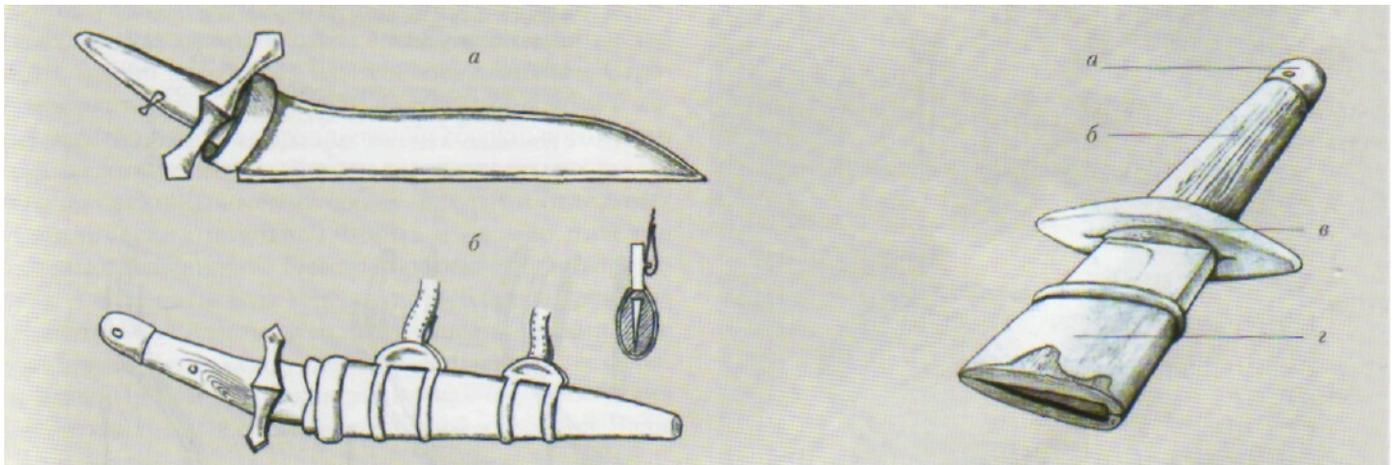

Рис. 11, а, б. Боевой коленчатый нож в ножнах. Способ ношения режущей стороной вверх, многие столетия спустя ставший характерным для шашек, позволял, извлекая нож, быстрее приводить его в боевое положение. Коленчатый нож имел сабельное перекрестие и кривое лезвие. К стержню рукояти металлическим штифтом приклепывались деревянные обкладки, верхний конец которых сжимался перекрестием. На нижний конец набивался металлический колпачок навершия. Деревянные ножны стягивались металлическими оковками и скобками. Идентичное устройство рукояти и ножен было у палашей и сабель, а - железный клинок VIII - нерпой половины IX вв. из Копенского чаа-таса, Южная Сибирь: б - реконструкция по материалам Южной и Западной Сибири

Рис. 12, а-г. Черенки несущей части клинкового оружия закрывались деревянными обкладками, которые стягивались у основания колпачком навершия (а), в середине штифтом, пропущенным через хвостовик оружия (б), а у самую лезвия их сжимало перекрестие (а). Ножны для клинка делались из дерева, которое раскрашивалось и покрывалось лаком или обтягивались кожей (г)

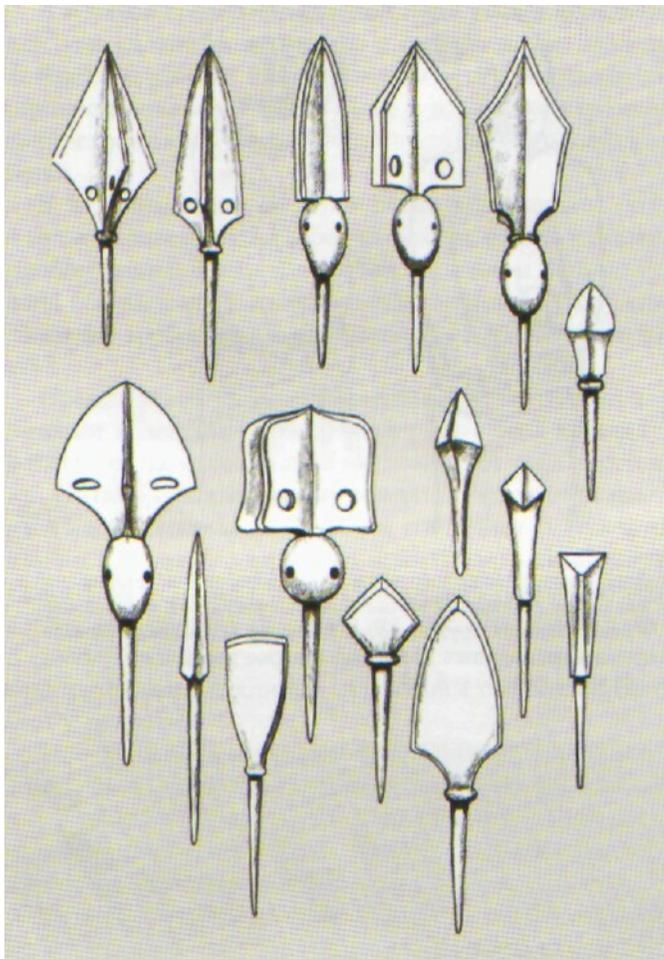
11

12

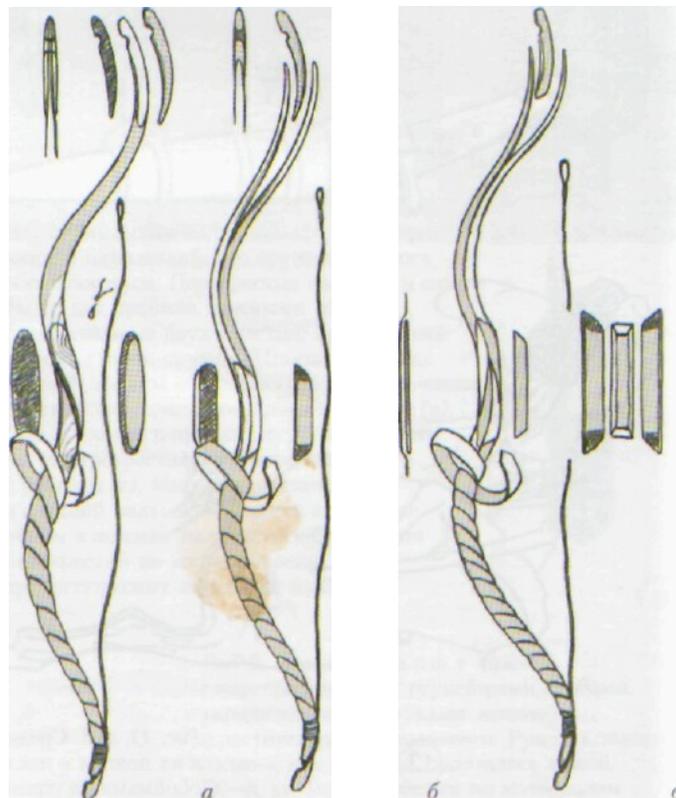
13

Рис. 13. а, б. Средневековые изображения тюрков. Палаша (а) и сабли (б) крепились к их поясам в наклонном положении с помощью ремней, соединенных с выпуклыми обоймами на спинке ножен, а - верхний Чирг-Юрт (Дагестан); б - Афрасиаб (Самарканд)

Рис. 14. Широкие железные плоскости трехлопастных наконечников обеспечивали устойчивое и стабильное полет тюркских стрел. Оперение теперь не требовалось. Такие стрелы в колчанах всегда хранились острием вверх - в этом положении их входило больше. Да и воину было легче найти необходимый тип острия. Некоторые стрелы снабжались костяными шариками с отверстиями, издававшими в полете резкий свист (вспомним хуннские «свистунки»). Массовое распространение трехлопастных наконечников - свидетельство высокого мастерства местных кузнецов и указание на относительно небольшое число тяжеловооруженных воинов и бронированных лошадей в древнетюркских отрядах. Для борьбы с панцирной конницей ковались небольшие массивные наконечники с граненым острием. Древки с бронбойными наконечниками тоже обходились, по большей части, без оперения. Стрелам с плоскими наконечниками оперение полагалось всегда, и хранились они в колчанах наконечниками вниз. Древки стрел для прочности оклеивались ниже наконечника колечками бересты. А с противоположной стороны, около ушка для тетивы, они расписывались черными и красными поясками. В одних случаях, это были знаки собственности. В других — указатели типа наконечника

14

15

Рис. 15. о—в. Древнетюркские луки, подобно хуннским, были рефлексорирующими.

На представленных рисунках кибити всех луков изображены в боевом положении, то есть с натянутой тетивой. По комбинации и расположению накладок на кибити выделяется несколько разновидностей тюркских луков. Огромной популярностью пользовались луки, у которых место захвата рукой укреплялось с обеих сторон роговыми пластинами, а на концах кибити размещались длинные накладки в форме вытянутых запястьев с вырезом под тетиву (а). Часто встречались луки со срединными боковыми накладками — роговые детали на концах кибити у них уже отсутствовали (б).

Существовал, наконец, еще один тип лука с тремя, как и у его хуннского "собрата", усиливающими срединными деталями (в). Но по размерам эти детали были существенно меньше, и форма их заметно отличалась — это были геометрически правильные трапеции по бокам и прямоугольный брусок между ними вдоль брюшка кибити. Постепенно боковые накладки исчезли и со средней части лука, но это произошло уже гораздо позже, в так называемое «монгольское время».

Усиливающие детали делались из рога и кости и со стороны, обращенной к деревку, покрывались сеткой глубоких царапин для лучшего скрепления с древесиной. На кибити снаружи наклеивались сухожилия. Кроме сухожилий, упругость луков повышалась с помощью пластин, вырезанных из роговых чехлов крупного и мелкого рогатого скота

Насколько можно судить по изображениям, клинки носили и основном рубящей частью вниз.

Тюркские луки были сложносоставными. Их гибкая многослойная деревянная основа усиливалась роговыми накладками. Исследователи единодушны во мнении, что луки древних тюрков ведут свою «родословную» от луков хуннского типа. Но при этом общей тенденцией в эпоху средневековья было сокращение числа роговых усиливающих деталей и увеличение зон гибкости. Это позволило степным конструкторам сделать лук более компактным.

Тюрками использовались костяные и железные наконечники стрел. Отличительной чертой железных наконечников было соединение трех плоскостей, образующих перо. В сущности, они являлись «родными детьми» трехлопастных наконечников хуннского времени, «переросшими» своих «родителей».

Тюркское защитное вооружение состояло из щитов, кожаных и металлических наборных панцирей и кольчуг. Круглые, собранные из досок, щиты стягивались изнутри деревянными поперечинами, а снаружи обшивались пропаренной кожей, которая, высыхая, натягивалась, грубела и хорошо держала удар.

Чешуйчатые доспехи постепенно уступили место ламеллярным. Средневековые панцири, в большинстве своем, можно по-другому назвать «ленточными». Строго говоря, такие латы сочетали в себе ламинарный и ламеллярный принципы бронирования сборки, потому что сами железные ленты, образующие панцирь, составлялись из связанных между собой шнурами отдельных металлических пластин. Форма и размер пластин несколько изменились. Вместо коротких и широких чешуек, для защиты тела теперь употреблялись длинные прямоугольные пластины со скругленными краями. Еще одно новшество между панцирными лентами вставляли кожаный ремень. Такие ремни как бы «смягчали» конструкцию, делая ее более подвижной и удобной. Чаше

Рис. 16. а, в. Тюркские колчаны, вместимостью до тридцати стрел, склеивались из нескольких слоев бересты. Они были в основном двух типов — закрытые (а) и открытые (б). Те и другие имели форму трапеции, плавно расширенной снизу, и снабжались деревянными днищами и обручами у горловин. У колчанов открытого типа с тыльной стороны подшивался клапан, защищавший стрелка от торчащих наружу острых наконечников. У колчанов закрытого типа устье сверху закупоривалось хорошо пригнанной деревянной крышкой с ременной петлей. Внутри колчанов вдоль боков располагались ребра жесткости — несколько деревянных реек. К ним через специальные прорезы в корпусе колчана крепились узкие ремешки, благодаря которым колчан держался на поясе. Для этой же цели иногда использовались деревянные или роговые петли. Внешняя поверхность колчанов украшалась прорезным орнаментом, нашитыми бляшками и декоративными костяными накладками. VII—X вв.

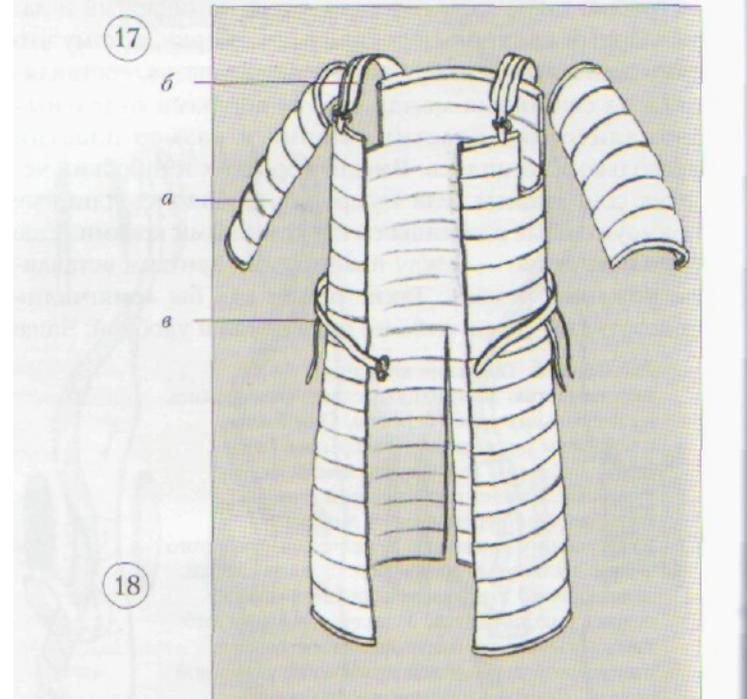
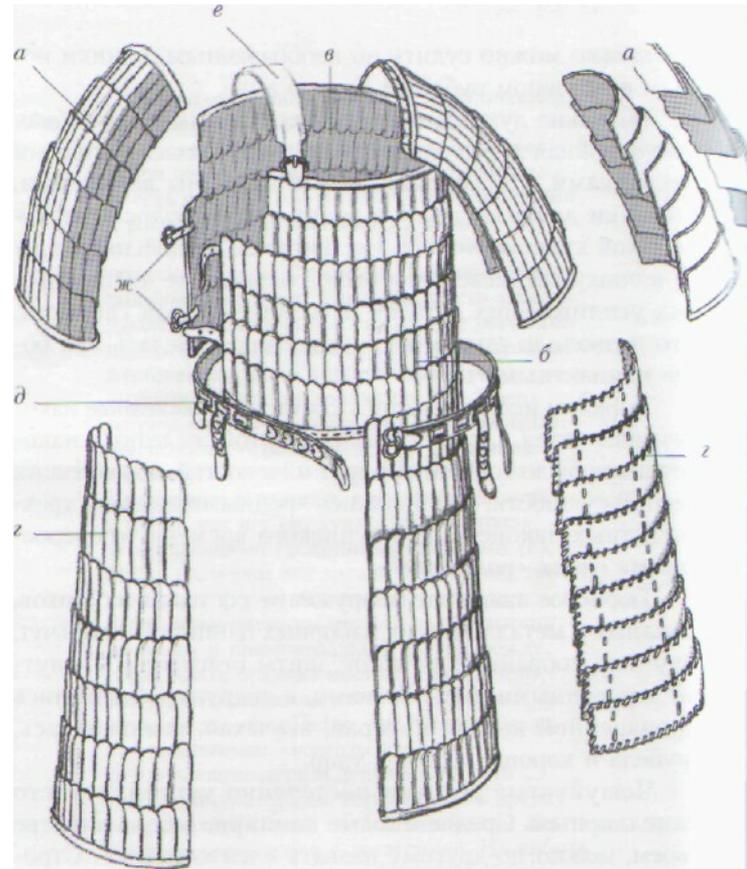

всего этот прием использовался при сборе оплечий, где гибкость была особенно важна.

Вопреки распространенному мнению, для изготовления панцирных пластин не применялась сталь. Закаленный упругий металл требовал очень высокой, фактически фабричной стандартизации производства с соблюдением всех параметров продольной и поперечной кривизны изделия. Поскольку материал изделия был еще пластичным, вчерне связанный нагрудник легко было аккуратно проковать и добиться плотного и равномерного взаимного прилегания его звеньев. При последней проковке панцирные пластины получали так называемый поверхностный наклеп, который также повышал их твердость. Любопытно, что уже почти в наши дни, в начале XIX века, при изготовлении кирас рекомендовалось избегать заглаживания поверхности готового изделия напильниками и «глубокой полировкой», с тем, «чтобы оставлять на его поверхности закал», полученный при выколачивании на шаблоне. Проводить же термическую обработку после подгонки было затруднительно, ибо тонкие пластинки неизбежно «поведет» и покоробит. Сталь, не уступающая современным европейским образцам инструментальной стали, войдет в обиход при сборке панцирей иной, крупнопластинчатой, конструкции в монгольское время.

Доспехи делались хоть и из одного материала, но по-разному, отличаясь своими «фасонами». Основной тип тюркского панциря — «ламеллярная кираса», состоявшая из двух частей нагрудника и наспинника, соединенных наплечными и боковыми ремнями. Иногда, впрочем, она была сплошной, оборачивала корпус и запахивалась сбоку. К подобной «базовой» конструкции, в зависимости от желания хозяина и по мере необходимости, на специальные ремни с пряжками цеплялись два полотнища, закрывавшие ноги по колено или по самую щиколотку. Такие бронированные подолы состояли из более крупных и массивных пластин, так как практически не влияли на степень подвижности всадника.

Рис. 17, а - ж. Древнетюркский панцирь был многосоставным, поэтому мог применяться как в своем полном варианте, так и в «облегченном» (исключая какие-то части). Отсюда такое разнообразие его форм, встречающееся в тюркских изобразительных материалах. Пластинчатые ленты оплечий и набедренников, чтобы обеспечить необходимую подвижность этих частей, крепились ремешками друг к другу в относительно свободном состоянии. Иногда ремни-лямки, стягивавшие нагрудник с наспинником, дополнительно усиливались плотно охватывающими плечи деревянными дугами, подбитыми войлоком или обшитыми тканью. Такое устройство обеспечивало самое надежное соединение оплечий и кирасы. *а* - оплечья; *б* -- нагрудник; *в* — наспинник; *г* — набедренник; *д* - пояс; *с* — плечевые ремни; *ж* — боковые застежки

Рис. 18, а-н. Покрой бронированного «длинного халата» мало изменился с эпохи Великого переселения народов. На схеме представлен панцирь, собранный из сплошных кожаных лент. Однако такие ленты могли быть составлены и из отдельных железных пластин, *а* - оплечья; *б* — наплечные дуги; *в* - пояс

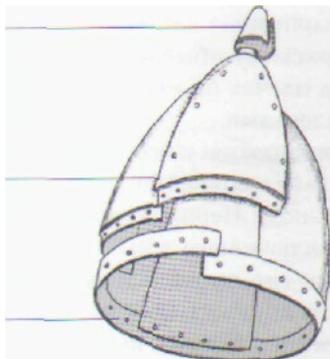

Рис. 19, а - в. Изготовить крупнопластинчатый шлем было вполне под силу кузнецу даже средней руки. Раскроить и выгнуть соответствующим образом пластины очень просто: мягкий металл легко выбивается на конической болванке, которой в самом простом случае могло стать хорошо оструганное, обожженное и приостренное бревно. Пробить отверстия и склепать пластины между собой тоже нетрудно. Сдвигая и раздвигая пластины перед клепкой, выбирали нужный диаметр тульи, соответствующий размеру головы заказчика. Под шлем для удобства всегда помещалась толстая мягкая подкладка. а — плюмажная втулка, б - пластины купола. в — металлический обруч

Рис. 20. Тяжеловооруженный тюркский воин. Тело воина закрыто железными ламеллярными доспехами (а), надетыми на плотный стеганный халат. Доспехи состоят из металлических пластин, которые, в свою очередь, стягивались цветными шнурами в ленты (б). Форма пластин одинакова, но размеры и пропорции их различны — самые мелкие и узкие находятся на оплечьях (в), а самые крупные (длинные и широкие) — на подоле (е). Все они имеют скругленные края и небольшие выпуклости, повышавшие жесткость лат и отводившие клинок и сторону при секущем боковом ударе. Шлем (д) собрал из стальных пластин, связанных между собой кожаными ремешками. Бармица (е) сплетена из железных колец и украшена бронзовыми колечками. Лук (ж) со спущенной тетивой помещен в притороченный к поясу узкий чехол (налучье). Переброшенный назад щит (л) в бою защищал спину. Вплоть до конца XVIII века у народов Северо-Восточной Сибири щит во время сражений занимал именно эту позицию. Древнетюркским всадникам это освобождало руки - еще одно, кроме исполнения прямой защитной функции, преимущество подобного расположения щита. Оружием первого удара тюркам служили копьё (и) с длинной втулкой и относительно короткой ударной частью. Перо копьё выковывалось в виде удлиненного ромба или лаврового листа, и сечении оно имело форму сплюснутого ромба или плоской линзы. Для борьбы с закованными в латы всадниками наиболее подходили узкие граненые острия — наподобие трехлинейного штыка. Такое оружие в литературе обычно именуется пиками. VII—X вв. Реконструкция по материалам Горного и лесостепного Алтая

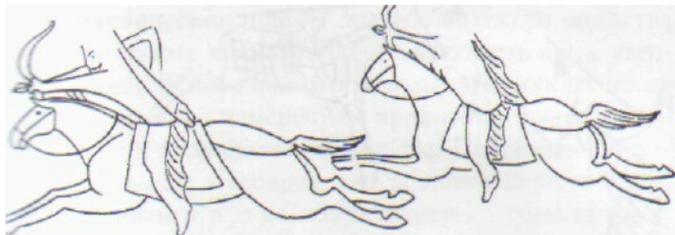
Рис. 21, а, б. Древнетюркские стремяна изготавливались, в основном, из металлического прута и были двух типов: в виде восьмерки (а); в виде полуовала с вертикальной пластинкой (б). Подножка, как видно на рисунках, в обоих случаях сильно "уплощена"

Другой тип доспехон напоминал длиннополый халат с запахом спереди (по тюркскому обычаю — справа на- лево) и разрезом сзади. На плечах он стягивался лямка- ми и часто дополнялся оплечьями.

Всадникам-тюркам была знакома и кольчуга, которая нередко поддевалась под ламеллярный доспех. Она по- лучила распространение в эпоху Первого каганата. Счи- тается, что это связано с включением в его состав ряда территорий Средней Азии, где производство кольчуг к тому времени поставили на широкую ногу. Из кольчуж- ной сетки делались и бармицы. Кстати, кольчуга вовсе не была столь удобной, легкой и надежной, как об этом обычно пишут. Вес её сохранившихся экземпляров немногим уступал весу наборных хлат и достигал полутора десятков килограммов, что сопоставимо с весом ламел- лярных нагрудников с оплечьями из археологических ма- териалов Китая.

Рис. 22. На этих древнетюркских граффити можно различить детали экипировки воинов и убранства верхового коня, которые существенно дополняют сведения, полученные из археологического материала. Обращает на себя внимание прическа лучников, состоящая из массы косичек с характерными хвостатыми наконечниками. На затылке они собраны в пучок и переброшены за спину. Вероятно, древние тюрки использовали накладные косички из конских хвостов, которые вплетали в собственные волосы. Подобная прическа в раннем средневековье была характерна для всего древнетюркского мира и являлась несомненным этническим признаком. Усы и короткая бородка дополняют облик стрелков. Воины облачены в длиннополые халаты, стянутые в талии наборными поясами. На груди, поверх халатов, видны квадратные, по всей видимости, металлические бляхи. У всадника два пояса, один из которых стрелковый. К нему с правой стороны прикреплен берестяной колчан характерной формы, слева за седлом лошади просматривается чехол налучья, сшитого в виде длинной трубы. У лошади отчетливо видны сбруя и тамга (знак собственности) на задней ноге. У пояса спешенного стрелка, обутого в остроносые, стянутые на щиколотках ремнями, сапоги с мягкой подошвой, отчетливо заметен прямоугольный оселок, изображение которого изредка встречается на древнетюркских каменных изваяниях. Луки, которыми вооружены стреляющие, судя по характерной форме кибити и негнущихся концов, одной и той же конструкции, производной от метательного оружия хуннского типа. Стрелы в обоих случаях с трехлопастными наконечниками, только у всадника на древке виден костяной шарик свистунки. Судя по положению пальцев, пеший лучник натягивает тетиву на оружие большим пальцем правой руки, т. е. «монгольским способом». VII- X вв. Горный Алтай. Урочище Кара-Оюк. По Д. В. Черемсину

23

24

Рис. 23. Древнетюркские лучники. Эти стрелки еще не пользуются стременами. Фасон их широких шаровар находит массу параллелей в материалах гунно-сарматского времени — в том числе, и в одежде знатных хуннских воинов. Прорисовка с роговой накладки передней луки седла. VI—VII вв. Могильник Кудэргэ, Горный Алтай. Санкт-Петербург. Эрмитаж

Рис. 24. Легкая тюркская кавалерия была вооружена мощным луком (а) со стрелами (б), палашом (или саблей) (в). В ближнем бою всадникам служили небольшие проушные топоры (г), имевшие узкое треугольное лезвие, обух с молоточком и длинную (до 70 сантиметров) рукоять. Иногда использовались и копья (д). VII - X вв. Реконструкция по изобразительным материалам Саяно-Алтая

Высокая гибкость и подвижность кольчуги считается ее большим преимуществом, и это действительно так. Но очень часто это преимущество превращалось в существенный недостаток. Безусловно, кольчужное плетение хорошо защищало от острого лезвия палаша или сабли, однако при этом передавало на тело энергию удара, лишь незначительно ослабив её. Кроме того, некоторые шиловидные наконечники стрел легко проникали сквозь ее кольца, а стрелы с гранеными остриями рвали их на куски. Поэтому под кольчугу нужно было поддевать толстую стеганую поддевку. Она, кстати, сама по себе обладала немалыми защитными свойствами.

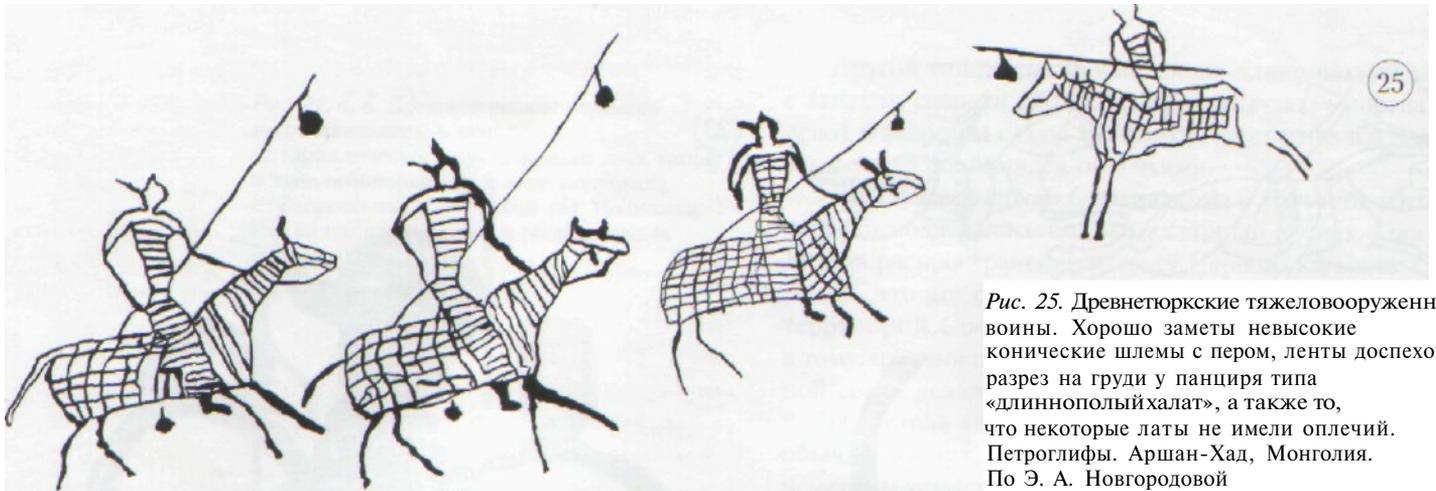

Рис. 25. Древнетюркские тяжеловооруженные воины. Хорошо заметы невысокие конические шлемы с пером, ленты доспехов, разрез на груди у панциря типа «длиннопольный халат», а также то, что некоторые латы не имели оплечий. Петроглифы. Аршан-Хад, Монголия. По Э. А. Новгородовой

Когда металлические латы по каким-то причинам отсутствовали, воины пользовались так называемыми "мягкими" доспехами. Близкое к истине представление о них дает экипировка бойцов, характерная для конных поединков, которые до недавнего времени проводились у некоторых тюркоязычных народов (например, у киргизов).

Экипировались киргизские бойцы на таких «турнирах» традиционно. Поверх нижней одежды они надевали две пары штанов и туго завязывали их па поясе сыромятным ремнем. Корпус защищала стеганая ватная куртка с натянутыми на нее кожаными латами, сделанными из толстой, грубо выделанной коровьей кожи. Латы зашнуровывались на спине. Незащищенные места — плечи, подмышечные впадины, шею, верх спины, пах — покрывали в четыре слоя войлоком, затем эти участки плотно обкручивались ватой и еще тремя слоями тонкого войлока². Завершали экипировку два халата. Нижний стеганый, с короткими рукавами имел полы чуть выше колен и высокий, до мочек ушей, воротник. Спереди он укреплялся тремя слоями толстого войлока. Рукава на локтевом сгибе также обшивались дополнительным слоем войлока. Халат имел сзади разрез, в который свободно проходила лука седла. Верхний халат был ситцевым. На ногах всадников были сапоги — на них опускались кожаные штанины. Кисти рук оставались незащищенными.

Описанная защитная одежда была практически скопирована с «мягких» доспехов древнетюркского воинства. Такие многослойные доспехи легко выдерживали удар стрелы — ее наконечник, в особенности трехлопастный, увязал в мягкой толще. Разрубить даты в скоротечном конном бою тоже, видимо, не получалось — толстые прокладки гасили удар. Озерный или речной песок и железные опилки, подмешанные в подклад, эффективно защищали от секущего удара саблей. Быть может, появление именно «мягких» доспехов заставило оружейников второй половины 1-го тысячелетия делать палаши с обоюдоострой заточкой острия, а сабли — со слабой кривизной клинка, удобной для нанесения сильного колющего удара.

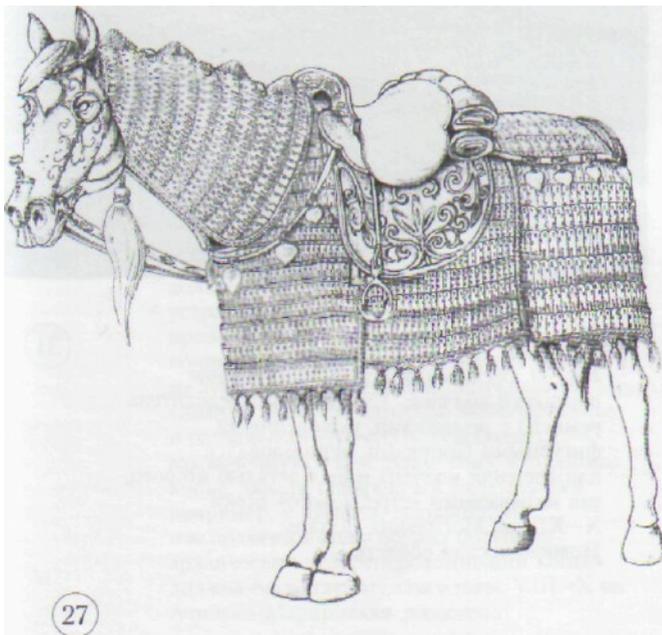
Рис. 26. Для культуры давних тюрков очень характерны так называемые оградки квадратные или прямоугольные конструкции из поставленных на ребро каменных плит, пространство внутри которых заполнено валунами и мелкой речной галькой. Иногда у стены такой оградки устанавливалось изваяние, которое представляло собой фигуру воина с оружием у пояса, сосудом или птицей в правой руке. Иногда скульптуру замещала простая каменная стела. Меж камней внутри оградок встречаются уголья, фрагменты керамики, глиняные сосуды, ножи, наконечники стрел, предметы конской упряжи, а иногда и небольшие серебряные сосудики. Считается, что такие оградки были небольшими поминальными храмами, установленными в честь знатного воина. У этой древнетюркской оградки роль сакрального изображения выполняет олений камень

Рис. 27. Один из вариантов конских доспехов. Он показан ламеллярным, но вполне мог быть и ламинарным. Такое облачение доставляло немало неудобств лошади, и двигаться в нем ей приходилось исключительно крупной рысью. Кисть под мордой — не только знак отличия, но и приспособление прочив мух

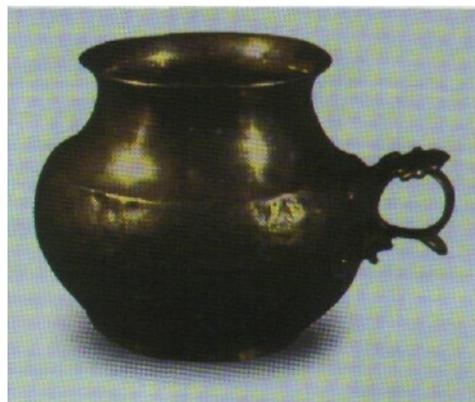
Металлические шлемы древнетюркского воинства были наборными и напоминали узкую часть яйца, увенчанную сверху небольшим конусом. Многообразие их форм достигается изменением кривизны стенок и пропорций этой полуовальной фигуры. Подобные шлемы встречались еще у ассирийских воинов в середине 1-го тысячелетия до н. э., а в Сибири использовались таштыкскими иратниками. Не будет преувеличением сказать, что они опередили свое время. Такой шлем отлично противодействовал сабельному удару. Клинок сабли, теряя энергию, беспомощно скользил по его гладкой стенке вниз и в сторону. Изготавливались наголовья как из узких, так и из широких секторообразных пластин. Узкие детали, как и раньше, связывались между собой ремешками. Хотя такая наборная конструкция кажется ненадежной, она просуществовала многие века и еще недавно с успехом применялась на северо-востоке Сибири.

Иногда наборные шлемы не снабжались заостренной вершиной. На ее мосте помещали выпуклую округлую пластину, и шлем становился очень похож на плоскодонный перевернутый горшок.

Рис. 29, а в. Нарядные пояса этих древнетюркских скульптур из Тывы отличает не только число вырезанных на них бляшек, но и изобилие свисающих вниз ремней. О многом говорит тот факт, что древние скульпторы неизменно подчеркивали эту деталь экипировки, совершенно игнорируя некоторые другие. VIII - IX вв. *а, в* — левый берег р. Шеми близ впадения в р. Хемечик, Тыва, *б* — Таарбол, левый берег р. Тарталок, Тыва

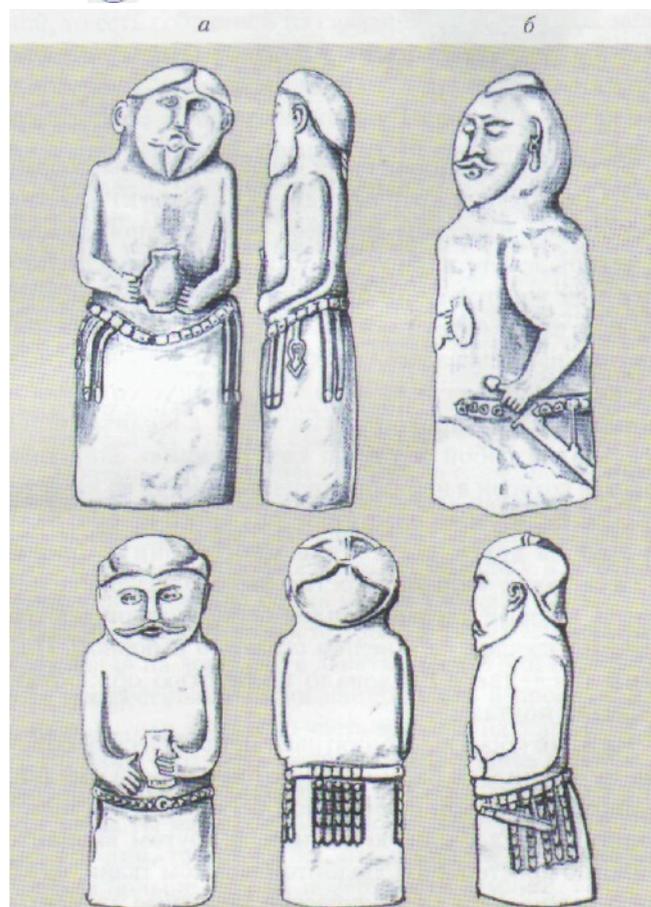
27

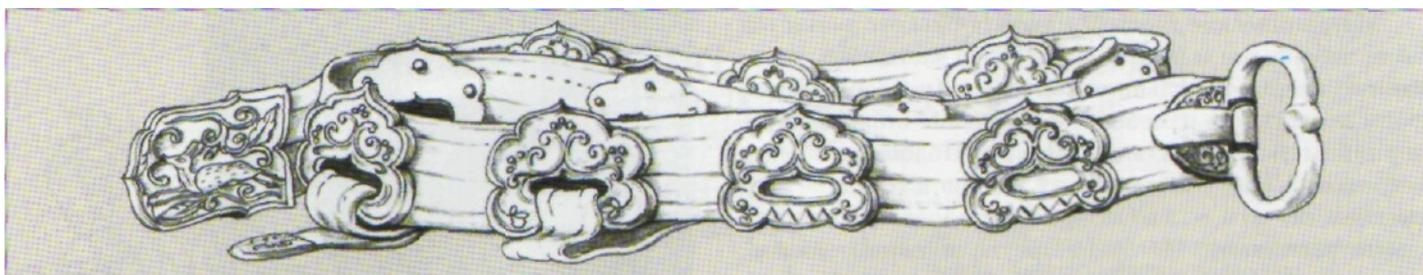

28

Рис. 28. Серебряный кувшин. Один из ярких и загадочных элементов древнетюркской культуры. Пока лишь несколько таких предметов найдено в погребениях родовой знати и поминальных оградках. Сосуд в представлениях тюрков южной Сибири имеет множество значений, и многое, что связано с его сакральным смыслом и местом в поминальной и погребальной обрядности, пока остается загадочным и непонятым. Это могла быть особая посуда для кумыса или просто молока, Поставленная с таким питьем у подножья каменного изваяния, она становилась символом небесного молочного озера. Древне-тюркское время. Плато Укок. Горный Алтай. Могилиник Бертек-34. Раскопки В. И. Молодина

29

30

Рис. 30. Древнетюркский пояс. Реконструкция по материалам мигильника Узунтал. Горный Алтай. Раскопки Д. Г. Савинова

31

Рис. 31. Золотые фигурки - украшение парадного колчана. Тройник (распределитель ремней) с ремешками, украшенными фигурными бляшками, использовался для ношения колчана и был деталью второго, так называемого «стрелкового» пояса. X- XII вв.. Могильник Олтарь, Новосибирская область

Более совершенными были клепаные шлемы, собранные из нескольких крупных (до восьми штук) пластин. Соединялись пластины внахлест - края одной пластины чуть налегали на другую. Этот же прием использовался при изготовлении доспехов и наборного шлема. Впрочем, схему сборки могли изменять — каждая четная пластина накладывалась сверху на края двух нечетных. Готовое изделие венчал небольшой конус со втулкой для плюмажа. Широкопластинчатый клепаный шлем представлял собой жесткую конструкцию, защитные свойства которой в немалой степени зависели от качества металла. Если узкие пластинки наборного шлема, налегая друг на друга, составляли многослойную броню, то здесь - таких «зон жесткости» было гораздо меньше. Правда, готовый клепаный шлем легко подвергался термической закалке, чего нельзя сказать о наборном. Пластины последнего следовало полностью обработать до начала монтажа.

Нижний обрез шлема стягивал металлический обруч. К нему крепилась бармица, изготовленная из мелких панцирных пластин, кольчужной сетки, толстой многослойной проклеенной кожи или, в другом варианте, из плотно простеганной, подбитой волосом ткани, на которую нашивались металлические защитные элементы.

Рис. 32. Копье у тюрков имело сакральный смысл. Следы подобного отношения к этому оружию сохранились в обрядовой практике тюркоязычного населения, где копье отводилась особая роль. Так, у казахов и киргизов еще в начале прошлого века существовал обычай, согласно которому после смерти мужчины в жилище устанавливался специальный знак — «туу»³, который представлял собой копье умершего с траурным флажком — «жилек» — под наконечником. Основание копья устанавливалось внутри кибитки, а древко с наконечником пропускалось в дыру, проделанную в кошме. Во время перекочевки копье «туу» везли впереди каравана. Туу был временным заместителем усопшего, то есть являлся одушевленным предметом, обладающим некими жизненными силами. Участь «туу» была почти всегда одинакова. Через год, когда душа умершего окончательно должна была покинуть средний мир, устраивались поминки, на которых проводились различные состязания: скачки, конные копейные бои, стрельба на скаку из лука и т. д. Победителем, завоевавший главный приз, спешил вырывать копье и разламывал его, чтобы освободить заключенную в нем душу Тому, кто сломал копье, давали подарок, а в ряде случаев, например, у казахов, сохранивших в исполнении этого обряда больше архаических черт, «переломивший копье» должен был стать мужем вдовы. VIII - X вв. Ачинско-Мариинская лесостепь

Покрой "мирных" головных уборов в эпоху средневековья почти всегда имитировал боевые наголовья. По такому принципу кроилась вся одежда. Популярными в те времена колпаки (клобуки) служили прекрасными подшлемниками для сфероконических шлемов. Позже, когда шлемы приобрели низкие куполообразные очертания, их заменили тубетейки. Знаменитый треух имеет нащечники и назатыльник, как у настоящего шлема. Надетый на него железный шлем автоматически превращал эту шапку в защитное снаряжение.

Завершал воинскую экипировку пояс - неперенный атрибут каждого воина. Пояса украшались бронзовыми бляшками, порой покрытыми замысловатым растительным орнаментом. С них свисали многочисленные ремни-подвески, столь же богато орнаментированные. К поясам крепились палаши и сабли, боевые ножи и кожаные сумочки с повседневной мелочью. Тюркские пояса можно сравнить с личным паспортом владельца. Всякий современник при взгляде на расположение подвесок и комбинацию бляшек сразу же понимал, с кем имеет дело.

Конские доспехи состояли из пластин, закрывавших шею и грудь животного, чепрака на корпус и попоны на круп. На голову лошади надевалась железная или кожаная маска с вырезами для глаз и ноздрей. Латы для коня делались, в основном, по ламинарному принципу из многослойных, проклеенных и прошитых кожаных лент, которые, ярусами соединяясь друг с другом, огибали тело скакуна. Впрочем, боевая попона могла быть и ламеллярной, то есть собранной из связанных между собой мелких пластин. Ленты конской брони располагались и вдоль, и поперек туловища животного — ярусами поднимаясь к хребту, либо дугой огибая спину. Использовали для защиты и многослойный, простеганный крест-накрест войлок.

К «бронированной» лошади предъявлялись совершенно особые требования: она должна была быть сильной, обладать устойчивостью и маневренностью, выносливостью и безукоризненной управляемостью, по команде менять аллюры, мгновенно останавливаться, разворачиваться, вставать на дыбы, совершать прыжки, переходить в галоп. Неповоротливый или пугливый конь в критических ситуациях подводил всадника, неверным движением подставляя его под смертельный удар.

Подготовка будущего воина у тюрков начиналась с младенчества. У некоторых кочевых родов, наследников тюркской культуры — скажем, казахов — было принято класть ребенку между колен подушку и плотно пеленать ноги, чтобы со временем придать им кривизну конского торса. В возрасте трех-четырёх лет мальчиков усаживали на лошадей, в девять—десять они становились уже профессиональными наездниками и проводили, как и их родители, большую часть времени на лошади. У киргизов даже считалось неприличным ходить пешком. Корифей арабской литературы Джахиз сказал о тюрках: "Если бы ты изучив длительность жизни тюрка и сосчитал его дни, то нашел бы, что он сидел на спине своей лошади больше, чем на поверхности земли".

С самого нежного возраста мальчиком приучали к стрельбе из лука, владению арканом и оружием. Часто между ними устраивались специальные состязания. У тех же киргизов практиковались поединки верхом на жеребятых, баранах или молодых бычках. Роль верховой скотины выполняли порой и сверстники. Популярны были соревнования по стрельбе из лука на полном скаку, известные по многочисленным описаниям очевидцев. Стреляли обычно вполоборота назад (знаменитый скифский выстрел) по нитям, на которые подвешивался приз. Каждый участник имел право на неограниченное число попыток. Соревнования продолжались, пока кто-нибудь не допивался успеха.

Проверенным способом подготовки к войне и поддержания высокой боеготовности у древних тюрков, как в свое время у хунну, была охота. Арабский летописец Табари отмечал, что для этой цели тюркский каган завел даже специальный полигон — "луг и заповедные горы, к которым никто не приближался и не смел в них охотиться, (ибо) оставлены они были для войны".

Тюркское войско, согласно хроникам танского Китая, делилось на правое и левое крыло. Каждое крыло, в свою очередь, состояло из отдельных отрядов. Их численный состав был кратен десяти 10 000, 1000, 100, 10 воинов. Все это похоже на облик хуннской армии.

Исследователи предполагают, что каждый такой отряд еще раз делился на два крыла, выполнявшие самостоятельные боевые задачи. Если это так, то низшей военной единицей была группа из пяти человек. Позже, во времена Второго каганата, в армии выделился центр, равный по численности крыльям. Набирались кавалерийские подразделения для тюркской армии и из воинов подчиненных племен. Они формировались по тому же десятичному принципу, но в сражении обычно оставались на вторых ролях.

Основой тюркских войск были соединения легковооруженных всадников, использовавших лук и стрелы и в совершенстве владеющих этим оружием. Мусульманские письменные источники отмечают умение таких всадников без промаха поражать цель на скаку из любого положения, стрелять «назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз». В бой лучники брали с собой два-три лука и несколько колчанов, полных стрел. Нередко именно они стремительной атакой решали исход сражения. В случае неудачи конные стрелки отступали, скрываясь за плотным строем тяжеловооруженных копейщиков.

Тяжеловооруженных всадников в древнетюркском воинстве насчитывалось не столь уж много, но именно эта панцирная конница спасала положение в наиболее трудных случаях. Видимо, про нее пишет Табари, как об «одинаково одетой» гвардии. Полный набор защитного вооружения был необходим только тем, кто стоял в первых рядах. Воины последующих шеренг, прикрытые бронированными латниками, обычно ограничивались нагрудником для себя и легкой попоной для своего коня.

33

Рис. 33, а-е. Роговым пряжки таких характерных форм стали легки узнаваемым элементом материальной культуры древних тюрков. Эти крупные изделия скрепляли подпруги седел верховых коней (б. /). Аналогичные предметы меньших размеров, также вырезанные из рога или отлитые из бронзы, служили застегивающими пояса. Застежки конских пут "цурки" (а, в), форма которых мало изменилась за минувшие тысячу двести лет, в древнетюркское время вырезали преимущественно из дерева, хотя для этой цели мог использоваться и рог. V—VIII вв. Могильник Усть-Чоба. Горный Алтай. Среднее течение р. Катунь. МА ИАЭТ СО РАН

Открывали сражение батыры, перед строем вызывавшие на поединок представителей иражеского войска. Эта древняя традиция восходит еще к эпохе родоплеменных столкновений, когда складывались правила ведения военных действий, ограничивающие масштаб кровопролития. К числу таких правил относились договоры о продолжительности сражения, числе убитых, возмещении потерь и многие другие. И среди них самое, наверное, зрелищное и «гуманное» — поединки вождей или специально выбранных для этого богатырей. Согласно сведениям Табари, "у тюрков было обычаем не выступать, пока не выйдут трое из их всадников... Затем, уже после выезда третьего, выступали все". Такие традиционные поединки пережили века. И только, пожалуй, появление огнестрельного оружия сделало это правило, имевшее явный сакральный смысл и огромное значение поднятия боевого духа, историческим анахронизмом.

Готовясь к набегу, тюрки большое внимание уделяли разведке. Разведку вели лазутчики и мобильные отряды, совершавшие глубокие рейды по тылам противника.

Вот как описывает их действия западно-европейский рыцарь Робер де Клари: «У каждого из них есть десяток или дюжина лошадей; и они так хорошо их приучили, что те следуют за ними по сюду, куда бы их ни повели, время от времени они пересаживаются то на одну, то на другую лошадь. И у каждого коня, когда они вот так кочуют, имеется мешочек, подвешенный к морде, в котором хранится корм; и так-то лошадь и кормится, следуя за своим хозяином, и они не перестают двигаться ни днем, ни ночью. И передвигаются они столь быстро, что за одну ночь и за один день покрывают путь в 6, или 7, или 8 дней перехода. И пока они так передвигаются, то никогда никого не преследуют и ничего не захватывают, пока не повернут в обратный путь; когда же они возвращаются обратно, вот тогда-то и захватывают добычу, угоняют людей в плен и вообще берут все, что могут добыть».

Подобные приемы разведки в будущем скопируют у тюрков многие кочевые образования. Особенно популярной разведка станет в войсках Золотой Орды.

Боевые качества тюркских воинов в средневековом мире оценивались очень высоко. В начале IX века арабские халифы набирали их в свою личную гвардию, вскоре их примеру последовали и императоры могущественной Византии. Джахиз в своем сочинении "Достоинство войск Халифата и достоинства тюрков" даже пришел к выводу, что никто "не внушает (такой страх) арабским войскам, как тюрки", ведь у них нет «иных помыслов, кроме набега, грабежа, охоты, верховой езды, гажения витязей, поисков добычи и завоевания стран... Они овладели этим делом в совершенстве и достигли в нем предела. Это стало их ремеслом».

Рис. 34. Юрта - традиционное жилище кочевых и полукочевых народов. И в наши дни на высокогорных пастбищах Алтая можно встретить такие переносные сооружения, покрытые войлоком, шкурами и брезентом, в которых живут пастухи, когда перегоняют сюда свои стада. Сейчас они используются только как летнее жилье, но в прошлом это был основной тип жилища, которым пользовались тюркоязычные предки современных алтайцев

Тюрки долгое время вели успешные войны на обширных территориях, одерживая внушительные победы над очень серьезными противниками. И это объясняется, в первую очередь, высочайшей боеспособностью их войск. Погубили же их государство внутренние проблемы — прежде всего, жадность и властолюбие территориальных владык, буквально по клочкам раставивших некогда великую державу. И все же древние тюрки избежали поголовного истребления (что случилось со многими другими побежденными народами) и вошли в состав новых государственных образований — Уйгурского и Кыргызского каганатов. И долго еще на полях сражений реяли их знамена с золотой волчьей головой.

Глава 6

Всадники с берегов Енисея

Во второй половине 1-го тысячелетия уютные земли Минусинской котловины стали колыбелью культуры енисейских кыргызов. Её истоки, по распространённому среди специалистов мнению, восходят к таштыкской культуре. Остатки обширных ирригационных сооружений и найденные археологами орудия труда говорят о развитии плужного орошаемого земледелия у населения Минусы в тюркское время. Занимались кыргызы и отгонным скотоводством, разводя овец, верблюдов и лошадей. «Их лошади плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся», - сообщается и в восточных летописях. Такие «бойцовые» лошади особо ценились в кавалерии, для нужд которой они специально и разводились. Немалую роль в хозяйстве кыргызов играла охота. Продукты рыболовства не только разнообразили пищу, но и давали столь необходимый для производства метательного оружия клей.

О степени оседлости енисейских кыргызов в науке не существует единого мнения. Тем не менее, именно земледельческие навыки и склонность к оседлым поселениям привели к созданию кыргызского государственного объединения. После падения Первого Тюркского каганата, в развале которого кыргызы приняли самое деятельное участие, они получили полную независимость, и уже в 648 году танский Китай встречал их первое посольство (во всяком случае, первое, отмеченное письменными источниками).

Кыргызский каганат постоянно подвергался опустошительным набегам южных соседей и в VI—VIII веках нередко терпел сокрушительные поражения. Иногда он даже терял политическую самостоятельность. Но со временем военная удача все чаще улыбалась кыргызам. «Умертвил роды синего волка, черного волка умертвил», — говорится в древней кыргызской надписи об одном из успешных походов, вероятно, против тюрков (ведь именно они считали своей прародительницей волчицу). Год от года набирая силу, каганат превратился в мощную державу, существенно влиявшую на судьбы народов Центральной Азии. В древнетюркское время он представлял собой сложное этнополитическое объединение, включавшее «титulary», элитарное население (собственно, кыргызов) и различные подчиненные группы кыштымыв (иноплеменников). Хорошо вооруженные дружины кыргызов совершали регулярные набеги на жителей

Рис. 1. Привычным противником для всадников Кыргызского Каганата в начале 2-го тысячелетия оставались родственные по языку тюркские племена Саяно-Алтая

Рис. 2. Подобные сердцевидные бляхи с выпуклой центральной частью, выполненной в виде колокольчика, некогда украшали сбрую лошади. Появившись в IX веке, они распространялись преимущественно в культуре енисейских кыргызов. IX—X вв. Минусинская котловина. МКМ

2

Рис. 3. Река Енисей. Хакасия

3

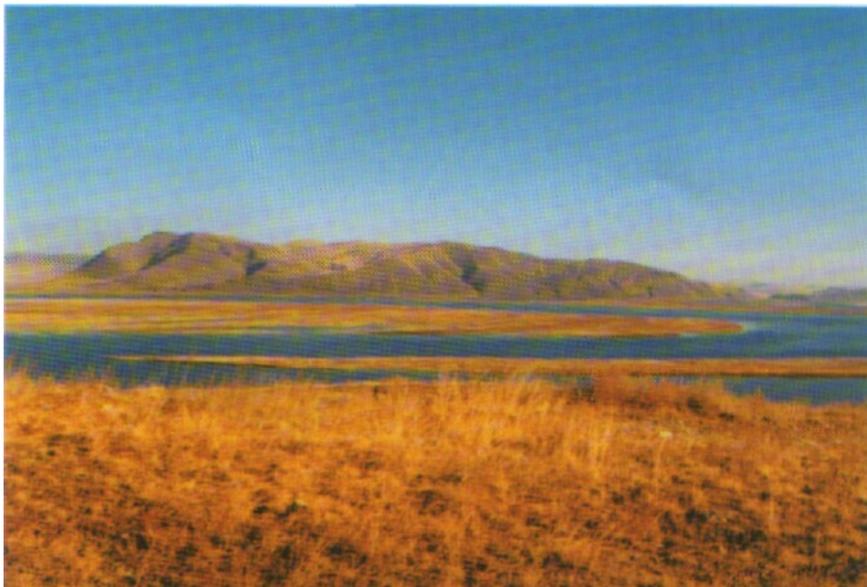

Рис. 4. а-г. Основные типы кыргызских луков. Конструктивное разнообразие метательного оружия было гораздо больше числа представленных здесь типов, иби процесс изготовления лука во все времена оставался индивидуальным, и многие конструктивные особенности оружия зависели как от свойств сырья, так и от опыта мастера, а - луки с парой срединных боковых накладок и двумя парами концевых; б - с одной парой боковых срединных накладок; в - с тремя срединными накладками, двумя боковыми и одной фронтальной; г- без срединных накладок, с узкими роговыми пластинами по длине кибити

горно-таежных окраин Минусинской котловины и, по свидетельствам тех лет, «ловили их и употребляли в работу». Для участия в военных действиях кыштымы сначала не привлекались, но уже в конце I-го тысячелетия, когда енисейских кыргызов потеснили войска Уйгурского каганата и их положение сильно осложнилось, кыргызская армия стала разноплеменной. В китайских источниках отмечается, что когда кыргызы «набирают и отправляют войско, то выступает весь народ и все вассальные поколения». Археологические данные подтверждают этот факт.

В истории Кыргызского каганата исследователи выделяют несколько этапов, связанных как с основными типами археологических памятников, так и с важнейшими событиями в его политической истории.

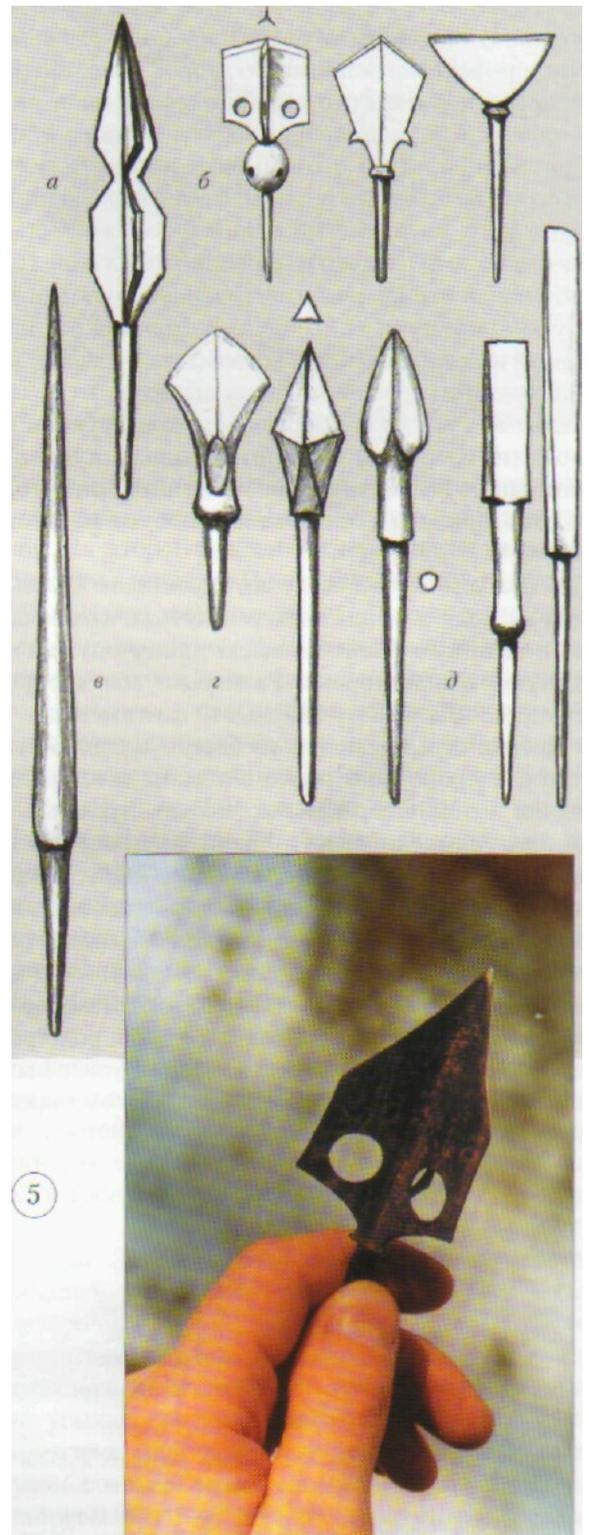
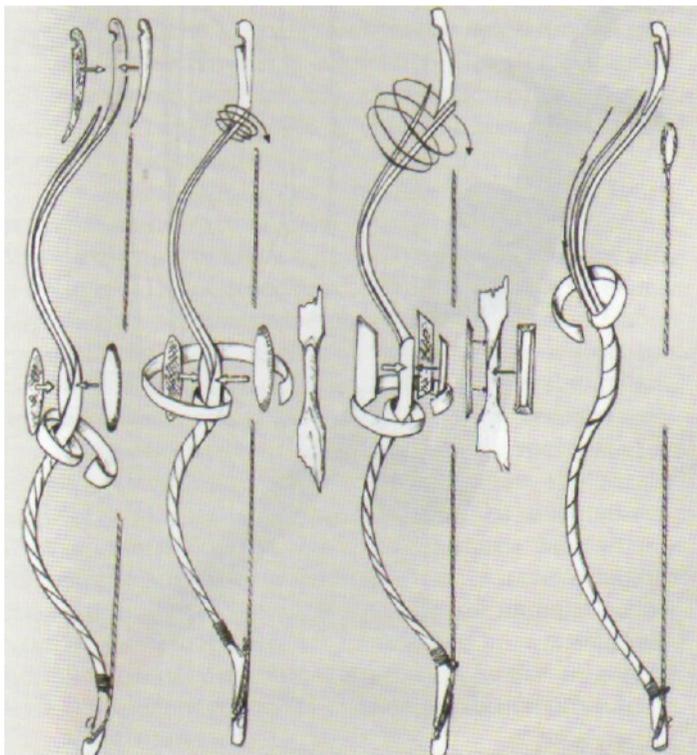
Первый период (VI -VIII вв.) - эпоха Чаа-тас. Основные события этого времени происходили на ограниченном пространстве Минусы и соседней Тывы. Кыргызам удалось установить торговые и дипломатические связи с земледельческими государствами Средней и Юго-Восточной Азии (тапский Китай, Согд, Тибет, Восточный Туркестан). С кочевыми же народами они враждовали, ведя с ними непрерывные войны - но большей части, неудачные. В военном отношении кыргызы пока были слабы - их политику на этом этапе можно охарактеризовать как оборонительную.

Следующий период (IX—X вв.) получил название эпохи Великодержавия. Это было время славных побед и триумфа кыргызского оружия. Разгромив уйгуров', их тяжелая конница вместе с отрядами кыштымов вышла на просторы Центральной Азии. "Впервые, - по словам крупного специалиста и истории, археологии и этнографии народов Южной Сибири Д. Г. Савинова. - народ северного происхождения, создавший высокую культуру в бассейне Северного Енисея, стал играть решающую роль в делах своих южных соседей". Границы каганата расширились до верховьев Амура на востоке и восточных

склонов Тянь-Шаня на западе. Кыргызский каганат объединил пол своей властью Приобье, Алтай, Восточный Казахстан, Тыву, Монголию, Забайкалье. Впрочем, его "звездный час" оказался непродолжительным. Вскоре каганат вновь заметно уменьшился в размерах, часть боевых отрядов откочевала на Тянь-Шань (на территорию современной Киргизии), основная же масса кыргызов возвратилась на историческую родину.

Третий период в истории енисейских кыргызов (XI — XII вв.) иногда называют эпохой Сууктэр³. В это время военные действия разворачивались в районах Саяно-Алтая, где кыргызам пришлось обороняться от агрессивных моиголоязычных кочевников — кнданей и найманов, пересекших связи каганата с земледельческими цивилизациями Юго-Восточной Азии. Кыргызское население изрядно поредело в продолжительных войнах и, будучи распыленным по огромным территориям, не могло оказать серьезного сопротивления. В это же время кыргызы, вероятно, утратили руническую письменность. Государство быстро слабело и дробилось, мелкие князьки один за другим объявляли о своей независимости и тут же начинали враждовать с соседями. В сущности, история могучей кыргызской державы на этом и завершилась.

В так называемую Монгольскую эпоху (XIII — XIV вв.), после разгрома найманов войсками Чингисхана, кыргызские княжества добровольно пополнили его империю, окончательно утратив государственную самостоятельность. Боевые отряды кыргызов влились в монгольские полчища.

4

Рис. 5. а- д. Некоторые типы наконечников кыргызских стрел. Стрелы с трехлопастными острями предназначались для прицельной стрельбы по одиночной цели (а), плоские для магсированного обстрела плотной воинской массы (б), шиловидные (в) — для борьбы с нрагами, облаченными в кольчуги, граненые (г), долотовилные (д) — для поражения латников

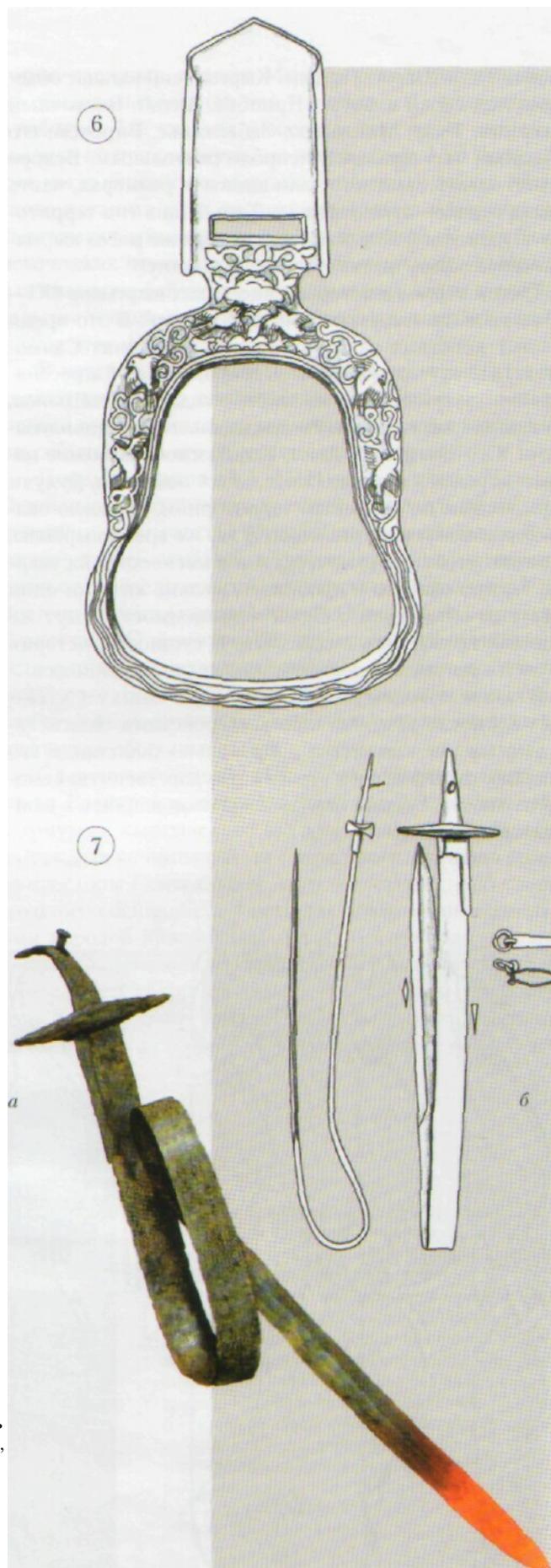
Как и у всего средневекового населения Южной Сибири, луки енисейских кыргызов были сложносоставными и рефлексирующими. Во второй половине 1-го тысячелетия повсеместно шел процесс поиска наиболее совершенной и рациональной конструкции метательного оружия, пригодного в бою и на охоте, удобного при стрельбе с лошади и с земли. Это привело к тому, что в одно и то же время на одной и той же территории существовало несколько разновидностей луков. При близости общей схемы, позаимствованной многими народами у хуннов, луки енисейских кыргызов различались формой и расположением роговых накладок. У оружия хуннского типа основную работу выполняли плечи, а значительные участки его деревянной конструкции бездействовали. Кыргызы модернизировали луки в целях увеличения эффективно работающих зон, что, как и у тюрок, привело к сокращению количества роговых накладок.

В походах тетива на луках спускалась. Воины носили их на боку или на спине в налучьях, похожих на узкую и длинную (почти по всю длину оружия) трубу, зашитую с одной стороны. Размеры луков со спущенной тетивой колебались от 120 до 140 сантиметров.

Древки стрел делались из березы и слегка сужались к ушку, в прорезь которого с легким сопротивлением входила тетива. Оперение кыргызских стрел было овальной или удлиненно-треугольной формы и относилось к длине древка в пропорции 1:5 или 1:7. На древки стрел наносились цветные пояски - обычай, известный с раннежелезного века. Берестяные колчаны для стрел тоже напоминали тюркские. Нужно отметить, что мощное политическое и культурное влияние, оказываемое древнетюркскими каганатами на своих соседей, родство языка и происхождения, постоянная миграция отдельных тюркских групп в Минусу, - все это во многом определило, как и чем воевали кыргызы.

Рис. 6. Кыргызские золотых дел мастера создали свой особый стиль. Их изделия, форма которых, в целом, соответствовала степной моде, отличались богатым и затейливым растительным орнаментом. Железное стремя, представленное на рисунке, инкрустировано золотыми фигурками птиц, порхающих среди извилистых ветвей. Эпоха раннего средневековья. Уйбатский чаа-тас. Хакасия. ГИМ, Москва

Рис. 7, а, б. Тела умерших воинов енисейские кыргызы предавали огню. Вместе с телами жаркое пламя пожирало воинскую амуницию и погребальный инвентарь. Раскаленные в погребальных кострах клинки намеренно портили - сворачивали в кольцо (а) или сгибали пополам (б). Возможно, так боролись с вредоносной магией покойника, а возможно, «транспортировали» предметы в иной мир, где все было наоборот: целое - сломанным, а сломанное - целым. XII—XIV вв. Минусинская котловина. а — Соян-сее, по Ю. С. Худякову; б - могильник на горе Самохвал, по Л. Р. Кызласову

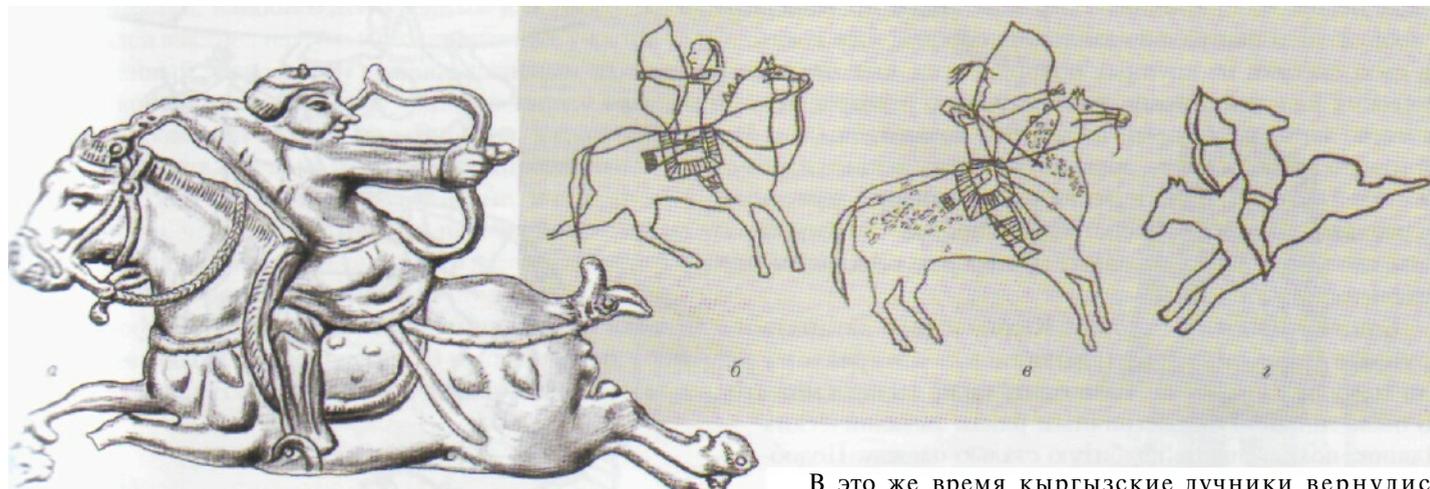

Рис. 8, а—г. Легковооруженные всадники. Основное вооружение этих стрелков состояло из лука со стрелами. В ближнем бою они пользовались палашами или слабоизогнутыми саблями. Их экипировка включала также элементы защитного вооружения, в частности, накладные деревянные щитки. а - фигурка лучника, некогда украшавшая переднюю луку кыргызского седла. IX-X вв. Тюхтятский клад. Минусинская котловина. Минусинский музей; б, в, г — Сулукская писаница. Конец I тыс., н. э. Средний Енисей

8

В это же время кыргызские лучники вернулись к использованию незаслуженно забытых плоских наконечников. Их второе рождение специалисты связывают с монгольским влиянием. Появление плоских наконечников было, пожалуй, первым отчетливым знаком грядущих перемен. В дальнейшем трехлопастные наконечники постепенно утратили свое значение, вытесненные плоскими «собратьями» - в основном, асимметрично-ромбическими пятиугольными срезнями. Они очень хороши при стрельбе как с близкого расстояния — ни войлочная попона коня, ни мягкие доспехи бойцов не спасали от них, так и с дальнею — не закрытый доспехами противник даже при касательном ударе получал столь обширную травму, что сразу же выбывал из строя.

Восточные письменные источники, переведенные и опубликованные первым крупным российским китайстом П. Я. Бичуриным (в монашестве Иакинф), рассказывают, что у енисейских кыргызов «мужчины носили кольца в ушах. Они горды и стойки. Храбрые из них татуируют руки себе... На войне употребляют луки со стрелами и знамена. Конники прикрывают руки и ноги деревянными щитками, которые могли бы защищать от стрел и сабель». Эти деревянные щитки собирались из отдельных дощечек твердого дерева — например, лиственницы. Затем они, вероятнее всего, обжигались, что придавало поверхности особую прочность и гладкость, затирались песком, полировались и окрашивались (или пропитывались жиром). Готовые деревянные детали стягивались между собой сыромятными ремешками, которые, усыхая, крепко прижимали их друг к другу.

В комплект защитного вооружения кыргызов входили наручи (для защиты руки от кисти до локтя), поножи (для защиты ноги от колена до ступни), зеркала (для защиты груди) и оплечья.

Кыргызские панцири состояли из железных пластин, скрепленных между собой по ламеллярному принципу. Панцири VI—VIII веков, как правило, представляли собой металлический нагрудник. В эпоху Великодержавия их конструкция усложнилась — теперь латы закрывали спину и руки до середины предплечья; кроме того, появляется подол, спускавшийся к коленям и защищавший

Это, в частности, касается и наборных поясов, и наконечников стрел. И все-таки полного тождества не было. Кыргызские наконечники стрел отличались от тюркских большим разнообразием и затейливостью отверстий в лопастях, а также лучшей сохранностью в археологических комплексах. Дело в том, что кыргызы применяли в своей погребальной практике кремацию. Предметы оружия, побывав в огне, покрывались окалиной, которая (вместе с золой и пеплом) предохраняла тонкие лопасти наконечников от пожирющего действия ржавчины.

С выходом енисейских кыргызов на просторы Центральной Азии, где им пришлось противостоять очень серьезным противникам, потребовалось новое оружие. И, вскоре, в IX—X веках, ассортимент стрел в колчанах кыргызских воинов неузнаваемо преобразился. Набор традиционных образцов пополнился наконечниками шестиугольной формы с уплощенным, как бы срезанным, острием (специалисты так и называют их — срезни) и небольшими массивными проникающими с трехгранным, квадратным или круглым сечением острия. Последние значительно превосходили по весу трехлопастные и, в большинстве случаев, пробивали доспехи. Модифицировались и привычные формы — так, у пятиугольного наконечника сократились его размеры и ширина лопастей, а острие в сечении стало граненым. Столь впечатляющее разнообразие свидетельствует о все большем распространении на полях сражений различного защитного вооружения.

бедра. Вскоре восприимчивые кыргызы, присмотревшись к вооружению центрально-азиатских соседей, уже ковали свои доспехи из крупных подпрямоугольных металлических пластин. Этому способствовало и возросшее качество металла, который по многим показателям, как ни трудно в это поверить, превосходил современные марки сталей. Этот технологический скачок, видимо, связан не столько с развитием собственной производственной базы, сколько с опытом пленных мастеров из оседло-земледельческих центров.

Ближе к финалу истории Кыргызского каганата крупные пластины приклепывались к матерчатому или кожаному покрытию. Распознать такие доспехи можно было лишь по симметричным рядам металлических шляпок, покрывавших подбитую сталью одежду. Подобные латы, сочетавшие в себе особую красоту с неплохими защитными свойствами, были изобретены в VIII веке в Китае и вскоре стали привычной экипировкой южно-сибирских воинов. Повсеместно же они распространились лишь во 2-м тысячелетии. Европейцы скопировали их в XIII веке у монголов и назвали «бригандиной». На матерчатое покрытие этих лат часто шли самые дорогие ткани. Чтобы предотвратить в бою ткань от повреждений, бригандину обычно использовали одновременно с кольчугой.

В целом боевые качества средневековых наборных лат были весьма высоки. Согласно современным экспериментам, проведенным М. В. Гореликом, система сцепки пластин несколькими ремешками делала такие доспехи неуязвимыми даже для серии ударов. При колющем ударе клинок попадал в верхнюю налегающую пластину и как бы поворачивал её на ребро. Пластины панциря смыкались при этом краями и "запирали" щели тем прочнее, чем сильнее был удар.

Рис. 9. Такой видели долину Енисея древние художники, которые высекали рисунки па камнях горы Суханихи

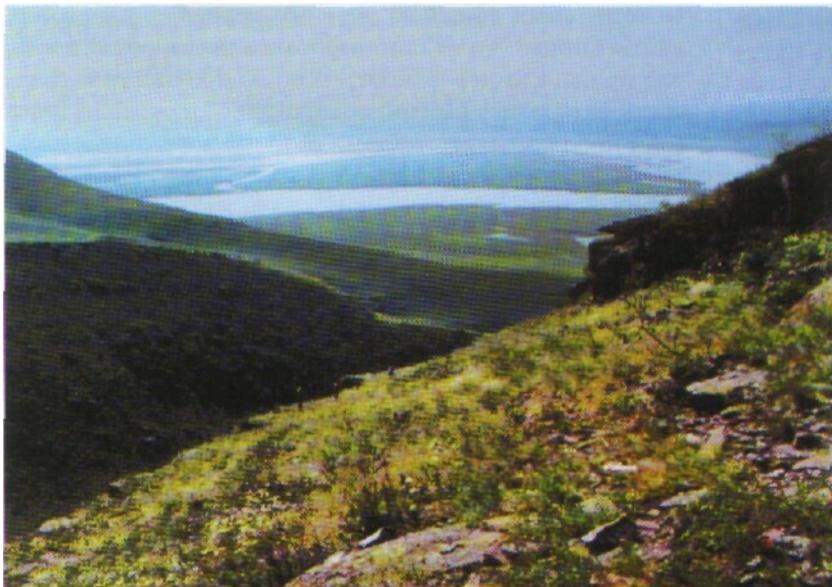

Рис. 10, а, б. Наскальные рисунки Сулекской писаницы. Латник (а), чтобы нанести мощный таранный улар копьем, опирает конец украшенную флажками древка о жесткий каркас седла. Голову воина защищает клепаный из концентрических колец шлем с небольшим плюмажем и бармицей - судя по всему, кольчужной (как и сами доспехи). Бронированный всадник (б) демонстрирует прием владения копьем. Зажав древко двумя руками, он наносит удар сверху вниз. Чтобы свести к минимуму возможность собственного поражения, он развернулся к нему боком. После удачно проведенного нападения всаднику, потерявшему копье, скорее всего, придется вступить в ближний бой, к которому он уже готов. Об этом свидетельствует боевой топор, висащий на кисти его правой руки. На груди воина, поверх ламеллярного панциря, хорошо заметен круглый деревянный щиток (именно таким он описан в летописях). Ряды пластинчатого набора доспехов обозначены короткими вертикальными штрихами. Голову воина закрывает высокий конический шлем с длинными наушами и назатыльником, увенчанный, вероятно, пучком перьев. Копье и топор дополняются луком в длинном узком налучье, размещенном вдоль правого бедра, и колчаном со стрелами, подвязанным к поясу с этой же стороны. Пах всадника защищает передняя лука седла. Конь под воином не бронирован, панцирь воина достигает лишь середины бедра. Отсюда можно сделать вывод, что перед нами средневооруженный воин второго эшелона. Манера копейного боя (в верхней плоскости - поверх плеча передней шеренги) лишь подтверждает эту мысль. Конец 1-го тыс. н. э. Сулекская писаница. Средний Енисей

9

Пожалуй, наиболее действенным в борьбе с латниками оставался выстрел из лука в незащищенный участок тела или же таранный удар копьем с узким граненым наконечником. Такие копья стали очень популярны и «эпоху максимального бронирования» (IX—X вв.). Впрочем, в сражениях копейщики сталкивались не только с бронированными врагами, но и с легковооруженными всадниками, и с пехотой. С этим связано то, что, кроме граненых наконечников, продолжали использоваться и наконечники в форме вытянутого массивного ромба с остро заточенными сторонами.

Профессиональные копейщики прекрасно владели множеством специальных приемов. В одних случаях копье удерживалось полусогнутой рукой и прижималось, чтобы усилить

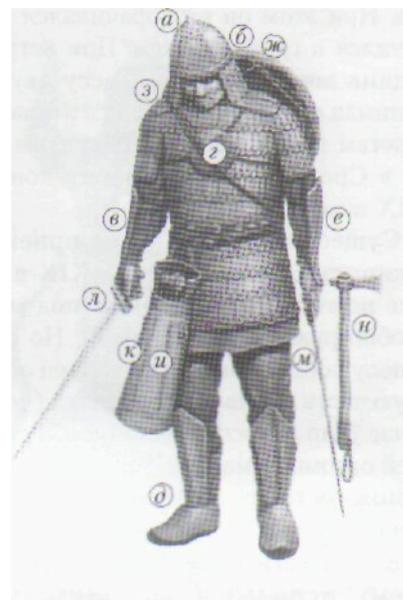

Рис. 11. Кыргызский тяжеловооруженный воин эпохи Великодержавия. Его защитное вооружение состоит из крупнопластинчатого клепаного шлема (а) с бармицей (б), изготовленной из металлических пластин и снабженной мягкой подкладкой; короткополого панциря (в), сплетенного шнурами из железных пластин; накладных деревянных щитков (?) на плечах и груди; также деревянных поножей (д) и наручей (е); щита (ж), собранного из обтянутых кожей дощечек. При атаке в конном строю или стрельбе из лука щит забрасывался за спину, где удерживался с помощью специального ремня (з). На войне — два пояса. К «стрелковому» поясу кренится берестяной колчан (и) открытого типа, украшенный накладными костяными пластинками (к). В руках у воина две сабли — с брусковидным (л) и ромбовидным (м) перекрестиями. Дополняет вооружение ближнего боя з ко л е з в и й н ы й топор (н) со шпеньком на обухе. Реконструкция по материалам Ю. С. Худякова

удар, к корпусу всадника и шее лошади. В других — воин брал древко двумя руками и прижимал к бедру точно так же, как это делали катафрактары раннего железного века. При этом он разворачивался плечом вперед и наклонялся к гриве лошади. При встрече с пешим врагом всадник держал копьё на весу двумя руками, нередко поднимая его над головой. Все эти позиции, знакомые археологам по наскальным рисункам, находили применение в Средней Азии во время конных поединков еще в XIX веке.

Существовали и другие приемы — они известны по киргизским «турнирам» XIX в. Киргизские бойцы чаще всего зажимали копьё под мышкой, наводя его, подобно ружью, на соперника. Но самые страшные удары получались, когда тупой конец оружия упирался в боковую часть деревянного каркаса (.ленчика) седла. В этом случае удар наносил не всадник, а скачущий конь — всей своей огромной массой. Правда, этот способ ограничивал возможности фехтования — в момент столкновения обычно бойцы привставали на стремянах; для того же, чтобы удержаться в седле, они нередко привязывали себя к нему, используя дополнительную, проходящую под брюхом коня, подпругу. Ее концы пропускались в штанины и крепились выше колена к ногам всадника. Надо сказать, что такие приемы не приветствовались, хотя и не запрещались правилами.

С точки зрения боевой практики, привязывание кавалериста к седлу выглядит несколько странно. Всадник может быть искалечен или раздавлен упавшей лошадью. Однако, целесообразность этого приема не столь уж сомнительна, если мы говорим о копейщиках передней шеренги, принимающих на свои копья мощный натиск разгоряченного противника. Для них прочная посадка была особенно важна. Если они выдерживали первый удар, удачный исход всего боя становился **наиболее** вероятным. Кроме этого, тяжеловооруженные воины первого ряда обязаны были упирать свои копья в седла, ибо выбитое из рук и отлетевшее назад древко оружия несло смертельную опасность для стоящих сзади.

При линейном построении на начальной стадии сражения участвовали лишь воины первых двух шеренг, остальные просто не дотягивались своим оружием до врага. Начиная с третьего ряда, бронирование лошадей было бессмысленным — они и без того были фактически недосыгаемы для вражеского удара за живой бронированной стеной передних латников. Поэтому здесь помещались средневооруженные всадники — воины, чьи тела лишь частично закрывались доспехами, а кони и вовсе обходились без них. С копьями они управлялись по-иному, нежели их тяжеловооруженные соратники. Они прижимали древко к плечу так, чтобы острие оказалось значительно выше копий первого ряда. Нередко пики опирали на плечи впереди стоящих. Столь плотно остинившаяся шеренга доставляла немало хлопот атакующим ее. Наконец, средневооруженные воины третьего ряда обычно держали копьё двумя руками, нанося удар

Рис. 12. Фрагмент согдийского щита с горы Муг. На его поверхности сохранилась великолепная роспись с изображением всадника в полном вооружении. Круглый щит (диаметром 61 см) собран из дощечек шириной около девяти сантиметров. Он слегка выгнут — его середина возвышается над краями на два сантиметра. По краю щита пропущена металлическая оковка, с обеих сторон он оклеен тонким пергаментом. С внутренней стороны металлическими заклепками прикреплена ручка с приделанной к ней ремненной петлей — с ее помощью щит забрасывался за спину. VII- VIII вв. Средняя Азия. Санкт-Петербург. Эрмитаж

13

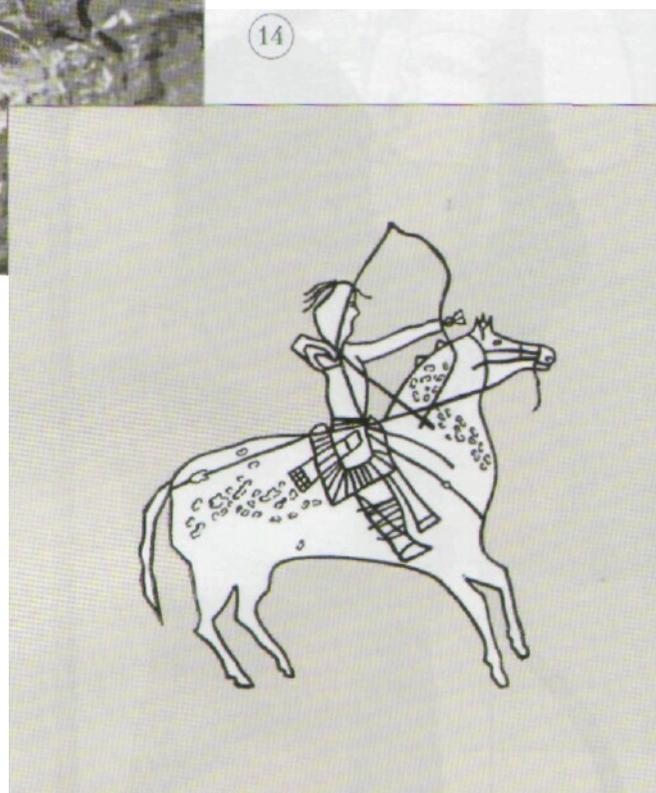
Рис. 13. Кыргызский воин XIII—XIV вв. На его голове клепаный шлем (а), стыки пластин которого закрыты металлическими накладками (б). Эта деталь — характерный признак эпохи развитого средневековья. Обруч тульи снабжен небольшим наносником (в). К нему прикреплена ламинарная бармица (г), собранная из толстых кожаных лент. Доспехи (д) представляют собой панцирь со скрытым бронированием (бригандину), надетый поверх толстой стеганой поддевки и усиленный на плечах наружными металлическими пластинами (с). В руках воин держит саблю (ж) — в отличие от образцов раннего средневековья, она имеет сильно искривленное лезвие. Реконструкция по материалам Минусинской котловины, Тывы и сопредельных районов Монголии

сверху вниз, как это изображено на выразительных наскальных рисунках знаменитой Сулекской писаницы.

В ближнем бою кыргызы рубились мечами, палашами и слабоизогнутыми саблями. Если требовалось, в дело шли небольшие, тоже слегка изогнутые, узколезвийные топоры с небольшим молоточком на обухе. В специальной оружейведческой литературе закрепилось мнение о топоре, как о преимущественно вспомогательном оружии легкой конницы, действующей рассыпным строем. Наскальные рисунки это мнение опровергают — на них топор часто является атрибутом и тяжеловооруженных всадников (например, Сулекская писаница). Рукояти боевых топоров снабжались небольшими ремennыми петлями. В боевой обстановке при ударе копьём топор висел

Рис. 14. Рисунок воина, найденный на одной из скал горы Сулек, - яркий образец творчества енисейских кыргызов

на ременной петле в свободном состоянии на запястье руки, державшей древко копья. Его черед наступал после того, как копьё застревало в доспехах врага.

И все-таки среди боевого оружия наибольшей популярностью у енисейских кыргызов пользовались луки со стрелами. Даже полностью закованные в доспехи копьеносцы становились при необходимости лучниками, не говоря уже об основной массе легких всадников.

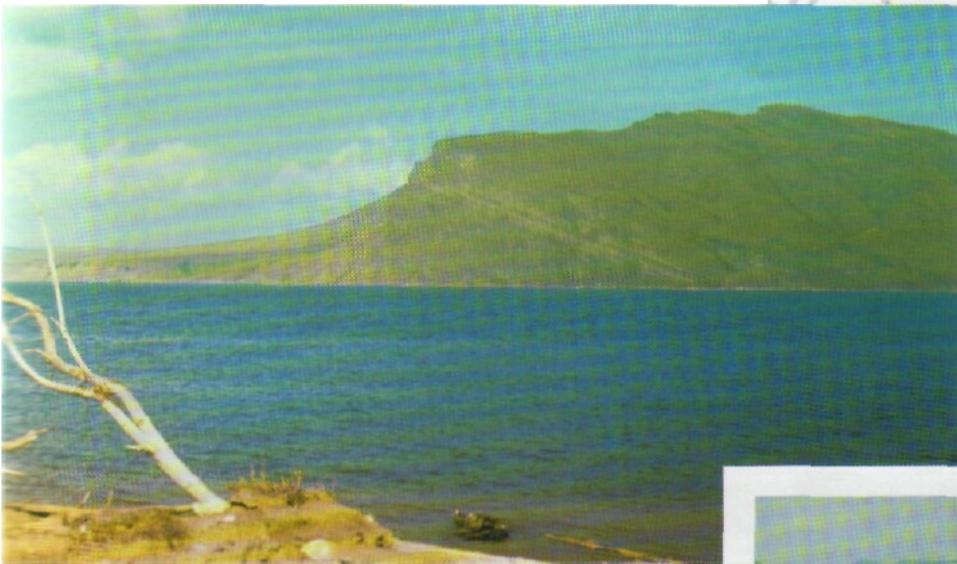
Непрерывной деталью кыргызского защитного вооружения были щиты. По своему устройству и форме они практически тождественны тюркским. Такие щиты надежно защищали от вражеских стрел. Подтверждает это знаменитый согдийский щит, найденный на горе Муг в Средней Азии. На его поверхности отчетливо видны следы от ударов не менее десяти трехлопастных стрел, при этом ни одна из них не проникла в древесину более чем на полсантиметра. Все следы сосредоточены ближе к центру щита. Вывод очевиден - его владелец отличался удивительной реакцией, искусно закрываясь от летящих в него стрел.

Основу военной тактики у енисейских кыргызов составляла серия непрерывных нападений легковооруженных конных лучников, действующих в рассыпном строю. Лучники пытались вывести из строя не столько защищенных латами ионном, сколько их лошадей. С кочевником, потерявшим своего скакуна, справиться было гораздо проще — на земле он чувствовал себя не слишком уверенно. Эти летучие отряды вели разведку боем и умело имитировали бегство, заманивая врага на копья конных латников. Временами они укрывались за утим живым щитом, чтобы пополнить свой боезапас. В искусстве джигитовки степная кавалерия не имела себе равных. Прекрасные наездники, на всем скаку и в любом направлении поражающие цель и бьющие из лука с обе-

их рук, — такие воины были опасны в атаке. В задачу легковооруженных отрядом входило также преследование бегущего противника, так как латники на своих бронированных лошадях заметно уступали им в подвижности.

Как мы уже упоминали, основываясь на китайских письменных источниках, в конце 1-го тысячелетия армия енисейских кыргызов набиралась из ополченцев, представлявших все подчиненные им племена. Более всего это ополчение напоминало ранние европейские армии эпохи феодальной раздробленности. Военные отряды родовой аристократии объединялись вокруг вождя, носившего титул «ажо». Часть легковооруженных подразделений формировалась только из зависимого населения — кыштымов. Естественно полагать, что уровень воинской дисциплины в таких объединениях оставал желать лучшего — наверное, в этом кроется одна из причин, по которым кыргызы нередко терпели поражения от соседей.

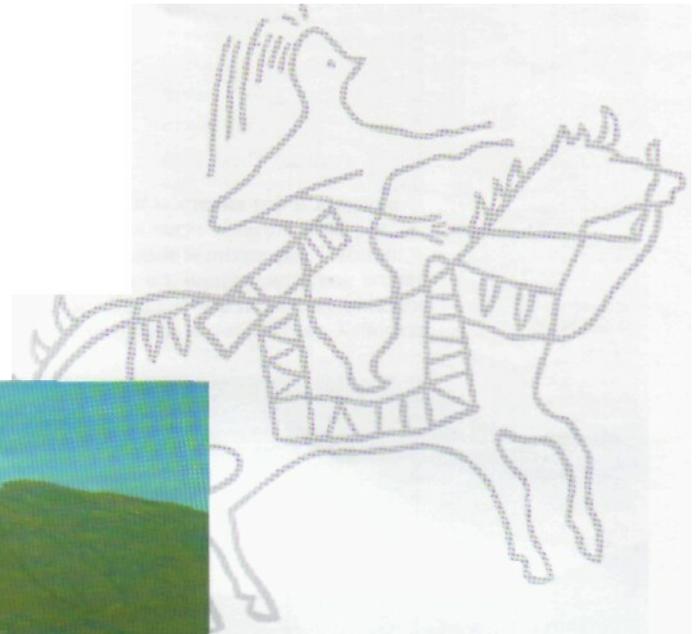
Осознав необходимость перемен, они приступили к реорганизации армии. После того, как в 820 году ажо присвоил себе титул кагана, провозгласив независимость Кыргызского каганата от уйгуров, Войско кыргызов централизовалось. Оно было разбито на боевые единицы, количество людей в которых делилось на десять (тут, видимо, пригодился опыт хуннов и тюрков). Наиболее крупные формирования, численностью не менее 10 тысяч человек, возглавили члены правящей династии, родственники кагана. Что же касается легкой кавалерии кыштымов, то она осталась под началом родовой аристократии. В XI—XII веках, в связи с мощными центробежными тенденциями, разрывавшими каганат на части,

постепенно развалилась и армия. Вместо единой армии теперь было множество самостоятельных войск, подчинявшихся исключительно местникам отдельных областей. Не было как такового государства — не стало и армии.

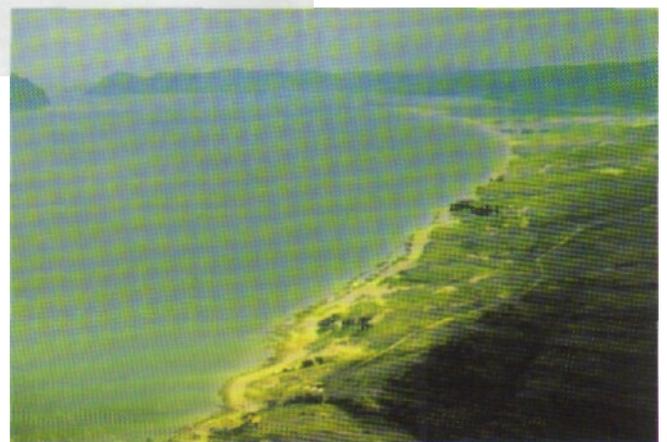
В XIII веке, после подчинения кыргызских княжеств нукерами Джучи-хана, кыргызское войско вошло в состав монгольских сил. Монголы не захотели даже менять десятичный принцип его организации, видимо, потому что он был близок собственно монгольской системе. Сохранили кыргызы и прежнюю схему управления. В период правления монгольской династии Юань⁴ кыргызские части несли охрану бывшей столицы чингисидов Каракорума, участвовали в междоусобных войнах потомков Чингисхана Хубилая и Хайду, а в 1293 году были окончательно разгромлены юаньским полководцем Тутухой.

Население Минусы за эти годы резко сократилось, здесь уже не насчитывалось и одного тумена (10 тысяч) полноценных воинов. Многие семьи (свыше 700) в качестве военных поселенцев были отправлены на территории Китая и Маньчжурии. Как показывают археологические источники, население Среднего Енисея в течение XIII века, в сущности, потеряло свою самобытность, растворившись в соседних средневековых культурах.

а

б

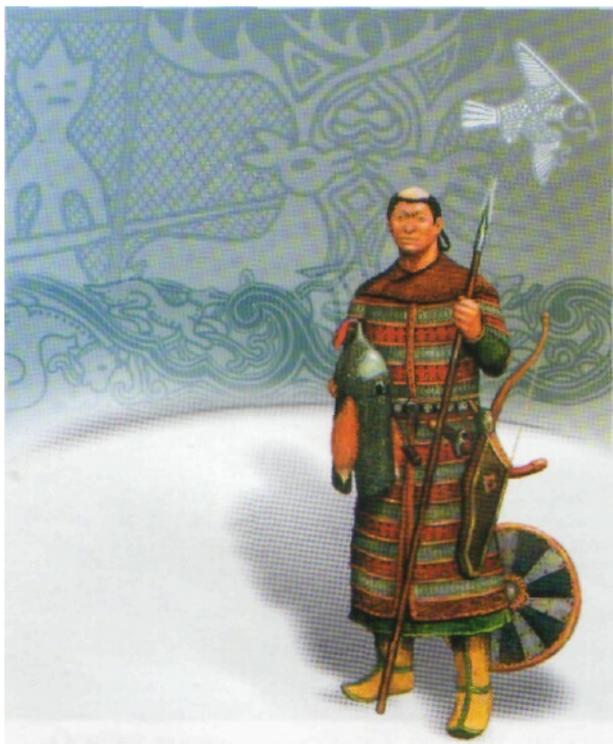

15

Рис. 15. Среднее течение реки Енисей. Холодные воды текут меж склонами гор Тепсей и Оглахты (а). Здесь, на маленьком прибрежном степном пятачке (и) у подножья Тепсея, оставили свои памятники жители древней Минусы. Через реку они видят склон горы, в утреннем свете похожий на человеческое лицо. И может, неслучайно здесь расположены сооружения почти всех известных в Минусинской котловине археологических культур - оградки эпохи бронзы, тагарские курганы, таштыкские склепы, и одним из которых встречены обугленные планки с батальными сценами, каменные кольца погребений енисейских кыргызов, наскальные рисунки

Глава 7

И сыпались стрелы дождем...

Нет, наверное, другого народа, который бы оставил столь глубокий след в истории кочевой и земледельческого населения Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, Восточной Европы; народа, о котором так много написано и так мало, в сущности, известно. Мы имеем в виду монголов. Может быть, и не стоило бы вслед за сотнями авторов повторять уже тысячу раз пересказанные и прокомментированные тексты Плано Карпини и Гильома де Рубрука¹, если бы не скудость археологических источников, порожденная страшным разорением тех территорий, где смерчем проходили монголы, и если бы не та выдающаяся роль, которую сыграли они в развитии кочевого военного дела. При беглом взгляде кажется, что они не принесли с собой ничего оригинального, что все методы военных действий и набор оружия, применявшиеся монголами, были известны степным воинствам задолго до появления этих завоевателей на исторической арене. Усовершенствовав оружие, монголы отточили эти приемы и, создав целую школу ведения войны, подняли военное искусство кочевых народов до вершинного уровня.

Зимой 1207 года войска Джучи, старшего сына Чингисхана, пройдя но крепкому льду замерзшего Енисея вдоль обрывистых утесов Саянских гор, вторглись и Южную Сибирь и подчинили енисейских кыргызов, равно как и все "лесные народы" Саяно-Алтая. С этого момента начинается монгольский этап в истории Сибири. Когда Чингисхан в 1224 году делил между сыновьями завоеванные земли, огромная территория, включавшая и юг Сибири - Тыву, Минусу, Горный Алтай, отошла в собственность улуса Джучи². Любопытно, что следы монголов археологами найдены на этих территориях пока не везде. Например, их нет в западно-сибирской лесостепи и к северу от нее. Но, конечно, и этот край не оставался в стороне от бурных событий тех лет. Грозное эхо кровавых столкновений, происходивших южнее, докатилось до самых глухих таежных закоулков, куда в страхе перед завоевателями хлынули массы кочевого тюркоязычного населения.

Триумф монгольского оружия заставил народы, на себе испытавшие его силу, относиться к нему, как к образцу для подражания. Именно это оружие во многом определяет облик описываемой эпохи.

Рис. 1. Монголия — страна гор и высоких равнин. Большая часть монгольских рек, являясь верховьями великих рек Сибири и Дальнего Востока, направляет свои воды к Северному Ледовитому и Тихому океанам. Западная Монголия. Сомон Мунх-Хайерхан

1

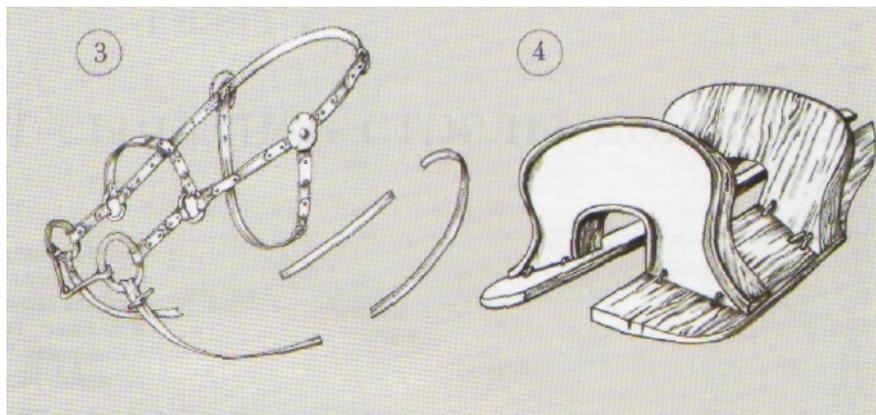

Рис. 2. Монголо-татарские шлемы («дулга»), продолжая традиции характерных для Центральной и Восточной Азии типов боевых наголовий, были весьма разнообразны по форме (от почти полушаровидной до сильно вытянутой сфероконической). XIII - XIV вв. Горный Алтай. БКМ

2

Рис. 3. Конструкция удил с плоскими круглыми кольцами и уздечки с ремнями, украшенными плоскими железными накладками. XII—XIII вв. Реконструкции по материалам ияматников эпохи раннего средневековья и этнографическим данным Западной Сибири и Саяно-Алтая

Рис. 4. Жесткий деревянный каркас и железная оковка верхнего края передней луки седла монгольской эпохи. Реконструкция по материалам средневекового могильника Сопка-2, западно-сибирская лесостепь, раскопки В. И. Молодина. XII—XIV вв.. Красноярский край

Изменения в военной технике коснулись и устройства упряжи верхового коня. Вместо сложной в изготовлении системы управления лошадью с помощью удил с псалиями¹, повсеместно распространилась надежная и технологически простая конструкция с большими внешними кольцами — трензелями. Они свободно закреплялись на концах удил, а к ним уже приклепывались ремни оголовья и подвязывался повод. Удила и уздечки, таким образом, приобрели современный вид в монгольское время.

Заметно модифицировались, сравнительно с общепринятыми тюркскими, и жесткие деревянные каркасы седел. Теперь луки седел делались из массивных досок, необходимых для того, чтобы получилось более широкое основание. Такое устройство лук позволило сблизить между собой доски полок и уложить их на спину лошади, а главное — уменьшить давление всадника и его снаряжения на ребра животного. Это одна из причин стремительности монгольских атак.

Монгольское метательное оружие было почти идеальным. В это время появились луки с фронтальной роговой накладкой, по форме напоминающей широкое уплощенное весло байдарки. Подобные детали так и называют — «весловидными». Распространение этих луков в эпоху средневековья многие археологи напрямую связывают с монголами, нередко даже именуя их «монгольскими». У нового оружия по-иному работала кибить. Весловидная накладка, увеличивая сопротивление центральной части оружия на излом, в то же время не снижала ее относительной гибкости. Накладка часто врезалась в рукоять лука, что обеспечивало лучшее сцепление деталей и более высокую прочность самого оружия.

Кибить лука (ее длина у готового изделия достигала 150-160 см) собиралась из разных древесных пород. Изнутри она дополнительно усиливалась пластинами, вырезанными из отваренных до мягкого состояния полых рогов парнокопытных — козла, тура, быка. С внешней стороны лука, вдоль всей его длины, на деревянную основу приклеивались сухожилия, взятые со спины оленя, лося или быка, которые наподобие резины имели способность при приложении силы растягиваться, а потом вновь

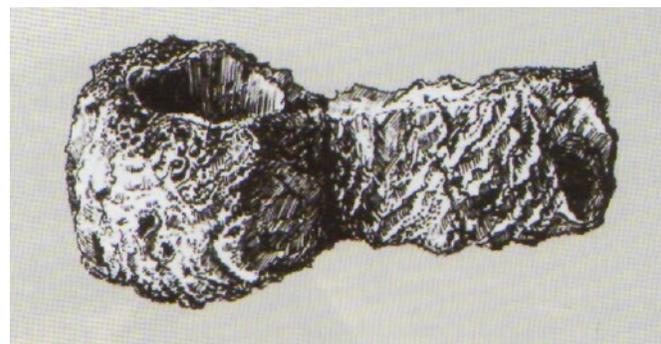
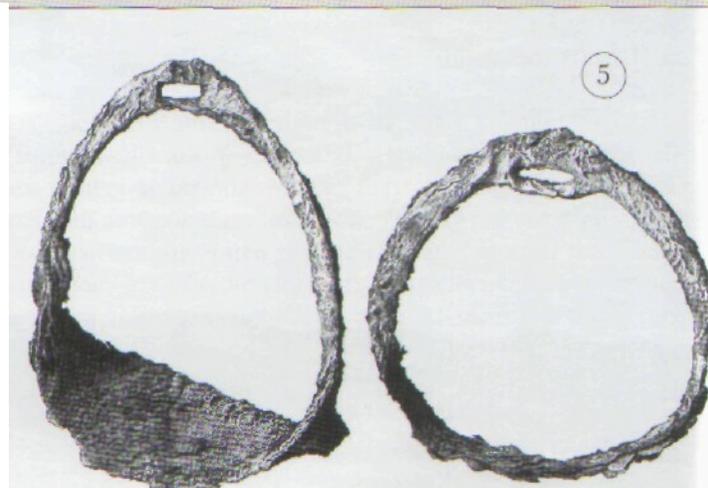
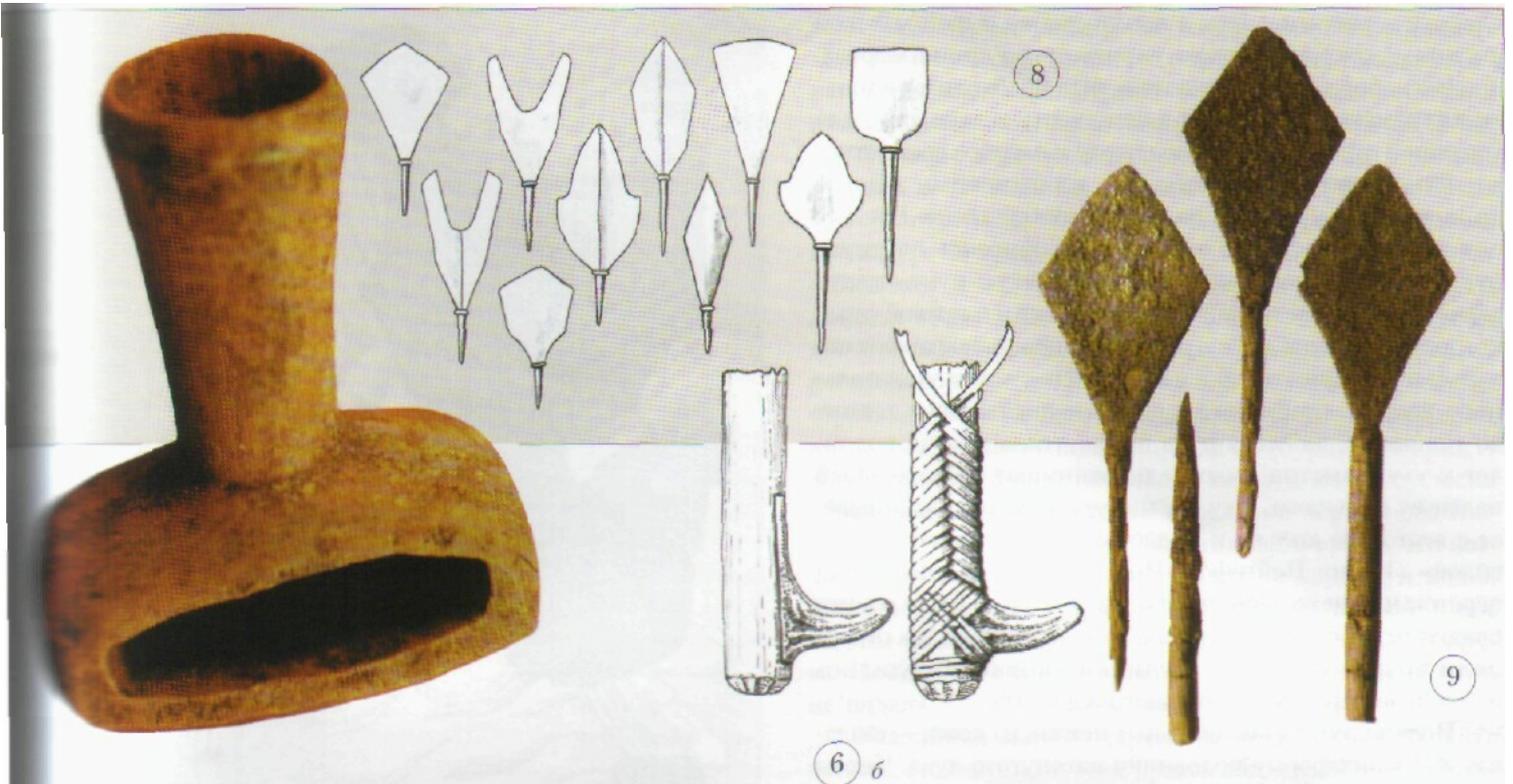

Рис. 5. Стрелена. В первой четверти 2-го тыс. н. э. они широко распространяются среди кочевого населения Евразии, Вторая четверть 2-го тыс. н. э. Могильник Сопка-2, Новосибирская область. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 6, а, б. Крючки на рукояти плетки-камчи предназначены для того, чтобы она не выскальзывала из рук. Надетые на тыльный конец деревянной рукояти плетки, они превращали её в комбинированное оружие. Крючки делались из железа (а) и рога (б). XIII—XIV вв. Могильник Сопка-2, Новосибирская область. Раскопки В. И. Молодина

7 *Рис. 7.* Этот роговой держатель, в котором крепилась волосяная кисть, подвешивался под мордой лошади и служил знаком доблести, воинских заслуг и общественного положения хозяина. XIII—XIV вв. Могильник Сопка-2, Новосибирская область. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

8 *Рис. 8.* По сообщению Плато Карпини: «Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча», а те из них, что использовались «...для стрельбы птиц, зверей и безоружных людей, в три пальца ширины». Все наконечники - плоские в сечении. Их перо в большинстве своем асимметрично-ромбической формы с наибольшим расширением в верхней трети. Многие имеют прямую, тупоугольную или выпуклую полукруглую поражающую часть. За характерный абрис их называют срезни. Несколько реже встречаются наконечники, откованные в форме широкой развилки с остро отточенной внутренней вогнутой частью, — двурогие, или развилчатые, срезни. На охоте развилчатые срезни применялись для стрельбы по птице, а и бою, по некоторым сообщениям, ими метились в тетивы вражеских луков. Вообще же, все массивные наконечники предназначались для поражения лошадей и не защищенного доспехами противника. Они были устроены так, что даже при касательном попадании меняли направление движения, вонзая в тело. При этом травма наносилась чрезвычайно серьезная. Многие крупные монгольские наконечники имели зигзагообразное или, как его иногда называют, «молниеобразное», сечение. Плоскости их пера как бы смещены относительно друг друга по оси симметрии, и одна половинка пера чуть-чуть выступает над другой. Высказывалось мнение, правда, ничем не подтвержденное, что такие наконечники вращались в полете. Москва, ГИМ

сокращаться. Процесс наклейки сухожилия имел особое значение, ибо от него в немалой степени зависели боевые возможности лука. У бурятских мастеров, луки которых более всего напоминают древнемонгольские, он занимал от нескольких дней до недели, так как каждый последующий слой наносился только после полного высыхания предыдущего. Работа завершалась, когда толщина сухожильного слоя достигала полутора сантиметров. Готовый лук после этого оклеивался берестой, стягивался в кольцо и сушился — сушка продолжалась не менее года. Вообще, для изготовления такого оружия, включая предварительную сушку заготовок для кибитки, требовалось не менее двух лет. Учитывая высокую трудоемкость этого «производства», понятно, почему воины относились к своему оружию столь трепетно.

Тем не менее луки оставались довольно хрупкими и часто ломались. Монгольским воинам приходилось брать с собой, согласно свидетельству Плато Карпини, "два или три лука, или, по меньшей мере, один хороший".

Наверное, запасались они и дополнительными тетивами.

Дело том, что материалы, из которых они делались, поразному вели себя в различных климатических условиях.

Так, тетива из скрученных бараньих кишок, прекрасно служившая в теплый летний день, не выносила осенней

9 *Рис. 9.* Массивные ромбические проникатели способны были нанести серьезное ранение. Узкие массивные наконечники проникали сквозь плетение кольчуги, а на ближней дистанции, с силой выпущенные из монгольского лука, способны были пробить и другие типы панцирей. Эпоха развитого средневековья. Могильник Усть-Анга. Прибайкалье. Раскопки И. В. Асеева

слякоти и растягивалась, а вытянутая на сырой конской шкуры — сохраняла свою упругость во время мороза. То есть набор таких «запчастей» был необходим не только для замены пришедшей в негодность детали, но и для успешной стрельбы в любую погоду и в любое время года.

Луки натягивались способом, изобретенным задолго до появления монголов на исторической арене. Вот как описывает этот способ очевидец: «Собираясь натянуть лук, берут его несколько на откос в левую руку, кладут тетивуза агатовое кольцо на большой палец правой руки, которого передний сустав загибают вперед, сохраняют его в этом положении в помощь среднего сустава указательного пальца, прижатого к нему, и натягивают тетиву до тех пор, пока левая рука вытянется, а правая подойдет к уху; наметив свою цель, отнимают указательный палец от большого, и ту же минуту тетива соскальзывает с агатового кольца и кидает стрелу со значительной силой» (Иоанн Нейгофф). При этом использовался наперсток или чехольчик из шкуры, по это не было общим правилом. Постоянные упражнения в стрельбе так огрубляли кожу, что многие лучники вполне обходились и без этого предохранительного элемента.

Носили луки в специальных чехлах из кожи - саадаках, имевших форму половинки натянутого лука. Чехлы иногда не имели наглухо зашитую дна, и рожок лука, как бы провалившись, торчал наружу. Логика такого устройства до конца не понятна, возможно, в этом случае натянутый лук дополнительно закреплялся в отверстии и уже не мог выпасть во время конного боя. Налучья носили как на левом, так и на правом боку, все зависело оттого, какой рукой воин предпочитал держать оружие.

Практически все письменные источники отмечают высокую технику стрельбы монгольских воинов. «С ними очень опасно начинать бой, так как даже в небольших стычках с ними так много убитых и раненых, как у других в больших сражениях, Это является следствием их ловкости в стрельбе из лука, так как их стрелы пробивают почти все виды защитных средств и панцири», - писал армянский царевич Гайтон и 1307 году. Столь успешная стрельба во многом обусловлена особыми свойствами наконечников монгольских стрел. Эти наконечники поражают своими исполинскими размерами: некоторые из них почти с ладонь взрослого человека. Их можно было бы принять за наконечники дротиков,

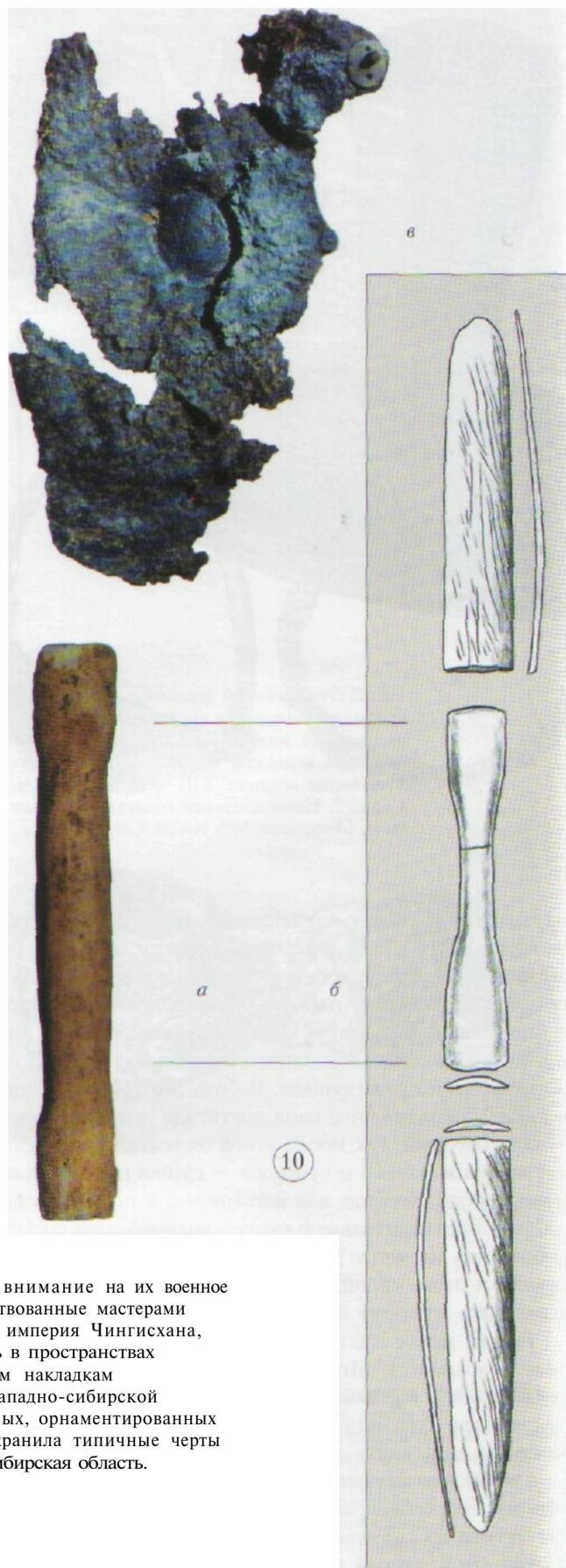
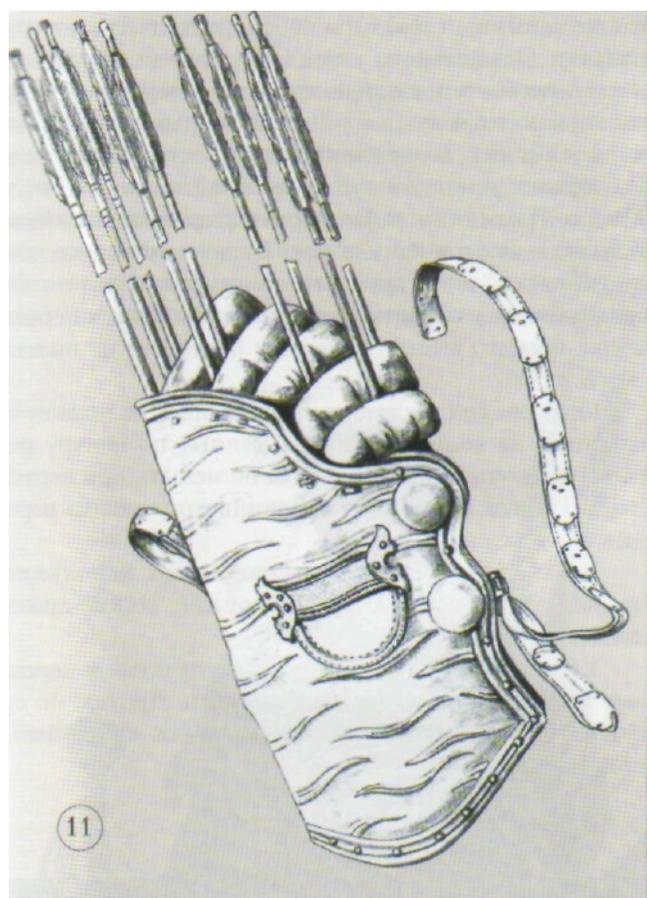

Рис. 10. а—в. Победы монгольских войск заставили обратить особое внимание на их военное искусство, оружие и костюм. Образцы, повторенные и усовершенствованные мастерами других народов, еще долго встречались даже тогда, когда распалась империя Чингисхана, исчезли улусы его далеких потомков, а сами монголы растворились в пространствах подвластных земель. Луки монгольского типа, судя по фронтальным накладкам с характерными лопастями на концах, оставались в руках воинов западно-сибирской лесостепи в XVI—XVII вв. (а, б). Свои стрелы они носили в кожаных, орнаментированных тиснением и бронзовыми накладками колчанах, форма которых сохранила типичные черты монгольских образцов (в). а, б, в — могильник Абрамово-4, Новосибирская область. МА ИАЭТ СО РАН, НГКМ

если бы не характерная форма и не то обстоятельство, что находят их в колчанах вместе с другими, «нормальными», наконечниками стрел. Древо стрелы, оснащенной таким пронкательем, достигало почти сантиметровой толщины.

Стрелы с массивными срезнями целесообразнее было пускать в противника по навесной траектории. Такая манера стрельбы сохранялась до недавнего времени в культуре кочевого монголоязычного населения. Вот как описывает ее Н. Витсен, побывавший у бурятов: «...на лошади сидят низко, что они делают для того, чтобы легче поворачивать лук в направлении от врага, затем резко поворачиваются к нему для выстрела, но всегда стреляют вверх так, что стрела надает прямо сверху вниз, когда имеет наибольшую силу, как он (бурят-кочевник — А. С.) мне наглядно показал и как это математически обосновывается. При спуске стрелы он держал оба глаза открытыми... и так умел рассчитывать время, что когда выстреливал вторую стрелу после первой, я видел несколько раз, как вторая почти касалась первой, и обе стрелы падали одновременно, очень близко друг от друга. Поистине, я бы не поверил этому, если бы я этого не видел».

Указанная манера стрельбы позволяла поражать воинов, стоящих в глубине вражеской строя: они, в большинстве своем, латами не пользовались. Что касается панцирных ратников, то против них монгольские батыры использовали массивные трех-, четырехгранные или круглые в сечении бронебойные наконечники. Некоторые четырехгранные наконечники ковались с широким прямым лезвием и скошенным на одну сторону острием.

В колчанах монгольских воинов встречались и небольшие ромбовидные наконечники, популярные еще у тюрков. Знаменитые в прошлом трехлопастные пронкательи в монгольское время были крайне редки. Железные наконечники стрел иногда снабжались костяными

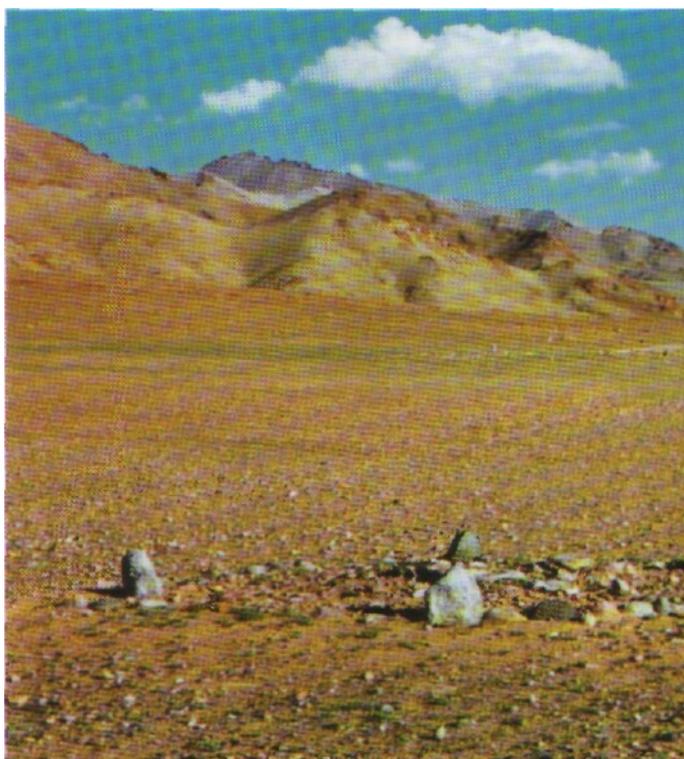
Рис. 11. Кожаные колчаны такой сложной формы выкраивались из нескольких кусков толстой кожи. Крупные экземпляры дополнялись карманом, в котором хранились нож, запасные тетивы, плеть. Некоторые колчаны собирались на жестком деревянном каркасе и имели несколько отделений для удобного размещения стрел и защиты их оперения. Эпоха развитого средневековья. Монгольский исторический музей. г. Улан-Батор

Рис. 12, а-в. Лицевая поверхность берестяных колчанов монгольского времени покрывалась орнаментированными рогами накладкими. Иногда она украшалась накладными фигурными бляшками, тисненым или процарапанным лезвием ножа орнаментом. XIV в. а — реконструкция по золотоордынским материалам Поволжья; б, в — по Н. В. Малиновской, Г. А. Федорову-Давыдову

"свистунками". Их изготавливали в форме совмещенных конусов. С трех сторон в них проделывались круглые, овальные и прямоугольные (ранее не встречавшиеся) отверстия. Последние были характерным признаком эпохи и просуществовали почти до наших дней — например, у бурятов. Легко представить себе впечатление от сыпавшихся с неба свистящих стрел.

Как пишет Плато Карпини, каждый монгольский лучник имел при себе «три больших колчана, полные стрелами». Колчаны по-прежнему делались из бересты и вмещали примерно 30 стрел. Некоторые снабжались «карманом» и были аналогичны тюркским и кыргызским. Другие изготавливались в форме цилиндра, слегка расширенного к краям. Стрелы в них закрывались от непогоды специальным чехлом — тохтуем. Встречались и традиционные трапециевидные футляры. Расположение стрел в колчане отличалось разнообразием — наконечниками вверх, вниз и даже в разные стороны. При этом стрелы с редкими трехлопастными проникателями всегда помещались острием вверх. Колчаны украшались роговыми накладками с геометрическим орнаментом и изображениями животного и растительного миров.

Рис. 13. В Монголии насчитывается свыше тысячи постоянных водоемов, 16 из которых имеют площадь более 100 кв. км, и бесчисленное количество временных, возникающих в период дождей. Самые крупные озера страны разместились в полосе равнин между хребтами Монгольского Алтая и горными районами Хангая в широких межгорных понижениях, которые получили названия Котловины Больших озер и Долины озер

13

Кроме описанных колчанов, стрелы хранились и в кожаных футлярах, по своей форме напоминающих налущья. Одна сторона у них была прямая, другая имела несколько выступов или полукруглых вырезов. Их образцы хорошо известны по многочисленным изображениям на китайских, персидских, японских миниатюрах. Их можно увидеть и в Оружейной палате Кремля в Москве среди этнографических материалов Забайкалья, Южной и Восточной Сибири. Дальнего Востока, западно-сибирской лесостепи, относящихся к эпохе позднего средневековья. Стрелы располагались и в оперением вверх, нередко выступая наружу более чем на половину своей длины.

Колчаны со стрелами подвешивались на правом боку наклонно за колечки, расположенные по центру ребра (нижним концом вперед, чтобы не мешать при верховой езде). Иногда их с помощью длинного ремешка перекидывали через плечо.

В ближнем бою монгольские воины использовали древковое ударное и колющее оружие: легкие дротики, копья, пальмы, топоры, булавы.

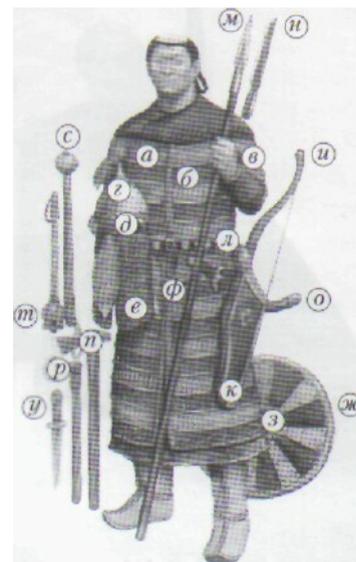
У дротиков были небольшие втульчатые и черешковые железные наконечники с шипами. Дротик, по сути, оставался вспомогательным оружием боя на средней дистанции.

Рис. 14. Каменистый полупустынный пейзаж типичен для межгорных котловин и предгорий юго-востока Алтайского горного массива, постепенно переходящего в цепь низких разрозненных хребтов, получивших название Гобийского Алтая. Эти места с древнейших времен были обжиты человеком, который везде оставил следы своего пребывания. Погребальный комплекс раннего железного века. Монгольский Алтай

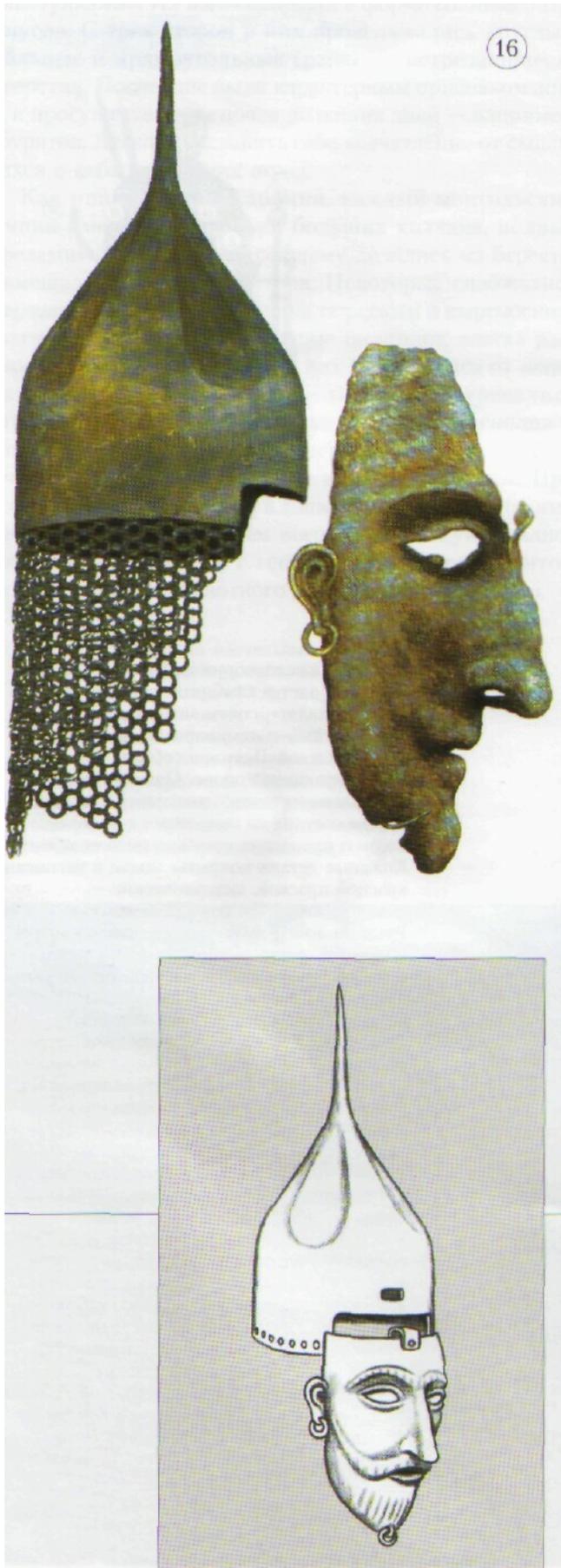
14

При той великолепной, отмечаемой практически всеми современниками, технике лучного боя в легких метательных копьях монгольская конница особенно не нуждалась. При этом наконечники монгольских копий, используемых при таранном ударе тяжелой кавалерии, отличались немалым разнообразием. Согласно сведениям Плано Карпини, некоторые воины «на шейке железа копья имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла». Для монголов характерны «универсальные» копья, которыми и панцирь пробивали, и легковооруженного противника с коня сбрасывали. У их наконечников было длинное узкое перо в виде

Рис. 15. Тяжеловооруженный монгольский воин. Он одет в комбинированный панцирь покроя «халат», сочетавший в себе ламеллярный и ламинарный принципы бронирования. Панцирь собран из чередующихся полос. Одна из них составлена из узких панцирных пластинок (а), другая состоит из склеенных в несколько слоев и прошитых широкими кожаных лент (б). Кожаные детали покрыты лаком и расписаны красной краской, металлические — отполированы. Панцирь запахивается спереди. Руки по локти закрываются оплечьями (в). Шлем (г), который воин держит в руке, высокой сфероконической формы. Он украшен накладными боковыми пластинами (с фигурной вырезой) (д). Бармица — кольчужного типа (е). Дополняет защитное вооружение щит (ж), сделанный из гибких прутьев, — они соединены сплошной обвязкой из нитей. В центре щита — металлический умбон (е). Оружие дальнего боя представлено луком (и) и стрелами с массивными наконечниками. Нижний конец налучья (к), слева прикрепленного к специальному поясу (л), направлен вперед, чтобы не создавать помех при верховой езде. Оружие среднего и ближнего боя включает в себя копье (м), пальму (н) (показан лишь наконечник без древка), кривую саблю (о), топор с молоточком на обушной части (и), топор с круглым лезвием (р), булаву (с), шестопер (т), кинжал (у) и нож (ф). XIII—XIV вв. Реконструкция по материалам Монгольского исторического музея, Бийского исторического музея, тебризских миниатюр, МА ИАЭГ СО РАН

Рис. 16. Среди древностей юги-востока европейской части страны изредка встречаются сфероконические шлемы со шпилем и железными масками-личинами, изображающими горбоносые лица с каплевидными глазами, широкими бровями и загнутыми вверх усами. Относительно этих находок высказывались разные мнения. Одни исследователи считают, что эти предметы носили бугафорский характер и не использовались в бою, другие связывают их с оружейной традицией Древней Руси и кочевников Восточной Европы. В последние годы М. В. Горелику удалось доказать, что шлемы с железными личинами следует связывать с монголами. Антропологический тип, который передает металлическое лицо, отражает «древний алтайский идеал мужгероя», который «продержался в Азии, несмотря на смену народов, языков и рас, без изменений с V в. до н. э. по XV в. н. э.». В бою, по его мнению, «эти шлемы производили исключительно неприятное впечатление на врага». И дело не только в «мертвом» металлическом лице, взирающим на противника живыми глазами, но и в том, что чужой антропологический тип может выглядеть угрожающе. Античные писатели подчеркивали отталкивающее впечатление, которое производил на европеоидных римлян монголоидный облик гуннов. У многих коренных народов Северной Азии, принадлежащих к монголоидной расе, такие же эмоции вызывали встречи с европейцами, которых они называли людьми с птичьими глазами и носами. Нарядные шлемы с масками не были рядовым оружием и принадлежали военным предводителям, которые должны были выделяться среди подчиненных, выглядеть в любой ситуации бесстрастно и уверенно. XIII—XIV вв.

ромба или треугольника. У треугольных — втулка как у пики, плавно переходила в острие. Различалось лишь сечение острия — у пики оно представляло собой многогранник. Наконечники копий с широким пером рассчитанные на бой с не прикрытым латами всадником встречаются сравнительно редко. В таком бою применяли, похоже, другую разновидность древкового оружия — пальму. Пальмой называют массивный нож, закрепленный на конце длинного, почти как у копья древка. Заимствованные у таежных охотников, пальмы являлись одновременно колюще-рубящим оружием.

Топоры, по всей видимости, не пользовались у монголов большой популярностью, хотя Плано Карпини помещает их в список обязательного для монгольского воина оружия. Они делятся на несколько типов. Одни очень напоминали современные плотницкие проушные. топоры — только без бородки и без вытянутого в сторону рукояти обуха. Другие — с молоточком на обушной части — уже встречались нам в боевом арсенале кыргызов. Третьи крепились к рукояти с помощью черешка и имели округлое, секторовидное лезвие. По мнению М. В. Горелика, такие топоры следует относить к мета-

тельному оружию. Вероятнее всего, они не были боевыми, а сообщали информацию о социальном статусе владельца - наподобие небольших секир, которые носили рынды - великокняжеские и царские телохранители-оруженосцы XIV - XVII веков. Наверное, именно поэтому находки подобных топоров единичны.

Древним, проверенным временем булавам тоже нашлось применение на поле боя. Их изображения нередки среди персидских миниатюр, да и археологам попадаются в руки железные навершия в форме уплощенного шара. Такой шар крепился на длинной рукояти, снабженной

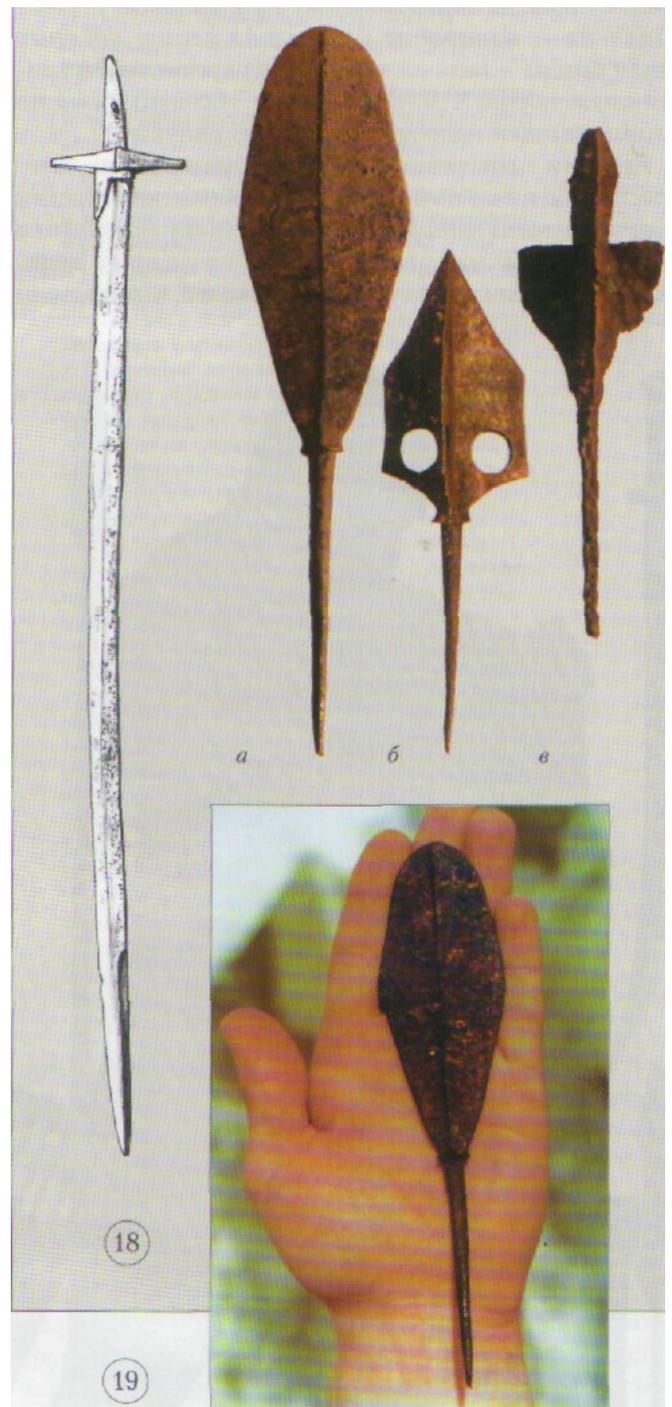
Рис. 17. Примерно так мог выглядеть монгольский воин XV - XVI вв. Для защиты тела он использует бригандину (а), которая с XIV в. становится основным видом панцирной защиты. Шлем (б), сохраняя сфероконическую форму, целиком откован из одного куска железа. Бармица (в) сделана из толстой кожи, подбитой войлоком и простеганной прочной нитью. Из оружия ближнего боя изображены топор (з), сабля (д), рукоять которой продолжает линию лезвия. Такое устройство позволяло наносить удар двумя руками. Лук и стрелы, в соответствии с кочевнической модой, носят в специальных чехлах (е), сшитых из кожи и украшенных накладными бляхами и тиснением. Набор вооружения завершают копье (ж) с широким наконечником и несомкнутой втулкой и короткий нож (з), по самую рукоять утопленный в деревянные ножны. Реконструкция по находкам в Ачинско-Мариинской котловине и северо-западной Монголии

ременной петлей, куда продевалась рука. В дальнейшем - в целях повышения эффективности — гладкая ударная часть дополняется гранями и специальными ребрами-лопастями. Такую многолопастную конструкцию в русских дружинах называли «шестопер», или «пернач».

Основным средством ведения ближнего боя у монгольских нукеров⁵ были кривые сабли. Холодное клинковое оружие, как наиболее ценное, бойцы очень берегли, оно передавалось из рук в руки и по наследству - этим объясняется то, что археологи находят его нечасто. Даже чужое оружие тщательно собиралось и уносилось победителями. А на покоренных землях, как горестно замечает Плано Карпини, оставались только "бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на полях". Собственно монгольские клинки были слабо изогнуты и снабжены пластинчатым перекрестием. Рукояти располагались под небольшим углом к лезвию или, как у японских мечей, как бы продолжали его линию. Клинковым оружием, прежде всего, пользовались наиболее состоятельные воины.

Защитное вооружение у монголов получило широчайшее распространение. Высказано даже мнение, что все монгольские воины были тяжеловооруженными, ибо имели надежные металлические и кожаные доспехи. По схеме изготовления они подразделяются на несколько видов. Это знакомые нам ламеллярные панцири, бригадины, крупнопластинчатые, ламинарные и комбинированные доспехи. Детали ламеллярных лат почти не отличались от тех, что защищали тела воинов Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху раннего средневековья. Крупнопластинчатые латы собирались из стальных прямоугольников и квадратов миллиметровой толщины, приклепанных горизонтальными рядами к ремням, которые потом связывались в единое полотно. "Армированные" ремни ярусами располагались друг над другом. В ином варианте панцирные пластины приклепывались к матерчатой или кожаной основе. При изготовлении бригадин, металлом подбивалась внутренняя сторона доспехов. Ламинарные латы делали из широких кожаных лент, склеенных, как правило, в несколько слоев и прошитых. Позднее, в XV веке, принцип соединения полос изменится: их перестанут привязывать

Рис. 18. Эта слабоизогнутая сабля, найденная в Кузнецкой котловине, имеет обоюдоострую колющую часть, специально сконструированную для эффективного пробивания мягких многослойных войлочных доспехов, которые невозможно было рассечь рубящим ударом. Несмотря на распространенное мнение, что такие клинки предназначены для борьбы с противником в жестких, в том числе металлических доспехах, вряд ли им были возможно пробить ламеллярный нагрудник. Под перекрестием клинка видна металлическая обома с длинным концом, опущенным вдоль лезвия. Она предназначалась для плотной фиксации оружия в ножнах и защиты последних от повреждения режущей частью. XII-XIV вв. НКМ

Рис. 19, а-в. Размеры этих трех наконечников - монгольского (а), кыргызского (б) и хуннского (в) показывают, насколько возросла мощь метательного оружия со времен Атиллы к эпохе Чингисхана. а - XIII-XIV вв. Горный Алтай, раскопки П. В. Полосьмак, МА ИАЭТ СО РАН; б - VIII-X вв. Минусинская котловина, находка в разрушенном погребении, МА ИАЭТ СО РАН; в - рубеж эр. Горный Алтай, раскопки Н. В. Полосьмак, МА ИАЭТ СО РАН

друг к другу, а начнут ковать из железа и приклепывать к промежуточным соединительным ремням, расположенным с изнанки. Комбинированные панцири представляли собой последовательное чередование ламинарного и ламеллярного наборов. Кожаные панцири покрывали лаком и расписывали зеленой, розовой, красной, оранжевой красками, а также украшали декоративной вышивкой. Металлические же панцири либо чернились, либо, наоборот, полировались до блеска так, «что человек может видеть в них свое лицо». Надо отметить, что такая полировка сокращала срок службы доспехов, но эстетика брала верх над целесообразностью. Мягкий металл доспехов проковывали в собранном состоянии, края пластин плотно прижимались друг к другу, а поверхность становилась твердой из-за поверхностного наклепа.

Своим покроем монгольские панцири напоминали длинный кафтан с разрезом сзади до самого крестца и с лопастями-оплечьями до локтей. Были и такие, что походили на кирасу, соединенную ремнями с оплечьями и набедренниками, — тип, знакомый нам еще по гунно-сарматскому времени. Подобные доспехи, собранные из жестких материалов, назывались у монгольских воинов «хуяг» и «худесуту хуяг», что означало: пронизанный, прошитый ремнями панцирь.

Подробное описание такого рода монгольских ламеллярных доспехов XIII века оставил Плано Карпини.

Согласно этому описанию, монгольские латы состояли из четырех частей. Нагрудник защищал переднюю часть тела от шеи до бедер и был сконструирован с учетом анатомии человека («согласно расположению человеческого тела»). От плеча до подмышек он прямоугольной лопастью прикрывал грудь, а ниже, расширяясь в обе стороны, охватывал бока («облегает кругло вокруг тела»). На спине помещался кусок аналогичной формы, который соединялся с нагрудником на боках застежками. На пле-

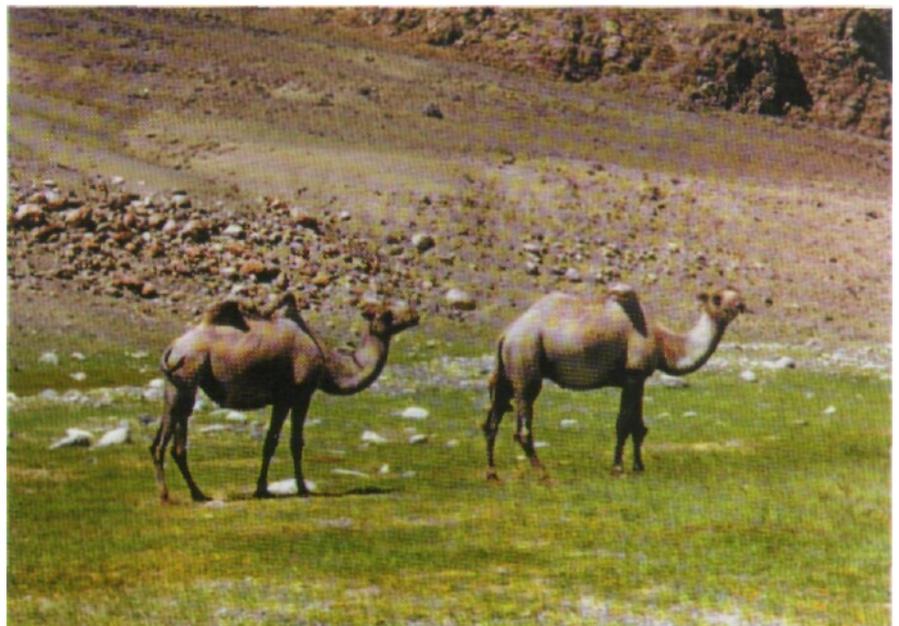
чах обе детали крепились друг к другу с помощью пряжек и железных дуг, огибающих корпус наподобие лямок. На руки от плеча до кисти надевались длинные наплечники, прикрепленные к тем же дугам, а на ноги — прямоугольные набедренники, продолжавшие внизу нагрудник.

Варианты этого типа боевой одежды различались длиной и формой частей. Кроме того, составной характер доспехов позволял использовать его частично.

Доспехи, похожие на халат, тоже допускали отклонения от основного шаблона. Одни были длиннополые, по самую щиколотку, другие — короткие (нечто средне-между пиджаком и курткой с короткими рукавами и третьи — с длинными, до кистей рук, оплечьями. Обычно оплечья, исполненные в прямоугольной или фигурной, похожей на древесный лист, форме, доходили только до локтей. С XIV века их конструкция меняется. Ламеллярные и ламинарные полотнища остаются в прошлом. Теперь оплечья представляют собой узкие металлические полоски, горизонтальными выступами наклепанные на несколько вертикальных ремней. Ремни же привязываются к выпуклым кованым пластинам, помещенным на плечи воина.

Кроме жестких лат, монголы использовали и «мягкие» доспехи. Они кроились из простеганных конским волосом и подбитых войлоком и железными пластинами тканей (называли их «хатангу дегель», что значит — твердый, крепкий халат), часто поддевались под жесткий нагрудник и были, вероятно, самой распространенной боевой одеждой. В XIII веке изнутри к ним стали подшивать крупные металлические пластины (в похожем варианте, под них помещали «бронезилеты», набранные из тех же крупных пластин). С внешней стороны, на груди и на спине, доспехи часто укреплялись металлическими накладными дисками — в русской оружейной

Рис. 20. В Заалтайском Гоби двугорбые верблюды до сих пор встречаются в диком виде. Местом разведения этих животных традиционно служат полупустыни. В империи монголов, по наблюдениям Гильома де Рубрука, верблюды использовались при форсировании рек. Они тянули высокие повозки со специальными сундуками, обернутыми черным войлоком, пропитанным салом, который делал их содержимое недоступным для влаги. Верблюды с попонами, транспортными и вьючными седлами признавались, по свидетельству Плано Карпини, достойным даром в ставке монгольских ханов. Монгольский Алтай

Рис. 21. Этот позднесредневековый шлем северокорейского происхождения сохранил многие черты монгольской эпохи - приостренную сфероконическую форму купола, собранного из секторов, узкие металлические накладки с узорчатыми краями, закрывающие места их стыков, обруч у основания шлема с фигурным, резным верхним краем, узорчатую налобную пластину с вырезами для глаз, подвершие на куполе шлема в форме перевернутой чаши с резными краями, длинный конический шпиль наверху с маковкой-шариком и конической трубочкой для султана. Круглые прорезные розетки-«мишени» на куполе шлема наследие центрально-азиатской домонгольской традиции, восходящей к китайским и тангутским шлемам X-XIII вв. Трехчастная бармица со скрытым бронированием высоко прикреплена к тулье. Её верхний край поднимается выше обреза шлема, и тулья получает дополнительное бронирование. Сам металлический купол шлема обтянут тканью. Династия Ли. Центральный исторический музей КНДР, г. Пхеньян

традиции их зовут зеркалами. В XIV Веке и позже крупнопластинчатые нагрудники и наспинники, соединенные на плечах и боках металлическими пряжками и дополненные тоже металлическими наплечниками и подолом, вместе с бригандиной, вытесняют почти все другие виды панцирной защиты. В это же время в комплект защитного вооружения все тире входит кольчуга, которая до того у монголов не была распространена.

Шлемы монгольского войска известны, и основным, по изображениям. Они имели знакомую нам по другим культурам сфероконическую форму, но с более низким, словно приземистым профилем. Ковались они, в большинстве своем, как и раньше, из нескольких (от двух до восьми) секторов, но стыковочные швы на куполе стали закрываться узкими пластинами с фигурно вырезанными краями. Несколько изменив технологию, монгольские мастера увеличили число ребер жесткости, попутно украсив свое изделие. Украшали его и резные фестончатые края металлической кольца, скреплявшего основание тульи шлема. Если накладные пластины были изготовлены из черного металла, то купол часто полировался - это добавляло нарядности. Бармицы делались, скорее всего, из кожи: «Шлем же сверху железный или медный, — цитируем Плато Карпини, — а то, что прикрывает кругом шею и горло, — из кожи. И все эти куски кожи составлены указанным выше способом», - то есть связаны ремешками из многослойных клееных пластин. Впрочем, археологическая картина рисуется несколько иной. У очень немногих дошедших до нас шлемов вдоль нижней края пробиты отверстия. Это означает, что у этих шлемов бармицу составляли куски кольчуги, один из которых защищал затылок, а другой - лицо; для глаз в основании тульи прорезались специальные полукруглые вырезы. Встречались и войлочные бармицы со смешанными кожанометаллическими наушами.

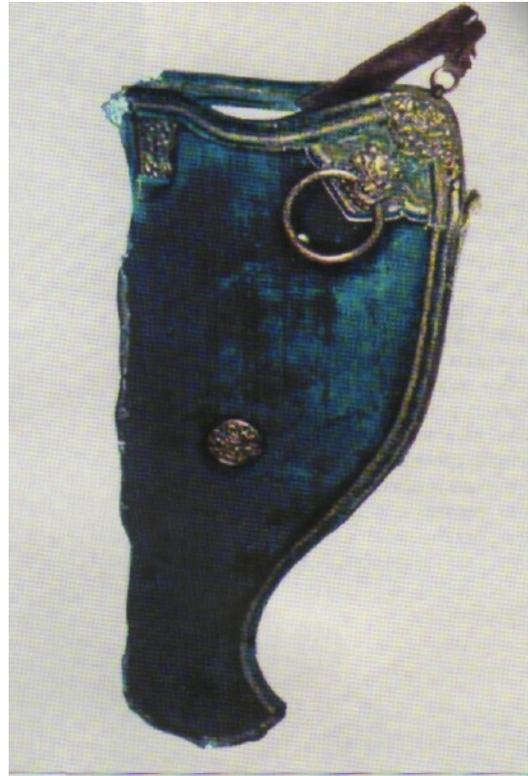
"Щит у них, — говорится в том же тексте, - сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили их иначе, как в лагере для охраны императора и князей, да и то только ночью". Такие круглые щиты сильно пружинили, легко гася удары клинкового оружия. В центре щита размещался традиционный металлический умбон. Для изготовления щитов использовались дерево и многослойная кожа.

Чтобы получить сведения о монгольской «вооруженной лошади», снова обратимся к труду Плато Карпини. По его описанию, конские доспехи делались по ламинарному принципу и представляли собой несколько крупных кусков, которые последовательно закрывали корпус боевого коня с обоих боков «от хвоста до головы и связываются у седла... сзади седла на спине и... на шее». Грудь лошади охватывал нагрудник; поверх крупа, над связками боковин, помешалась другая часть панциря - «в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост», — отмечает папский легат. И далее указывает длину панциря: «Все части простираются до колен

или до связей голеней". Шею лошади тоже защищал панцирный кусок, а морду - железная маска. Конечно, есть все основания полагать, что, кроме этого, конскими доспехами могли быть и проверенные временем войлочная стеганая попона, и металлический ламеллярный панцирь тюркского или кыргызского покроя.

Монгольское войско было организовано по десятичному принципу. Читаем у Плано Карпини: «О разделении войск скажем таким образом: Чингисхан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, но главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе тысячников был поставлен один, и это число у них называется тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному». Десятитысячные отряды именовались туменами, а их начальники (в русских летописях) - темниками. Все мужское население Монгольской государства было разделено па десятки, каждый из которых "выставлял, смотря по наряду, по одному, по два и более воинов, снабжая их назначенным продовольствием и потребностями в походе" (М. И. Иванов — один из первых профессиональных исследователей монгольского военного искусства).

Войско состояло из трех частей — центра и двух крыльев. Помимо собственно «полевых» частей у монголов формировались вспомогательные подразделения: тыловое обеспечение (прообраз интендантских служб), отряды, занимавшиеся прокладкой дорог, и разведгруппы. Кроме, этих групп, монголы имели целую «агентурную» разведывательную сеть, включавшую в себя и «легальных» разведчиков - купцов и послов. Уже тогда дипломатические и торговые связи служили надежными каналами сбора информации.

23

Рис. 22. Веками устоявшийся быт кочевников Центральной Азии меняется мало. Юрта, неприхотливая коренная лошадь монгольской породы, седло, уздечка и даже лук со стрелами, что и века назад, верно служат потомкам грозных завоевателей. Однако теперь стрелы свистят лишь на праздничных состязаниях, латы и сабли - атрибут костюмированных инсценировок. а традиционные предметы кочевого быта все чаще делаются из современных материалов

22

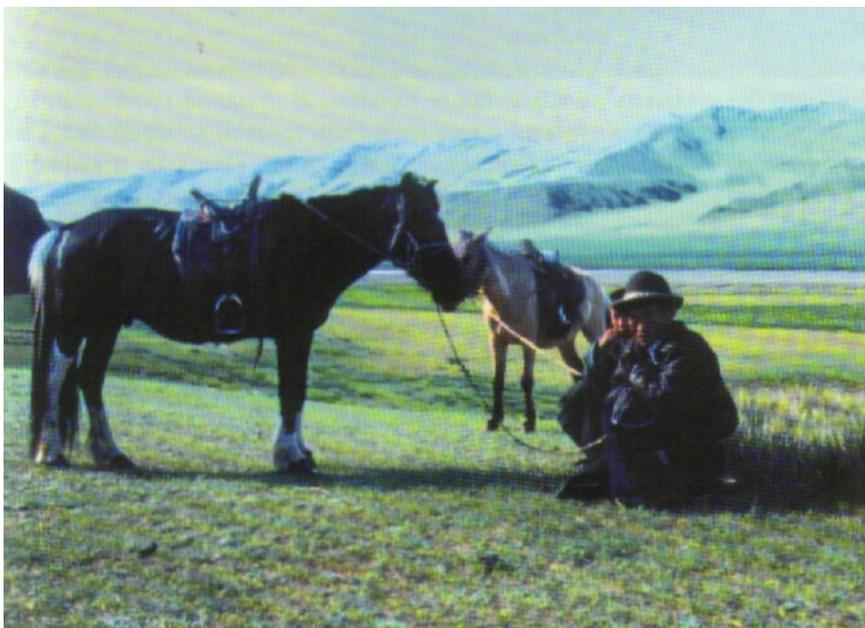

Рис. 23. Форма налучья в виде половинки натянутого лука возникла задолго до появления на исторической арене монгольских племен. Однако именно в монгольскую эпоху (вторая четверть 2-го тыс. н. э.) изделия данного типа получили повсеместное распространение. Это кожаное налучье, обтянутое дорогой синей тканью и украшенное металлическими чеканными накладками, несет в своем облике черты дизайнерских разработок монгольских мастеров. В подобных футлярах луки хранили в натянутом положении, что переводит эти изделия к разряд боевых, т. к. долго держать напряженную кибить с наброшенной тетивой было нельзя, — терялись её упругие свойства. Династия Ли. Центральный исторический музей КНДР. г. Пхеньян

Рис. 24. Монголия - страна, где седая старина и наследие древних культур мирно уживаются с традициями сегодняшнего дня. Пастухи с почтением относятся к древним святыням, нередко сооружают около них культовые постройки и возносят моления духам своих предков. У древних наскальных рисунков сложен невысокий каменный столб — «обо». Около таких каменных кладок, обычно устраиваемых на перевалах, высоких и заметных издали местах, вблизи древних троп и дорог, пастухи и путники оставляют приношения местным духам. Время сооружения подобных «обо» неясно. Урочище Антагол. Гобийский Алтай

24

Нравы и порядки монгольской армии были необыкновенно суровыми. Железная дисциплина, столь несвойственная кочевым отрядам, поддерживалась весьма жестокими мерами. Обратимся к свидетельствам Плано Карпини: «Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или два или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их тоже умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они тоже умерщвляются». Комментарии излишни. Вместе с тем не чолько кнут царствовал в монгольском войске. Заботу о воинах Чингисхан ставил очень высоко и того же требовал от своих командиров. «Подобает начальствовать войском тому, кто сам чувствует жажду и голод и соразмеряет с этим положением других, идет по дороге с расчетом и не допускает войско терпеть голод и жажду, а четвероногих отощать. На это смысл указывает: идите шагом слабейшего из нас».

Высокий профессионализм воинов достигался постоянными тренировками и их целенаправленной подготовкой, начиная с детского возраста. Дети в «два или три года от роду сразу же начинают ездить верхом, и управляют лошадьми, и скачут на них, и им дается лук соответственно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы». В немалой степени этому способствовал и сам военизированный кочевой быт. Это отмечали средневековые историки: «Родятся и вырастают на седле и на лошади, они сами собой научаются сражаться, потому что вся их жизнь круглый год проводится на охоте. Оттого у них нет пехоты, а все конница». Чингисхан любил повторять, что «зверовая охота — школа войны». На устраиваемые им облавы собирались участники со всей Монголии. Приехавшие на охоту считались на военном положении, когда всякая оплошность не говоря об послушании, строю наказывалась. Состав численность и даже вооружение подразделения охотников-облавы были практически идентичны воинским.

Отряды участников делились на правое и левое крылья и центр, со своими начальниками во главе. Использовались одни и те же приемы — окружение, нагон на засаду и в назначенные места, отсечение путей

отхода. "Когда нет войны с врагами, — говорится в "Великой Ясе" Чингисхана, пусть... учат сыновей, как гнать диких зверей, чтобы они навыкли к бою и обрели силу и выносливость, и затем бросались на врага, как на диких животных, не щадя",

У монголов совершеннолетие наступало в 13 лет, и с этих пор юноши несли воинскую службу и участвовал в облавных охотах. Первая охота была чем-то вроде инициации — обряда воинского посвящения. Бытовал и обряд помазания (натиранья мясом и жиром) пальца мальчика, впервые убившего зверя на охоте. Известно, что, когда Чингисхан смазал пальцы своим внукам Хулагу-хану и Хубилаю, впервые добывшим зверя, им было девять, соответственно, одиннадцать лет.

25

Рис. 25. Тяжеловооруженный монгольский всадник. Корпус его лошади закрыт двумя "броневыми" пластинами, собранными из длинных кожаных лент. На боках лошади они удерживаются переброшенными через спину ремнями, которые прикрываются сверху седлом и широкой армированной пластиной, помещенной поверх крупа животного (накрупник). На груди и под репицей хвоста боковые пластины свободно соединены между собой ремнями так, что, образуя некое подобие короба вокруг туловища лошади, не мешают ей двигаться. Грудь животного дополнительно прикрыта «фартуком» нагрудника. Шею защищает двучастный панцирный кусок (нашейник), морду — металлическая маска. **Реконструкция** по изобразительным материалам монгольского исторического музея г. Улан-Батора и описанию Плано Карпини

В период облав много внимания уделялось играм и различным богатырским утехам. Например, стрельбе из лука, борьбе, соревнованиям в физической силе (так, одно из них заключалось в том, что участники пытались голыми руками сломать берцовые кости животного). Сказители, как всегда, рассказывали предания и легенды, воспевали подвиги славных воинов.

Монголы серьезно готовились к войне и, прежде чем напасть, обстоятельно собирали о недруге все доступные сведения. Выявляли недовольных в рядах предполагаемого противника, не брезговали и подкупом, чтобы привлечь его на свою сторону. Вторжение начиналось глубокими рейдами по тылам врага нескольких отрядов, обходивших его города, укрепленные пункты и крупные скопления войск. Они разгоняли стада и истребляли жителей, при этом внимательно наблюдая за передвижением вражеских войск. «Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, а только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство», замечает Илано Карпини. Помимо таких «оперативных» частей, впереди основных сил монгольского войска двигался легкий мобильный авангард, решавший задачи ближней разведки (и разведки боем, в том числе). Эти отряды, постоянно тревожили врага: отступали, выпустив серию стрел, и нападали вновь, не ввязываясь в серьезную схватку. "Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают опять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если враги преследуют до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают».

За авангардом следовали главные силы монгольского войска, «которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен и убивают. Тем не менее, все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны к розыскам». — сообщает Плано Карпини. Перед началом решающей битвы все подвижные монгольские отряды быстро собирались воедино и занимали свое место в общем строю. «Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться». Войско выстраивалось в несколько линий - передние состояли из легковооруженных воинов и союзнических отрядов, а задний эшелон включал в себя тяжелую конницу и резерв, который бросали и бой в решающий момент. Монгольские полководцы, в отличие от распространенной в древнем мире практики, личного участия в сражении не принимали и чудес доблести, как правило, не показывали. Наоборот: «Вожди или на-

Рис. 26. Монгол верхом на коне. Рисунок китайского художника XVII в. На заднем плане персидская миниатюра 1315 года, изображающая торжественный выезд могольского хана. Видна походная юрта. В свое время такое сооружение немало удивило Плано Карпини, который сообщил, что подобные жилища устанавливались на большие повозки, которые могли тащить до 22 быков

27

Рис. 27. Байкал. Жемчужина Азии. Многие видели эти воды. Берега священного озера хранят тайны степных владык и повелителей кочевых империй. Где-то здесь, по народному поверью, нашел пристанище и дух великого завоевателя Вселенной - Чингисхана

начальники войска, — читаем мы далее, — не вступают в бой, но стоят вдали против поиска врагов и имеют рядом с собой на конях отроко, а также женщин и лошадей. Иногда они делают чучела людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих». Чтобы еще более усилить обманный эффект, монголы гнали перед собой пленных; именно пленные (вместе с союзниками и небольшими конвойными группами) принимали на себя первый, самый мощный, удар неприятеля. Затем «другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели их противники, и таким образом окружают противника и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон.

И хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и чучел, которых, как сказано выше, они считают за воителей и вследствие этого приходят в страх и замешательство». Этот маневр напоминает один из приемов облавной охоты, когда стрелки, загонщики и следопыты двумя крыльями, расходясь далеко в стороны, согласованно и тихо окружают целый район, а потом, сжмкаясь, избивают со всех сторон стрелами загнанных животных.

Сражение начиналось по команде массированным обстрелом противника из луков. «Татары не смеют начать битвы, пока не забьет накар (большой барабан - Л. С.) их начальника; как только он забьет, тут они и начинают битву... — свидетельствует венецианский купец и путешественник Марко Поло, прослуживший семнадцать лет у монгольского хана Хубилая, — прежде, нежели на-

кар забьет, поют они и тихо играют на двуструнных инструментах; поют, играют и тихо веселятся, поджидая схватку... Забил накар, и люди, не медля, бросились друг на друга. Схватились за луки и стали пускать стрелы. Переполнился весь воздух стрелами, словно дождем; много людей было смертельно поранено. За криками и воплями и грома нельзя было расслышать; воистину, видно было, что сошлись враги смертельные. Метали стрелы, пока их хватало; и много было мертвых и насмерть раненных». По сведениям Марко Поло, «каждый воин в сражении имел 60 стрел, 30 маленьких — метать, и 30 больших с железным широким наконечником; их бросают вблизи в лицо, в руки, перерезывают ими тетивы и много вреда наносят ими».

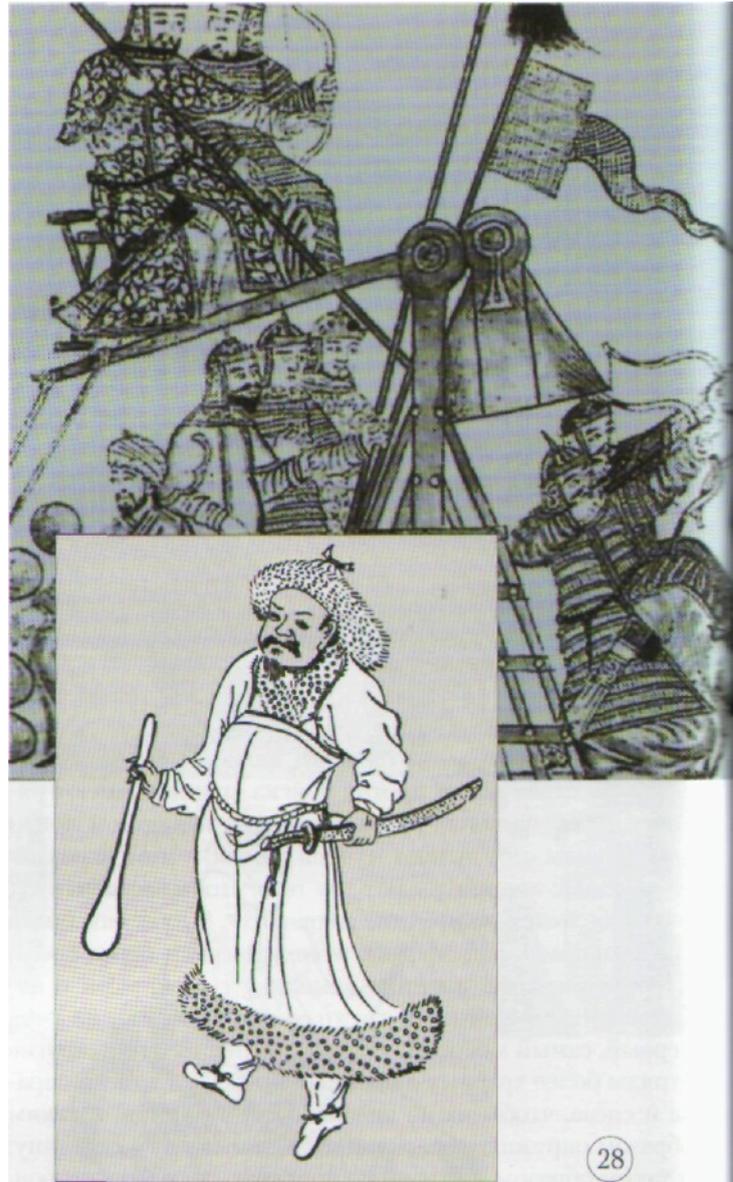
Очень высокую частоту стрельбы монгольской конницы отмечали практически все очевидцы, неизменно сравнивая с дождем ту страшную картину, что открывалась их глазам. «И летели стрелы в город, словно дождь из бесчисленных туч», — восклицает русский летописец. «Стрелы у них... не летят, а как бы ливнем льются», — вторит ему венгерский миссионер. Средневековые лучники могли прицельно выпускать до 8—12 стрел в минуту. Если даже мы сократим частоту стрельбы до 5 выстрелов, то за минуту разные подразделения монгольского войска (десяток, сотня, тысяча и т. д.) выпускали по 50, 500, 5000 стрел, а при максимальной скорострельности в воздух возле каждой сотни воинов ежеминутно взмывало до 1200 стрел.

Проводить массированный обстрел — дело непростое. Оно требует (кроме индивидуальной выучки) организации стрелковой линии таким образом, чтобы лучники видели цель и не мешали друг другу. Эту задачу монголы решали двояко.

С одной стороны, для этого практиковалась исстари известная в кочевой среде тактика рассыпного строя, включавшая ложное отступление и обстрел влоборота назад преследующего противника. Вот как это описывается у Марко Поло: "В битвах с врагом берут верх вот как: убежать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют. Коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся, славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит назад и поворачивается, стреляет метко, бьет и вражских коней, и людей; враг думает, что они расстроены и побеждены, а сам проигрывает от того, что кони у него перестреляны, да и людей изрядно побито. Татары, как увидят, что перебили и вражских коней, и людей, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага".

Существовал и другой прием. Суть его сводилась к следующему: отряды выстраивались друг за другом в кольцо и, проскакивая по очереди мимо неприятеля, пускали в него стрелы. Интенсивность обстрела при этом достигалась очень высокая. «Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, пишет Марко Поло. — то они... изгибают войско и носятся по кругу, чтобы вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда, для этого у них есть опытные в сих делах вожатые, за которыми они следуют. Но если эти вожатые падут от вражеских стрел или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии вернуться к порядку и стрелять во врага».

За соблюдением строя в этом случае следили чрезвычайно строго. Неслучайно сам Чингисхан грозил смертной казнью тому, кто немедленно «не вернется в строй и не займет своего первоначального места». Шквальный обстрел длился до тех пор, пока хватало стрел. Или же пока противник не расстраивал своих рядов и не обращался в бегство. Если и после столь убийственного обстрела противник продолжал сопротивляться, то на его обескровленные ряды лавой обрушивалась тяжелая конница монголов, которая таранным ударом в слабое место разрывала боевые порядки. Этим начиналась вторая фаза сражения — ближний бой. Еще раз обратимся к свидетельству Марко Поло: «Вышли все стрелы, попрятали они свои луки в колчаны, схватились за мечи и палицы и бросились друг на друга. Стали они наносить сильные удары мечами и палицами; началась злая и жестокая битва; наносились и получались удары сильные; отсекались руки, и замертво падали люди на землю; знайте, по истинной правде, вскоре после того, как началась рукопашная битва, покрылась земля мертвыми да смертельно ранеными».

Задачей монгольской армии было тотальное истребление живой силы противника, что она всегда и пыталась сделать с особой жестокостью. очевидцы нередко сообщали о том, что после битвы монголы беспощадно предавали топором всех без разбора, включая и сдавшихся в плен. Монгольские завоеватели впервые познакомили мир с тактикой массового уничтожения народов, когда вырезались старики, и женщины, и дети ростом выше оси тележного колеса.

Столкнувшись с очень сильным и стойким противником, монголы прибегали к различного рода хитростям и уловкам. О чучелах верхом на лошадях, о ложных отступлениях, о пленных на острие удара мы уже упоминали. Нередко монгольские полководцы сами моделировали схему вражеского отступления, оставляя для него лишь заранее определенные маршруты.

Рис. 28 Еще один рисунок китайского художника XVII в., изображающий спешенного монгола. На заднем плане показан штурм крепостных сооружений монгольским войском с использованием китайских камнеметных машин. Иранская миниатюра начала XIV в.

29

Рис. 29. Белые стены буддийского монастыря Эрдени-дзу с XVI в. расположились на вершине песчаного вала, некогда окружавшего Каракорум (по-монгольски Хара-Хорин) — столицу могущественной империи Чингизидов. Монастырь занимает лишь часть обширной территории города, основанного в 1220 г. в верхнем течении р. Орхон самим Чингисханом и простоявшего у подножья Хангайских гор свыше 300 лет. Современная высота вала вокруг древних развалин местами достигает четырех метров, ширина — восьми метров, кое-где сохранились и остатки заплывшего рва. О былой роскоши города можно судить по сведениям китайских летописей, данным археологических раскопок и запискам европейских путешественников - Марко Поло. Плано Карпини, Гильома Рубрука. Последний, посетив Каракорум в 1253 году, оставил не только подробное описание многолюдного города и резиденции Мункэ-хана, но и невиданного по тем временам «чуда» - серебряного дерева, сотворенного французским мастером Гильомом Буше. с фигурами ангела, трубящего в горн, львов и змей, из пасти которых в нужный момент текли вино, кумыс и прочие хмельные напитки

И только «те начнут бежать и отделяться друг от друга, их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне», - свидетельствует Плано Карпини. Впрочем, если «против них имеется большое войско, они иногда обходят его на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее, при этом они убивают людей, разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более».

Ко всему сказанному следует добавить высокую скорость передвижения и маневренность монгольской кавалерии. В походе за каждым воином следовало налегке несколько лошадей. При всем своем неказистом виде

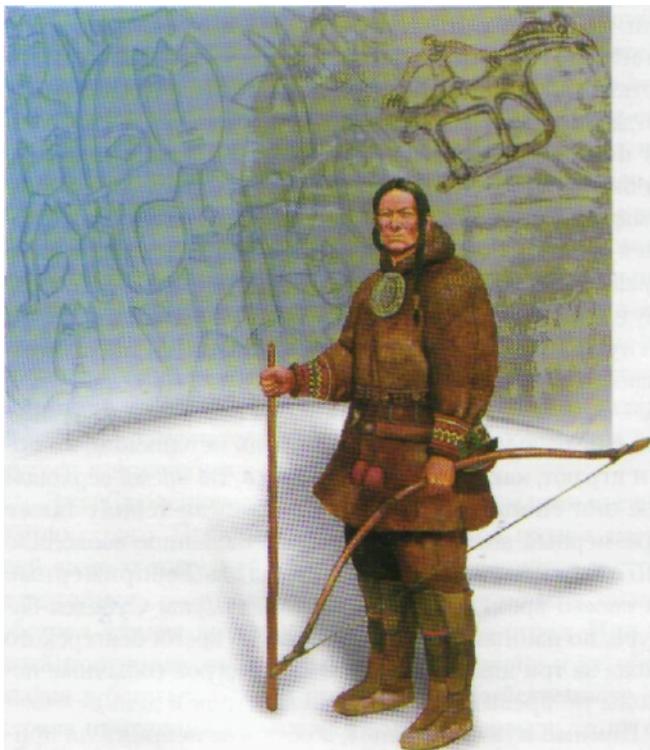
(столь удивлявшем европейцев), эти невысокие, коренастые и большеголовые лошади отличались необыкновенной резвостью и выносливостью. Говорят, что приученные животные повсюду, как собачонки, трусили за хозяевами. Они были неприхотливы в пище и могли в голодное время довольствоваться пучком жестких ветвей. Сами монголы, по словам Марко Поло, «когда отправляются в долгий путь, на войну, сбруи с собой не берут, а возьмут два кожаных меха с молоком для питья, да глиняный горшок варить мясо. Везут также маленькую палатку укрываться на случай дождя. Случится надобность, так скачут... дней десять без пищи, не разводя огня, и питаются кровью своих коней; проткнут жилу коня, да и пьют кровь". Монгольские воины не гнушались в трудную минуту собирать насекомых со своего тела и питаться ими. «Голодая один день или два, — замечает П. Лапо Кариини, — и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели. Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда терпят также и чрезмерный зной». Все вышеперечисленное позволяло монгольским авангардам совершать беспримерные для своего времени переходы. Так, тумены Субедея-багатура, по данным Ю. С. Худякова, во время венгерского похода за три дня прошли 290 километров (обычные переходы не превышали 50-ти километров в день).

Помимо мужчин-воинов, в обстреле неприятеля принимали участие и монгольские «амазонки». В целом, монгольское войско старалось решить исход сражения именно на этой первой, наименее опасной для него, стадии боя, дабы избежать кровопролитной рукопашной схватки.

Широкие реки не были проблемой для монгольской армии, в совершенстве освоившей способы преодоления водных преград. Были знакомы монголы и с китайской осадной техникой — с ее помощью они неоднократно брали даже сильно укрепленные центры.

Глава 8

«Железные волки» с таежных протоков

Если от алтайских предгорий двигаться на север, куда стремятся воды всех великих сибирских рек, оставив позади степную Кулунду и Барабинскую лесостепь с ее болотами и озерами, то очень скоро все чаще встречающиеся густые колки сольются в сплошную стену знаменитой сибирской тайги, уходящую почти на тысячу километров к студеному океану. Мощный подлесок здесь тесно оплетает стволы берез, все ближе подступают болота, оставляя сухие места лишь на крутых останцах, островах да вдоль русел рек. Участки чахлой растительности перемежаются с массивами хвойного леса. Высокий кочкарник пружинит иод ногами, путь перерезают глухие промоины, затянутые ржавой водой, и замшелые завалы. Впереди Васюганье — крупнейшая в Евразии болотная система. Дальше пути нет, только на лодке по извилистым таежным речкам, либо, когда выпадет снег, по зимнику — узенькой дорожке, пробитой санями. В этих местах в густом кустарнике можно увидеть заблудившуюся полярную сову, а на полосе влажной береговой глины — следы бобра, выдры, северного оленя или глубокий отпечаток пятки бурого медведя.

В тайге очень много болот и густая речная сеть. Ширина междуречий обычно не достигает и 12-ти километров, а местами они гораздо меньше (не более 5 -6-ти километров). Реки медленно текут в просторных поймах, образуя причудливые йорнамент и порой почти замыкая полные кольца.

Паводки здесь столь обильны, что на главных реках возникает даже встречное течение. Вода таежных рек затопляет окрестности, иногда (например, в бассейне реки Васюган) позволяя свободно переезжать на лодках через водоразделы. Широкие поймы почти полностью скрываются под водой. Спокойное прежде течение становится быстрым и бурным, забивая русла «заломами» упавших деревьев. Эти естественные баррикады иногда напоминают рукотворную плотину, по которой свободно можно пройти с одного берега на другой.

Сюда, на историческую родину, к своим кумирам, капищам и замшелым бревенчатым стенам городков, разбросанных на узких речных протоках, стали возвращаться из долгих походов в «полуденные страны» потомки мигрантов, некогда ушедшие отсюда в поисках лучшей жизни. Они несли с собой многочисленные трофеи и новые знания, почерпнутые в общении с южными культурами. Конечно, не все кулайцы под нажимом грозных полчищ хуннского союза вернулись назад. Кто-то закрепился на обжитые

Рис. 1. Один из малых притоков Оби

Рис. 2. Шелаб (крылатый медведь) — злой дух таежного пантеона. МАЭС ТГУ

местах Верхнего Приобья. На какое-то время обезлюдела лесостепь. Ушли на запад вместе с хуннскими полчищами саргатские всадники. Переждав грозу, сюда вновь выдвинулись предприимчивые племена лесного Прииртышья. С ослаблением внешней военной угрозы военно-политический союз кулайских племен распался — распалась и некогда единая общность. И когда на границах леса замелькали тюркоязычные всадники, они имели дело с населением уже трех новых археологических культур — *верхнеобской*, *релкинской* в Среднем Приобье и *потчевашской* в Прииртышье. Их объединяли общие таежные корни, во многом схожая среда обитания и близкий круг основных занятий. Тем не менее, это были уже разные племена, отличавшиеся даже наречием. Хотя исследователи определяют языковую принадлежность этих культурных образований неоднозначно (угорская, самодийская, угро-самодийская), для нас это уже не столь важно, ибо, как показывают работы этнографов, у народов, даже не связанных между собой исторически и относящихся к разным языковым группам, но живущих в одних природных условиях, возникает больше сходства друг с другом, чем у отдаленных групп одного и того же этноса. Это означает, что в военной сфере культурные различия у релкинцев, потчевашцев и некоторых групп верхнеобцев, населявших глубины ленточных боров, не играли определяющей роли. Все они внесли свой вклад в копилку боевого опыта таежных воинств.

Лук был основным оружием населения таежной полосы. В отличие от образцов, распространенных в кочевой среде, таежники метательное оружие целиком делали из дерена. Местные луки были значительных размеров. Длина кибита со снятой тетивой достигала 2 метров. Встречались изделия и меньших размеров — в пределах 140 сантиметров.

Процесс изготовления подобного оружия подробно описан этнографами в конце XIX — начале XX века. Согласно этим описаниям, на нижнюю планку шла специально подобранная древесина тонкоствольной сосны или ели, а на верхнюю — береза. Вся древесина подбиралась исключительно прямослойная и без сучков. Особые требования предъявлялись сосне — использовали только дерево, выросшее на опушке леса или на склоне оврага, обращенном к югу. Древесина такого дерева, постоянно находившегося на солнце, называлась «креновой» (или «кремлевой»). Она отличалась повышенной прочностью, потому что под теплыми солнечными лучами хорошо пропитывалась смолой. Это имело большое значение. Внешняя и внутренняя стороны лука испытывают разные нагрузки. На внешнюю действуют силы растяжения, на внутреннюю — сжатия. Береза, как очень пластичный материал, лучше работает снаружи, жесткая и хрупкая сосна прекрасно сопротивляется сжатию.

Из подходящего дерева вырубались заготовки до 2 метров длиной и 2—5 сантиметров толщиной. Концы лука делались из черемухи. После просушки (в течение

Рис. 3. Бронзовое изображение Мир-сусне-хума — популярного божества обских угров. Он сидит, положив одну руку на гриву лошади, другую на ее круп, в позе, обычной для отдыхающего кочевника. Небесный всадник словно только что выиграл состязание со своими братьями, которое дало ему право на управление людьми. В эпоху средневековья облик божества приобретает воинственные черты. У бронзовых фигурок появляется оружие (палаш с кольцевым навершием), которое становится обычным атрибутом изображений Мир-сусне-хума. VI—VIII вв. Среднее Приобье. НГКМ

2—3 дней) из болванки выстругивались основные детали. Особо тщательно обрабатывались плоскости будущей склейки. Той части черемухового конца, которую предполагалось поместить между плашками кибити, придавалась форма клина. После этого на специальном гибале (гибалом называлась доска с рядами просверленных дырок, куда вставлялось несколько небольших деревянных стержней) выгибалась кремлевая часть будущего тука.

Клеем, сваренным из чешуи, жаберных крышек, плавников, кишок и воздушных пузырей рыб, все детали лука скреплялись между собой и стягивались саргой — тонким кедровым корнем. Для оклейки лука использовались вываренные внутренние слои бересты; в мокром состоянии их наклеивали на кибить со стороны спинки, образуя многослойное покрытие. Все стыковочные швы располагались изнутри, со стороны тетивы. Такая обработка была вызвана необходимостью защитить оружие

Рис. 4. Луки собирались из нескольких, тщательно подогнанных друг к другу, деревянных частей. Как правило, кибить состояла из двух склеенных между собой плашек — шириной в районе плеч примерно 4 сантиметра. Верхняя плашка представляла собой сильно уплощенный сегмент, нижняя была слегка выпуклой. Между собой они склеивались таким образом, что в сечении плечи лука выглядели как асимметричный эллипс или полуовал. В центральной части кибити выстругивался перехват под руку. В отдельных случаях там же фиксировалась усиливающая деревянная надставка. Концы лука вырезались из отдельных кусочков дерева (длиной примерно 20 сантиметров) и вклеивались между планками кибити под некоторым углом к ней. Древесина подбиралась так, чтобы годовые кольца соответствовали внешнему округленному профилю выстругиваемой планки

Рис. 5. Гибало для обработки кибити лука.

Это приспособление применялось так: на стержни, помещенные внизу, опиралась центральная часть заготовки кибити (будущая рукоять). Концы ее отжимались вверх, и под них в соответствующие отверстия вставлялись другие стержни. Через некоторое время планку снимали, разогревали над огнем, пропитывали смолами и вновь изгибали — на этот раз концы ей приподнимали чуть выше и опирали на колышки, вставленные в следующие отверстия. И так до тех пор, пока основа лука не приобретала необходимую форму. Выгиб делался в противоположную от тетивы сторону

Рис. 6. Деревянный врезной конец лука. Прежде места соединения таких деталей с кибитью укреплялись с боков роговыми фиксирующими накладками. Теперь рационально продуманное ступенчатое сочленение позволяет избежать столь громоздкой конструкции. Дополнительная обмотка приостренного окончания не дает самому концу лука повернуться и отделиться от кибити при натяжении тетивы. МАЭС ТГУ

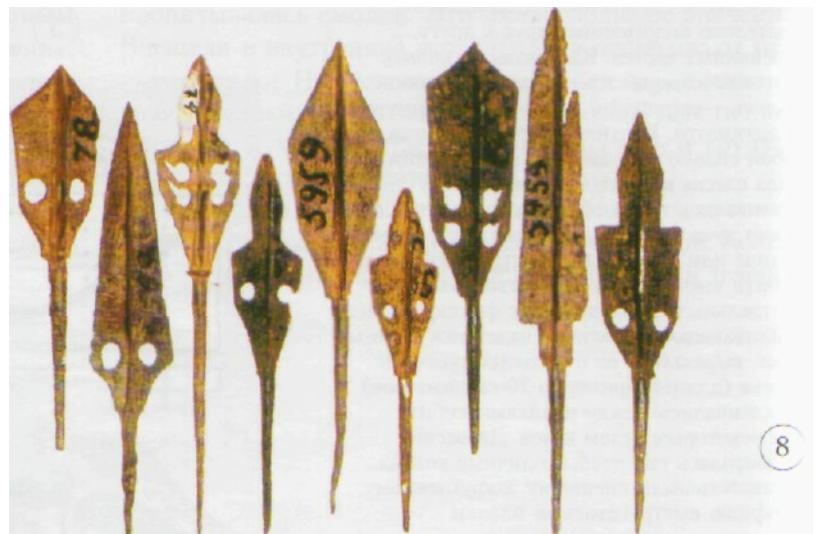

от воздействия атмосферной влаги, при неправильном изготовлении способной существенно снизить (вплоть до полной потери) упругость лука. С другой стороны, берестяное покрытие предотвращало и чрезмерное высыхание древесины, делающее ее хрупкой. Наконец, еще влажный лук заворачивали в тонкие деревянные стружки и сушили. Цельнодеревянный лук был достаточно мощным оружием, и стрелой, выпущенной из него, можно было, по свидетельству Григория Новицкого (автора "Краткого описания о народе остяцком..." начала XVIII века, первого этнографического исследования культуры и быта обских угров), «...и накрепчайших зверев: медведя, лосей, оленей убивать».

Тетива сплеталась из крапивного волокна и была на 25—30 см короче кибити. Несколько раз вымоченную в воде и вытянутую тетиву после сушки промазывали рыбьим клеем. Делали ее также из жильных нитей: их сначала попарно сплетали в шнуры, а затем скручивали. Тетиву тщательно полировали и уплотняли, несколько раз протягивая сквозь маленькое отверстие

Рис. 7, а -г. Изготовление оперения начиналось с того, что стержень пера разделялся на части. Затем с них сдиралось опахало вместе с тонкой полоской корешка. Полученные "флажки" наклеивались на древко так, чтобы изгиб пера был направлен в одну сторону (г). Древко стрелы под самым ушком плотно обматывалось тонкой нитью, которая не только зажимала кончики «флажка», но и предохраняла древко от разрушения ударами тетивы (а, б). Трещина от таких ударов хорошо заметна у древка без оперения и обмотки (в), а, б, в - МА ИАЭТ СО РАН; г - схема изготовления оперения

к деревянной чурке, потом на ее концах завязывали ушки и набрасывали на концы лука. Иногда готовую тетиву обматывали тонким ремешком или оклеивали берестой.

Остяцкий героический эпос, зарождение которого исследователи относят к концу 1-го тысячелетия, донес до нас живое и образное описание такого лука, последовательно перечисляя его составляющие: кремлевое дерево, «дубравные» березы, береста, клей, крапивная и шелковая нить для тетивы. Как видно, здесь ни о каких костяных усиливающих деталях, подобных тем, что были у луков степных народов, речь не идет. И не потому, что таежные аборигены не знали подобных конструкций. В археологических памятниках, относящихся к их культуре, изредка встречаются роговые концевые и срединные накладки. Просто местные изделия больше соответствовали таежному климату².

Длина стрел колебалась в пределах 60—70 сантиметров. Изготавливались они из тщательно просушенных планок прямослойной древесины, от которых откалывались длинные чурки, своим диаметром несколько

превосходящие диаметр будущей стрелы. Чурки выравнивались вчерне остругивались ножом. В торце заготовки намечалось небольшое углубление, куда легким постукиванием забивался черешок наконечника. Любопытно, что некоторые черешки были винтообразно перекручены, то есть входили в древесину по принципу штопора. После этого древко доводилось до нужных размеров и формы. Почти готовую стрелу аккуратно скоблили, а потом выглаживали специальным маленьким ножевым стругом — такие струги бытуют в тайге по сей день.

Форма древка стрелы долгое время была цилиндрической. Однако где-то в середине 2-го тысячелетия появились стрелы вытянутой сигарообразной формы с небольшим утолщением посередине. Эти изменения понадобились для того, чтобы гасить вредные последствия сильных продольных колебаний, которые приобретает стрела в момент спуска тетивы. Такие стрелы использовались до недавних пор многими народами лесной полосы, в том числе селькупами. После оконча-

Рис. 8. Во второй половине 1-го тыс. у таежников (как и во всем тюркском мире) были популярны трехлопастные проникатели, среди которых все еще встречаются ярусные. По сравнению с образцами гунно-сарматского времени, они гораздо больших размеров. Ближе к концу 1-го тыс. распространяются трехгранно-трехлопастные наконечники с массивным острием и маленькими лопастями - в первые века 2-го тыс. они быстро вытесняются плоскими аналогами. В монгольские время наконечники с лопастями — скорее, редкое исключение, нежели черта эпохи. Елькаевский клад. Кемеровская область. МАЭС ТГУ

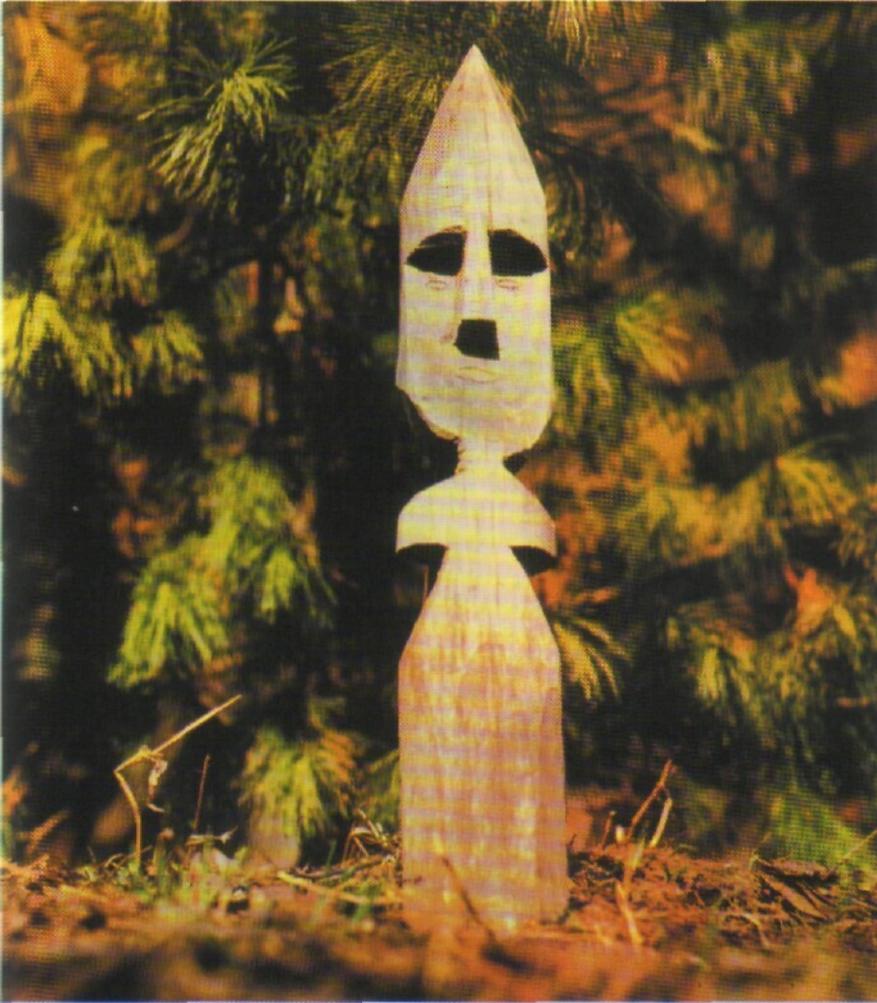

Рис. 9- Деревянное изваяние духа-покровителя. Ранг подобных божеств мог колебаться от семейных духов до покровителей крупного территориального объединения - княжества. По истечении семи лет деревянные изваяния менялись: отслужившие свой срок фигуры складывались неподалеку, а на новые изваяния переносились все металлические атрибуты старых божков. Некоторые идолы облекались в кольчуги, получали в руки сабли, луки, стрелы. Последние занимали особое место в верованиях коренного населения Сибири. Им часто приписывалась способность видеть, слышать, мыслить, самостоятельно передвигаться, находить врага, доставлять послания и т. д. До недавнего времени изображение почитаемого идола могло представлять собой куклу, собранную из пучка стрел, обмотанного тряпками. Стрела в обско-угорской и селькупской традиции могла выступать символом воина. Нижнее Приобье. Материалы И. Н. Гемуева и А. М. Сагалаева. МА ИАЭТ СО РАН

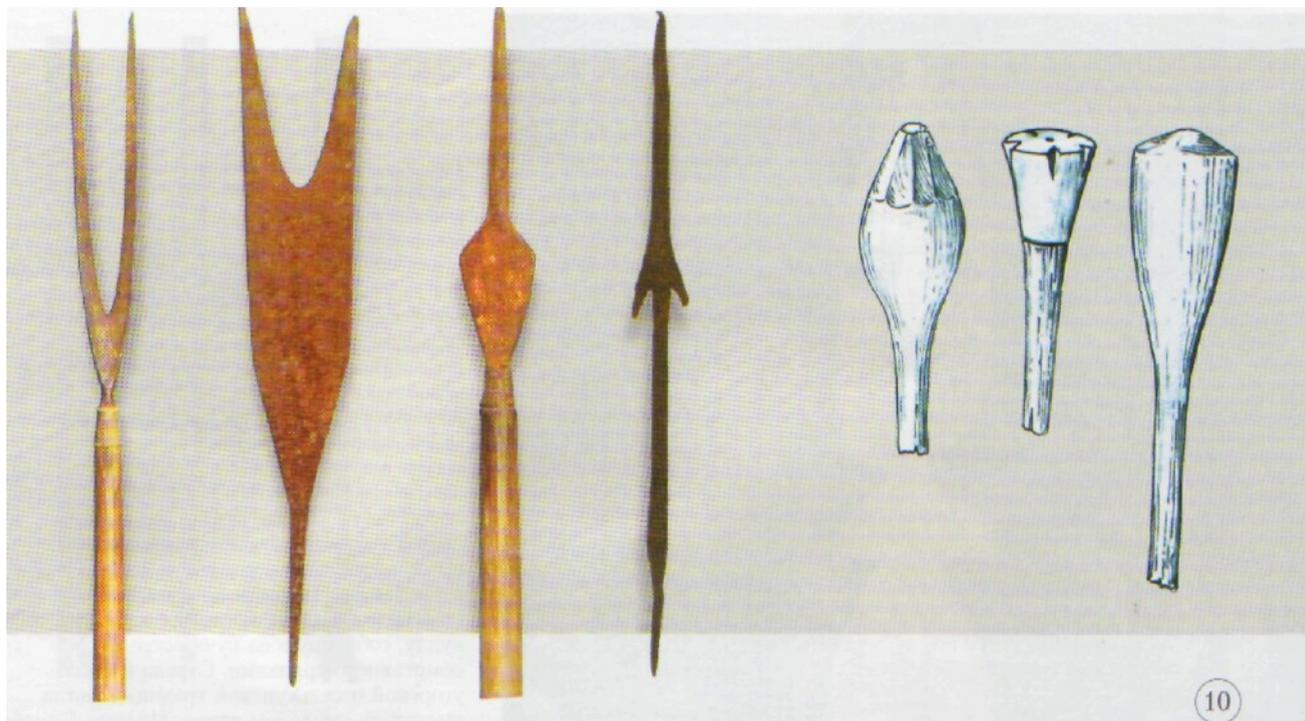
тельной обработки древка место крепления наконечника усиливали, обматывая сухожилиями и оклеивая сверху полосками бересты.

Довершало оформление стрелы оперение. На него шли только маховые перья птиц. На одной стреле перья должны быть одной твердости и обязательно с одного крыла. Считалось, что только шесть перьев из него пригодны для оперения. Хорошие перья высоко ценились, и, согласно героическим былинам, часто собирались с населения в качестве дани. Обские угры предпочитали перья орла или ястреба, самодийцы — перья орла или филина, ибо, по поверью, они не боятся сырой погоды. Впрочем, выбор «породы» перьев обуславливался и верой в то, что летное мастерство и хищная сущность их бывшего "хозяина" непосредственно воплощаются в точность и смертоносность удара метательного снаряда.

Стрелы издревле имели сакральное значение. Они нередко использовались в различных культовых церемониях и шаманской практике. Отточенным наконечником стрелы селькупы перерезали пуповины новорожденных,

при этом каждый раз к древку привязывалась тряпочка-приклад. По легенде, при первом вывозе новорожденного мальчика на родовое озеро они бросали в воду лук и стрелу. Да и сами воины назывались у них «лака», что означало военную стрелу. У васюганско-ваховских хантов при рождении мальчика лук и три стрелы вешали на ель или сосну. Салымские же ханты помещали лук и стрелы в священный амбарчик, подобным образом поступали и манси. По целому ряду этнографических свидетельств, лук и стрелы в отдельных случаях заменяли шаманский бубен — неперменный атрибут камлания и главное «транспортное» средство шамана, посредством которого он совершает свои путешествия в иные миры. Все это, вероятно, связано со свойством стрелы целенаправленно перемещаться в пространстве. Посещая культовые места, обские угры еще недавно жертвовали духу стрелу.

Среди таежных стрел следует особо отметить так называемые томары — стрелы с тупыми деревянными (реже костяными) наконечниками. С ними ходили на пушного зверя, потому что они не портили ценный мех. Делались

Рис. 10. Различные типы таежных наконечников стрел. Нижнее Приобье. Этнографическая коллекция. МА ИАЭТ СО РАН

томары, как правило, из березы (заодно с древком) и имели коническое или яйцевидное расширение на конце.

Для предохранения запястья левой руки от ударом тетивой использовались металлические и роговые наборные браслеты и щитки. Последние всегда были овальной или эллипсовидной формы, выпуклой в продольном сечении. С вытянутых сторон через пару отверстий пропускались ремни для крепления. Такие приспособления встречались вплоть до недавнего времени.

Панцири лесного населения по устройству защитной поверхности были практически тождественны доспехам тюркозычного населения. Таежники, как и их южные соседи, тоже носили наборные пластинчатые латы, соединенные ремнями по ламеллярному принципу.

Пластинки сшивались в ленты, скреплявшиеся между собой. Самым простым креплением представляется стяжка лент ремнями. В этом случае получается плотная и жесткая конструкция, удобно облегающая корпус по кругу, но создающая немало помех наклонным движениям тела. Проблема эта решается просто — нижний обрез подобных лат не должен опускаться ниже талии. Отсюда и его название — нагрудник. Всю остальную броню, закрывающую руки и бедра, следовало делать подвижной. В соответствии с этими принципами и создавались таежные панцири. Плотные связанные участки плетения закрывали верхнюю часть груди, а ниже, начиная с живота, наборные ленты соединялись друг с другом по ламинарному принципу, то есть свободно подвешивались ярусами на шнурах. Кстати, таежным воинам подоб-

ные доспехи были даже более необходимы, нежели степнякам. Ведь таежники сражались в пешем строю — от степени гибкости и подвижности зависело многое.

Через каждую группу отверстий в пластинах протягивался свой шнур. Для шнуровки использовались не все дырочки. Некоторые так и оставались «невострбованными». Они были слишком малы, чтобы пропустить случайно попавшее сюда острие вражеского оружия зато обеспечивали хорошую вентиляцию. С помощью свободных отверстий закрепляли и "ослабевшую" пластину если один из крепежных ремней перетерся

Чтобы острые металлические края связанных в ленту пластин панциря не травмировали тело, их по периметру часто обшивали полосками кожи. Изнутри к латам шнуром подвязывалась шерстяная прокладка. В героическом эпосе угорского населения Приобья переданы ощущения человека, надевающего кольчугу: он будто опрокинул на себя три ковша ледяной воды. Очевидно и в жаркое время раскаленный металл доставлял мало удовольствия.

Способ ременного сочленения звеньев доспехов был самым популярным и доступным, но не единственным. Некоторые наборные панцири соединялись между собой круглыми, проволочными, слегка расклепанными кольцами.

К концу 1-го тысячелетия появляются панцири с замысловатым контуром звеньев. У пластин плавно скругляются углы, вдоль краев чеканятся бороздки по периметру устраиваются бортики: пластины куются

одной зубчатой стороной или в форме вытянутой восьмерки,

В первой половине 2-го тысячелетия на смену наборным ламеллярным и чешуйчатым доспехам приходят панцири со скрытым бронированием — бригадины и комбинированные кольчато-пластинчатые латы. Это, пожалуй, наиболее совершенный вид защиты эпохи сибирского средневековья.

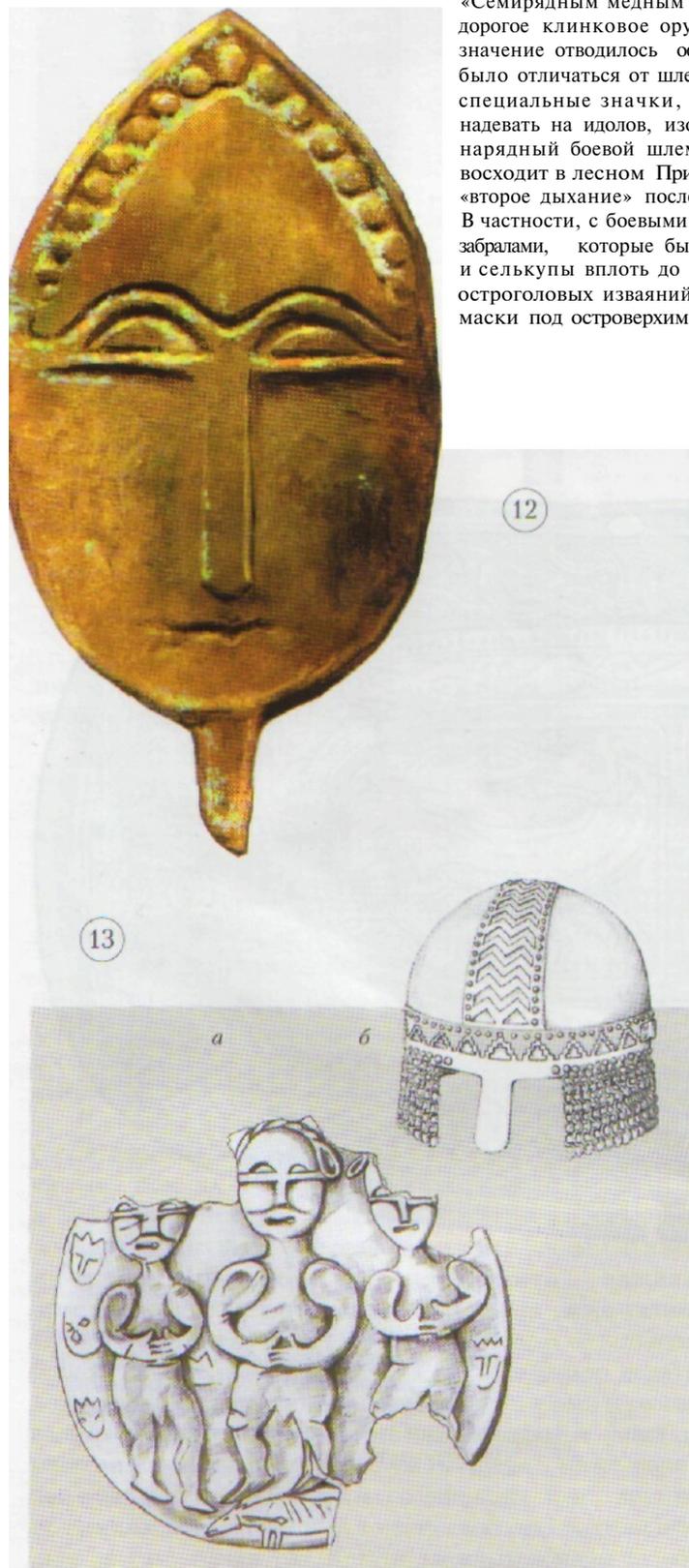
Но самым популярным доспехом в это время становится кольчуга. С кольчугами таежные воины познакомились еще в VI - VII веках, а по некоторым данным, едва ли не в эпоху Великого переселения народов. Однако небольшое число привозных (скорее

11

Рис 11. Прорисовка серебряного с позолотой щитка для предохранения запястья левой руки от ударов тетивой XII- XIII вв. Сайгатинское святилище. Нижнее Приобье. Екатеринбург. Уральский государственный университет

Рис. 12. Бронзовая личина в боевом шлеме. Отчетливо заметны высокая налобная бляха, украшение но контуру круглыми выпуклостями, и боевая полумаска с наносником и накладными металлическими бровями. Боевые островерхие сфероконические шлемы, очертания которых донесла до нас изобразительная традиция, были принадлежностью профессиональных воинов. Согласно преданиям, богатыри-предки отличались от простых людей не только физической силой и вооружением, но и головным убором. Это отразилось в былинных прозвищах. Так, одного из легендарных богатырей называли (в переводе) «Семирядным медным шлемом». В дружинной среде головной убор, пояс, шейные гривны, дорогое клинковое оружие представляли своего рода "социальный паспорт". Особое значение отводилось оформлению головного убора военачальника — его шлему положено было отличаться от шлема простого воина. Для этого применялись различные украшения, специальные значки, яркая позолота. У обских угров до сих пор сохранилась традиция надевать на идолов, изображающих богатырей-предков, головной убор, имитирующий нарядный боевой шлем. Традиция отливать из бронзы личины в головных уборах-шлемах восходит в лесном Приобье к рубежу эр. Однако, в начале 2-го тыс. н. э. она получает здесь «второе дыхание» после знакомства таежных воинов с боевой техникой кочевых народов. В частности, с боевыми шлемами с железными посеребренными и позолоченными масками-забралами, которые были у командующих отрядами монгольских войск. Обские угры и селькупы вплоть до начала прошлого века стремились покрыть деревянные лица остроголовых изваяний серебром или иным светлым металлом, имитируя металлические маски под островерхим шлемом. Кингусовский могильник. X—XII вв.

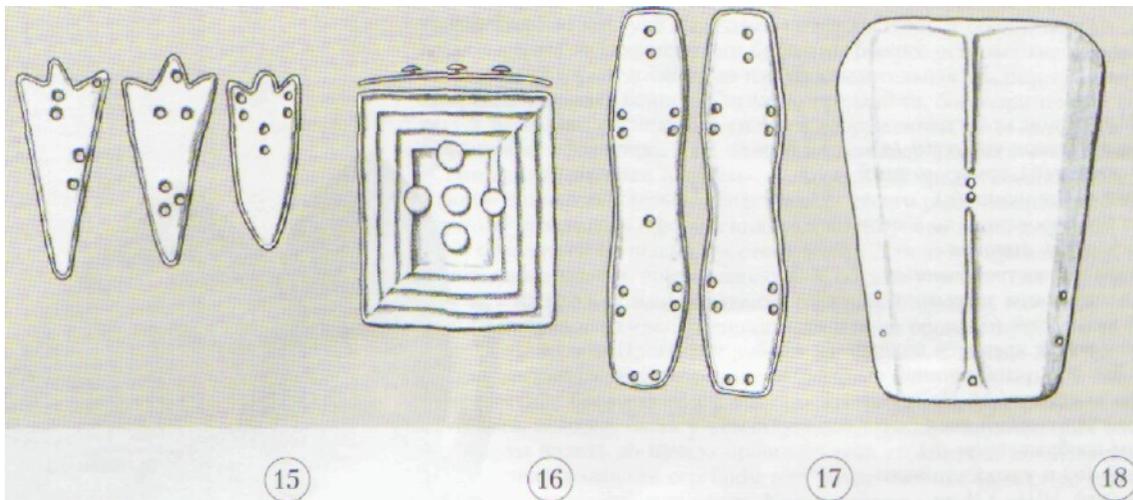
всего, среднеазиатских) панцирей из-за сложности их изготовления не оказало в то время существенного влияния на местную оружейную традицию. Кольчуги попадали в тайгу и с северных окраин, где местные владыки выменивали их на драгоценные меха у заезжих новгородских торговцев, проторивших свой путь в Югру еще в X веке. Кольчатые доспехи долгое время оставались собственностью только небольшого числа таежных «князей» и профессиональных воинов. Илишь массовый исход в начале 2-го тысячелетия центрально- и среднеазиатского населения, вызванный монгольской экспансией, привел ко все большему распространению здесь этой, по легендам, «удлиняющей жизнь» боевой одежды. Местные кольчуги 1-го тысячелетия плелись полностью из клепаных колец, а с XIII—XIV веков кольца начинают плющить и украшать концентрическими кругами — это примерно в 1.5–2 раза увеличивало размеры железного поля без существенного утяжеления доспехов. В преданиях подобные доспехи называли «кольчугой с сотней торчащих рожков», «звнящей кольчугой из блестящих колец». «Когда богатырь надевает ее, по лесу идет такой звон, что звери со страха режут».

В районах Центральной и Восточной Азии использовались панцири из двух-, трехслойных кожаных

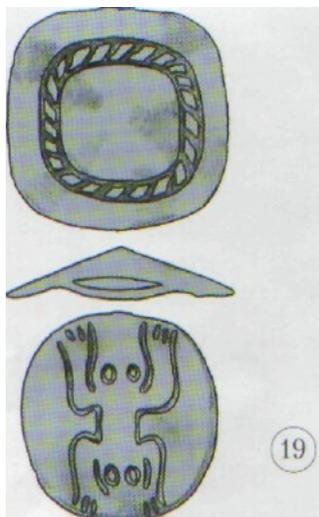
Рис. 13, а, б. Серебряная бляха (а), на которой изображены персонажи с боевыми шлемами на головах. В таежной воинской среде эпохи раннего средневековья использовались защитные головные уборы с круглым куполом, напоминающие современные каски. С начала 2-го тыс. они становятся более «приземистыми». Так (б) выглядел боевой сферический цельнокованный железный шлем с серебряными накладками и кольчужной бармицей, подбитой изнутри кожей, а - VIII—IX вв. Находка у пос. Ямгорт. Нижнее Приобье. Ямало-Ненецкий окружной музей. Салехард: б — начало V в. Тураевский могильник. Прикамье. По В. Ф. Генингу

Рис. 11. Воин Усть-Ишимской культуры таяжного Прииртышья. Поверх кольчуги (а) он одет в защитный жилет (б), армированный выпуклыми бляшками-пуговицами (а). Это архаический тип бронирования, но в лесу, где всегда требовалась очень высокая подвижность, он оставался востребованным еще долгое время. Голову воина закрывает шлем (г) с наlobной накладкой (д) и полумаской. К поясу воина крепится колчан открытого типа (е). Лук со снятой тетивой (в налучье) брошен за спину (ж). На груди поверх доспехов - металлический диск зеркала с сакральным изображением (з). Воин вооружен саблей (и) и узколезвийным шпеньковым топором (к). VIII—XII вв. Реконструкция по материалам памятников Омского Прииртышья и Нижнего Приобья

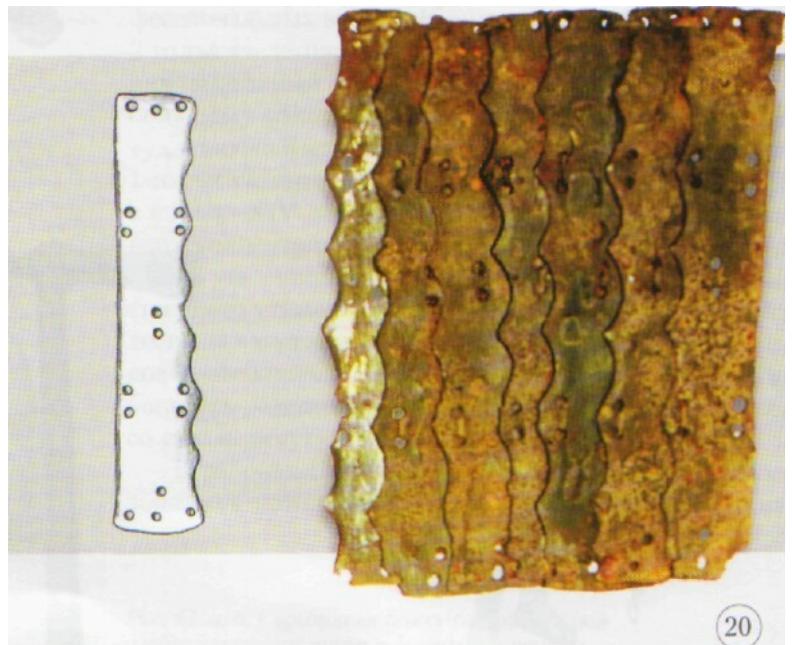

Рис. 15. Металлические звенья чешуйчатых панцирей. Средневековые таежные дизайнеры придали им форму шпастых наконечников стрел с коротким треугольным черешком. Подобный тип панциря описан в героических преданиях, как «богатырская одежда вроде рыбьей чешуи», которую «надевали, когда шли воевать, чтобы стрела не пробивала». Находка при строительстве Обь-Енисейского канала

Рис. 16. Железная пластина панциря со скрытым бронированием. С помощью заклепок, крестообразно расположенных в центре, эти элементы крепились изнутри халатов. Этот тип защитного вооружения был заимствован у кочевого населения. VII -IX вв. Раскопки В. Радлова. Москва. ГИМ

Рис. 17. Восьмеркообразные панцирные пластины. В воинской среде латы, собранные из таких деталей, очень ценились. Вырезы с обеих сторон пластин делали доспехи легче и наряднее, а бортик по периметру увеличивал их жесткость. Нагрудник, составленный из подобных звеньев, труднее было смять булавой, кистенем или косым ударом клинка. VII—IX вв. Могильник Релка. Томское Приобье. По Л. А. Чиндиной. МАЭС ТГУ

пластинок, покрытых укрепляющим и декоративным лаком. Эти пластинки по форме в точности совпадали с металлическими частями наборных лат. Слой лакового покрытия скрывал кожаную основу, поэтому такие доспехи часто называют лаковыми. Аналогичными панцирями изкожаных пластин, залитых смолой, посвещениям Плано Карпини защищали себя монголы. Доступность материала и очевидная простота изготовления делали их популярными в воинской среде. Вероятно, и легендарный панцирь из рыбьего клея, известный

по таежному фольклору, был изготовлен по этому же принципу. Только вместо лака и смолы пластины пропитывали самым распространенным и доступным сырьем — рыбьим клеем. Воины, облаченные в такие доспехи, как сказано в одном из селькупских сказаний, выглядели так, будто «все тело у них твердым и блестящим, вроде ногтей, было покрыто».

Судя по изображениям воинов, найденным среди предметов мелкой таежной бронзовой пластики, большинство лат представляло собой короткий наборный

Рис. 18. В качестве защитного средства западно-сибирские воины вплоть до позднего средневековья использовали массивные трапециевидные пластины из лосиного рога соскругленными углами и тщательно вытощенной поверхностью. Они были выгнуты во внешнюю сторону, некоторые из них имели четко смоделированные продольные ребра и служили для защиты руки. Аналогичные пластины, но без ребра жесткости, закрывали спину. XVI—XVII вв. Мангазея. Обская губа. По М. П. Белову. О. В. Овсянникову, В. Ф. Старкову

Рис. 19. Бляшки-пуговицы, сделанные из белой бронзы. Археологи находят целые куски кожи с нашитыми на них плотную подобными образцами. Изображения медведя, исполненные на некоторых таких бляшках, магически усиливали защитные свойства лат. Их владелец находился как бы под двойной защитой — непосредственно панциря и духа-хранителя. МА ОМГУ

Рис. 20. Узорчатые доспехи из резных (зубчатых) пластин. VII-IX вв. Могильник Релка. Томское Приобье. Раскопки Л. А. Чиндиной, МАЭС ТГУ

Рис. 21. Релкинский таежный воин эпохи раннего средневековья. Воин одет в кольчугу (а), поверх кольчуги его защищает металлический нагрудник, собранный из зубчатых пластин (б) и соединенный с наспинником плечевыми ремнями (в). Голову венчает сфероконический шлем с наносником, склепанный из железных пластин (г). Шлем дополнен кольчужной бармицей (д). Вооружение воина состоит из копья с пятиугольным наконечником (е) (явно заимствованный на Востоке тип), кавалерийского палаша (ж), кривого ножа (а) и лука (и) со стрелами. Стрелы помещены в цилиндрический колчан открытого типа (к) (изображен со снятой крышкой). Лук в боевом положении с прикрепленной тетивой надевался через плечо, а без тетивы носился в кожаном, сшитом в виде трубки, налучье. Наборный пояс (л) (тоже заимствованный тип) и бронзовая птица на груди (м) (наследие таежных предков) — знаки высокого общественного положения бойца. VI—IX вв. Томское Приобье

Рис. 22. Бронзовая личина из Елыкаевского культового места. Хорошо распознаются обруч, надвинутый почти до самых глаз, и уходящие от него к теменю металлические пластины. Венчает шлем, снабженный «теменной тарелкой» - мисюркой, - шишка, усиливающая его защитные свойства. Середина 1-го тыс. н. э. Кемеровская область. ТОКМ

Рис. 23. а - в. На культовых местах обских угров до сих пор встречаются матерчатые имитации древних боевых шлемов (а, в). Из ткани шились и другие элементы воинской экипировки — например, колчаны (б). Все они украшались вшитыми сакральными фигурами - в том числе и Мирсусне-хума. В их форме и четкой зональности декора сохранились традиции монгольского времени. а — пос. Верхне-Нильдино; б - пос. Тугияны, р. Обь. Сборы А. В. Бауло. МА ИАЭТ СО РАН; в- пос. Хулимсунд, р. Северная Сосьва. Сборы И. Н. Гемуева. А. В. Бауло, МИКНС

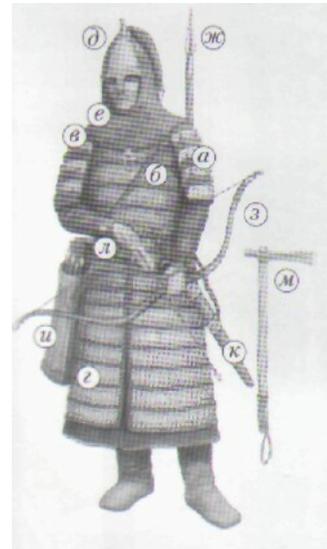

нагрудник. В усиленном варианте под такой нагрудник надевалась кольчуга. Это делало амуницию непроницаемой для стрел. В героических преданиях повествуется о боевых построениях, когда тяжелооруженный воин, отбивая вражеские стрелы, прикрывал собой, как живым щитом, лучников. Те, в свою очередь, под этим надежным прикрытием осыпали противника стрелами.

Шлемы таежных воинов, исполненные в привычной сфероконической форме, склепывались из крупных пластин. Подобные шлемы в эпоху средневековья распространились на огромных территориях от Дальнего Востока до Киевской Руси. Они были двух типов - с высоким и низким куполом. Последние, появившись в VI—VII веках, наибольшую популярность получили лишь во 2-м тысячелетии. В VIII—X веках лобную часть шлема стали дополнительно укреплять крупной декоративной металлической накладкой.

В конце 1-го - начале 2-го тысячелетия у боевых наголовий полукруглые вырезы по линии бровей с обеих сторон наносника начинают замыкаться снизу железной дужкой и вскоре превращаются и кованую боевую полумаску с узкими прорезями для глаз. Тульи шлемов украшаются накладными косами, хвостами пушных зверей, фигурками зверей и птиц, скроенными из многослойной бересты и кожи. Примерно с монгольского времени в таежной полосе появляются цельнокованные железные шлемы.

Еще один тип средневековых таежных шлемов реконструируется, в основном, по изобразительным материалам. Его основу составлял металлический обруч, к которому крест-накрест приклепывались металлические ленты, пересекавшиеся на темени. «Двойники» таких шлемов есть в средневековой Европе. Они были одним из знаков власти у некоторых удельных правителей европейского средневековья. До XVII века подобные наголовья использовались в легкой кавалерии. В боевом

Рис. 24. Тяжеловооруженный воин. Каждая из лент его панциря (а) состоит из восьмеркообразных пластин (б) и обшита с одной стороны тонкой полоской кожи. Латы включают в себя нагрудник и наспинник, связанные на боках реемнями и соединенные на плечах лямками; оплечья собраны из широких многослойных пластин отформованной кожи (и): набедренники (е) сделаны из таких же, как и нагрудник, железных пластин. Голову защищает высокий сфероконический шлем (д), склепанный из фигурных пластин и снабженный широкой бармицей (с). Вооружение воина составляют копьё (ж), лук (з) со стрелами (и), палаш (к), нож (л) и шпеньковый топор (м). VIII—XII вв. Реконструкция по материалам Среднего Приобья

Рис. 25. Сабля и палаши эпохи раннего средневековья. VI–VIII вв. Елыкаевская коллекция. МАЭС ТГУ

Рис. 26. а. б. Таежные мастера продолжали развивать художественные традиции украшения оружия в зверином стиле. Они отливали из светлой бронзы полые рукояти, украшенные различными комбинациями горизонтальных поясков и вертикальных валиков. Все это сочеталось с выпуклыми «жемчужинами» и ажурными навершиямн в виде птиц и зверей. Такие рукояти были самых различных размеров и годились как для ножей (а), так и для рубящего клинкового оружия (б). Полые рукояти встречаются на огромной территории западно-сибирской тайги — от самых южных её границ до низовьев Оби. IX–XII вв. а — нижнее Приобье. Материалы А. В. Бауло. МА ИАЭТ СО РАН; б - Омское Прииртышье. Раскопки Л. С. Чагаевой. МА ОмГПУ

Рис. 27. Бронзовая фигурка человечка, выполненная в традициях таежного литья, изображает облаченного в полный доспех богатыря. К сожалению, она дошла до нас не полностью, но и то, что сохранилось, позволяет заметить некоторые детали — выпуклую серьгу в правом ухе, закрученные вверх усы, панцирный нагрудник с оплечьями, переданный поперечными кольцевыми линиями на руках, несколько поперечных валиков в районе талии, обозначающих пояс, кромки нагрудника и набедренников. Последние, расширяясь внизу, закрывают ноги воина до середины голени. Поверхность набедренника имеет рубчатую поверхность, передающую фактуру ламеллярной брони. Продольными и поперечными канавками обозначены границы наборных лент и панцирных пластин, из которых составлены латы. В облике богатыря чувствуется влияние тюркских изобразительных канонов, известных по каменным изваяниям (серьга в ухе, усы, выделенный пояс и рука на нем, покроя одежды). В то же время в ряде деталей отчетливо ощущается и таежный колорит (вторая рука тоже на поясе, панцирь вместо простой матерчатой одежды, пропорции фигуры и т. д.). Случайная находка в Васюганье. X–XII вв. НГКМ

варианте к металлическим латам крепился плоский или слегка выгнутый железный диск, защищавший от прямого удара. Надетый шлем как бы уплощал голову поэтому некоторые кулайски еличины кажутся «отпиленными» по темени.

В ближнем бою таежники пользовались известным нам оружием — мечами, палашами, саблями, ножами, кинжалами, топорами, копьями.

Некоторые мечи еще снабжались прямым перекрестием и копьевидным навершием. Правда, если в гунно-сарматское время кольца навершия делали из отдельного железного прута, а затем приваривали к рукояти, то в средневековье прут, из которого формировали кольцо, сам являлся продолжением плоского рукоятчного стержня.

Но, в большинстве своем, мечи делали без перекрестия и навершия. В нижней части рукояточного стержня у них сверлилось отверстие для штифта, которым крепились боковые обкладки рукояти. Вероятно, навершие в этом случае вырезалось заодно с ними. У основания лезвия обе половинки рукояти стягивались металлической скобой — она и выполняла функцию съемного перекрестия.

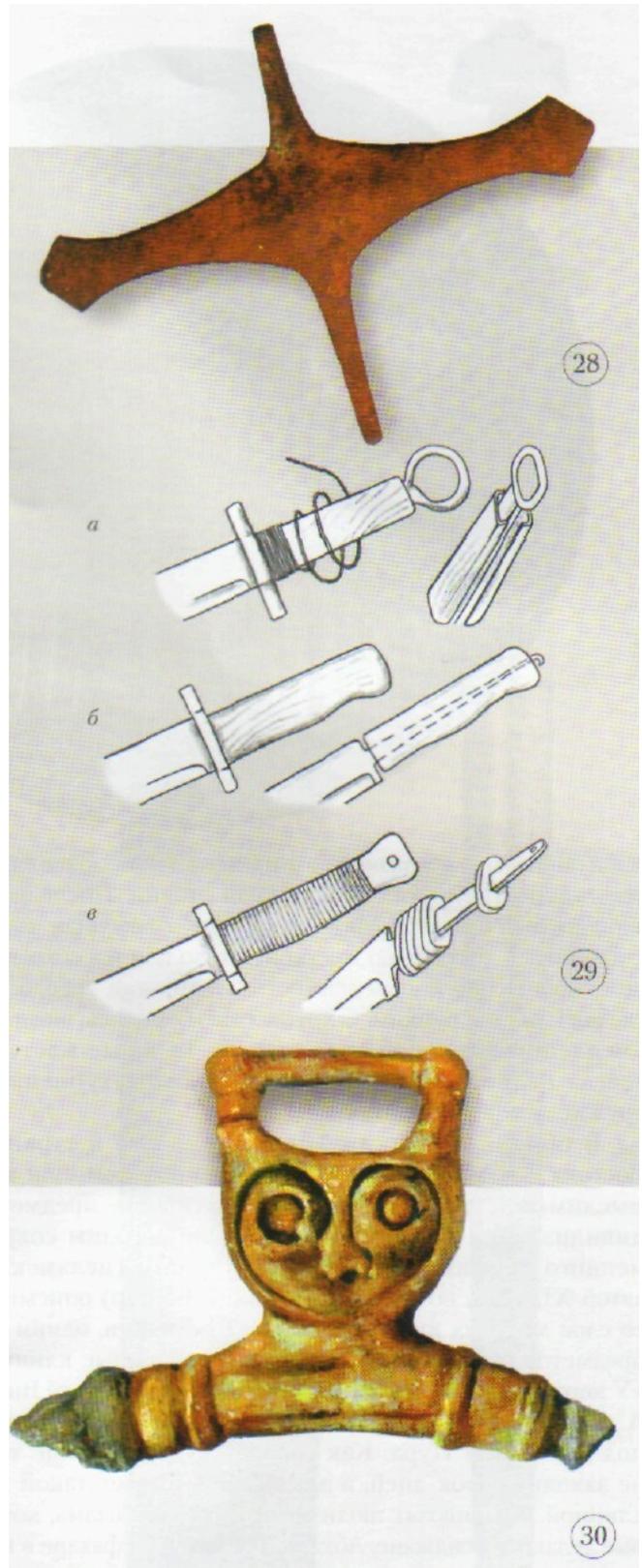
Палаша в эпоху раннего средневековья имели у противоположного от рукояти конца односторонне срезанное к спинке лезвие. Такие клинки со скошенным острием предназначались преимущественно для рубящего удара. Ими серьезно ранили бездоспешного противника, но для воина в наборном панцире они никакой опасности не представляли. Подобные клинки постоянно усовершенствовались. Появляются различные варианты черенка рукояти, облегчающие манипулирование оружием, образцы с искривленным лезвием и даже наклонной к лезвию рукоятью, то есть классические сабли.

Ковались однолезвийные клинки обычно из двух полос: твердой стали и мягкого железа. В производстве оружия по-прежнему использовали и «пакетную» (до пяти полос разносортного металла) технологию. При этом получалась слоистая структура, хорошо противостоящая внешнему механическому воздействию. В середине такого пакета помещалась пластина особо твердой стали, образующая режущую кромку лезвия. Очень распространена былаковка цельностального оружия, которое отличалось высоким качеством металла. Его закалка

Рис. 28. Съемное сабельное перекрестие. ромбическая форма с расширениями на концах лучше защищает руку и не позволяет вражескому клинку соскользнуть на пальцы. Стержни, отходящие вниз от середины перекрестия, помещаются в специальные вырезы в боковых накладках несущей части оружия и жестко фиксируют перекрестие, не давая ему расшатываться. XVI-XVII вв. Нижнее Приобье. МА ИАЭТ СОРАН

Рис. 29, а - в. Рукояти оружия делались несколькими способами. Боковые накладки применялись тогда, когда рукояточный стержень снажался несъемным кольцевым навершием (а). В других случаях, деревянный брусок насаживался на тонкий приостренный черен, который, пройдя насквозь, загибался с обратной стороны (б). Далее брусок обстругивался, и ему придавалась нужная форма. Рукоять могла набираться из кусочков вываренной бересты или толстой кожи, нанизанных на черешок послойно (в). Через отверстие на самом конце стержня пропускалась заклепка, фиксировавшая всю конструкцию

Рис. 30. Бронзовое навершие железного стремена. Даже в таких лаконичных предметах, как железные стремена, петля под ремень оформлялась в виде головы ушастого филина, отлитого из бронзы. X-XII вв. Могилиник Усть-Ишим, Омское Приобье. Раскопки Д. Конилова. МА ОмГПУ

Рис. 31. Серебряное блюдо с позолотой - характерный образец восточного экспорта, обнаруженный в Нижнем Приобье близ поселка Верхне-Нильдино. На его поверхности рельефо отлита башня, окруженная десятью тяжело вооруженными всадниками на закрытых панцирях лошадей. По мнению специалистов, изображение на поверхности блюда представляет собой серию сюжетов, которые можно трактовать как иллюстрацию к некоторым эпизодам книги Иисуса Навина. Это изделие является двойником знаменитого аниковского блюда, найденного в 1909 г. в Приуралье вблизи деревни Больше-Аниковская Чердынского уезда Пермской губернии и хранящегося ныне в Эрмитаже. Однако, при полном тождестве композиции, сюжета, контуров башни, абриса фигур людей и лошадей, между блюдами существует несколько десятков различий в деталях архитектуры, экипировки и вооружения всадников. Отлито верхне-нильдинское блюдо в IX—X вв. по оригиналу VIII в. Сборы И. Н. Гемуева и А. В. Бауло. МА ИАЭГ СО РАН

производилась по-разному: в одних случаях закаляли весь клинок, в других только край лезвия. Последний вариант был более предпочтительным - режущая часть становилась достаточно жесткой, а тело клинка сохраняло относительную пластичность. Излишняя твердость сделала бы его хрупким. С хрупкостью боролись, внедряя «медленный» способ охлаждения. Таежные мастера всегда исповедовали принцип — даже затупленное оружие лучше сломанного.

В обмен на пушнину, столь ценную в странах Востока и Европы, в тайгу буквально потоком шли все мыслимые и способные к транспортировке предметы цивилизации. В том числе и лучшие образцы современного оружия. Абу Хамид ал-Гарнати (исламский автор XII века, посетивший Великий Болгар) описывал со слов местных купцов торжища с остяками, одним из предметов обмена на которых были восточные клинки: «У него (Булгара А. С.) есть область, называют ее Вису. А за Вису на Море Мрака есть область, известная под названием Йура. Как говорят купцы, солнце там не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной. И привозят люди мечи из стран ислама, которые делают в Зенджане, Абхаре, Тевризе и Исфахане в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня. И закаливают эти мечи крепкой закалкой. И мечи эти как раз те, которые годятся, чтобы везти их в Йуру. Булгары возят их в Вису, где водятся бобры, затем Вису везут их в Йуру (и её жители) покупают их за соболиные шкурки

и за невольников и невольниц... говорят, что если иура не бросает в воду мечи, то он не поймает никакой рыбы и будет страдать от голода».

Трудно сказать, какова на самом деле была судьба привозных клинков, но остяки действительно не очень интересовались готовыми привозными рукоятями, в эпоху средневековья купцы предпочитали торговать одними полосами-полуфабрикатами. Их и доставить было легче, и потребитель мог оформить оружие по своему вкусу. Таежные мастера, продолжая традиции предков, отливали из светлой бронзы великолепные полые рукояти с ажурными навершиями в виде птиц, медведей и других реальных и сказочных существ. Оружие, снабженное такими рукоятями, не только было очень нарядным, но и обладало, в представлениях местных жителей, особой силой, воспринятой и от священного металла, и от изображений животных.

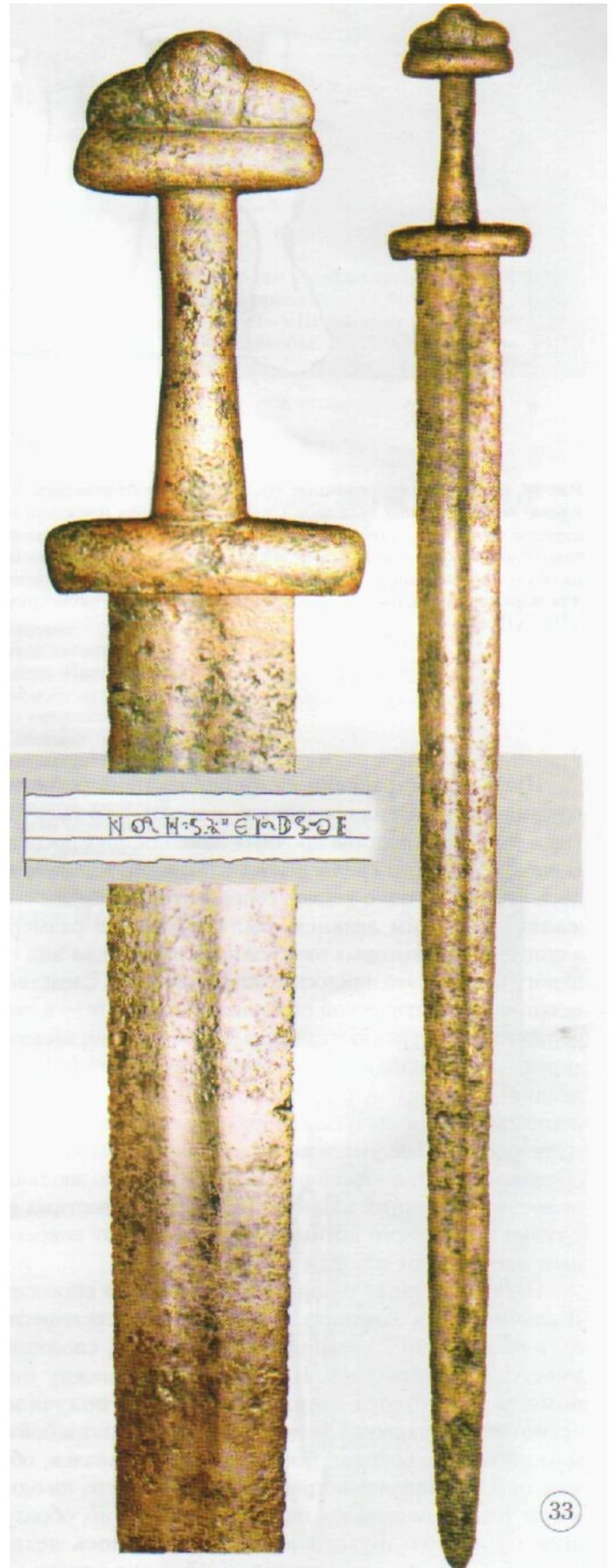
Способы ношения клинкового оружия у таежников ничем не отличались от уже разобранных нами в предыдущих главах. Одна манера копировала кочевую, другая гунно-сарматскую.

Особенностью таежных воинств было то, что на протяжении всего средневековья самым массовым оружием ближнего боя оставался топор, так как в условиях ближнего боя на ограниченном пространстве он гораздо удобнее меча.

По своему устройству топоры делились на шпеньковые и плоскобушные. Первые имели на обушке специальный молоточек-шпенек.

Рис. 32. Этолитоепозолоченное изделие с утолщенным внешним краем на кольцевой ножке и изображением царя, скачущего на диком быке, - еще одно яркое свидетельство обменных связей западно-сибирских таежников с цивилизациями Востока. Вероятно, на блюде изображен шах Ирана Ездигерд I (399 -421 гг.). Копьем с наконечником особой формы в виде упора-отростка на древке он поражает быка. К поясу шаха специальными ремнями прикреплены меч с прямым перекрестием и колчан, поверхность которого разбита на несколько орнаментальных зон. На обратной стороне блюда вырезана пятиконечная звезда и процарапана арабская надпись в переводе — "чаша из серебра"), выполненная курсивом IX - X вв. Это указывает на то, что блюдо могло оказаться в Сибири не ранее X в. Находка на р. Сыне, притоке Малой Оби. IV—V вв. Иран. Сборы Л. В. Бауло

Рис. 33. В Сибирь попадало и дорогостоящее оружие христианских стран Запада. Один из таких мечей XII - XIII вв. был найден летом 1975 г. при раскопках близ села Старые Карачи в Новосибирской области. Это дорогое, некогда богато украшенное оружие с широким лезвием, трехчастным навершием с выделенной центральной частью брусковидным перекрестием. Общая длина оружия 96 сантиметров. Рукоять, навершие и перекрестие носят следы серебряной насечки, образующей плетеный орнамент с восьмерковидными петлями. В верхней трети клинка с обеих сторон серебром выложены сокращенные почитательные надписи Деве Марии. На одной половине меча - «N/omine/ M/artris/ S/alva/ t/ oris/ Et/ erni/ D/ omini/ S/alvatoris/ Eternis» и «C/hris/ t/ us/ 1h/tsus/ C/hris/ t/ us» — Во имя Матери нашего Спасителя вечного, Господа Спасителя вечного. Христос Иисус Христос; на другой — «N/omine/ O/ mnipotens/ M/ater/ E/terni N/omin/e» — "Во имя Всемогушего. Богородица. Во имя Вечного». Такие надписи на клинках характерны для эпохи крестовых походов. Оружие относится к группе каролингских по происхождению мечей. Клинок западно-европейского происхождения, но рукоять его была смонтирована где-то в Северной Европе— в материковой Швеции или на острове Готланд. Этот меч мог попасть в Сибирь с новгородскими или ладожскими купцами; новгородцы, начиная с XI века, были главными посредниками в меховой торговле между Европой и уграми (и самоедами). Проторенные пути, которые назывались - "зырянской дорогой" или "русским тесом", вели севером предприимчивых торговых людей в Зауралье и Приобье, к местам так называемого «немного торго». Впрочем, не исключено, что меч **имел** | и более богатую событиями историю и попал на берег реки Омис отрядами Ермака. XII - XIII вв. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

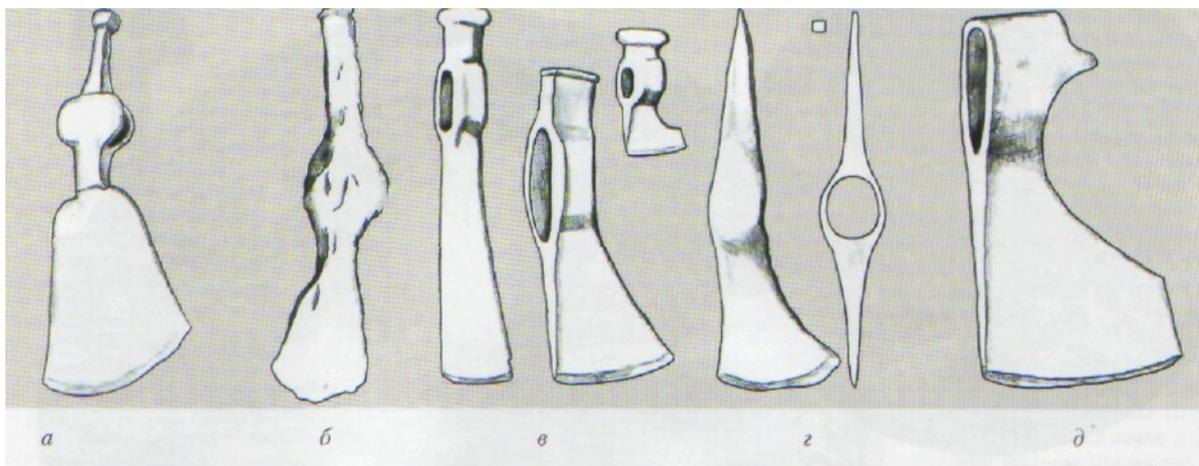

Рис. 34, а—д. Комбинированные топоры в тайге отличались большим разнообразием. Кроме кочевнических образцов Саяно-Алтая сюда попадали и восточно-европейские изделия (а, б, д). С узколезвийным бойком на длинной рукояти легковооруженный пехотинец вполне мог противостоять даже противнику в доспехах. Молоточки со шляпкой на буге (а) позволяли сокрушать панцирную защиту. Граненое острие (г) предназначалось для поражения противника в кольчатых доспехах. Реконструкции по материалам VIII- XII вв.

34

Пик распространения комбинированного бойкового оружия пришелся на последнюю четверть 1-го тысячелетия — время господства прочных ламеллярных доспехов. В эпоху развитого средневековья такое оружие встречалось уже достаточно редко. Топоры этого времени снабжались широким лезвием, были крупнее в размерах, а шпеньки у некоторых экземпляров приобрели вид граненого острия. Это явилось, с одной стороны, следствием некоторой политической стабилизации в тайге — в такие периоды всякое исключительно боевое оружие модернизируют, приспособлявая его к "мирной" работе (широкое лезвие топоров). А с другой, — связано с выросшей популярностью кольчуги, которую намного легче пробить граненым острием. Именно тогда пошли в обиход плоскообушные бойки, совершившие стремительную эволюцию от весьма архаичных клиновидных форм, известных еще с гунно-сарматского времени, до аналогичных современным плотничьим топорам с бородкой.

Плоскообушные топоры ковались двумя способами. В одном случае, заготовка из мягкого металла перегибалась на вкладыше посередине, и концы ее, сложенные вместе, расковывались. Предварительно между ними помещалась полоса твердой стали. Так получалось «самозатачивающееся» лезвие. При работе таким бойком мягкий металл боковин постепенно изнашивался, обнажая твердое стальное острие. В ином варианте, на одном конце пластины делался петлеобразный загиб, образующий проух; из другого же формировалось лезвие, на кромку которого наваривалась стальная полоса.

Копья в тайге тоже были универсальны. Древки у них, сравнительно со степными образцами, лишь ненамного превышали рост человека. Колющую часть делали ромбовидной или вытянутой треугольной формы, а в сечении — линзовидной или ромбической. Такое оружие характерно для эпохи раннего средневековья. Позже популярность копья пошла на убыль. Оно оказалось вытеснено пальмой или, как ее еще иногда называют, рубильным ножом. Сибирское население владело этим оружием с удивительным мастерством⁴.

Вспомогательным оружием ближнего боя служили разнообразнейшие кинжалы и ножи, просуществовавшие (в качестве боевого оружия) вплоть до XVII века, когда, судя по документам Сибирского приказа, они использовались в междоусобной войне "ясачных" и в схватках со «служилыми людьми».

Развитие боевых средств в эпоху позднего средневековья определялось поисками универсальных форм, которые отвечали бы как военным, так и хозяйственным нуждам. Клинковое оружие, с этой точки зрения, не вызывало большого интереса: эффективность его применения в условиях тайги была не столь уж высокой, а производство — дорогостоящим и трудоемким. Неслучайно в фольклоре наличие клинкового оружия отмечается лишь у отдельных князей и богатырей. Основным оружием ближнего боя (подходившем и для мирных трудов) становятся пальма, топор и нож; в списке защитного вооружения первой стоит кольчуга, иногда дополнявшаяся панцирем с внутренним бронированием.

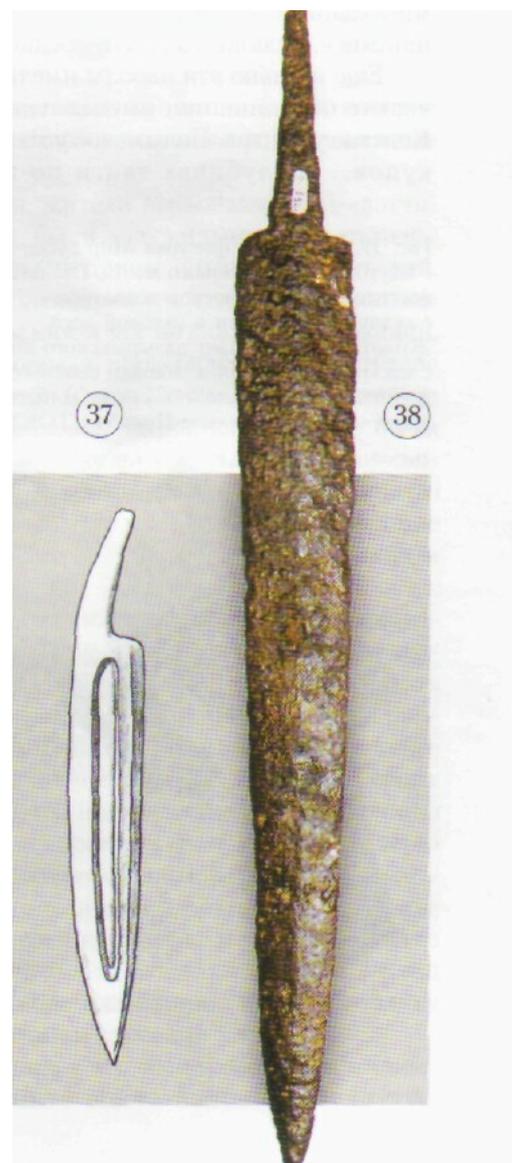
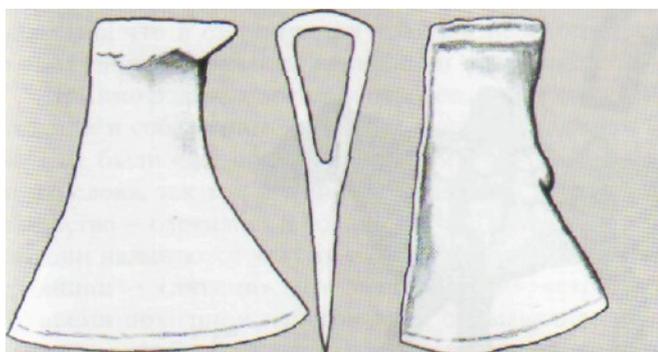

Рис. 37. Ножи таежных воинов в VI- VIII вв. (как и у тюрков) имели наклонную к лезвию рукоять. VI—VIII вв. Могильник Релка. Томское Приобье. По Л. А. Чиндиной. МАЭС ТГУ

Рис.38. Железный кинжал. Елыкаевская коллекция. МАЭС ТГУ

Рис. 35, а—в. Таежное рубяще-колющее оружие эпохи средневековья. Железные наконечники копий (а). Широкие наконечники копий имели двустороннюю заточку, позволявшую наносить режущие удары, граненые острия пробивали доспехи. Наконечники копий иногда использовались для создания кукол, изображающих почитаемого духа предка, что позволяет говорить о символической связи наконечника копья и духа умершего, Такие наконечники еще в начале прошлого века обматывались многочисленными тряпочками, пока не получалось антропоморфное изображение, которое помещалось в священный амбарчик. Древки копий (б) плотно обматывались сыромятной кожей для защиты его от рубящих ударов меча, сабли или пальмы. Пальма — большой, тяжелый нож (в), как правило, с односторонней заточкой на деревянной рукояти, мало уступающей по длине копью. В эпоху позднего средневековья пальма, как универсальное древковое рубяще-колющее оружие, стала наряду с топором популярным средством ведения ближнего боя и, превосходя копьё по своим фехтовальным возможностям, фактически вытеснила его с полей сражений. Среднее Приобье- а - VI—VIII вв. Елыкаевская коллекция. МАЭС ТГУ; б, в - конец XIX в. Этнографическая коллекция. Нижнее Приобье

Рис. 36. Средневековые топоры имели скос лезвия к рукояти, что позволяло делать ее прямой и достаточно длинной (свыше 50 сантиметров) и использовать оружие в ближнем бою. Вырез с тыльной стороны лезвия и оттянутая вверх к рукояти пятка бойка защищали руку воина от вражеского оружия при широком хвате топора, когда одна рука находилась под самым бойком оружия

36

Князя и дружина (VII-XII вв.)

С высоты сегодняшнего дня таежный мир выглядит очагом стабильности. В том огненном «котле», что бурлил на открытых просторах Северной Азии в эпоху бронзы, раннего железа и раннего средневековья. Лесной край остался в стороне от могучих миграционных волн на его южной периферии, которые катились дальше по степям Евразии, смывая одни археологические культуры и порождая другие. «Большой лес» поглощал без остатка попадавшие туда племена скотоводом — они растворялись среди его обитателей, перенимая их навыки ведения традиционного хозяйства и, в свою очередь, делясь технологическими достижениями и духовными ценностями собственной культуры. Высокая степень консервативности и стабильности таежной экономики, непрерывность в развитии местных культур (как минимум, с эпохи бронзы) позволяют без труда перебросить мостик в далекое прошлое. Нынешние аборигены региона (ханты и манси, селькупы и лесные ненцы) являются прямыми потомками кулайцев эпохи раннего железа, потчевашцев, устьишимцев, релкинцев эпохи средневековья.

Еще недавно эти народы имели свои военно-политические объединения, именовавшиеся «княжествами»: Кодкское у хантов, Нелымское у манси, Пегая орда у селькупов... В глубинах тайги по-прежнему спрятаны

Рис. 39. Бронзовая фигурка Мир-сусне-хума с Шутовского культового места. Всадник восседает на мифическом животном с туловищем лошади и головой лося. Животное напоминает пазырыкского коня с маской оленя. Облик лошади соответствует древнейшим мифам о "небесных копытных — лосях-оленях". Томское Приобье. ТОКМ

культовые места с священными амбарчиками — такими же или почти такими, как столетия назад. Старики, хранители этих мест, в своем далеком детстве слушали у костров былинные песни о героических делах предков, о божествах своего народа. Они — живые носители вековой традиции, которую вряд ли можно назвать окончательно изжитой.

В Западной Сибири героический эпос столь географически конкретен, что невольно провоцирует проверить степень его правдивости⁵. Конечно, героические предания не тождественны исторической хронике, но фольклор аккумулировал в себе память о событиях важных, с точки зрения средневекового человека. Многие из них попадали в легенды не как типичные, а, скорее, как выдающиеся. Внедрившись, таким образом, в сознание людей, они сами теперь диктовали норму поведения, рождали образцы для подражания. Так формировалась народная этика.

Рис. 40. Мир-сусне-хум в виде всадника-богатыря. Это изображение вполне реалистично. Перед нами всадник с непокрытой головой и распущенными волосами. В руке у него палаш. У лошади расчесана грива. Эта деталь отличает убранство коней лесного населения от принятых в тюркском мире обычаев выстригать гривы животных треугольными языками, вертикально стоящими над шеей. VII—VIII вв. Шутовское культовое место. Томское Приобье. ТОКМ

Рис. 41. Бронзовая птица - средневековый потомок кулайских воинских значков. Такие изображения во второй половине 1-го тыс. н.э. становятся популярным сюжетом таежного искусства. Скульптурка отражает обычные представления, по которым богатырские шапки живут самостоятельной жизнью, обращаясь в птиц и выполняя приказы хозяина. Однако, образ самой птицы никогда не был однозначным. Раннее средневековье.
ТОКМ

Угорские княжества часто дробились между членами княжеской семьи: в одном и том же «государстве» княжили одновременно несколько князей — два или три брата или дядя и племянник. Каждый имел своих людей, свое войско, но один из них при этом признавался главным князем. Центрами маленьких княжеств были городки, укрепленные валами и палисадами. В них обитали княжеский род, простые люди и немногочисленные рабы, преимущественно, княжеские.

Очень похожими на угорские княжества выглядели и объединения селькупов. Они тоже состояли из князей, воинов, рядовых общинников, рабов. У князей существовала собственная иерархия. Наряду с «большими князьями» — марг-коками были и мелкие, так называемые мюты-коки ("военные князья"). Отличались они лишь объемом власти. Мюты-коки имели с подвластными им населением и территорией («маленькими княжествами») входили в большое объединение, возглавляемое «большим» князем. Совпадает даже такая деталь: нередко княжеством управляет не один князь, а братья. Это явление, кстати, характерно и для других средневековых народов (вспомним хотя бы первых легендарных киевских князей-братьев Кия, Щека и Хорива).

«Большому князю» подчинялись и «богатыри»⁶ — главы родовых ополчений, собиравшихся при появлении врага или при подготовке собственного похода на соседей. Ограниченный по численности коллектив выставлял, соответственно, небольшой отряд. Богатыри вынужденно мирились с властью «большого» князя, вместе с мюты-коками соглашаясь быть его «вассалами». Подобные объединения распались сразу же после того, как опасность миновала.

В случае особо грозной опасности на борьбу поднималось все население княжества. О селькупах, например, известно, что в старину, при крайней необходимости, в ополчение включались женщины и подростки.

Помимо родовых военных отрядов, в таежное войско входили и собственные дружины князя. Правда, его воины не были еще профессионалами в полном смысле этого слова, так как в мирное время вели собственное хозяйство — охотились и ловили рыбу. В русских летописях они называются «служилыми остяками», а в устной традиции — «ляками» (что значит «воин», «стрелок»). Во время походов и набегов ляки обязывались нести военную службу. В серьезных военных акциях они часто возглавляли небольшие отряды ополчения. Набирались

они, как правило, исключительно из племени, которое объединяло в «княжество» различные родоплеменные группы.

Все кодские ханты, жители первоначальной «вотчины» князей Алачевых, были «служилыми» — в отличие от населения впоследствии присоединенных территорий. Подобная картина наблюдалась и в селькупских княжествах. Но стать воином князя мог не каждый. Желаящий, кроме физического здоровья, проверялся на соответствие целому ряду требований. Строжайшим образом следили за тем, чтобы у претендента на воинское звание были личные духи-покровители, культ которых устойчиво связывался с родовой территорией. Лица, в силу каких-то причин утратившие связь с землей предков и вошедшие в состав любого соседнего образования, в дружину князя не принимались.

Ловкость, физическая сила, выносливость, совершенное владение оружием, столь необходимые воину и охотнику, формировались у средневековых таежников с самого раннего возраста. Г. Новицкий в «Кратком описании о народе остяцком» писал, что у мальчиков в тайге только «едино рукоделие — стрельяние». Взрослые своих детей «...от молодых ногтей принаравливают к стрельянию из лука...». При этом подростки «...ничем бо иным через все житие свое не упражняются, яко сим единым промыслом, и таково хитростно в своем рукоделии изучены, яко всяк в младости своей изумился... и накрепчайшего зверя: медведя, лосей, оленя убивают, и даже... птиц всяких не только по воде плавающих, по и по воздуху летающих в самом летании стрелами улучают».

Среди многочисленных игр-трейировок была и такая: необходимо было сбить шесть палочек, воткнутых

Рис. 42. Комбинированные кольчато-пластинчатые панцири были, по всей видимости, венцом развития защитного вооружения в эпоху позднего средневековья. Их полностью металлическая конструкция позволяла использовать для создания защитного покрытия твердую, закаленную сталь. Форма и гофрированная поверхность пластин таких лат аналогична той, что была распространена в послемонгольское время у панцирей со скрытым бронированием, найденных в лесах Западной и Восточной Сибири. Скорее всего, подобные панцири ковались где-то в Южной Сибири для кочевой конницы XVI—XVII вв. и в ходе обмена могли попасть к населению южной тайги. Из коллекции Кузнецова-Красноярского. МАЭС ТГУ

Рис. 43. Три князя. Фигуры братьев-правителей — популярный сюжет таежного искусства. На этой серебряной бляхе обращает на себя внимание необычная форма головных уборов, которые напоминают трехлучевые короны, снабженные полумаской боевого шлема. Рельефно отлитые на ее поверхности персоны выделяются и другими регалиями высшей власти: поясами, шейными гривнами и дорогим клинковым оружием. В традиционных обществах с их достаточно простой иконографией образа огромное значение играл не сам портрет человека, а регалии, проясняющие его положение в обществе. В этих коронованных особах узнаются «большие» князья. Персонажи различаются между собой только шейными гривнами, указывающими на их социальное положение. Самая солидная гривна у центральной фигуры, чуть поменьше у фигуры слева. Лидер у таежников определялся не возрастом, а своим опытом и способностями. Занимая лидирующее положение, он был не господином, а «первым среди равных». 1-я половина 2-го тыс. Шайтанский мыс. Тобольск. ГИАМЗ

Рис. 44. Персоны в коронах. Исследователи часто видят здесь воинственные таманские пляски. Поза фигур позволяет идентифицировать эту композицию как коллективный танец. Известно, что шаманы при камлании использовали особые сабли, помогавшие им бороться с враждебными духами. Тогда следует признать, что здесь изображено несколько шаманов. Но сведениями о коллективных камланиях мы не располагаем. Изображенные регалии свойственны «большим» князьям. Позы их, возможно, навеяны изображениями на иранских и византийских серебряных блюдах. В фольклоре обских угров эпизоды с плясками отсутствуют. У кулайских художников — предшественников угорских мастеров — их также нет. Кулайцы изображали только личину, корону, гривну и оружие. VIII—X вв. Коцкий городок. Нижнее Приобье

Рис. 45. Коронованная особа. На этот раз таежный владыка стоит. Постоянное изображение сабель в обеих руках как будто указывает на то, что угорские князья владели искусством одновременного боя двумя клинками. Белая бронза. VII—IX вв. Могильник Барсовский I. Таежное Приобье. Екатеринбург. Уральский государственный университет

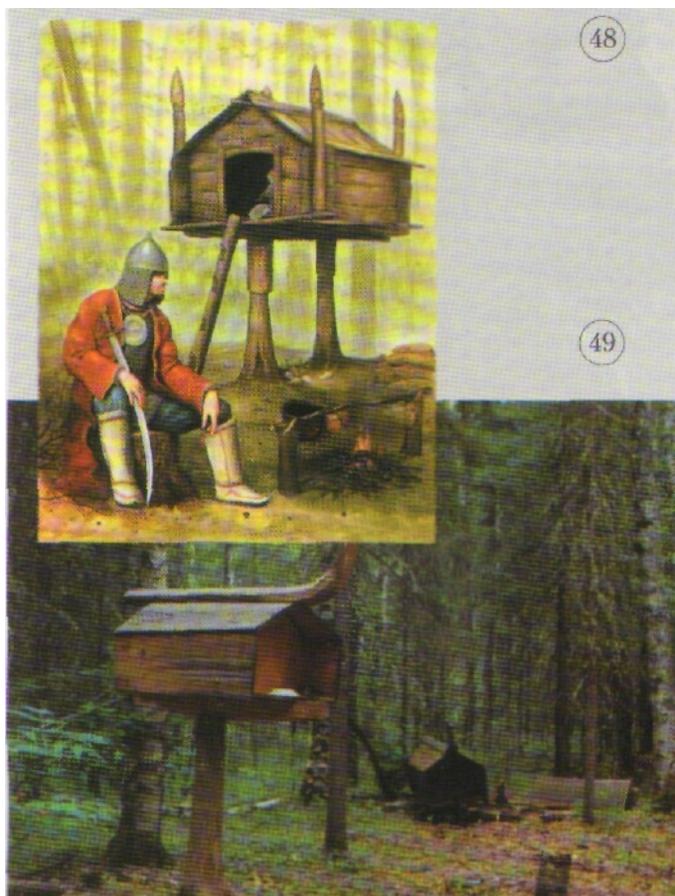

Рис. 46. «Трехглавая» фигурка изображает остяцкого князя. Некоторые детали позволяют объяснить странное устройство головных уборов таежных владык. Здесь «корона» представляет собой цепочку небольших головок, похожих на те, что вырезались у многочисленных деревянных идолов-духов. Подобные металлические изображения духов-помощников, расположенных по кругу, нередко встречаются на обручах шаманских «корон». Перед нами пример совмещения атрибутов светской и духовной власти. В данном случае, поверх боевого шлема одета шаманская - "корона". Среди последних попадаются изделия с «ненормально» большими обручами, значительно превосходящими размеры человеческой головы. Эпоха развитого средневековья. Находка у пос. Верхне-Нильдино. Нижнее Приобье. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 47. Остяцкий князь в позе «священного танца». Наряд "большого" князя отражает всю полноту его духовной и светской власти. На голове — металлический шлем с полумаской (а) и обручем в форме короны. К нему приклепаны священные изображения духов-предков (б) — их фигуры как бы образуют вторую корону и означают сакральную мощь правителя. В руках у него две сабли (в, г), которые вместе с шейной гривной (д) и поясом (е) символизируют полноту светской власти. К поясу прикреплен нож предков со священной бронзовой рукоятью (ж). Князь одет в кольчато-пластинчатый панцирь (з). Верхнюю часть груди закрывает металлическое зеркало со священным изображением (и). Роскошный халат из «полотна многих земель» завершает облик владыки (к). Середина 2-го тыс. Реконструкция по материалам Нижнего Приобья из музеев Тобольска, Екатеринбург, Томска, Новосибирска

Рис. 48. В таких культовых амбарчиках обские угры помещали изображения божеств и духов-покровителей. Здесь совершались жертвоприношения, разыгрывались, священные церемонии. «Большие» князья, подчеркивая свою «связь с великим духом», переносили его изображение в свое жилище или городок-крепость и становились его "верховными жрецами". Наверное, многие из них действительно обладали шаманским даром, с успехом используя это на войне. Вожди же родо-племенных ополчений вместе со своими людьми продолжали поклоняться старым святыням, скрытым в местах родового культа. Сюда несли оружие и подарки: бронзовые зооморфные фигурки, подвески, серебряную посуду. Культовые места становились арсеналами, оружие из которых при необходимости использовалось по своему прямому назначению. Сам идол часто выступал в роли боевого фетиша, укреплявшего дух своих подопечных. Вокруг изображенного амбарчика установлены деревянные фигуры менквов, призванных защищать жилище главного бога. Менквами назывались лесные духи. По некоторым представлениям, они высоки как дерево (часто выглядят как ель), у них огромная физическая сила. Менквы без труда меняют свой облик, превращаясь, помимо дерева, в насекомых, земноводных или пресмыкающихся. Менквам, как и другим духам, приносили жертвы, лучшей из которых считался конь черной масти

на ковше (Большом Медведицы - А. С.) в середине видит звезду значит, хорошее зрение». Заезавшегося ребенка могли бестрепетно обжечь раскаленным железом, добываясь, чтобы он при малейшем шорохе или прикосновении мгновенно отскакивал в сторону. Мальчиков посылали рубить дрова тупым топором. Надо было ударить сперва одной рукой, потом перебросить топор в другую руку - и так без усталости, пока не перерубишь большое бревно. Старики следили, чтобы не было просто. Ручка топора стирала в кровь руки, зато потом ладонь «разительно напоминала черепаший панцирь. Кожу на ладони было невозможно промять. На ребре ладони белели мозоли. Ороговевшие бугры покрывали всю ладонь, которая при этом гнулась, и все пальцы выглядели нормально».

Большое внимание уделяли бегу, бегу с грузом, прыжкам, метанию камней, копий, ношению тяжестей (камней, бревен), многочасовым пляскам под ритмичные удары бубна — все это приучало к выносливости, вырабатывало особую манеру двигаться, что было важно и рукопашных схватках. Порой для поддержания "спортивной формы" мужчины ходили на охоту в панцирях. В фольклоре есть сведения о состязаниях и военных играх на особых площадках возле городищ и поселений — в таких «забавах» иногда участвовали и чужеземные богатыри, присматриваясь к возможному неприятелю.

Взрослые мужчины любили соревноваться в стрельбе, и прыжках в высоту через ремни, натянутые между столбов, в борьбе, в беге на лыжах, в толкании ногой каменных глыб или в сталкивании друг друга с места, вломании голыми руками крупных костей животных. «Богатырь, особенно отличившийся в каком-нибудь из этих воинских упражнений, — писал собиратель эпоса остяков Прииртышья С. К. Патканов, - нередко получал особое прозвище; оно, таким образом, увековечивало его подвиги». К примеру, один из эмдерских богатырей назывался — «Богатырь, разломавший долго сушеное конское бедро».

Боевому воспитанию воинов в немалой степени способствовали героизация подвигов легендарных воинов и многочисленные военизированные культы и обряды, посвященные духам-охранителям и божествам высшего ранга.

Лошади в лесу были редкими, преимущественно транспортными животными. За этими «славными крылоногими животными» совершались дальние экспедиции в полуденные страны. Так, например, делали богатыри

Рис. 49. Таежное святилище Мис-хум-ойки в верховьях северной Сосьвы. Мис-хум "лесной человек". Отличить лесных людей можно по высокому росту и семи пальцам на руках. Обитали они в труднодоступных таежных местах и были доброжелательны к людям. Основным занятием мифических лесных людей была охота на зверей, а вместо собаки, по представлениям манен, им служил соболь с шелковым шнурком на шее

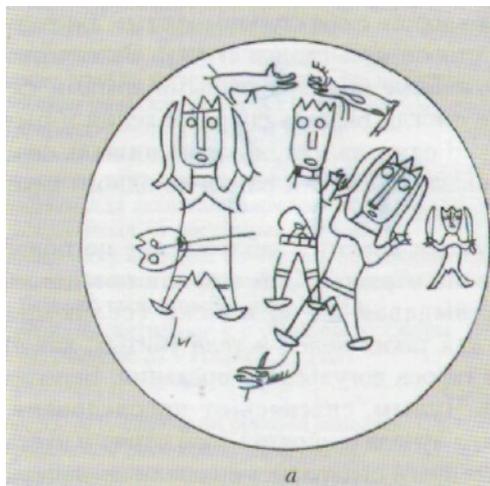
"Города на Стерляжьей протоке" — Кары поспат-урдат-Вош. Лошадей, особенно светлой масти, приносили в жертву Мир-сусне-хуму.

Лучшим средством передвижения мобильных военных отрядов в таежных условиях были лыжи (зимой) и юркие лодки (летом). Именно эти средства обеспечивали внезапность атаки, гарантирующую ее успех.

Чтобы уберечься от таких нападения, аборигены тайги всячески маскировали свои жилища. Попасты в некоторые из них, по преданиям, можно было только по подземному ходу. Весь строительный и бытовой мусор прятался или уничтожался. Таежники создали даже целую систему оповещения и сигнализации. Например, натягивали низко над водой, поперек реки или протоки, веревки с шумящими подвесками. Налетевшая на них лодка поднимала звон, обнаруживая себя. Подобные преграды устраивались вокруг городков и на суше. На тайных тропах устанавливались настороженные самострелы. Тишина ассоциировалась с безопасностью резкие крики ворон или стрекотание сорок, шумные взлеты куликов, гнездившихся у берегов речных протоков и озер, были для чутких таежников сигналом тревоги.

С пассивной системой оповещения и охраны совмещались активная и визуальная. Предания повествуют о «дальнозорких и чутких ухом» сторожевых, выставляемых на дальних подступах к поселению. Караульные, по материалам сказаний, иногда находились в самом городке — на помостах, поднятых на высокие столбы. В том случае, когда между несколькими городками заключался военный союз, жители подвергнувшегося нападению селения сигнализировали о беде красными флажками — для этого служили специальные высокие шесты. «Сообщение» быстро передавалось по "беспроволочному телеграфу" — рыболовами и охотниками — и доходило до союзников.

Залогом успешного похода против неприятеля были скрытное и быстрое передвижение, которое осуществлялось даже ночью, тихое и незаметное выслеживание противника. Так, один из военных предводителей давал следующие наставления своему отряду: «Когда вы, мои триста мужей, пойдете, пусть не шевелится соринка, пусть не шевелится былинка! Не делайте столько шума, сколько комар (делает)!» При несоблюдении этих

50

Рис. 50, а. б. Изображения братьев-хозяев. На одном на них (б) у «старшего» (в центре) видны в руках отрубленные вражеские головы. Из героических преданий средневекового **Обь-Иртышья** следует, что техника снятия скальпа включала отделение головы, точно так же, как это практиковалось столетиями раньше у жителей Верхнего Приобья. Вероятно, головы врагов считались почетными трофеями. Во всяком случае, среди граффити на серебряной посуде и мелкой бронзовой пластике передки подобные **изображения** "старшего" князя с жуткими знаками победы в руках (б) или у пояса (а). Чем больше набиралось такого рода военных «триумфов», тем выше был статус победителя. о — рисунок на дне серебряной чаши. **Приуралье**, По Даркеничу; б — УП-УШ вв. Васюганский клад. Бассейн р. Васюган. МАЭС ТГУ

Рис. 51, а, б. Шаманские сабли снабжены шумящими подвесками — витыми кольцами, надетыми на гарду, также изготовленную из перекрученного прута. Витые элементы — характерная черта шаманской атрибутики. Эти сабли созданы уже под влиянием русского оружия и похожи на армейские шашки, а — общий вид; б — эфес. Этнографическая коллекция. Селькупы. Сборы И. Н. Гемуева. МА ИАЭТ СО РАН

условий отряд рисковал остаться ни с чем или попасть в засаду. На марше отряды старательно избегали встреч с рассеянными по тайге промысловиками, захватывая, впрочем, по мере необходимости, языков.

Устраиваясь на ночлег, вокруг лагеря выставляли караульных. Атмосфера такого ночлега оживает в сказании «Про двоих сыновей мужа с размахистой рукой и тяпарской женщины»: «Всякий раз на одной стороне (один) муж ложится, на другой стороне (один) муж бодрствует, как только спящий муж пробуждается.

бодрствующий муж ложится. На чужой стороне, на чужих водах ими вследствие неизвестности овладевает страх». В походах немногочисленные тяжеловооруженные воины и во сне не расставались со своими доспехами.

Даже если предварительно посылался вызов на войну, таежники всегда стремились напасть внезапно. При этом не считалось великим грехом перебить спящих. Вообще, умение перехитрить противника и напасть врасплох превозносилось как доблесть. Яркий образец такой тактики дает летописец, повествующий о посягательстве вогуличей на епископа Питирима Пермского. Получив необходимую информацию о планах владыки, вогульский князь Асыка «велел набросать на плоты множество срубленных елей, которых густые ветви скрывали его войско, так что вооруженные смертью плоты... издали имели вид плавучих деревьев, будто подмытых напором воды», что часто, добавим от себя, встречалось в еще девственной природе Пермского края. Когда же груды деревьев подплыли к мысу, внезапно из-под них «толпы вогуличей выскочили на берег и яростно устремились на Питирима».

Сильного врага заманивали в засады, которые были очень эффективны даже при борьбе с технически превосходящим противником. Вот один из случаев нападения верхотазовских самоедов на служилых людей. «Во время сбора ясака, заряда ружья», служилые люди ехали дорогой, «а по той же дороге с обе стороны кусты». Внезапно из них с обеих сторон посыпались стрелы. Захваченные врасплох и окруженные многочисленными врагами, служилые люди не смогли оказать сопротивления и были перебиты. Только один из них, «ухвати пицаль свою стрелял по юракам однажды и ранил-де одного юрак»; в руку».

Таежники умели ввести в заблуждение по поводу численности своих отрядов. Они ставили позади себя снопы травы, выдавая их за войско (селькупы) Использовали для таких целей и тела убитых, как это сделал один из героев вогульского предания. Берегаевский богатырь Чулым, спасаясь от преследования рассадил у костра чучела и спрятал свой отряд в кустах Когда обманутые враги подкрались и напали на «лагерь», воины из засады расстреляли чужаков. В иных случаях противника хитростью выманивали из укрытия, заставляя приблизиться на расстояние верного выстрела.

Применялись хитрости и психологического плана Например, на пояса нередко привязывалась различная лязгающая снедь «вместо кольчуги, чтоб вид сделать что... в кольчуге, чтоб брэнчалю». Учитывая традиционно почтительное отношение к панцирю как «внушающем страх одеянию из полотна многих земель», эффективность такой «обманки» была весьма значительна.

Нападающие отличались свирепой жестокостью и беспощадностью. Предания рисуют тотальное уничтожение населения поселков. Не щадили при этом даже детей. Победители сдирали скальпы, увечили тела. Правда, эти действия во многом были ритуальными

В представлениях обских угров волосы человека связаны с одной из его душ. Человек, лишенный волос, теряет так называемую «маленькую душу». Он становится слабым и робким. Кстати, непременным атрибутом богатырей и героических преданиях обских угров являются косы.

В этом кроется и причина того, что обычай скальпирования у обских угров был столь распространен еще в недавнем прошлом. Стремление уничтожить душу врага, а следовательно, не дать ему возродиться, побуждало победителей «сдирать радужно отливающую головную кожу», а побежденных — из последних сил ее спасать, Сохранить волосы считалось гораздо важнее, чем спасти жизнь.

Аналогичное отношение к волосам прослеживается и в селькупском обществе. Человек, лишившийся волос,

Рис. 52. С вхождением Сибири в состав Русского государства военная напряженность в таежном Прибые быстро снижается, однако оружие по-прежнему высоко ценится. Несмотря на строгие запреты, торговые люди с выгодой для себя контрабандными путями поставляют сюда дорогие клинки, снабжая ими, в обмен на пушнину, местное население. Вместо обычных для прежних времен восточных клинков, в Прибые все чаще попадает продукция западных оружейных мастеров, которая быстро вытесняет изделия местного оружейного ремесла. Она оседает, в основном, на культовых местах, используется в священных церемониях и лишь иногда в таежных сечах. Эта широкая короткая польская сабля XVII века — «карабела»⁹ — с навршием в виде стилизованной головы орла на рукояти открытого типа и характерным перекрестием, удобном для захвата вражеского оружия, происходящая от восточных (турецко-персидских) клинков, проделала неблизкий путь от Польши до мансийского святилища на берегах таежного Ляпина. XVII в. Домашнее святилище у с. Ломбовож. Сборы И. Н. Гемужева. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 53, а, б. Еще один образец западно-европейской клинковой продукции, обнаруженный в низовьях Оби, — кавалерийская сабля с надписью FRINGIA, звездами, кабалистическими знаками солнца и луны на лезвии, которыми некогда метил свои изделия Петр Миних (а). Лезвие с такой надписью производились в Северной Италии и предназначались для стран Востока. Знак FRINGIA также встречается на польских сабельных клинках XVI—XVII вв., многие из которых были хорошей местной подделкой. Со временем такой знак стал здесь синонимом лезвия хорошего качества. Сабли этого типа не редкость и среди находок в таежном Прибые. До сих пор их можно встретить среди культовых предметов местного населения. XVIII в. Польша. а — домашнее святилище у с. Ломбовож на р. Ляпин; б — домашнее святилище у с. Яны-Пауль. Верховья Северной Сосьвы. Сборы И. Н. Гемужева. Л. В. Бауло. МИКНС ТГУ

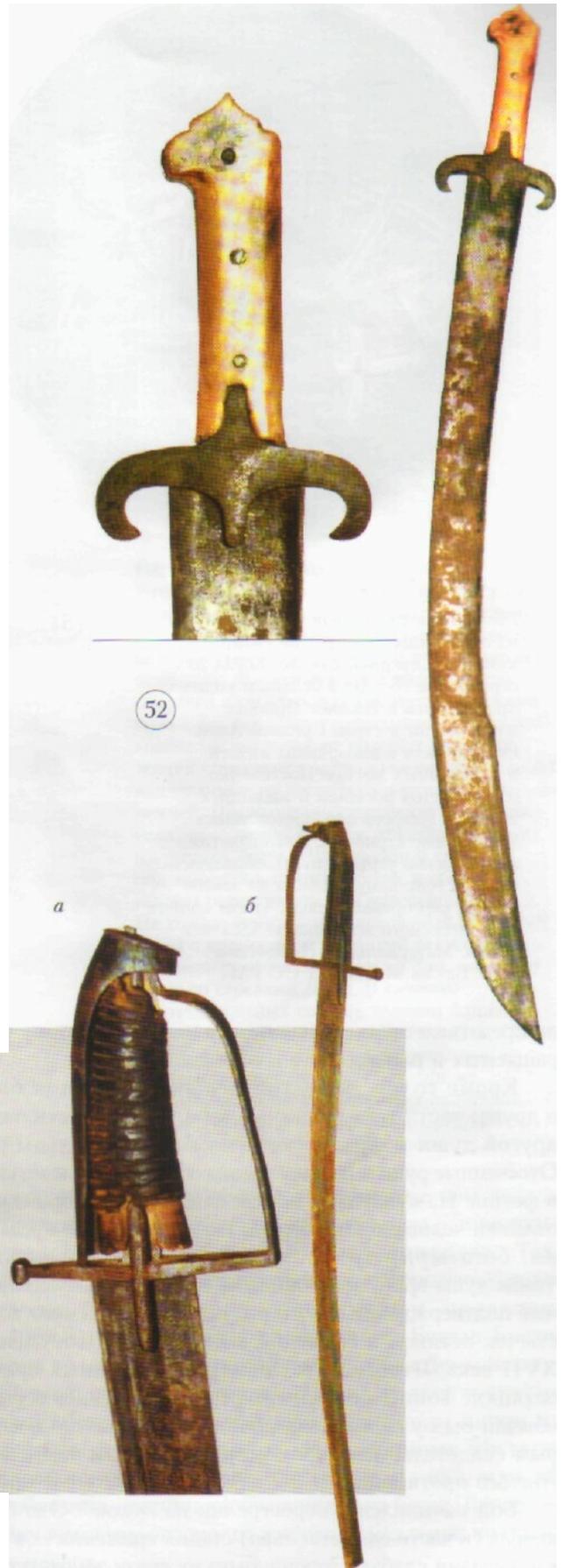

Рис. 54. Средневековая серебряная чаша из святилища Торум-ойки (Мир-сусне-хума) на Северной Сосьве. Когда-то серебряные сосуды и в большом количестве привозились в Нижнее Приобье из Византии и стран Средней Азии. Они оседали в амбарчиках князей и жертвенных местах. Постепенно из предметов роскоши и желанных военных трофеев они превратились в культовые атрибуты. Два столетия назад обские угры (манси), обращаясь к Мир-сусне-хуму, ставили на землю четыре серебряных блюда, чтобы копыта коня небесного всадника не касались земли. Материалы И. Н. Гемуева. А. В. Бауло. МА ИАЭТ СО РАН

по представлениям селькупов, терял волю. Поэтому у обращаемых в рабство людей обрезали косу.

Кроме голов, объектом особого внимания были и другие части тела. Селькупы верили, что вместилищем другой души и физической силы служат пальцы рук. Отсеченные руки и пальцы, таким образом, превращались в фетиш. На культовых местах найдены даже бронзовые отливки человеческих кистей. По селькупским преданиям, богатыри отрезали у мертвого врага пальцы, чтобы душа врага не причинила им вреда. Документальные подтверждения такого ритуала, совершаемого после стычек остяков и самоедов, содержатся в документах XVII века. Чтобы забрать силу поверженных врагов, остяцкие воины поедали их сердца. Не менее жуткий обычай был у селькупских бойцов, которые, по некоторым свидетельствам, кроме сердца, съедали еще и мозг убитого противника.

Бой начинался с перестрелки из луков¹⁰. Это была первая (и часто единственная) стадия сражения — в случае неудачи слабая сторона, бывало, сразу же отступала.

Рукопашная схватка имела вспомогательное значение. Порой перед строем воинов или под стенами осажденного города устраивалось единоборство военачальников, этим тоже могло ограничиться столкновение сторон. Смерть или поражение одного из вождей автоматически означало победу над всеми его воинами. Победители расправлялись с врагами, забирали добычу и уходили.

Перед началом поединка участники договаривались о том, как они будут сражаться. Обычно поединок начинался с состязания в стрельбе. Если перестрелка не приносила удачи ни одному из них, соперники переходили к более решительным действиям, поэтапно используя все имеющееся у них оружие. Если же и тогда победитель не выявлялся, то начинался рукопашный бой. Таким образом, схема поединка соответствовала практически по всем пунктам той схемы, по которой разворачивались большие сражения.

Описанные поединки не всегда заканчивались гибелью одного из участников. Если ни одной из сторон не удавалось в течение длительного времени одержать победу, противники нередко расходились, давая взаимную клятву «не идти сражаться друг с другом на женский век, не идти сражаться друг с другом на мужской век. Кто из (нас) богатырей сделается нарушителем клятвы, у того пусть будет содрана его отливающаяся головная кожа».

Сведения о боевых порядках таежных войск крайне скудны. Судя по некоторым фольклорным данным, во время боя наряду с рассыпной стрелковой цепью использовались и более сложные построения.

Зачастую воины отправлялись в поход на лодках, лишь изредка высаживаясь на берег. Извилистые реки, многочисленные укромные протоки, обширные заводи и тихие плесы, крутые, поросшие густым лесом берега — все это давало преимущества и при нападении, и при обороне. Лодочные «флотилии» на небольших речках из засад осыпались тучами стрел. Прежде всего, старались поразить живую силу. Впрочем, если лодки были берестяные, то основная стрельба сосредоточивалась на них.

В нужных местах устраивали заторы, не позволявшие пристать к берегу. С той стороны, откуда ожидалось нападение неприятеля, устанавливали своеобразные «мины»: на относительно мелководье с быстрым течением в дно «подобные журавлиным ногам» забивали колья — их острия направлялись туда, откуда должен был появиться враг. Колья забивались до тех пор, пока вода не скрывала эти острия. Лодки неприятеля, налетая на преграду, получали повреждения, а люди — увечья.

Некоторые городища таежного средневековья выглядят как временное укрытие, где окрестное население пережидало опасность, — небольшие по площади, без видимых следов каких-либо «капитальных» жилищ, но зато с крепкими оборонительными сооружениями.

В целом же, внешний облик укреплений хорошо реконструируется по археологическим данным и фольклорным сведениям. Городища, как и в прежние эпохи.

строили на господствующих высотах, выдающихся мысах или коренных террасах вблизи оврагов, а также на островах. Во всех случаях укрепленные естественные позиции усиливали строительством защитных конструкций.

Склон окапывали почти до отвесного состояния. Вынутой землей часто подсыпали площадку, использовали ее и для создания иачов. В зависимости от обстановки, рвы и валы устраивали либо с наименее защищенной пологой стороны, либо по всему периметру. Подход к городищу, таким образом, максимально сужался.

Удачное расположение подобной крепостцы позволяло защитникам отражать нападения, концентрируя всю огневую мощь на достаточно небольшом участке атаки.

Рис. 55. Этот таежный воин середины 2-го тыс. облачен и привозную кольчугу (а), Поверх нее туловище закрывает нагрудник и наспинник, собранные из крупных пластин, которые приклепаны изнутри к матерчатому покрытию (б). Нагрудник с наспинником соединен на плечах и боках металлическими пряжками (в). Плечи защищены выпуклыми коваными щитками, от которых до самых локтей спускаются металлические полоски (г), наклепанные на несколько вертикальных ремней. Широкие металлические пластины, связанные между собой с изнанки ремнями, закрывают бедра (д). В таежной среде подобное бронирование было, в общем-то, венцом развития средств нательной защиты. На голове воина - цельнокованый железный шлем с кольчужной бармицей (е). Оружие нападения составляют пальма (ж), сабля (з) и лук со стрелами (и, к). В качестве вспомогательных средств ведения ближнего боя представлены топор (л) и нож (м). Такие «витязи» выходили на поединки, предшествовавшие сражению; они же прорубали бреши во вражеских палисадах. Реконструкция по материалам Среднего Приобья

Многорядная система обороны и заливные рвы делали крепостцы действительно крепким орешком — и не только для средневекового таежного воинства. Так, в 1194 году осада Югорского городка новгородской ратью воеводы Ядрея закончилась полным провалом, а в 1581 юлу опытный соратник Ермака Богдан Брязга три дня не мог взять остяцкий городок близ Демьянского.

Зимой, согласно легендам, валы городков и крутые склоны обрывов обливали водой. С внешним миром их жители общались с помощью деревянных мостков, поднимавшихся в случае нападения на вал, или же своеобразных лестниц, опускавшихся па берег. Такую лестницу в минуту опасности жители немедленно подтягивали вверх.

В богатырских былинах содержатся довольно реалистичные описания укреплений. Вокруг городища плотно стоят палисады «высотой в 7 лиственниц»; конечно, такая высота нереальна, это гипербола, однако длина частокола 3—6 метров представляется вполне допустимой. Бревна стоят настолько плотно, «что ящерице негде пролезть». Они высятся порой в несколько рядов. Снизу проделаны бойницы, через которые простреливаются близлежащее пространство и, по всей вероятности, ров. Стоящие возле бойниц воины в паузах между выстрелами закрывают их топором так, что вражеские «стрелы обратно улетают». На стенах устроены площадки для верхнего боя — оттуда сбрасывают специально заготовленные бревна на головы осаждающих.

Археологические материалы помогают сделать ряд дополнений к подобному рода свидетельствам. В ряде случаев валы имели в основании забутованный и засыпанный землей каркас из выложенных клетью бревен.

Рис. 56. Серебряная птица - украшение колчана. В такую фигуру превратилась к XVII веку птица кулайского времени. Это изделие — типичный пример трансформации многовековой традиции. О былом образе напоминает лишь птицевидный силуэт и крупный **кабашон**, расположенный на том месте, где некогда отливались личины. Два **кабашона** на крыльях помещены там, где у трехголовых средневековых птиц располагались две другие головы. Оперения уже нет, поле фигурки заполнено декоративными элементами. XVII в. Могильник Абрамово-10. Новосибирская область. МА ИАЭТ СО РАН

К ним для уплотнения засыпки добавляли поселенческий мусор (в основном, расколотые кости, черепки глиняной посуды). Иногда строился своеобразный фундамент из крупных камней, перекрытых бревнами. Дополнительные меры по укреплению рва сводились к облицовке его стенок деревом, которое покрывали слоем обожженной глиняной обкладки. Обнаружены и упоминаемые в фольклоре палисады, замыкавшие линию обороны. Строительство укреплений сопровождалось магическими обрядами и жертвоприношениями, в том числе и человека, — их следы нередко обнаруживаются в основании вала.

Наиболее распространенным способом взятия городищ было нападение врасплох — атакующие пытались незаметно подкрасться к входу и, пользуясь нерасторопностью защитников, ворваться в укрепление. С этого начиналась (а порой этим и заканчивалась) осада.

В другом случае, нападавшие оттаивались на открытой штурм. Под прикрытием латников лучники, обстреливая неприятеля, подбирались к самым укреплениям. Пока они засыпали защитников градом стрел, тяжеловооруженные воины рубили стену, пробивая в ней брешь для решительной атаки. Противник, разумеется, предпринимал активные ответные действия — стараясь или поразить стрелой агрессора, или же придавить его бревном. Иногда осажденные делали попытки проткнуть назойливого пришельца сквозь прорубаемое отверстие, пока оно еще было слишком мало, чтобы он мог что-нибудь заметить.

Успех мог принести и ложный отход, когда осаждавшие, якобы отступив, а через какое-то время незаметно возвратившись на свои позиции, внезапно нападали на вышедших из укреплений и праздновавших победу защитников городка. Результативным этот прием был после продолжительной (по местным масштабам) осады — осажденные, томимые голодом, после «исчезновения» противника открывали ворота. Очевидно, брали укрепления и измором, хотя это было, скорее, исключением, чем правилом.

Обороняющиеся в удобные моменты предпринимали вылазки и наносили осаждающим ощутимый урон, порой вообще вынуждая их к бегству — как повествует легенда о Салхане, герое Демьянской области, и как случилось с новгородской ратью воеводы Ядрея.

В итоге таежному населению удалось создать многоплановую систему ведения войны, удивительно приспособленную к условиям пересеченной, заболоченной, изрезанной реками и протоками местности. Она удачно сочетала в себе тактику ведения военных действий малыми маневренными группами с созданием опорных точек долговременной обороны в виде крепостей и городков.

«Bella omni contra omnes» (война всех против всех) в западно-сибирской тайге была истари нормой жизни, являясь питательной средой для возникновения воинских культов и воспитания отличных воинов. Именно таежникам удалось создать целостную систему боя на ограни-

чеином пространстве. Их боевая школа основывалась на использовании ряда уникальных приемов, развивавших реакцию и концентрировавших внимание и внутреннюю энергетику человека до уровня, сопоставимого с тем, который был свойствен шаманским действиям. Из этой школы выходили замечательные следопыты, неутомимые и выносливые охотники, «чуткие ухом» и "зоркие глазом" бойцы.

Однако постоянные войны несли серьезную угрозу самому существованию народа. Потери и без того немногочисленного населения таежных княжеств, понесенные в ходе непрерывных боевых стычек, оказывались невосполнимы. С вхождением Сибири в состав Российского государства насущной задачей метрополии стала беспощадная борьба с междоусобицами, грабежами, разбоями

и «войной всех против всех». Результаты этой последовательной борьбы не замедлили сказаться. Постепенно исчезли таежные дружины, а князья и богатыри принялись на вверенных им территориях развивать промыслы. Боевое оружие, воинские регалии и экипировка превратились в безобидные предметы культового поклонения. На культовых местах теперь хранились и палаши со шпагами, которыми награждала потомков местной аристократии русская администрация. Так на века запечатлелась память о боевом прошлом народа.

По-разному можно оценивать последствия вхождения Сибири в состав Российского государства. Однако стоит отметить тот несомненный факт, что именно протекторат России спас сибирские народы от неминуемого самоистребления.

Рис. 57. Воин эпохи позднего средневековья. Это время отличается в тайге постепенным сокращением числа военных столкновений - поэтому экипировка становится все более универсальной, приспособленной и к хозяйственной, и к военной деятельности. К специфическим боевым средствам относится лишь кистень (а). Долбленный деревянный колчан (б), который носили за спиной, вполне можно назвать охотничьим. Он надежно защищает стрелы от случайных поломок. От панциря осталась лишь тарелка зеркала (в) на груди, которая служит магическим оберегом и социальным знаком. Реконструкция по этнографическим материалам Нижнего и Среднего Приобья

Заключение

Прошли века. Закончились войны. Поросли травой курганы степных батыров. Весной к провалинам на их макушках взбираются чуткие сайгаки, а летом сурки да суслики обозревают отсюда окрестности и с резким сиистом, учув опасность, ныряют в провалы грабительских ям. Не курятся у подножий каменных изваяний жертвенные дымки. На верхушки стел близ забытых поминальников садятся отдохнуть степные орлы. Обрушились в глубинах тайги стены княжеских городков. Затянулись землей рвы у их подножья. Толстый слой листвы и хвои укрыл котлованы жилищ и площадки воинских ристалищ. Ушли в века богатыри и их дружины. Но славу о них бережно хранит народная память. А вырезанные из дерева священные изваяния воителей напоминают о временах, когда все они были живы и воевали друг с другом. И война была нормой жизни в тайге и степи.

Мы заканчиваем книгу, на страницах которой перед нашими глазами промелькнули семь тысячелетий, полных побед и поражений, триумфа и отчаяния. Многого осталось за пределами повествования, и многое еще только предстоит выяснить ученым. Наука находится в постоянном движении, и то, о чем сегодня мы говорили лишь предположительно, уже завтра, быть может, раскроет свои секреты. Вероятно, навсегда останутся тайной какие-то существенные особенности воинских ритуалов, то сокровенное, что не оставило после себя материальных следов.

Судить о культуре военного дела и о нормах ведения войны с позиций наших дней вряд ли верно. Конечно, война — несомненное зло. Но зло это всегда конкретно и адресно. Если что-то из прошлого кажется нам сегодня излишне жестоким и кровавым, то оценивать эту жестокость нужно, отталкиваясь от системы народного мировоззрения, но никак не от представлений современного человека. Понять и почувствовать прошлое можно, лишь поместив себя в декорации ушедшего времени.

Древний мир в каждую эпоху был внутренне взаимосвязан, и нормы боевого поведения, присущие разным культурам, перекликались между собой. Так, обряд скальпирования, распространенный практически повсеместно, представлял собой мистическое уничтожение врага. В сознании людей одновременно с земной войной шла война сакральная. Победенный не ждал пощады, ибо на месте врага он в точности повторил бы его действия. При этом можно было проявить милосердие, сохранив противнику жизнь. Правда, не физическую жизнь, а сакральную, не подвергая тело воина операциям, призванным уничтожить его душу.

В других случаях жестокость была вынужденной и, с культовых позиций, неизбежной. В таежных преданиях победители истребляют практически всех жителей захваченных селений. Согласно мистическим представлениям, у каждой территории существовал свой дух-хозяин (родовой или семейный предок), оберегавший ее и доставлявший немало бед захватчикам. Его жизнь продолжалась до тех пор, пока на земле был жив хоть кто-нибудь из его потомков по мужской линии. Поэтому, чтобы умертвить духа-хозяина, следовало расправиться не только со взрослыми, но и с детьми. Вот и пытались осажденные, в предвидении скорой гибели, спасти хотя бы одну будущую мать в надежде, что у нее родится сын-мститель, который продолжит род. Впрочем, нападавшие иногда убивали не всех, делая исключение для младенцев. Считалось, что младенческая намять чиста, как белый лист, — это позволяло воспитать их уже как своих собственных соплеменников. Человек без памяти, без связи с предками — не человек.

И так было не только в тайге. Подобные примеры можно привести из практики и степных завоевателей. Чингисхан, например, аналогичным образом поступил с «провинившимся» племенем меркитов. Другим верным способом борьбы с духами-предками чужих территорий являлось разорение могил. Именно так, судя по материа-

лам могильника Ростовка, поступили с захоронениями чужих воинов местные жители — разбросали кости и не тронули драгоценные бронзовые изделия. Проникновение в могилу в эпохи раннего железного века и средневековья осуществлялось не ради корысти, а с единственной целью мистического уничтожения духов. Надо полагать, этот процесс сопровождался различными обрядовыми действиями, совершаемыми "священниками" самого высокого ранга. Это была страховка — по мысли древних (к которой стоит внимательно прислушаться и современным исследователям) даже простейшая могильная вещь без специальной церемонии "очищения" наносила непоправимый ущерб прикоснувшемуся к ней. Все это касается не только Сибири, но и всего древнего мира. Вот как, по Геродоту, ответил скифский царь Иданфирс персидскому царю Дарию: «Мое положение таково, царь! Я и прежде не бежал из страха перед кем-либо и теперь не убегаю от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил и сражение с тобой — это я тоже объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет». То есть эти могилы охранялись с особой тщательностью. Ассирийский царь Ашшурбанипал перевез кости царей Элама и тем самым «вселил беспокойство в их души и лишил их заупокойных жертв и возлияний», а в Ниневии побежденных царей "заставляли крошить и толочь в порошок кости своих предков, как самое ужасное наказание для потомков".

Война, вызывающая самые глубокие человеческие эмоции, всегда была связана с многочисленными ритуалами и табу.

Военная магия сопровождала экипировку и облачению воина. Особые рисунки и знаки-обереги наносились

не только на тело бойца, но и (как свидетельствует военная практика североамериканских индейских племен) на туловище лошади. К сожалению, мы немного знаем о древних лошадях — верных товарищах воителей Сибири в изнурительных походах и кровопролитных сражениях. В отличие от вошедших в анналы античной истории Буцефала и Инцитатуса — коней Александра Македонского и Калигулы, мы не знаем, как называли своих любимцев всадники и колесничие огромного «варварского» мира, которым простирался за Уральскими горами. Особенности их экипировки и убранства сейчас являются предметом многих серьезных научных исследований. Далеко неслучайна была популярность в воинской среде образов других копытных — клыкастых кабанов, козлов и оленей с могучими рогами. Думается, облик этих «боевых» животных, вооруженных самой природой и способных отразить нападение хищника, был особенно близок и понятен каждому воину.

Мы надеемся, что этот рассказ о доспехах и оружии древних сибиряков поможет читателю погрузиться в бурную жизнь наших предков и оживить ее.

Что же нам осталось от тех далеких времен? Неужели лишь торжественные курганы, разбросанные в долинах Алтая, степях Кулунды, на берегах Оби и Енисея? Время не повредило их сурового величия. Ветер посвистывает среди шербчатых камней, шевелит ковыль над крутыми склонами. Тишина залегла у глубоких провалов грабительских лазов. Разграбленные курганы печалат глаз. Кажется, что целый мир мифоритуальных действий навсегда исчез в пучине времени.

Однако осколки древней магии и этика войны сохранились в героических преданиях и богатырских былинах различных народов Западной и Восточной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Приметы боевого прошлого можно обнаружить и в традиционной системе воспитания, одежде, праздничных обрядах и соревнованиях коренного населения Сибири.

Примечания

Глава 1. ОТ КАМЕННОГО ВЕКА К ЭПОХЕ БРОНЗЫ

1. *Комель* — прикорневая часть ствола дерева.

2. Этот наиболее продолжительный период в истории человечества подразделялся на ранний или нижний (2500–80 тыс. лет назад) и поздний или верхний (80–12 тыс. лет назад) палеолит. Некоторые специалисты выделяют еще и средний палеолит.

3. Эта цифра, впрочем, признается далеко не во всем учебном мире.

4. *Ретушь* — метод, позволявший подправлять рабочие края или всю поверхность каменных орудий. При этом мелкие чешуйки последовательно отделялись частыми несильными ударами, наносимыми твердым предметом (посредником). В другом случае эти чешуйки «посредником» выдавливались. Такая ретушь называется отжимной.

5. Технология шлифования была весьма проста: на плоский камень сыпали сырой песок и терли об этот своеобразный наждак обрабатываемую поверхность. Сверление каменного изделия производилось с помощью трубчатой кости или прочной палочки и все того же сырого песка, насыпанного на место будущего отверстия. Крупные песчинки вдавливались в такое «сверло» и, вращаясь вместе с ним, вгрызались в камень.

6. *Мезолит* — переходная историческая эпоха между палеолитом и неолитом, выделяемая исследователями для некоторых регионов.

7. Эта задача оказалась непосильна для знаменитого револьвера системы Кольта.

8. В литературе описан ставший почти эталонным случай демонстрации стрелкового мастерства, который имел место в бассейне реки Ангары. Здесь один из тунгусских охотников, желая продемонстрировать перед зрителями свое умение, пускал вверх стрелу и, пока она падала вниз, сбивал ее другой. Из 10 выстрелов он попадал в цель до 8 раз.

9. *Окладников А. П.* — выдающийся советский археолог, первооткрыватель и исследователь многочисленных памятни-

ков самых разных эпох — от каменного века до позднего средневековья на территории Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Монголии. Основатель школы изучения сибирских древностей, Института истории, филологии и философии Сибирского отделения СО АН СССР в Новосибирске.

10. В основе всех предложенных реконструкций лежат подлинные археологические материалы, происходящие с разных памятников, но имеющих одну и ту же культурную и хронологическую принадлежность. В тех случаях, когда имелись выполненные антропологами портреты людей интересующих нас археологических культур, они использовались для воссоздания облика воинов. Разумеется, все представленные в данной книге реконструкции облика воинов все же остаются условными образами, а не портретами некогда существовавших воителей.

Глава 2. В ЭПОХУ ЗВОНКОГО МЕТАЛЛА

1. *Чайеню-тепеси (тепе, тепеси - холм)* — поселение докерамического неолита, расположенное в юго-восточной части Малой Азии на территории современной Турции, в верховьях Тигра. Оно выросло близ древнего рудника Аргани Маден, позднее использовавшегося ассирийцами. Здесь впервые встречены самые древние изделия из самородной меди. Выделяется 5 периодов существования поселка. Начиная со второго периода, его обитатели возводят каменные дома с фундаментами покрашенными в оранжево-желтый цвет полами. Основные орудия делались из кремневых пластин. Керамика отсутствует. Не имея более точных данных, большинство исследователей считает наиболее достоверной областью возникновения ранней металлургии горные районы у северных и северо-западных границ Месопотамии, где уже с 4-го тыс. до н. э. возникают древнейшие цивилизации.

2. *Бронзовый век* — период в истории человечества, когда бронза стала основным производственным материалом (хронологически, примерно с конца 4-го до начала 1-го тысячелетия до н. э., в отдельных регионах позднее). Бронзой называется сплав металлов, состоящий из 9-ти частей меди и 1-ой части олова. Температура плавления бронзы 700 градусов, а ее твердость ближе к железу, чем к меди. Для того чтобы получить

в руки этот материал, человеку потребовалась тысяча лет. Это время называется энеолитом (медно-каменный век).

3. *Открытые бои* - бои на открытой местности с изготовившимся к сражению противником. В время нападения большей части осуществлялись внезапно. Это было залогом удачи и гарантировало меньшие потери. Но ход таких действий партизанско-диверсионного типа во многом зависел от конкретной обстановки и трудно восстановим.

4. Памятники этой культуры, поразившие ученый мир и ценителей древности разнообразием и изобилием высококачественных оловянистых бронз, ставят больше вопросов, чем дают ответов. Раскопанные некрополи не имеют рельефных наземных сооружений, а в могилах в громадном большинстве случаев отсутствуют человеческие останки. Информация о творцах бронзового оружия, нередко воткнутого в стенки и пол погребальных ям, остается ничтожной.

5. Подавляющее число ныне известных вещей сейминско-турбинского типа найдено в некрополях, расположенных по обеим сторонам Уральских гор. Три некрополя, в том числе Сейма и Турбино, давшие имя племенам, расположены в европейской части страны, и два в Сибири. Некоторые предметы характерных форм разбросаны среди отдельных могильников многочисленных культур эпохи развитой бронзы.

6. Согласно этнографическим данным прошлого века, эфиопские щиты, сделанные из твердой кожи буйволов, невозможно было пробить свинцовой пулей из имевшегося тогда на вооружении гладкоствольного ружья. Для этого приходилось рубить специальные пули из железных прутьев. Панцири индейцев Северо-Запада Америки, выполненные в виде куртки из двух или нескольких слоев спрессованной оленьей кожи, также списали от ружейных пуль.

7. Роговое и костяное защитное вооружение прослужило человеку в различных регионах планеты очень долгий срок и использовалось, например, у народов Северо-Востока Сибири (чукчей, эскимосов, юкагиров) наряду с железным вплоть до XIX века. Благодаря тому, что доспехи из органических материалов дожили до наших дней, специалистам удалось выяснить их боевые возможности. Как оказалось, роговые и костяные изделия обладали очень высокими защитными свойствами и лишь немногим уступали металлическим образцам.

8. В 390 году до н. э. афинский полководец Ификрат с помощью отряда воинов, вооруженных легким щитом (пельтой) и метательными дротиками, наголову разгромил спартанскую фалангу.

9. От лат. *militia* (войско) — самодействующая и самовооруженная военная организация населения.

10. Умение уходить от ударов копий и летящих стрел было распространенным искусством в воинских формированиях древности. В многочисленных героических сказаниях самых

различных народов (в том числе и сибирских) говорится о богатырях, ловко ускользающих от пущенных в них стрел, — то быстро приседающих, то высоко подпрыгивающих, отбивающихся от них веслами, палкой и другими подручными средствами. Несмотря на кажущуюся фантастичность, все эти сведения отражают реальность. Согласно документально зафиксированным опытам наших дней, с помощью определенного комплекса упражнений психологического плана можно развить собственную реакцию настолько, что она позволяет даже ловить стрелу руками, а не только уклоняться от неё.

11. Рисунки на одежде и щитах южно-сибирских воинов эпохи бронзы воссозданы по разверткам орнаментальных поясов сосудов этой проекции, в какой они видятся со стороны его дна. Невозможно доказать, что форма щитов в Сибири в эпоху бронзы была именно круглая. В данном случае мы преследовали цель воссоздания колорита исторической эпохи. Поэтому все элементы, заключая в себе подлинный смысл орнаментальной композиции, не противоречат колориту культуры. Магическое¹ значение круга для памятников эпохи развитой и поздней бронзы у специалистов также не вызывает сомнения. Разумеется, щиты могли быть и иной, близкой к прямоугольной и пятиугольной формам, как это изображено на оленных камнях. Такие изделия также представлены в реконструкциях. Для воссоздания цветовой гаммы в случаях, когда мы не располагали дополнительными данными, были использованы только оттенки естественных, натуральных материалов, которые мог предоставить человеку растительный и животный мир.

12. По этому поводу Санкт-Петербургским археологом и этнографом Л. Г. Савиновым высказана гипотеза. Он полагает, что косые линии — знак смерти, и вооруженные фигуры изображают богатырей, ушедших в иной мир и утративших плотский облик. Именно поэтому прорисовка элементов экипировки оказывается более значимой для создания образа воителя.

13. Раскопки «мерзлотных» курганов Алтая доказывают, что татуировки зверей на руках и плечах воинов были обычным явлением. На теле вождя из пазырыкского кургана, раскопанного С. И. Руденко, они расположены столь же плотно, как и на оленных камнях, и напоминают при беглом взгляде пеструю шаль, накинутую на тело. В другом алтайском кургане, исследованном В. И. Молодиным на плато Укок, было обнаружено тело воина с изображенной на плече фигурой оленя, напоминающей рисунки на оленных камнях.

Глава 3. ПАЗЫРЫКЦЫ, ТАГАРЦЫ И ДРУГИЕ

1. Кочевой способ ведения хозяйства в то время не был единственным. В таких промежуточных зонах, как лесостепь, серьезным подспорьем оставались охота, рыболовство, земледелие. В тайге развивался присваивающий охотничье-рыболовецкий тип экономики.

2. *Грифон* - фантастическое животное с туловищем льва, орлиными крыльями и головой орла или льва. Необыкновенно популярный персонаж у сибиряков раннего железного века. Изображался чаще всего в виде орла с ушами и гривой, стоящей зубцами.

3. Плеть в экипировке всадника указывает на восточную манеру езды, которой присущи мягкое седло без заметно выраженной задней луки, отсутствие шпор и управление конем при помощи плети. Такая манера управления верховым животным начала складываться уже в эпоху раннего железного века. Плеть, бичи и нагайки сохранили свои функции управления верховым животным и поражения противника вплоть до этнографической современности. У киргизов, по наблюдениям Г. П. Симакова, всадник не выходил на поединок без нескольких нагаек. Одну он вешал на наружную луку седла, другую брал в руку, а третью зажимал в зубах за кожаную петельку — дрему. В поединке необходимы были запасные нагайки, так как без них киргизская лошадь плохо управлялась.

4. *Берсерки* (*бер* — медведь, *серк* - одевать) - в литературе: воины в медвежьих шкурах. Шли в бой в одних рубахах без лат, их состояние боевого безумия начиналось с того, что воин начинал грызть зубами край своего щита. Чтобы стать таким бойцом, мало было личной храбрости, надо было преобразить свою человеческую сущность и войти в состояние иступленного боевого восторга, экстаза, рвущегося из самых глубин существа. «Они шли без лат, дикие как собаки или волки. Они впивались зубами в свои щиты и были сильны как медведи и быки. Они убивали людей, и все, даже железо и сталь, были бессильны перед ними. Это называлось ярость берсерков», — так говорится о подобных воителях в скандинавском эпосе (Инглингсаге).

5. Оружие, украшенное звериными образами, было особенным и "живым". Подобно тому, как «живыми» были в представлениях сибирских аборигенов и шаманский бубен, и подвески на шаманском костюме, и вещь, изображающая животное, и **вообще** необычной формы предметы, особенно напоминающие людей и зверей. В представлениях аборигенного населения Сибири такие «живые» предметы — могучие фетиши. Они сами выбирают себе нового хозяина и заставляют его принять их. Они не теряются, а уходят сами. Известны факты таинственных, нередко кровавых, ритуалов, которые совершались, чтобы оживить оружие (вдохнуть в него душу), наделить его особой волшебной силой. Определенным указанием на то, что в эпоху раннего железного века существовало «живое», одушевленное оружие, может служить свидетельство Геродота о том, что военное божество скифов имело форму меча, и скифы поклонялись ему. То есть это оружие само было вместилищем сверхъестественных сил. Конечно же, на роль такого вместилища претендуют не рядовые клинки, а, надо полагать, особым образом оформленные. Этим, видимо, объясняется то, что настоящие боевыекинжалы, выполненные зверином стиле, за исключением небольших моделей, известны в Сибири в числе случайных находок. Они не встречены в погребениях, куда их, вероятно, нельзя было класть. Они жили вечно, меняя хозяина. Их можно

было потерять, оставить на святилище, спрятать, но никак не похоронить с владельцем, ведь в таком случае они становились смертельно опасными для живых. Далеким отзвуком тех представлений и мистических ритуалов оживления оружия, некогда совершенных глубокими ночами в таинственных и жутких местах, стали легенды самых разных народов Европы и Азии о заклятых мечах-кладенцах, которые по руке лишь избранным героям, и волшебным клинком которых можно было одолеть любого врага.

6. В основной своей массе пазырыкские воины не использовали доспехи. Во всяком случае, надежных свидетельств массового применения защитного вооружения у населения Горного Алтая пока не обнаружено. Впрочем, мы вполне допускаем мысль, что оно все же могло делаться из самых доступных органических, но недолговечных материалов — плотного войлока и очень жесткой листовичной древесины. На это указывает блестящее мастерство деревообработки и катания различных разноразмерных войлоков, которые демонстрируют нам материалы "замерзших" курганов. Также говорят об этом находки реальных деревянных поножей и старинная традиция эффективно защищать свое тело специальными доспехами, изготовленными из многослойных войлочных полотнищ, которая сохранилась у кочевников Центральной Азии вплоть до этнографической современности. Впрочем, учитывая развитие обменных и торговых отношений с населением древнейших очагов культуры Центральной, Средней Азии и Китая, мы не вправе отрицать, что наряду с прочими товарами к верхушке пазырыкского общества могли попадать металлические доспехи, особенно из такого развитого района культуры оружейного производства, каковым являлся в те времена Китай.

7. Для воссоздания облика горно-алтайского вождя эпохи раннего железного века были использованы материалы «царских» курганов пазырыкской культуры. Судя по находкам, сделанным в мерзлотных курганах плато Укок, штаны и головные уборы у местного населения были красного цвета. На нашей реконструкции они синие. Дело в том, что на шубе пазырыкца из могильника Верх-Кальджин ярко выделяются синяя окантовка подола, рукавов и круглые пушистые "мишени" синего цвета, к которым крепились пучки окрашенных волос. Синего цвета и костюм у всадника перед божеством со знаменитого пазырыкского ковра. Можно предположить, что этот цвет в убранстве воинских костюмов с выраженной птичьей символикой ассоциировался с небом и мог считаться принадлежностью представителей высшей знати. Погребенные на плато Укок пазырыкцы являлись знатью среднего звена, которой позволялось использование такой цветовой гаммы только в небольшом количестве как знака, указующего на родство с главным домом. Разумеется, это не более, чем предположения, но исторические параллели статусного использования цветовой символики в соответствии с социальным положением можно найти среди материалов Китая и античного мира. Среди материалов пазырыкской культуры известно использование золотых лент - накладок на штаны, которые делали их полосатыми. Надо полагать, что такая одежда была исключительно церемониальной. В повседневной реальности подобные

штаны могли быть сшиты из простых чередующихся полос ткани.

8. *Саки* - кочевое скотоводческое население Средней и Центральной Азии эпохи раннего железного века.

9. *Темляк* — петля на конце рукояти холодного оружия, в которую продевалась кисть руки.

10. В 1715 году по случаю рождения наследника уральский заводчик Никита Демидов преподнес российской императрице собрание золотых вещи, приобретенных в Сибири у профессиональных грабителей курганов, так называемых «бугровщиков». Подарок состоял из литых блях со сценами борьбы животных и шейных гривен с фигурками зверей на концах. Петр I по достоинству оценил подношение и распорядился о дальнейшем приобретении подобных изделий. Вскоре стараниями сибирского губернатора князя Гагарина в Петербург принесли еще 10 золотых предметов, а чуть позже - уже более ста. Эти изделия и составляют хранящуюся ныне в Эрмитаже Сибирскую коллекцию Петра I.

11. *Гарда* — устройство, предохраняющее руку от встречного удара: то же, что и перекрестие.

12. *Камус* - шкура, снятая с голени копытных животных — оленей, лошадей, лосей. Короткая шерсть на этих местах держится особенно прочно и практически не вытирается. Её приклеивают к лыжам шерстью по направлению скольжения. Она не мешает движению вперед, но совершенно не дает лыжам скользить назад,

13. *Тын* — защитная стена вокруг поселения из врытых в землю и заостренных сверху бревен.

14. *Сарматы* — кочевые ираноязычные племена, занимавшие степи от Приуралья до Дона. На раннем этапе (VII—IV вв. до н. э.) близки скифской культуре по формам оружия, конским уборам, «звериному стилю» в искусстве. Памятники этого времени носят название сарматских. В III веке до н. э. в античной письменной традиции распространяется новое название - «сарматы», вытесняющее прежнее. Сарматская культура формируется сначала в Приуралье и распространяется через Поволжье на запад вплоть до Северного Кавказа (сираки, аорсы, аланы) и Северного Причерноморья (языги, роксоланы). Вооруженные длинными мечами и копьями, закованные в латы сарматские воины наносят поражение скифам и вытесняют их с политической арены. Их господство сокрушено гуннами, которые в 375 году перебили значительную часть сарматского населения. Уцелевшие сарматы частично вместе с победителями и готами продвинулись в Западную Европу вплоть до Испании, частично же осели в горах Северного Кавказа, где вошли в состав некоторых современных народов — например, осетин и кабардинцев.

15. Благодаря очень малой изменчивости форм таежной материальной культуры, сохранению старых форм хозяйства,

бытового уклада и верования на большом историческом отрезке от раннего железного века до средневековья, здесь, с большим основанием, чем где-либо ещё, можно привлекать данные этнографии и фольклора, возмещая пробелы в источниках. Поэтому, воссоздавая облик воинов распространенной здесь в эпоху раннего железного века кулайской историко-культурной общности, мы использовали этнографические материалы, касающиеся кроя одежды, обуви, фасона причёсок аборигенного населения Нижнего Приобья. Для декора одежд и предметов воинской экипировки из органических материалов были использованы орнаментальные мотивы глиняной посуды кулайского населения.

16. Ширина плоского кожаного ремешка, которым связывали сквозь отверстия пластины панциря, была больше величины их диаметра. Прodeвая ремешок в такие дырочки, его сжимали, скручивали и смачивали, скорее всего, слюной, для лучшего скольжения. Протянутый сквозь отверстие кончик распрямляли. Крепежные ремешки сжимались (стискивались) отверстиями. И даже если врагу удавалось ударом расщепить их, доспехи не разваливались, ибо сорвать пластину с ремня, опять не скрутив его, было невозможно.

Глава 4. ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

1. Имеется в виду сражение между войсками Римской империи под предводительством Аэция и гуннского племенного союза, возглавляемого Атиллой. Оно получило у современников название "битвы народов". В этой битве римлянам, некогда грозным вершителям судеб античного мира, в последний раз удалось отстоять свою независимость.

2. Этот титул, согласно объяснению китайского историка I века Бань Гу, означает "обширный" и показывает, что его носитель, обширен, подобно Небу, т.е. под его властью, словно под небом, находится вся земля. Ранее он принадлежал военному предводителю, позже главе государства, сохранившему за собой права верховного главнокомандующего.

3. Вот как описываются эти события в китайском письменном памятнике «Шицзин». После того как Маолунь (Модэ) получил от своего отца отряд конных телохранителей, «он сделал свистунку и начал упражнять своих людей в конном стрельбании из лука с таким приказом: всем, кто пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, отрубят голову. Модэ сам пустил свистунку в своего аргамака. Некоторые из приближенных не смели стрелять, и Модэ немедленно не стрелявшим в аргамака отрубил головы. Спустя несколько времени Модэ опять пустил свистунку в любимую жену свою, некоторые из приближенных ужаснулись и не смели стрелять. Модэ и сим отрубил голову. Ещё по прошествии некоторого времени Модэ выехал на охоту и пустил свистунку в шаньюева аргамака. Все приближенные тоже выпустили стрелы. Из сего Модэ увидел, что он может употреблять своих приближенных. Следуя за отцом своим шаньюем Туманем на охоту, он пустил свистун-

ку в Туманя; приближенные также пустили стрелы в шаньюя Туманя. Таким образом, Модэ, убив Туманя... объявил себя шаньюем».

4. Именно так, по наблюдениям Н. Витсена - голландского ученого и писателя, посетившего Россию с посольством в XVII в., применяли свистящие стрелы тысячу лет спустя потомки монголов. Эти стрелы «пыли с утолщенным передним концом, сделанным из кости, на них три или четыре свистульки (отверстия — Л. С), которые в воздухе очень громко свистят, что забавно слышать... У них начальники военных отрядов выстреливают такие свистящие стрелы через головы своих отрядов, чтобы возбудить в них храбрость, а также для того, чтобы этим звуком в зависимости от направления, в котором они стреляют, отдавать приказы».

5. Зверовая охота в Северной, Центральной и Юго-Западной Азии всегда была школой войны. Боевое и охотничье оружие здесь не всегда можно различить. На иранских миниатюрах XVI в. можно увидеть, что даже такое **сугубо** боевое оружие, как сабля, используется на охоте, а в Бурятии еще в начале XIX в. выходили на загонную охоту в латах. История оружия, которое составляло гордость воинов, начинается в каменном веке, когда охота на крупных животных была основным занятием немногочисленных человеческих племен коллективов.

6. *Кабошон* - выпуклая овальная или прямая вставка из камня или цветного стекла. Как правило, помещалась в специальное гнездо -- оправу, края которой обжимались.

7. Для воссоздания одежды воинов эпохи Великого переселения народов использован покрой одежд из глубоких штолен могильника Ноин-Ула в Северной Монголии. Китайские ткани и шелка, судя по материалам гораздо более поздних находок на Алтае и в Западной Сибири, имели здесь хождение вплоть до позднего средневековья.

8. В этой связи обращает на себя внимание цикл героических преданий обских угров, записанный в начале XIX века С. К. Паткановым в лесной полосе Обь-Иртышского бассейна. Согласно им, древние богатыри отличались от всех остальных смертных особой прозрачностью тела. Не исключено, что речь идет именно об анатомической боевой раскраске. Поверхность тела при этом становится как бы «прозрачной» для наблюдателя, замечающего лишь анатомические подробности.

9. *Чаа-мас* - "камень войны" — по народному хакасскому преданию, места сражения древних богатырей, швырявших друг в друга обломки скал. Представляют собой наземные погребальные сооружения, стены которых сложены из плашмя уложенных каменных плит. Изнутри эти сооружения завалены плитняком. Ограды по периметру состоят из вертикальных стел, расположенных с большими промежутками друг от друга. Все это имитирует форму реального жилища.

10. *Истяцкий клад* — два железных позолоченных шлема, обнаруженные в 1886 году в 10 км от юрт Истяцких. на почто-

вой дорой- «Тобольск - Омск». Вот как это произошло: «Крестьянин... натолкнулся на медную большую кастрюлю (вероятно, скифский котел), возле которого стояли два железных колпака (шлемы), а в них лежали кружки (бронзовые диски). В одном колпаке лежал «ангел» (серебряная фигурка Артемиды, изготовленная в Бактрии во II веке до н. э.). Возле кастрюли было старое железное копье, которое он бросил... Местность, где найдены эти вещи, представляет густой сосновый бор. Грунт земли чистый песчаный. Никаких курганов или городков нет». Среди находок имелись 75 плогковыгнутых блях из белой бронзы, два китайских зеркала, пять изображений птиц, пять фигурок всадников, двенадцать волчьих фигур и одна ажурная подвеска с изображением рогатого хищника.

11. Подобная политика была довольно распространенной. Историческим примером такого рода связей могут служить взаимоотношения тюркоязычного кочевого племенного объединения Черных Клобуков и Киевской Руси. Этих кочевников, осевших на лесостепных рубежах древнерусского государства, в просторечии называли даже «своими поганями». Они охраняли его южные границы, участвовали в походах киевских князей против внешних (половцы) и внутренних врагов. Данный пример, несмотря на то, что относится к несравненно более позднему времени и иному, во всяком случае, для Киевской Руси, уровню экономической и политической развития общества, интересен, прежде всего, как документально зафиксированный образец взаимовыгодных действий сторон с разной направленностью хозяйственной деятельности.

12. *Селькупы (остяки, остяко-самоеды)* - народ таежной полосы севера Западной Сибири, говорящий на языке самодийской группы. Живут в Томской, Тюменской областях, Красноярском крае. Выделяются северные и южные группы. Формирование селькупов связывают с проникновением в среду аборигенов среднепробья самодийских племен из района Саяно-Алтая на рубеже эр. Основные занятия — охота, рыболовство. В прошлом селькупы неоднократно создавали различные территориально-политические объединения, известные, по русским летописям как "княжества", которые объединяли несколько различных родо-племенных групп. Самым крупным из них на рубеже XVI в. была Пегая орда. После основания Нарыма (1569 г.) это межплеменное объединение селькупов вошло в состав Русского государства.

13. В это самое время у обских угров расцветает культ Мир-сусне-хума. Мир-сусне-хум — это мир обезжающий человек. Буквальная калька восточноиранского божества Митры. Культ Небесного всадника, обезжающего на белом коне верхний и средний миры и скачущего через небесный огонь, сложился в тайге после контактов с южным населением на **рубеже** эр и имел ярко выраженный воинский характер. С тех пор его изображения становятся одним из самых почитаемых образов на Приобских святилищах.

14. *Медвежий праздник* - обряды и церемонии, которыми сопровождалось убийство медведя, свеживание туши, поедание мяса и забота о его останках в традиционных культурах абори-

генов Северной Азии, Дальнего Востока и Северной Америки. У народов Сибири и Америки этот праздник приурочивался к удачной охоте на медведя. У обских угров известны также периодические праздники в честь медведя – предка одной из дуально-экзогамных половин общества – фратрии Пор. Считалось, что после своего возрождения медведь покровительствует членам рода или фратрии, и после принятия ритуальной трапезы люди становились храбрее. Медведь незримо присутствует на празднике, и одной из задач обряда было отвести от себя вину за убийство животного, свалив ее на чужаков. Содержанием праздника в честь медведя были извинения перед убитым животным, чествование его пиром, песнями, жертвоприношениями, ритуальное поедание его мяса и торжественные похороны останков. Ритуальное пиршество сопровождалось обрядами и плясками. У некоторых народов существовала традиция обрядиться в шкуру медведя и, надев маску из кожи, снятой с лобно-носовой части и губ зверя, изображать его на празднике. После еды плясали, исполняя танцы предков, зверей, сценки встречи охотников с духами гор, леса, воды, которые относятся к наиболее древним элементам медвежьего праздника, различные драматические и юмористические бытовые сценки, состязались в прыжках с шестом в высоту, через аркан, в стрельбе из лука. Считается, что в прошлом некоторые танцы-пантомимы были ритуальными тотемическими плясками, связанными с древнейшим обрядом умножения тотема. Традиция же изображения зооантропоморфных предков сложилась позднее. Кости медведя нельзя было ломать, рубить – во время трапезы их собирали в мешок и вместе с черепом относили на священное место, в специальный амбар, где хранились и другие атрибуты праздника. Иногда череп медведя вешали на дерево. На р. Казыме местные жители хранили его надетым на высокий пень.

15. Образ миролюбивой водоплавающей пернатой птицы сочетался в древности с воинской символикой. На плато Укок пазырыкские воины носили головные уборы, украшенные сверху гусиными головами.

16. Единоборств на пространстве, ограниченном размерами брошенной на землю шкуры, практиковались у потомков кулаичев еще в начале прошлого века.

Глава 5. ПОТОМКИ СЕРОЙ ВОЛЧИЦЫ

1. *Кидани (китаи)* монголоязычные племена охотников и скотоводов, кочевавшие на территории современной юго-восточной части Внутренней Монголии. Известны по китайским летописям с IV века. Непрерывно воевали с соседними племенами, тюрками, Китаем. В VI–VII веках консолидация киданьских племен привела к созданию государственного образования – союза племен с выборным правителем во главе. В X веке у киданей складывается империя. К упорядочению государственного аппарата привлекаются выходцы из Китая. строятся города, крепости, дороги, развиваются ремесла, торговля. С 947 года вводится новое летоисчисление, и государство получает название Великое Ляо. У киданей развиваются исто-

рия, литература, медицина, архитектура, искусства, и письменность. С распространением буддизма появляется книгопечатание (ксилография). Империя киданей после серии победоносных войн раскинулась на территории от берегов Японского моря до Восточного Туркестана и от Желтого моря до Забайкалья и была самой могущественной в Восточной Азии. Сунский Китай, проиграв войну, платил ей ежегодную дань. С конца XI века начался упадок империи киданей. В 1120 году тунгусоязычные племена чжурчженей уничтожили государство Ляо. Часть киданей ушла на запад в Среднюю Азию.

2. В XIII–XIX веках и позже очень уязвимые подмышечные впадины стали защищать специальными небольшими дисками, которые крепились к плечевым ремням. Иногда их могло быть несколько, и они, гибко соединяясь между собой, располагались попарно с правой и левой стороны.

3. Существовала определенная цветная символика флажка, связанная с возрастом умершего. Так, белый указывал на пожилого, красный – на молодого, черный – на человека средних лет. Представители знати водружали флаг в соответствии со знаменем, под которым ходил покойный при жизни. Впрочем, под наконечником такого копья мог вывешиваться хвост яка или жеребенка.

Глава 6. ВСАДНИКИ С БЕРЕГОВ ЕНИСЕЯ

1. *Уйгуры* – древний тюркоязычный народ Центральной Азии, коренное население современного Синцзян-Уйгурского автономного округа Китая. Предками уйгуров были кочевые племена, жившие в древности в монгольских степях и упоминавшиеся в китайских летописях с IV века. В V–VIII веках уйгуры входили в состав Жужапского, а затем и Тюркского каганатов. После падения последнего в середине VIII века уйгуры в долинах рек Селенга, Орхон и Тола основали свое собственное государство – Уйгурский каганат. В 840 году он был разгромлен енисейскими кыргызами. Уйгуры переселились в Восточный Туркестан и в западную часть Ганьсу, где создали независимые государства с центрами в Турфанском оазисе (847–1369 гг.) и Ганьсу (847–1036 гг.). Государство в Ганьсу было уничтожено тангутами, а население восточно-туркестанского государства уйгуров в XIV веке подчинено монголами и вошло в улус Джучи.

2. Вопрос о вкладе енисейских кыргызов в становление современной киргизской народности еще далек от окончательного разрешения. Несмотря на созвучие самоназваний, прямое отождествление здесь вряд ли уместно. Специалисты, правда, не отрицают самого факта участия енисейских кыргызов в формировании практически одноименной народности. Речь идет только о доле этого участия.

3. Эпоха Сууктэр позаимствовала свое название у погребальных памятников («хыргысгыр сууктэр», что значит «киргизские могилы»). Такой памятник представляет собой

кольцевую насыпь со стенкой в основании. Иногда близ насыпи стоит вертикальная стела. Под насыпью археологи обычно находят остатки погребального костра и сожженных человеческих костей, железные детали конской сбруи, оружие, украшения, остатки погребальной тризны (кости лошадей и овец). Здесь же встречаются и погребения собак. Некоторые исследователи считают рослые породы кыргызских собак боевыми.

4. Монгольская династия, правившая в Китае и Монголии в XIII- XIV веках. Внук Чингисхана, пятый монгольский великий хан Хубилай в 1260 году перенес столицу из Каракорума на территорию Китая, сначала в Кайпин, а через четыре года в Чжунду — современный Пекин. В 1271 году он дал монгольской династии чингизидов китайское название Юань. В 1279 году войска Хубилая завершили завоевание Китая, уничтожив китайскую династию Южная Сун.

Глава 7. И СЫПАЛИСЬ СТРЕЛЫ ДОЖДЕМ...

1. Когда реальная угроза монгольского вторжения в Западную Европу миновала, у католической церкви возникла идея обратить монголов в христианство и сделать их союзниками в борьбе против ислама. Для сбора сведений и установления дипломатических отношений в Монголию по поручению римского папы в 1246 году ездил францисканский монах итальянец Плато Карпини. а в 1253—1255 годах по поручению французского короля Людовика IX — фламандец, тоже монах-францисканец, Гильом де Рубрук. Плато Карпини впоследствии написал книгу «История Монголов» (впервые изданную в переводе на русский язык в 1911 году).

2. После смерти Джучи в 1227 году территории Южной Сибири стали собственностью великого хана Тулуя. На юге улус Джучи граничил с Джагатайским улусом в Хорезме. В результате походов хана Батая, сына Джучи. границы владений значительно продвинулись на запад. В XIII веке улус отделился от Монгольского государства, явившись тем ядром, из которого выросла Золотая Орда.

3. Монгольское войско не было мононациональным. Оно формировалось из представителей многочисленных монголоязычных, а позже и тюркоязычных, кочевых племен, спаянных жесткой дисциплиной, единой административной системой и общностью целей. Поэтому понятие «монгольский» здесь и далее несет в большей мере собирательный, нежели этнический смысл.

4. *Псалии* — вертикальные стержни, прикреплявшиеся перпендикулярно к концам удила. Псалии, известные с эпохи раннего железа, удерживали удила во рту лошади, не давая им смешаться вбок. При натягивании поводьев они сдавливали губы лошади, причиняя ей боль и тем самым заставляя подчиняться седоку.

5. Считается, что они без труда рассекали кольчуга. Вряд ли это так. Рассечь отдельное кольцо было очень непросто,

ибо оно сцеплено с несколькими другими, и наконечник с плоским острием встречает сопротивление сразу нескольких звеньев. Логичнее допустить, что стрелы со стамесковидным наконечником пускались так, чтобы сбоку проскользнуть под чешуйку пластинчатых доспехов и порвать ремни вязки.

6. *Нукер* (в переводе с монгольского, друг) — дружинник на службе феодализовавшейся знати в XII—XIII веках в Монголии; позже вассалы крупных феодалов. В XIV—XX веках этот термин стал употребляться у народом Передней и Средней Азии в значении «слуга».

7. «*Великая Яса*» Чингисхана — основной кодекс права монгольского средневековья, обнародованный Чингисханом при избрании его великим ханом на курултае (съезде) в 1206 году.

Глава 8. «ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОЛКИ» С ТАЕЖНЫХ ПРОТОК

1. *Остяки* — старое название обских угров — хантов и манси. Происходит от самоназвания Ас-ях — «человек с Большой реки». Ас-ях — так называли угры реку Обь. Самоедами называли самодийские племена — например, ненцев. Остяко-самоеды — селькупы.

2. Согласно сведениям средневековых арабских трактатов о лучной стрельбе, в районах с резкими температурными колебаниями получили распространение луки с широкими плечами и минимумом накладок, то есть практически цельнодеревянные. Таежная полоса Сибири с ее ярко выраженным континентальным климатом была таким районом. Ведь прочно склеить детали из разнородных материалов (даже особо качественным рыбьим клеем) всегда было делом нелегким: дерево и рог по-разному реагируют на перепады температуры и влажности, по-разному меняются и их размеры под воздействием этих факторов.

3. Перед нами не просто поединок с двумя быками, подтверждающий права шаха на престол, а борьба с зооморфной ипостасью божества, в которой победитель-шах наследует силу и мощь быка и получает божественный дар, дающий право на престол. Известно, что дикий бык был ипостасью «первозданного быка», зороастрийского божества, а зримое воплощение божества нужно было «добыть», чтобы обрести его свойства — силу, мощь, непобедимость.

4. По свидетельству охотника и путешественника А. Черкалова (60-е годы XIX в.), одним ударом пальмы срубалось дерево толщиной с руку, а другим рассекалось пополам, прежде чем его ствол успевал коснуться земли.

5. Екатеринбургские археологи, основываясь на фольклорных данных, обнаружили и начали исследовать легендарный город Эмдер.

6. Сибирские народы общинных вождей называли по-разному: селькупы — «сенгира», ханты — «урт», манси — «отер», однако, смысл этих слов был один — «богатыри».

7. Например, пляски г оружием. Вот как выглядит этот обряд в описании очевидца (конец XIX века). Церемония, которую В. Шавров видел в остяцком (хантыйском) селении, длилась с вечера до глубокой ночи. В жилище, где находилось изображение духа, постепенно сходились жители деревни. Каждый, войдя в дом, трижды поворачивался перед «кумиром». " Наконец, как все собрались, шаман загремел саблями и копьями железными... лежавшими над кумиром на мостках, каждому из предстоящих...- дал или саблю, или копье, а сам, взяв по сабле в ту и другую руку, стал спиной к кумиру. По получении означенных сабель и копий остяки стали вдоль юрты рядами... повернулись все вдруг по три раза, держа перед собою сабли и копья. Шаман ударил своими саблями одна о другую, и тогда, по команде его, разными голосами вдруг заголосили, кланяясь из стороны в сторону. Гайкали то редко, то вдруг очень часто, то опять редко, не отставая один от другого, и при каждом повторении «гай» переваливались то направо, то налево, осаживая копья и сабли несколько книзу и подымая вверх... Остяки чем более кричали и качались, тем более, казалось, приходил в некоторый род исступления и, наконец, так, что я без ужаса не мог глядеть на лица их, кои весьма много сначала занимали». Подобный акт военной магии предпринимался, очевидно, накануне военных действий. Впрочем, и в мирное время такая церемония оказывала сильнейшее эмоциональное воздействие на ее участников. К сожалению, в письменных свидетельствах не расшифровывается собственно воинский смысл движений. Их авторы просто не обращали на это внимание. Ясно лишь, что аборигены активно применяли раскачку корпуса, вращательные движения и различные способы владения оружием на разных уровнях и в разных плоскостях.

8. Исторический пример - когда глубокой осенью 1585 года на землях остяков появился отряд воеводы Ивана Мансурова, к недостроенному Обскому городку, чтобы разгромить пришельцев, стянулись многочисленные отряды аборигенов с берегов Оби и Иртыша. Под стены осажденного городка был доставлен и сам Белогорский «шайтан» (главный фетиш Белогорского княжества), которому остяки приносили многие жертвы, «чаяюще себе помощи от него». Умелым выстрелом из пушки казаки разбили его в щепки. Как только нападавшие увидели, как "поражен и сокрушен бе идол", боевой дух покинул войско, и толпы остяков рассеялись, ибо «ни на кого больше не могли надеяться».

9. *Карабела* — одна из распространенных и популярных польских сабель восточного происхождения, характерных для польской культуры второй половины XVII—XVIII вв. Боевые карабелы, в отличие от парадных сабель этого же типа, имели простую отделку ножен, роговые, из дуба или полированного ореха боковые накладки на рукоять и более длинный клинок. Лезвие для такого оружия использовалось привозное из Персии или Турции. Вероятно, это и породило не вполне

обоснованное мнение, что название этой сабли связано с иракским городом Кербела. Клинки же для богато украшенных карабел продолжали выпускаться в Польше до конца XIX в., постепенно приобретая особый смысл, напоминающий об утере национальной независимости

10. Самые яркие страницы сказаний, воспевающих богатырскую силу, посвящены стрельбе из лука. Например: «Виш-Отыр костяной лук взял, другую стрелу из колчана вынимает. Древко ее длиной четыре четверти, наконечник железный — три четверти. Наконечник змеиной кожей закален. На середину лука стрелу наложил, лук натягивать стал. Четырехчетвертное древко все кончилось, дальше оттягивает. На весь трехчетвертной наконечник оттянул, тогда пустил... стрела зазвенела... Лесного духа стрелой с ног сшибло, на три сажени отбросило. Стрела дальше полетела, позади войска по самые перья в землю ушла. У Виш-Отыра тетивой кожу с пальцев пощипало...». Или еще: "Кровавый богатырь... вышел со своим сыном на улицу... его сын положил стрелу на тетиву лука, натянул тетиву и спустил... (Произведенным ветром) был сметен в кучу изобильный мусор всего селения..."

Библиографический список

- Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.) // СА. — 1973. № 4. — С. 81 - 98.
- Антропова В. В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сибирский этнографический сборник II. — М.—Л.. 1957. — Т. 35. — С. 99 - 245.
- Бауло А. В.* Серебряное блюдо с Малой Оби // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2000. — № 4. — С. 143-153.
- Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. — М.—Л.. 1935.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.—Л.: Наука. 1950.— Ч. 1.
- Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. — Л.: Наука. 1986.
- Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. — СПб.: Петербургское Востоковедение. 1999.
- Варенов А. В.* О функциональном предназначении "модели ярма" эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 42-51.
- Васильев В. Н.* Стрелы сарматов Южного Урала. Вопросы баллистики и производства // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР. 1990. — С. 19-23.
- Винклер фон П.* Оружие. — М.: Софт-Мастер, 1992.
- Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как памятник истории алтайских племен. М. —Л.: Наука. 1965.
- Гемуев И. Н.* Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья // Изв. СО АН СССР (сер. истории, филологии и философии). Новосибирск. 1988. — № 3. Вып. 1. — С. 39-48.
- Гемуев И. Н., Бауло А. В.* Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. — Новосибирск: ИЛЭТ СО РАН. 1999.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. С.* Религия народа манси. — Новосибирск.: Наука, 1986.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И.* Легенды и были таежного края. **Новосибирск:** Наука. 1989.
- Гемуев И. Н., Соловьев А. И.* Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. — Новосибирск: Наука. 1984. — С. 39-55.
- Генинг В. Ф.* Тураевский могильник V в. н. э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. — Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 197С. — С. 55-108.
- Гондатти Н. Л.* Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. — М., 1888.
- Горбунов В. В.* Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: АГУ. 1999. — С. 47-55.
- Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. — М.: МГУ. 1983. — С. 211- 269.
- Горелик М. В.* Ранний монгольской доспех (IX — первая половина XVI вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск: Наука, 1987. С. 163-208.
- Горелик М. В.* Сакский доспех // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. — М.: Наука, 1987.— С. 110-133.
- Горелик М. В.* Армии монголо-татар X—XIV вв.: Воинское искусство, оружие, снаряжение. — М.: Восточный горизонт. 2002.
- Горелик М. В.* Оружие Древнего Востока. — М.: Наука, 1993.
- Горелик М. В.* Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. — С. 155 - 160.
- Грязнов М. П.* **Первый Пазырыкский курган.** Л.: Гос. Эрмитаж, **1950.**
- Дьяконов М. М.* Очерк истории Древнего Ирана. М.: Наука, 1961.
- Дэвлет М. А.* Петроглифы Мугур Саргола. — М.: Наука, 1980.
- Дэвлет М. А.* Петроглифы на кочевой тропе. — М.: Наука, 1982.
- Жамбалова С. Г.* Традиционная охота бурят. — Новосибирск: Наука, 1991.
- Зиняков Н. М.* Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. — Кемерово: КГУ, 1997.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В.* Угорское наследие. — Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994.

- Иванин М. П.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. — СПб., 1875.
- Иванов Г. Е.* Новые находки оружия раннего железного века в степном Алтае // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск Наука, 1993. — Г. 95 - 106.
- Инфантьев П. П.* Путешествие в страну вогулов. — СПб., 1910.
- Кирпичников Л. Н.* Древнерусское оружие IX - XIII вв. - Л.: Наука. 1971. Вып. 3.
- Кирюашин Ю. Ф., Тишкин А. А.* Скифская эпоха горного Алтая. Барнаул, 1997. - Ч. 1.
- Киселев С. И.* Древняя история Южной Сибири, — М.: Изд-во Академии наук, 1951.
- Кожин П.М.* Сибирская фаланга эпохи бронзы. // Военное дело населения юга Сибири к Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1991. - С. 16-41.
- Комплекс археологических памятников у горы Тепсен на Енисее.* — Новосибирск: Наука. 1980.
- Конигов Б. А.* Таежное Прииртышье в X—XIII вв. Омск: ОмГПИ. 1993.
- Коннюлли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков. — М: Эксмо-пресс, 2001.
- Косарев М. Ф.* Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991.
- Котенко Ю. В.* Индейцы Великих Равнин. — М.: Техника - молодежи. 1997.
- Кубарев В. Д.* Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. - С. 29-54.
- Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. — Новосибирск: Наука. 1987.
- Кубарев В. Д.* Каменные изваяния Алтая. — Новосибирск—Горно-Алтайск, 1997.
- Кулемзин А. М.* Об эволюции татарских кинжалов. Известия лаборатории археологических исследований. — Вып. 1. Кемерово: КРУ, 1974. С. 27-36.
- Кулемзин А. М.* Татарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований. - Вып. 7. - Кемерово: КГУ. 1976. С. 30-41.
- Кулемзин А. М.* Татарские бронзовые наконечники стрел. Археология Южной Сибири. — Кемерово: КГУ, 1976. - С. 43-56.
- Кулемзин А. М., Горский М. Р.* Развитие татарских бронзовых кинжалов и изменение механических свойств их перекрестий // Известия лаборатории археологических исследований. — Вып. 9. - Кемерово: КГУ, 1977. - С. 50-53.
- Кулемзин А. М., Насонов М. Ю.* Исследование механических свойств клинков тагарских бронзовых кинжалов // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1993.
- Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. — М.: Искусство, 1977.
- Макиавелли Н.* О военном искусстве. - СПб.: Амфора. 1999.
- Малиновская Н. В.* Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья и средние века. М.: Наука. 1974. — С. 132 - 175
- Мартынов Л. П.* Лесостепная тагарская культура. — Новосибирск: Наука. 1979.
- Матющенко В. И., Синицына Г. В.* Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. - Томск: ТГУ, 1988.
- Матющенко В. И., Татаурова Л. В.* Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. — Новосибирск: Наука, 1997.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. — М.: Восточная литература, 1999. - Т. 1.
- Мифология манси.* Энциклопедия уральских мифологий. - Новосибирск: ИАЭТ, 2001. - Т. 2.
- Могильников В. А.* Население Верхнего Приобья в середине второй половине I тысячелетия до н.э. — М.: ИА РАН, 1997.
- Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы, — Новосибирск: Наука, 1985,
- Молодин В. И.* Новый вид бронзовых кинжалом и погребениях кротовекой культуры // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1993. - С. 4 - 16.
- Молодин В. И.* Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. — Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000.
- Молодин В. И., Соболев А. И., Соловьев А. И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука. 1990.
- Молодин В. И., Чикишева Т. А.* Погребение воина IV—V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР. 1990. - С. 161-179.
- Никаноров В. И., Худяков Ю. С.* Изображение воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. — Новосибирск, 1999. Вып. 2. — С. 141-154.
- Новгородова Э. А.* Мир петроглифов Монголии. — М: Наука. 1984.
- Ожередов Ю. И.* Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. - Томск: ТГУ. 1999. — С. 77 - 119.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. 1, 2.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовые век Прибайкалья. — М-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. - Ч. 3.
- Овчинников А. П.* Древнее искусство Приамурья. Л.: Аврора, 1981.
- Окладников А. П., Мартынов А. И.* Сокровища Томских писанин. Наскальные рисунки неолита и бронзы. — М: Искусство, 1972.
- Патканов С. К.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. — СПб., 1891.
- Пелих Г. И.* Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории. — Новосибирск: Наука, 1981.

- Петрин В. Т.* Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. - Новосибирск: Наука, 1986.
- Плано Карпини Дж. Дель.* История Монгалов /./Дж. Дель Плано Карпини. История Монгалов / Г. до Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Книга Марко Поло. - М.; Мысль, 1997.
- Плетнева Л. М., Мец Ф. И.* Ритуальный комплекс эпохи раннего железа в Томском Приобье // Приобье глазами археологов и этнографов. - Томск: ТГУ, 1999. - С. 10- 23.
- Плотников Ю. А.* О назначении отверстий в лопастях стрел // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. — Новосибирск: НГУ, 2001, — С. 79- 95.
- Погодин Л. И.* Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. — Омск: ОмГУ, 1998.
- Полосьмак Я. В.* Бараба в эпоху раннего железа. — Новосибирск: Наука. 1987.
- Полосьмак Н. В.* Стережущие золото грифы. Новосибирск: Наука. 199-1
- Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001.
- Полосьмак Н. В., Молодин В. И.* Новые находки предметов вооружения раннего железного века из Барабинской лесостепи. Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1981. - С. 74-86.
- Прокофьева Е. Д.* Материалы по шаманству селькупов // Проблемы общественного сознания аборигенов Сибири. — Л.: Наука, 1981. С. 42-68.
- Пятышева Н. К.* Железная маска из Херсонеса. — М.: ГИМ, 1964.
- Рец К. И., Юй Су-Хуа.* К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. — Вып. 2. - С. 42-55.
- Руденко С. М.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.-Л.: Наука, 1953.
- Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М. Л.: Наука. 1960.
- Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. - М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1962.
- Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра 1. — М. Л.: Изд-во АИ СССР, 1962.
- Савинов Д. Г.* Народы Восточной Сибири к древнетюркскую эпоху. - Л.: ЛГУ, 1974.
- Савинов Д. Г.* Из истории упряжи верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие и. э.) // СЭ. — 1977. — № 1. — С.31-48.
- Савинов Д. Г.* Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. - Новосибирск: Наука, 1982. — С. 102- 122.
- Савинов Д. Г.* Олениные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. 1994.
- Симаков Г. И.* Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX вв. — Л.: Наука, 1984.
- Смирнов Я. И.* Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденном преимущественно в пределах Российской империи. — СПб.. 1909.
- Соколова З. П.* Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. - 1971. - Т. 27. - С. 211- 238
- Соколова З. И.* Медвежий праздник // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск: ИАЭТ, 2000. № 2.- С. 121 - 130
- Сокровища Приобья.* - СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996.
- Степи Евразии в эпоху средневековья.* Археология СССР. — М.: Наука. 1981.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* Археология СССР. — М.: Наука. 1992.
- Тревер К. В., Луконин В. Г.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III - VIII вв. - М.: Искусство, 1987.
- Троицкая Т. П.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск: Наука, 1979.
- Троицкая Т, Н., Бородовский Л. Н.* **Большереченская** культура лесостепного Приобья. — Новосибирск: Наука, 1994.
- Уманский А. П.* Погребение эпохи «Великого переселения народов», на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука. 1978. — С. 129 - 163.
- Феномен алтайских мумий.* — Новосибирск: ИАЭТ, 2000.
- Фиельструп Ф, А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX в. - М.: Наука. 2002.
- Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
- Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов. — Новосибирск: Наука. 1980.
- Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1986.
- Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Южном Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. - Новосибирск: ИАЭТ, 1997.
- Худяков Ю. С., Плотников Ю. Л.* Рубяще-колющее оружие кимаков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. - Кемерово: КГУ-НГУ. 1991 - С. 92-107.
- Черемисин Д. В.* Исследование петроглифов на юге Горного Алтая в 2001 году. Наскальные изображения Чаганки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. - Новосибирск: ИАЭТ, 2001. - Т. 7. - С. 480-485.
- Черемисин Д. В.* Петроглифы бассейна р. Чаган: результаты исследований 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ. 2002. - Т. 8. - С. 191 -496.
- Черненко Е. В.* Скифские лучники. — Киев: Наукова Думка, 1981.
- Чернецов В. П.* К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье ТИЭ. - 1947. - Т. 1. С. 113-134.
- Чернецов В. И.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА. М.-Л.. 1953. - № 35. - С. 7-71.

- Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // МИА. - М.-Л., 1957. № 58. - С. 136-246.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М: Наука, 1989.
- Чиндина Л. А.* История Средне Приобья в эпоху раннего средневековья. — Томск: ТГУ. 1991.
- Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. -Томск: ТГУ, 1984.
- Чиндина Л. А.* О войне и мире у охотников и рыболовов южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. - Томск: ТГУ, 1996. - С. 86-116.
- Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967.
- Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы. — М: Наука, 1976.
- Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник. - Новосибирск: Наука, 1981.
- Юнусов А. С.* Военное дело тюрков в VII - X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: ИИФиФСО АН СССР 1990. - С. 97-105.
- Ян Хун.* Очерки по истории древнекитайского оружия. Пекин: Вэньу. 1980.
- Ernest S, Burch Jr.* War and trade // Crossroads of continents. Cultural of Siberia and Alaska. Smithsonian Institution press. - 1988. - P 227-240.
- Kwasniewicz W.* 1000 slyw j broni bialej i uzbrojeniu ochronnym. — Warszawa: Wydawnicywo ministerswa o orony narodnej, 1981.
- Novgorodova E.* Alte Kunst der Mongolei. - Leipzig:E.A. Seeman Verlag. 1980.
- Wagner E. Heib und Stichwaffen.* — Praha: Artia. 1966.

Список сокращений музеев

БКМ	Бийский краеведческий музей
ГИАМЗ	Государственный историко-археологический музей-заповедник «Тобольский Кремль»
ГИМ	Государственный исторический музей
ККМ	Кемеровский краеведческий музей
МА АГПУ	Музей археологии Алтайского государственного педагогического университета
МА БГУ	Музей археологии Благовещенского государственного университета
МА ИАЭТ СО РАН	Музей археологии Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
МА НГПУ	Музей археологии Новосибирского государственного педагогического университета
МА ОмГУ	Музей археологии Омского государственного университета
МА ОмГПУ	Музей археологии Омского государственного педагогического университета
МАЭС ТГУ	Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МИКНС ТГУ	Музей истории культуры народов Сибири Томского государственного университета
МКМ	Минусинский краеведческий музей
НГКМ	Новосибирский государственный краеведческий музей
НКМ	Новокузнецкий краеведческий музей
ООКМ	Омский областной краеведческий музей
ПОКМ	Пермский областной краеведческий музей
ТОКМ	Томский областной краеведческий музей

Для подготовки иллюстраций использованы изобразительные материалы, опубликованные в разные годы в работах:

<i>Амброза А. К.</i>	<i>Дроздова П. И.</i>	<i>Матюшина Г. Н.</i>	<i>Савинова Д. Г.</i>
<i>Абдулганеева М. Т.</i>	<i>Дэвлет М. А.</i>	<i>Матющенко В. И.</i>	<i>Сагалаева А. М.</i>
<i>Асеева И. В.</i>	<i>Евтюховой Л. А.</i>	<i>Меняева С. С.</i>	<i>Сапунова Д. П.</i>
<i>Бауло А. В.</i>	<i>Завитухиной М. П.</i>	<i>Могильникова В. А.</i>	<i>Семенова А. И.</i>
<i>Болотина Б. С.</i>	<i>Зыкова А. П.</i>	<i>Молодина В. И.</i>	<i>Смирнова Я. И.</i>
<i>Бородаева В. Б.</i>	<i>Иванова Г. Е.</i>	<i>Нестерова С. Н.</i>	<i>Старкова В. Ф.</i>
<i>Бородовского А. И.</i>	<i>Кирпичникова А. П.</i>	<i>Новгородовой Э. А.</i>	<i>Троицкой Т. Н.</i>
<i>Задецкой Э. И.</i>	<i>Кирюшина Ю. Ф.</i>	<i>Овсянникова О. В.</i>	<i>Худякова Ю. С.</i>
<i>Варенова А. В.</i>	<i>Коникова Б. А.</i>	<i>Окладникова А. П.</i>	<i>Чернецова В. Н.</i>
<i>Волкова В. В.</i>	<i>Конопацкого А. К.</i>	<i>Петрина В. Т.</i>	<i>Чиндиной Л. А.</i>
<i>Гавриловой А. А.</i>	<i>Косарева М. Ф.</i>	<i>Плетневой Л. М.</i>	<i>Уманского А. П.</i>
<i>Гемуева И. Н.</i>	<i>Кубарева В. Д.</i>	<i>Плетневой С. А.</i>	<i>Федорова-Давыдова А. Г.</i>
<i>Генинга В. Ф.</i>	<i>Кубарева Г. В.</i>	<i>Плотникова Ю. А.</i>	<i>Федоровой Н. В.</i>
<i>Герасимова М. М.</i>	<i>Кулемзина А. М.</i>	<i>Погодина Л. И.</i>	<i>Цыба С. В.</i>
<i>Горбунова В. В.</i>	<i>Кызласова И. Л.</i>	<i>Полосъмак Н. В.</i>	<i>Чагаевой А. С.</i>
<i>Горелика М. В.</i>	<i>Кишасова Л. Р.</i>	<i>Пяткина Б. Н.</i>	<i>Черемисина Д. В.</i>
<i>Гракова Б. Н.</i>	<i>Ларичева В. Е.</i>	<i>Пятьшева Н. В.</i>	<i>Членовой Н. Л.</i>
<i>Гришина Ю. С.</i>	<i>Леонтьева И. В.</i>	<i>Радлова В. В.</i>	<i>Шилина Ю. В.</i>
<i>Грязнова М. П.</i>	<i>Малиновской Н. В.</i>	<i>Распоповой В. И.</i>	
<i>Давыдовой А. В.</i>	<i>Мартынова А. И.</i>	<i>Руденко С. И.</i>	
<i>Даркевич В. П.</i>	<i>Матвеевой Н. П.</i>	<i>Савина А. М.</i>	

УДК 902 (623)
ББК 63.4 (68.9)
С56

Соловьев А. И.

С56 Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средне-
вековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. - 224 с.: ил.

ISBN 5-89590-035-6

Главный герой этой книги — вооружение народов, живших на территории Сибири. Рассказ об оружии охватывает огромный временной интервал — от каменного века до средневековья. Комплексный подход к проблеме позволил автору услышать диалог различных культур, проследить преемственность в расписании оружия и дать объемную картину жизни сибиряков, включающую в себя их быт, искусство, систему религиозных представлений и культовую практику. Сделать эту картину более зримой помогают подробные реконструкции древних воинов, выполненные на основе богатейшего археологического материала.

УДК 902 (623)
ББК 63.4 (68.9)

Научно-популярное издание

Директор *Л. М. Панфилова*
Редакторы *Т. И. Вишневская, А. Г. Киселева, А. М. Панфилов*
Оформление и макет *И. В. Волгина, Р. Г. Камшия*
Художники *М. А. Лобырев, В. П. Мочалов*
Корректор *А. Г. Киселева*

ЛР № 065057 от 2103.97.

Подписано в печать 1.09.2003. Формат 60х90 1/8.
Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Бумага мелованная
Усл. печ. л. 28. Уч.-изд. л. 22.9. Заказ № 4676

Издательство «ИНФОЛИО-пресс»
630090, Новосибирск, проспект Академика Коптюга, 4.
Тел./факс: (3832) 33-26-98. 39-63-61

ОАО «Экспериментальная типография»
103051. Москва. Цветной бульвар, 30

ISBN 5-89590-035-6

